

ИСТОРІЯ
ХОПЕРСКАГО ПОЛКА
КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

1696—1896.

Составилъ есаулъ 1-го Кубанскаго полка В. Толстовъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Подъ редакціей генералъ-маіора Потто.

Изданіе Военно-Историческаго Отдѣла при Штабѣ Кавказскаго Военнаго Округа.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ,
Лорисъ-Меликовская улица, домъ казенный.
1900.

Напечатано по распоряженію командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Народъ долженъ чтить свою исторію, ибо патріотизмъ слагается изъ всѣхъ несчастныхъ и изъ всѣхъ славныхъ страницъ жизни предковъ“.

Каниве.

Исторія Хоперскаго полка—есть исторія казаковъ Хоперскаго полкового округа Кубанскаго казачьяго войска, которые, выдѣливъ изъ своей среды въ мирное время на дѣйствительную службу 1500 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, живутъ въ постоянной готовности по первому зову Державнаго Вождя русской земли поголовно вооружиться и стать въ ряды царскаго воинства, въ числѣ около 4500 служилыхъ людей. Всѣ офицеры и казаки Хоперскаго полкового округа—служащіе, льготные, отставные старики и малолѣтки, составляютъ одну общую семью безъ различія очередей и разрядовъ. Всѣ они или сосѣди, или родственники, или одностаничники, имѣющіе одно общее происхожденіе, принадлежащіе къ одному сословію и населяющіе опредѣленный участокъ своей же казачьей войсковой земли, утвержденной за ними правительственною властью. Каждый хоперскій офицеръ и казакъ, проходя службу, перемѣняетъ только номеръ очереди, но не полковое имя, которое для всѣхъ есть общее неизмѣнное. Всѣ и служащіе и льготные хоперцы собираются подъ сѣнью своихъ же полковыхъ хоперскихъ знаменъ, заслуженныхъ ихъ отцами и дѣдами, и полковая честь и слава, полковыя традиціи—есть общее достояніе и общая гордость всѣхъ хоперскихъ казаковъ отъ малолѣтка до старика включительно.

Авторъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Портреты.

стр.

1. Его Императорское Величество Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ 1
2. Императоръ ПЕТРЪ I 16
3. Портретъ командира полка Канивальскаго 1827—1836 246

Формы обмундированія.

4. Типъ донского казака верховыхъ городковъ конца XVII и первой половины XVIII вѣка. 10
5. Штабъ-офицеры Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1831—1834 гг. . . 120
6. Оберъ-офицеры Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1834—1845 гг. . . 177
7. Оберъ-офицеръ и урядникъ Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1845—1856 гг. 255
8. Урядники Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1845—1856 гг. 276

Прочіе рисунки.

9. Полковое знамя, пожалованное хоперскимъ казакамъ въ 1738 году. . . 32
10. Оттискъ полковой печати Хоперскаго полка 84
11. Казачій разъѣздъ на Кубанской кордонной линіи 188
12. Знамя Хоперскаго линейнаго казачьяго полка, пожалованное въ 1831 г. . 216
13. Кубанская кордонная линія. Тревога на посту 228

Планы.

14. Планъ пограничнаго поста на Кубанской линіи. Видъ № 1 96
15. Тоже. Видъ № 2 104
16. Планъ осады кр. Дербента въ 1796 году. 128
17. Маршрутъ движенія въ Карачай въ 1828 году 206

Карты.

18. Карта № 1 части Тамбовскаго воеводства и владѣній донскихъ казаковъ въ при-Хоперскомъ краѣ въ 1696 году 6
19. Карта № 2 части Воронежской губерніи и владѣній войска Донского въ при-Хоперскомъ краѣ въ 1778 году 24
20. Карта походовъ хоперскихъ казаковъ въ Персію въ 1796 и 1806 гг. . . 152

Двѣ военно-историческія карты сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго Кавказа Е. Фелицына.

Оглавленіе.

стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. На рѣкѣ Хопрѣ въ періодъ 1696—1777 годахъ. Происхожденіе хоперскихъ казаковъ и первоначальное ихъ мѣстожительство. Казацкіе городки, самоуправленіе казаковъ, ихъ бытъ и служба правительству. Одежда и вооруженіе. Хоперскіе казаки на царской службѣ во время азовскихъ походовъ и шведской войны. Булавинскій бунтъ и его послѣдствія для хоперскихъ казаковъ. Постройка Новохоперской крѣпости и заселеніе ее казаками. Хоперская команда, ея бытъ и служба. Пожалованіе казакамъ знамени и значковъ. Образованіе Хоперскаго полка подъ командою полковника Устинова . . 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. На азовско-моздокской линіи въ 1777—1825 гг. Краткое географическое описаніе прикубанскаго края и очеркъ татарскихъ и горскихъ народовъ тамъ обитавшихъ въ концѣ XVIII вѣка. Переселеніе Хоперскаго полка на Кавказъ. Постройка крѣпостей и станицъ и ихъ вооруженіе. Заселеніе станицъ казаками. Земельный и лѣсной надѣлы и довольствіе отъ казны. Полковое военно-гражданское устройство и самоуправленіе. Воинская повинность. Казачья старшина. Комплектованіе полка и его штатъ. Одежда, вооруженіе и прочее воинское снаряженіе казаковъ. Средства къ жизни и службѣ. Бытъ старшины и казака и взаимныя ихъ отношенія. Положеніе женщины въ семьѣ . . . 44

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Пограничная служба на линіи въ періодъ 1777—1800 гг. Первоначальное положеніе азовско-моздокской линіи; колонизація и система обороны. Служба Хоперскаго полка по окончательномъ водвореніи на линіи. Прикрытіе границы постами и редутами; пограничная служба хоперцевъ. Первые набѣги горцевъ на линію; тревоги и схватки съ непріятелемъ. Походы за Кубань противъ Шихъ-Мансура, горскихъ народовъ и противъ крѣпости Анапы. Дѣйствія Баталъ-паши. Походъ Гудовича къ Анапѣ и взятіе этой крѣпости. Заселеніе кубанской линіи. Походъ графа Зубова въ Персію 94

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. На кавказской линіи въ 1800—1825 гг. Сосѣди хоперскихъ казаковъ на линіи. Характеръ черкесовъ, ихъ боевая тактика, система набѣговъ и веденія малой войны противъ русскихъ. Вліяніе горцевъ на военное воспитаніе казаковъ. Казаки и горцы на ратномъ полѣ. Военныя дѣйствія за Кубанью, въ Кабардѣ и Чечнѣ. Персидскій походъ 1806 года. Хоперскій полкъ въ 8-ми-сотенномъ составѣ. Волненія среди черкесовъ и калаусскихъ ногайцевъ и уходъ послѣднихъ за Кубань. Походы противъ закубанцевъ. Хоперцы на кордонной службѣ. Тревоги на линіи. Набѣги Джембулата. Дѣйствія Вельяминова и Кацырева за Кубанью. Набѣгъ черкесовъ въ Кабарду . . 136

ГЛАВА ПЯТАЯ. На Кубани и Кумѣ въ 1823—1826 гг. Переселеніе полка на Кубань и Куму. Земельный и лѣсной надѣлы. Устройство и вооруженіе станицъ; ихъ военное значеніе. Мирная обстановка казака въ домашнемъ быту.

Внутренняя охрана станицы. Рабочій день въ станицѣ и въ полѣ. Вліяніе порубежной жизни на бытовыя условія казачьей семьи. Баталпашинскій участокъ кордонной линіи и устройство постовъ. Тревожная пограничная жизнь съ ея кровавыми происшествіями 176

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Боевая дѣятельность Хоперскаго полка въ 1827—1831 гг. Назначеніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Турецкая война 1828—1829 гг. Походы Хоперскаго полка противъ горцевъ; покореніе Карачая; набѣги въ закубанскую сторону. Сборно-линейный казачій полкъ и его походы противъ непріятеля въ закавказскомъ краѣ. Пожалованіе полку знамени. Военныя дѣйствія противъ закубанскихъ горцевъ и тревоги на линіи. Хоперцы въ составѣ сборно-линейнаго полка на войнѣ противъ поляковъ въ 1831 году. 196

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. На линіи въ 1832—1839 гг. Образованіе Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и усиленіе его крестьянами казенныхъ селеній Ставропольской губерніи. Причисленіе къ Хоперскому полку 8-ми селеній со всѣмъ народонаселеніемъ, землями и лѣсами. Зачисленіе на службу новыхъ казаковъ. Назначеніе полковника барона Засса начальникомъ баталпашинскаго участка кордонной линіи и его распоряженія по охранѣ границы. Походы Засса противъ горцевъ. 229

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Тревоги и пограничныя происшествія въ районѣ Хоперскаго полкового округа за періодъ 1838—1859 гг. Абреки—князья Бейерслановъ и Мансуровъ. Одиночные подвиги хоперскихъ казаковъ. Сотникъ Атарщиковъ; его побѣгъ за Кубань. Тревожная жизнь казаковъ на кордонахъ и борьба ихъ съ хищниками; нападеніе горцевъ на селенія, хутора и посты; угонъ скота; захватъ плѣнныхъ. 254

ГЛАВА I.

На рѣкѣ Хопрѣ въ періодъ 1696—1777 годахъ. Происхожденіе хоперскихъ казаковъ и первоначальное ихъ мѣстожительство. Казацкіе городки, самоуправленіе казаковъ, ихъ бытъ и служба правительству. Одежда и вооруженіе. Хоперскіе казаки на царской службѣ во время азовскихъ походовъ и шведской войны. Булавинскій бунтъ и его послѣдствія для хоперскихъ казаковъ. Постройка Новохоперской крѣпости и заселеніе ее казаками. Хоперская команда, ея бытъ и служба. Пожалованіе казакамъ знамени и значковъ. Образованіе Хоперскаго полка подъ командою полковника Устинова.

Въ половинѣ XVII столѣтія южная граница Московскаго государства, такъ называемая „Крымская Украйна“, представляла огромное пространство земли, покрытое почти сплошными дѣвственными лѣсами, а ближе къ Азовскому морю и Дону необозримыми степями. Порубежными населенными пунктами, черезъ которые была „положена черта отъ приходу воинскихъ людей“, въ тѣ времена считались города: Симбирскъ, Керенскъ, Шацкъ, Тамбовъ, Воронежъ, Коротоякъ и Бѣлгородъ. Далѣе за этою „чертою“ и полосою лѣсовъ, что росли между Тамбовомъ, Шацкомъ и Керенскомъ „иныхъ городовъ и никакихъ крѣпостей нѣтъ, а пристала-де дикая степь“ [1]). Въ этой-то дикой степи, далеко къ сторонѣ Азова, какъ секретъ впереди сторожевой цѣпи, лежала небольшая колонія донскихъ казаковъ, издавна поселившихся городками по Дону, между нынѣшнимъ Черкаскомъ и Цимлянскою станицею. Все же остальное пространство къ югу отъ порубежныхъ поселеній до береговъ Азовскаго моря и Крыма было пустынно, необитаемо, и только изрѣдка бродили тамъ хищные татары, да буйныя партіи „воровскихъ казаковъ“.

Но со второй половины XVII вѣка эти пустопорожнія земли и въ особенности берега рѣкъ Хопра, Медвѣдицы, Бузу-

лука и Донца стали постепенно заселяться разными бѣглыми людьми и раскольниками, чему главнымъ образомъ способствовали тогдашнія событія въ Московскомъ государствѣ: войны за Малороссію, церковный расколъ, бунтъ Разина и многія другія неурядицы [2]). Одновременно въ сосѣдней Польшѣ велась религіозная борьба и вслѣдствіе сильнаго гоненія, которому подвергалось православное населеніе, толпы малороссійскихъ казаковъ и крестьянъ покидали свою родную сторону и устремлялись въ московскіе предѣлы, подъ защиту Бѣлаго Царя *). Однимъ словомъ, на нашу южную окраину бѣжали всѣ, кому тяжело жилось на родинѣ, кто не находилъ защиты, или не ладилъ съ правосудіемъ, кто любилъ безпокойную, рискованную жизнь и бѣжалъ въ невѣдомые края ради удали и молодечества [3]).

Всѣ эти бѣглецы, смотря по своему характеру и наклонностямъ частью селились на свободныхъ мѣстахъ и предавались мирной жизни, или же приставали къ донскимъ и запорожскимъ казакамъ. Московское правительство хорошо знало о постоянномъ приливѣ бѣглецовъ изъ Польши въ наши южныя области, и даже само принимало участіе въ устройствѣ ихъ быта. Такъ, относительно бѣглыхъ семейныхъ черкасъ—какъ называли тогда малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ—власти распорядились, чтобы принимать и устраивать ихъ, какъ людей военныхъ, на службу отъ крымской стороны, а одинокихъ и бобылей не принимать, а указывать имъ дорогу на Донъ къ казакамъ [4]). Впрочемъ, запорожскіе казаки-черкасы и по собственной волѣ нерѣдко посѣщали Донъ и вмѣстѣ съ донцами ходили воевать съ крымскими татарами и турками. Совершенно иначе относилось правительство къ русскимъ выходцамъ, состоявшимъ изъ бѣглыхъ холопей, крестьянъ и посадскихъ людей. Пока не замѣчалась убыль въ пограничныхъ округахъ, до тѣхъ

*) Малороссійскіе казаки-черкасы еще въ срединѣ XVII вѣка стали являться на южныхъ рубежахъ Московскаго государства и тамъ селиться, что видно изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича на Воронежъ 14-го мая 1641 года. (Воронеж. акты. Древ. грам. и друг. письм. памят. изд. 1851 г. кн. I, стр. 97. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XV, стр. 207).

поръ противъ нихъ не принимали никакихъ строгихъ мѣръ, и они свободно переходили на Донъ. Но уже съ 1675 года [5]) московское правительство стало требовать отъ донскихъ казаковъ выдачи бѣглыхъ людей, а на границѣ Воронежской губерніи въ 1683 году [6]) была даже устроена застава для осмотра всѣхъ переходившихъ изъ Руси, такъ какъ подозрѣвали донцовъ въ сманиваніи людей къ уходу на окраины.

Первыя весьма неопредѣленныя извѣстія о казакахъ на рѣкѣ Хопрѣ относятся къ началу XVII столѣтія, къ первымъ годамъ правленія царя Михаила Ѳеодоровича, когда въ Москвѣ узнали изъ отписки дьяка Соловаго-Протасьева—посланнаго къ турецкому султану извѣстить его про раззореніе Московскаго царства—что на Хопрѣ мятежные казаки съ атаманомъ Заруцкимъ „воруютъ и прямятъ Маринкѣ и сыну ея“ [7]). Но, какъ извѣстно, Заруцкій съ своими приверженцами и Мариною Мнишекъ вскорѣ ушелъ въ Астрахань; на Хопрѣ же, по словамъ академика П. Г. Буткова *), осталось нѣсколько воровскихъ казаковъ съ атаманомъ Гришкою Чернымъ, которые имѣли свое жительство въ юртѣ **), ниже Карой Горы. Откуда же взялись эти казаки? были ли это старожилы Хопра или же товарищи Заруцкаго, не пожелавшіе идти съ нимъ на Волгу? Могли быть и тѣ и другіе.

При-хоперскій край изстари былъ извѣстенъ русскимъ людямъ. Еще во времена сѣдой старины, въ XVI столѣтіи, „на рѣкѣ на Хопрѣ усть рѣки Савалы“ было извѣстно мѣсто подъ именемъ Червленнаго Яра ***), гдѣ, вѣроятно, существовалъ какой нибудь укрѣпленный лагерь, служившій опорнымъ пунктомъ

---

*) Рукопись № 9, стр. 54.

**) Подъ именемъ юртовъ подразумѣвались собственно жилища казаковъ: избы, землянки, шалаши, а также вообще казачьи городки и займища съ прилегающими къ нимъ землями. Сухоруковъ. Историческое описаніе земли войска Донского, изд. 1869 года, стр. 100—105.

***) Урочище Червленный Яръ существовало въ старину также и при впаденіи въ Хоперъ съ правой стороны рѣчки Вороны. Червленный Яръ—значитъ оврагъ съ красно-глинистыми берегами. (Рус. Вѣстн. 1891 г., т. 215, стр. 114).

для нашихъ порубежныхъ карауловъ. Значеніе и извѣстность Червленнаго Яра, въ связи съ привольными степями и обширными лѣсными пространствами, покрывавшими долину р. Хопра, могли служить соблазнительною приманкою для колонизаціи *), а значительное удаленіе отъ правительственныхъ центровъ, полная свобода и безнаказанность въ воровскихъ промыслахъ сулили предпріимчивымъ людямъ безбѣдное и спокойное существованіе. Здѣсь же по Хопру пролегала главная дорога изъ Москвы къ Азову. Раньше и лучше другихъ путь къ Червленному Яру, а слѣдовательно и въ при-хоперскій край, нужно полагать, знали рязанскіе городовые казаки, названіе которыхъ впервые упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1444 годомъ. Они, какъ сосѣди этого края, по всей вѣроятности, не разъ бывали на Хопрѣ и, весьма возможно, что въ концѣ XVI вѣка рязанскіе казаки уже имѣли тамъ свои юрты и займища, будучи извѣстны подъ именемъ „воровскихъ казаковъ", зимою проживавшихъ по зимовникамъ и займищамъ, занимаясь добычею звѣря и рыбы, а лѣтомъ уходившихъ „воровать" на Волгу или въ другія мѣста. Кромѣ того изъ рязанской земли издавна двигались разные русскіе люди по рр. Окѣ, Пронѣ, Цнѣ, къ верховьямъ рр. Вороны, Хопра, Дона и Донца и осѣдали на жительство по бассейнамъ этихъ рѣкъ. Движеніе эго особенно усилилось съ 1520 года послѣ присоединенія къ Москвѣ Рязанскаго княжества. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI столѣтія, кромѣ рязанскихъ казаковъ, на Хопрѣ явились и другіе вольные люди и тамъ занимали угодья бортяныя, рыбныя и звѣриныя. Тамъ на Хопрѣ и по берегамъ его притока р. Савалы съ Еланью были даже монастырскія вотчины монастырей: Чернеева, Троицкаго и Чудова [8]).

Первые оффиціальные источники о хоперскихъ казакахъ относятся къ 1669 году, когда Стенька Разинъ принесъ повин-

*) Въ старыя времена, въ XVII столѣтіи, въ лѣсахъ по Хопру водились: бобры, лоси, куницы, дикія козы, разный дикій звѣрь и бортяныя пчелы. См. прим. 8.

ную и засѣлъ на житье въ построенномъ имъ Кагальницкомъ городкѣ. Старые домовитые донцы не пристали къ нему, а отписали въ Москву, что только „голутвенные и одинокіе сходцы на Дону и Хопрѣ Стенькѣ Разину гораздо рады“ [9]) и что „во многихъ городкахъ тамошнихъ казаки похвалялись идти на Волгу, прямо на Царицынъ и сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ Разинъ и Сережка Кривой“ [10]). Изъ этого видно, что на Хопрѣ въ половинѣ XVII столѣтія дѣйствительно существовали воровскіе казаки, хотя извѣстія о нихъ довольно неопредѣленны. Вѣроятно они жили небольшими ватагами и полуосѣдло, промышляя добычу, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Собственно же осѣдло побережья р. Хопра, отъ нынѣшняго города Ново-Хоперска и внизъ до р. Дона, а также берега его притоковъ Савалы и Елани, дотолѣ пустынные, стали заселяться только во второй половинѣ XVII столѣтія, около 1680 года [11]), разными пришлыми людьми великороссійскаго и малороссійскаго происхожденія, но преимущественно выходцами изъ тамбовскаго воеводства. О послѣднихъ еще во времена Стеньки Разина воевода Пашковъ писалъ, что „на тамбовцевъ въ нынѣшнее смутное время надѣяться не на кого, потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина“ [12]). И дѣйствительно, населеніе тамбовскаго воеводства и особенно его украиной (порубежной) стороны, было довольно ненадежно, да и служилый народъ—городовые казаки и стрѣльцы—присланные туда изъ разныхъ мѣстъ для сторожевой, „станичной“ службы *), тоже таили въ себѣ духъ неуживчивости и своеволія. Поэтому всякіе атаманы воровскихъ казацкихъ шаекъ, какъ Разинъ, Булавинъ и другіе всегда находили себѣ самую горячую поддержку среди населенія тамбовскаго края [13]).

Послѣ разинскаго бунта, число бѣглыхъ изъ этой области

---

*) Станичная—значитъ сторожевая, порубежная служба; исправлявшіе эту службу назывались „станичниками“. Для развѣдокъ по рубежамъ употреблялись дѣти боярскія, посадскіе люди и казаки. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VII, стр. 25—27.

увеличилось и большинство ихъ уходило уже не на Донъ, а на Хоперъ и Медвѣдицу, гдѣ и селилось осѣдло, о чемъ свидѣтельствуетъ тамбовскій воевода Нарышкинъ въ своей отпискѣ въ Москву въ 1685 году [14]). Въ этомъ донесеніи онъ жалуется, что, находящіеся въ Тамбовѣ и тамбовскихъ крѣпостяхъ, разные служилые люди—стрѣльцы и казаки—стали уходить на Хоперъ и Медвѣдицу и „иныя запольныя рѣки", куда также начали бѣгать изъ деревень и селъ крестьяне и бобыли. Онъ объяснялъ, что эти побѣги происходятъ, главнымъ образомъ, при посредствѣ и содѣйствіи раскольниковъ *), которые, пріѣзжая изъ донскихъ городковъ и съ Хопра, сманиваютъ мужчинъ, дѣвокъ и женъ, предлагая имъ бросать „свои тяглые жеребья и бѣжать въ ихъ казачьи городки на Хоперъ и Медвѣдицу и иныя запольныя рѣчки". Далѣе Нарышкинъ писалъ, что раскольники крадутъ оружіе и угоняютъ лошадей; пустыя земли по Хопру быстро населяются бѣглыми и въ тѣхъ городкахъ, гдѣ прежде считалось 15—20 казаковъ, теперь живетъ 200—300 человѣкъ и „женскаго полу много"; казаки стали „сѣять хлѣбъ и завели пашню", чего прежде тамъ не бывало, такъ какъ они покупали хлѣбъ изъ пограничныхъ городковъ и кормились добычею звѣря и рыбы.

Узнавъ о побѣгахъ служилыхъ и тяглыхъ людей изъ тамбовскихъ городовъ и селъ, правительство, однако, не принимало никакихъ мѣръ къ возвращенію ихъ на прежнія мѣста [15]), и ограничилось только строгимъ запрещеніемъ донскимъ казакамъ принимать бѣглыхъ, предполагая, не безъ основанія, участіе донцовъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ эти бѣглые выходцы изъ тамбовской и прочихъ областей Московскаго государства и сосѣдней Малороссіи шли на Хоперъ и Медвѣдицу и на другіе притоки Дона, конечно, по указаніямъ бывалыхъ людей и тамъ устраи-

*) Гонимые и преслѣдуемые послѣ исправленія церковныхъ книгъ, раскольники явились въ хоперскомъ краѣ и тамъ жили въ 1680—1690 гг., но затѣмъ были изгнаны оттуда и ушли къ низовьямъ Дона. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи т. II, вып. 2, стр. 267. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIII, стр. 360.

Р. Цна
ТАМБОВЪ
Р. Воронa
Р. Хоперъ
Р. Савала
Пристанскій
Бѣляевскій
Григорьевскій
Михайловскій
Р. Хоперъ
Р. Бузулукъ
Р. Медвѣдица
Бузулукъ
Кумылжинскій
Ускопвюръ
Р. Донъ
КАРТА
№ 1.
Части Тамбовскаго воеводства и владѣній
Донскихъ казаковъ въ при-Хоперскомъ краѣ
въ 1696 году.
Масштабъ:
вер. 75 60 45 30 15 0 75 верстъ
Составлена графомъ Яковомъ Брюсомъ послѣ Азовскаго похода 1696 г.
Оригиналъ хранится въ Императорской Академіи Наукъ.
АЗОВЪ

вались различно; люди мирнаго характера, склонные къ осѣдлой земледѣльческой жизни, селились по казацкимъ городкамъ, приставая къ старожиламъ, или же вновь образовывая въ удобныхъ и привольныхъ мѣстахъ свои городки и станицы; люди безпокойнаго нрава, гультяи и бобыли, составляли товарищества и жили полуосѣдло, полубродяжнически—зимою по зимовникамъ и городкамъ, промышляя звѣремъ и рыбою, а лѣтомъ уходили „воровать“ на Волгу или въ калмыцкіе улусы [16]).

Въ концѣ XVII столѣтія на р. Хопрѣ, судя по картѣ, составленной графомъ Яковомъ Брюсомъ послѣ азовскихъ походовъ въ 1696 году *), существовало семь казацкихъ городковъ въ предѣлахъ территоріи донского войска, изъ которыхъ самымъ сѣвернымъ населеннымъ пунктомъ и ближайшимъ къ тамбовской области былъ городокъ Пристанскій. Онъ находился среди лѣсистой мѣстности на правомъ берегу р. Хопра, въ 3-хъ верстахъ выше впаденія въ него рѣчки Савалы, противъ извѣстной старинной татарской переправы (перелаза) [17]). Вблизи Пристанскаго находились еще городки Григорьевскій и Бѣляевскій, а внизъ по Хопру Бузулукъ, Усть-Хоперскъ и другіе городки, названія которыхъ на картѣ не обозначены. Начало основанія на Хопрѣ этихъ городковъ неизвѣстно. Можно предполагать, что большинство ихъ образовалось во времена разинскаго бунта, когда довольно многочисленныя партіи воровскихъ казаковъ и разнаго буйнаго сброда безопасно скрывались въ этомъ краѣ среди дремучихъ лѣсовъ, такъ какъ составъ населенія ихъ отличался всегда неспокойнымъ и мятежнымъ характеромъ. Первые два вѣроятно получили свои названія по именамъ своихъ основателей; что же касается до Пристанскаго городка, то наименованіе его говоритъ само за себя: туда приставали на житье, или на временное пребываніе, бѣглые со всѣхъ сторонъ

*) Карта 1. По всей вѣроятности въ 1696 году на Хопрѣ было болѣе семи казачьихъ городковъ, если принять во вниманіе, что, спустя 10 лѣтъ, въ 1706 г., ихъ считалось тамъ 25 городковъ. Къ сожалѣнію, автору не удалось видѣть оригиналъ карты графа Брюса, хранящійся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

—„голутьба, сходцы“, какъ ихъ тогда называли, и потому онъ былъ многолюднѣе и безпокойнѣе другихъ. Благодаря многолюдству и удобному положенію на судоходной рѣкѣ и на большой дорогѣ изъ Москвы въ Азовъ, Пристанскій городокъ уже въ самыя отдаленныя времена былъ извѣстенъ, какъ торговый пунктъ въ хоперскомъ краѣ: тамъ бывали ярмарки и базары, существовала пристань для судовъ, гдѣ приставали расшивы и будары торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ съ товарами изъ разныхъ мѣстъ и даже изъ Москвы [18]).

Всѣ поселенцы р. Хопра, со времени образованія городковъ и устройства своего быта, завели у себя казацкое самоуправленіе, установили казацкіе порядки и стали слыть подъ названіемъ *хоперскихъ казаковъ*, которыхъ, извѣстный бытописатель казаковъ, Александръ Ригельманъ [19]), называетъ даже „*Хоперскимъ казачьимъ войскомъ*“ *).

Въ старину, незначительное по своему составу, общество хоперскихъ казаковъ хотя и носило, можетъ быть, громкое названіе „войска“, но въ дѣйствительности хоперскіе городки съ ихъ населеніемъ принадлежали къ составу донского войска и подчинялись донскому войсковому кругу и войсковому атаману. Впрочемъ, эта зависимость и подчиненность выражались, главнымъ образомъ, только при нарядахъ на государственную службу, или когда приходилось дѣйствовать противъ непріятеля, или отстаивать общіе казацкіе интересы. Во всѣхъ другихъ случаяхъ хоперскіе городки, особенно Пристанскій, Бѣляевскій и Григорьевскій, какъ значительно удаленные отъ Дона, жили каждый самъ по себѣ и управлялись самостоятельно, а тамош-

---

*) Весьма возможно, что въ прежнее время хоперскіе казаки именовались „хоперскимъ войскомъ“, такъ какъ тогда вообще принято было называть „войскомъ“ даже небольшія казачьи общества, каковы напр. были казачьи войска: Терское, Семейное, Гребенское и другія, выставлявшія каждое на царскую службу не болѣе пятисотеннаго полка. Впрочемъ, и въ позднѣйшее время, поселенный на Кавказѣ, Хоперскій полкъ назывался иногда (1792 и 1802 гг.) „Поселеннымъ хоперскимъ войскомъ“, или просто „Хоперскимъ войскомъ“. Приложеніе № 17. Кавказскій Сборникъ т. XV, стр. 38.

ніе казаки нерѣдко самовольно уходили съ Хопра и „воровали на Волгѣ“ [20]).

Начавшееся заселеніе береговъ Хопра выходцами изъ тамбовской и другихъ областей Московскаго государства и Малороссіи продолжалось и въ послѣдующіе годы, такъ что ко времени азовскихъ походовъ, т. е. къ 1695 году, на Хопрѣ существовало уже нѣсколько казачьихъ городковъ и станицъ, хотя съ незначительнымъ на первыхъ порахъ народонаселеніемъ. Но въ общемъ побережье Хопра, въ концѣ XVII столѣтія, было еще довольно безлюдно и пустынно [21]).

Въ тѣ времена казачьи городки [22]) представляли изъ себя небольшія поселенія, обнесенныя кругомъ двойною плетневою или бревенчатою оградою, набитою внутри землею и имѣвшею трое или четверо воротъ, у которыхъ устраивались помѣщенія для стражи. Въ центрѣ городка, на площади, помѣщалась часовня или церковь и большая общественная, или, какъ тогда ее называли, становая изба съ пристройками и кладовыми для храненія разнаго общественнаго имущества: пороха, свинца, рыболовныхъ и охотничьихъ снастей, запаснаго оружія и прочая. Остальное пространство, между церковною площадью и оградою, было застроено избами и землянками, въ которыхъ семейные казаки жили каждый своей семьею, а холостяки и бобыли товариществами по нѣсколько человѣкъ. Для выбора должностныхъ лицъ всѣ казаки городка составляли общественный станичный кругъ, или сходъ *), который выбиралъ изъ среды своей на годичный срокъ, изъ числа людей благоразумныхъ и храбрыхъ, станичнаго атамана и въ помощники ему есаула. Эти выборные начальники вѣдали всѣ военные и гражданскіе порядки, представляя собою исполнительную власть рѣшеній круга. Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ кругъ собирался на площади око-

*) Станицею въ старину называлось всякое общество казаковъ, жившее въ городкахъ, или зимовникахъ, или посланное куда либо. Впослѣдствіи станицею стали называть каждое большое поселеніе казаковъ, а хуторомъ—малое.

ло станичной избы; мѣсто это называлось майданомъ, и здѣсь же творились судъ и расправа. Главными пороками между казаками считались измѣна, трусость, убійство и воровство. За такія преступленія виновные, обыкновенно, приговаривались къ смерти: „въ куль, да въ воду!“ рѣшалъ кругъ.

Со времени поселенія на р. Хопрѣ, хоперскіе казаки стали заниматься земледѣліемъ—„завели пашню и стали сѣять хлѣбъ“—что, въ связи съ мѣстными промыслами рыболовствомъ и звѣриною ловлею, вполнѣ удовлетворяло всѣ казацкія нужды. Скотоводство было незначительно у верховыхъ казаковъ *) за неимѣніемъ для этого достаточнаго количества пастбищъ. Причины занятія земледѣліемъ и склонность къ осѣдлости у хоперскихъ казаковъ вытекали главнымъ образомъ изъ самой обстановки ихъ бытовыхъ условій, малодобычности рыбныхъ и звѣриныхъ ловель, удаленія отъ главнаго казацкаго центра, безопасности отъ татарскихъ набѣговъ и близости къ русскому осѣдлому населенію [23]). Однако, вѣсть о томъ, что на Хопрѣ и Медвѣдицѣ пашутъ землю и сѣютъ хлѣбъ, сильно встревожила донской войсковой кругъ, и около 1690 года оттуда на Хоперъ посланъ былъ грозный приказъ: „если который казакъ станетъ пахать, того бить до смерти и грабить, дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было“ [24]). Какія послѣдствія были такого исключительнаго въ своемъ родѣ приказа, осталось неизвѣстнымъ.

Бытъ старинныхъ казаковъ былъ самый простой и патріархальный. Въ мирное время, у себя дома, казаки занимались земледѣліемъ, охотою, рыбною ловлею и военными упражненіями, особенно стрѣльбою въ цѣль и владѣніемъ оружіемъ [25]). Ремесло и торговлю казаки не любили. Собираясь въ походъ, хоперцы избирали себѣ походнаго атамана, сотниковъ и пятиде-

---

*) Въ донскомъ войскѣ казаки, жившіе въ своихъ городкахъ ниже Цимлянской станицы, назывались въ старину низовыми, а жившіе выше той станицы и по притокамъ Дона—верховыми [22]).

Типъ донскаго казака верховыхъ городковъ конца XVII и первой половины XVIII столѣтія.

сятниковъ, которые управляли и руководили ими до окончанія военныхъ дѣйствій. Походный атаманъ являлся самовластнымъ владыкою, распоряжаясь самостоятельно, хотя и оставался отвѣтственнымъ передъ казаками за несправедливость и оплошность. Въ походъ ходили о двуконь, безъ дорогъ, по памяти и звѣздамъ; умѣли свой слѣдъ замести и открыть непріятеля [26]). Боевые запасы, сухари, сало, сушеное мясо или рыбу и пшено брали съ собою и возили на сѣдлѣ въ переметныхъ сумахъ.

На пути малыя рѣчки переходили въ бродъ, а черезъ большія переправлялись такъ: изъ камыша или дерева дѣлали маленькіе плоты, на которые укладывали сѣдла, вьюкъ и оружіе, затѣмъ привязывали плотъ къ хвосту коня и, взявшись за гриву, пускались вплавь. При встрѣчѣ съ сильнымъ противникомъ, казаки спѣшивались, батовали коней и отбивались изъ-за нихъ, отступая къ какому-либо опорному пункту—лѣсу, горѣ и прочая. На коняхъ нападали и отступали лавою, вразсыпную, пѣшкомъ же бились и вели атаку тѣсною толпою. Жизнь казаковъ на окраинахъ налагала на нихъ обязанности по охранѣ нашихъ рубежей со стороны враждебныхъ намъ народовъ. Хоперскіе казаки оберегали государственную границу и свое собственное существованіе, главнымъ образомъ отъ азовскихъ и крымскихъ татаръ, которые нерѣдко появлялись вблизи нашихъ поселеній. Такъ, въ сентябрѣ 1694 года азовцы въ большомъ числѣ двинулись на Хоперъ, раззорили тамъ три городка и затѣмъ устремились къ Тамбову, но на берегахъ р. Елани отрядъ хоперскихъ казаковъ нагналъ хищниковъ и въ жестокомъ бою разбилъ ихъ на голову и обратилъ татаръ въ бѣгство [27]).

Со времени своего образованія и до XIX столѣтія казаки не имѣли опредѣленнаго, однообразнаго обмундированія и вооруженія. Въ старину хоперцы носили кафтаны, зипуны, широкіе шаровары, шелковые кушаки, сафьяновые сапоги, бараньи, лисьи и собольи шапки. Вооруженіе имѣли тоже разнообразное: носили турецкія или персидскія сабли, ножи съ черенками ка-

кого-либо рыбьяго или звѣринаго зуба, или рога, кинжалы, ручницы (ружья), пики, рогатины, саадаки со стрѣлами, пистолеты; на поясѣ носили рогъ съ порохомъ и сумку съ пулями. Все это, смотря по достатку, дѣлалось изъ дорогого или простого матеріала [28]). Такъ напримѣръ, бѣдные носили простые зипуны, шапку изъ мѣха выдры, а на ногахъ кожаные поршни, перевивая суконныя или холщевыя онучи ремешкомъ отъ ступни до колѣна. Впослѣдствіи, хоперскіе казаки сохранили изъ вооруженія только пики, ружья, сабли и по два пистолета, что удержалось у нихъ до окончательнаго водворенія на сѣверномъ Кавказѣ, когда это вооруженіе исподволь было замѣнено черкесскимъ.

На аренѣ исторической жизни русскаго государства хоперскіе казаки явились въ концѣ XVII столѣтія, когда впервые имя ихъ было занесено на страницы государственныхъ актовъ.

Юный Царь Петръ Алексѣевичъ, стремясь создать изъ Московскаго царства могущественную державу, призвалъ всѣ силы государства, въ томъ числѣ и казаковъ, для исполненія своихъ широкихъ плановъ. Прежде всего Петръ I рѣшился вступить въ борьбу съ Турціей и Крымомъ, для обезпеченія южныхъ предѣловъ государства, подвергавшихся губительнымъ набѣгамъ кочевниковъ. Цѣлью похода молодой царь выбралъ турецкую крѣпость Азовъ (древній Танаисъ), стоявшій на низовьяхъ Дона, въ 15-ти верстахъ выше его устья. Въ мартѣ 1695 года въ донскомъ войскѣ была получена царская грамота, въ которой значилось [29]): „Мы, Великіе Государи, указали быть на Нашей службѣ на Дону генералу Нашему Петру Гордону съ солдатами и стрѣлецкими полками; собираться имъ въ Тамбовѣ и идти съ Тамбова на Хоперъ, съ Хопра на Донъ въ Черкаской. И тебѣ, войсковому атаману, Фролу Минаеву, и всему войску Донскому съ тѣми ратными людьми промышлять надъ непріятели....“ Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Посольскаго приказа 16-го марта предпи-

сывалось заготовить для войсковыхъ тяжестей подводы, а самимъ казакамъ изготовиться къ походу и, по мѣрѣ вступленія въ городки регулярной арміи, слѣдовать вмѣстѣ съ нею на Донъ [30]). Хоперскіе казаки присоединились къ царскому войску на походѣ, а затѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ вмѣстѣ съ донцами двинулись къ Азову.

1-го іюля войска наши обложили Азовъ съ суши и подъ наблюденіемъ самого Государя стали возводить траншеи и строить батареи, огонь съ которыхъ наносилъ противнику значительный вредъ. Но гарнизонъ, усиленный передъ самой осадой, крѣпко держался. Къ концу іюля осадныя работы подвинулись почти до самаго земляного вала и, такимъ образомъ, Азовъ явился „въ крѣпкомъ обложеніи"; часть его укрѣпленій была разрушена и вообще оказалось, что „подъ нечестивымъ градомъ промыселъ идетъ дѣльно". Но произведенные затѣмъ два штурма крѣпости, 5-го августа и 25-го сентября, окончились для насъ полною неудачею. Въ началѣ октября Петръ снялъ осаду, и вся армія отступила сперва къ Черкаску, а затѣмъ возвратилась въ свои предѣлы на зимовку. Энергичный Царь однако не палъ духомъ. Онъ съ необычайной энергіей началъ обширныя приготовленія къ новому весеннему походу. Въ Воронежѣ было построено 30 военныхъ судовъ и нѣсколько сотъ струговъ; въ Москвѣ былъ сформированъ морской полкъ, причемъ адмираломъ морской флотиліи Царь назначилъ своего любимца Лефорта. Снаряжалось также значительное сухопутное войско, главнымъ начальникомъ котораго поставленъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Въ февралѣ 1696 года Петръ отправился изъ Москвы въ Воронежъ, откуда въ апрѣлѣ наши войска и молодой русскій флотъ двинулись къ Азову [31]). Снова хоперскіе и донскіе казаки, въ числѣ болѣе 5000 человѣкъ, присоединились къ войскамъ боярина Шеина и выступили въ походъ [32]). Военныя дѣйствія противъ турокъ открылъ самъ Царь Петръ Алексѣевичъ съ

донскими казаками. 18-го мая было получено извѣстіе о прибытіи турецкихъ кораблей къ устью Дона. Петръ рѣшился ихъ остановить и на слѣдующій день съ 9-ю галерами и 40-ка казачьими лодками сталъ спускаться р. Каманчею въ море. Но мелководье задержало галерный флотъ, казачьи же лодки успѣли достигнуть взморья. 21-го мая Петръ съ казаками неожиданно напалъ на турецкій флотъ и нанесъ ему жестокое пораженіе, такъ что турки, потерявъ два корабля, поспѣшно ушли въ море и все послѣдующее время оставались праздными зрителями совершавшихся событій подъ Азовомъ.

Между тѣмъ наши войска обложили Азовъ и повели правильную осаду. 7-го іюня бояринъ Шеинъ отдалъ приказъ: „чинить надъ турскимъ городомъ Азовымъ всякій промыселъ и днемъ и ночью....“ [33]). Съ 16-го числа было открыто бомбардированіе, которое въ городѣ и укрѣпленіяхъ производило сильное разрушеніе. Но гарнизонъ крѣпко держался, производилъ вылазки и иногда даже врывался въ наши траншеи. Во все время осады казаки содержали сторожевые посты вокругъ нашего боевого расположенія и помогали прочимъ войскамъ отбивать татаръ, производившихъ изъ-за р. Когальника нападенія на лагерь. 17-го іюля 1500 казаковъ произвели весьма удачное нападеніе на Азовъ, при чемъ ворвались въ крѣпость и засѣли тамъ въ двухъ бастіонахъ. Напуганные отчаянною храбростью казаковъ и не видя ни откуда помощи, азовцы на другой день добровольно сдались на капитуляцію, выговаривъ себѣ и своимъ семействамъ свободный пропускъ. 19-го іюля турки, въ числѣ болѣе 3-хъ тысячъ, покинули Азовъ, и русскіе полки вступили въ городъ *). Укрѣпивъ Азовъ и оставивъ въ немъ 6 полковъ солдатскихъ, 4 полка стрѣльцовъ и полкъ донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ стольника князя Львова [34]), Царь Петръ возвратился въ Москву, гдѣ съ особенною пышностью и торжествомъ отпраздновалъ свою первую побѣду надъ врагами. Послѣ азов-

*) Приложеніе № 3.

скихъ походовъ, хоперскіе казаки вернулись домой и по прежнему стали нести службу по охранѣ нашей границы отъ кубанскихъ и крымскихъ татаръ и калмыковъ.

Въ 1701 году началась великая сѣверная война, которая снова призвала казаковъ въ ряды царскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ на нашей сѣверо-западной и западной границахъ. Хоперскіе казаки вмѣстѣ съ донцами и прочими регулярными и казачьими войсками принимали дѣятельное участіе въ походахъ и „на разныхъ баталіяхъ шведскихъ“ *): въ Ливоніи, подъ начальствомъ генерала Шереметева, въ Польшѣ и Галиціи въ отрядѣ князя Меньшикова и въ русскихъ предѣлахъ. Хоперскіе и донскіе казаки участвовали также при покореніи Эстляндіи и Лифляндіи и при пораженіи Шлиппенбаха, у Ерестфера и Гумильсгофѣ, а въ 1707 году были подъ Калишемъ при разбитіи генерала Мордефельда [35]). Они несли также службу на передовыхъ постахъ и въ развѣдкахъ; на нихъ же возлагались дѣйствія малой войны, а нерѣдко казаки употреблялись и для набѣговъ во внутрь непріятельскихъ земель. Такъ, въ набѣгѣ на рижской дорогѣ, между Дерптомъ, Вольмаромъ и Маріенбургомъ, они пожгли до 600 мызъ и деревень и захватили много скота и имущества [36]). Казаки удачно дѣйствовали противъ шведовъ и въ бою у деревни Лѣсной, гдѣ отбили у непріятеля 2000 телѣгъ съ провіантомъ [37]). Послѣ полтавской битвы, бѣжавшій въ Турцію и скрывшійся въ турецкой крѣпости Бендерахъ, шведскій король Карлъ XII въ безсильной злобѣ на Петра началъ подстрекать турокъ, пугая ихъ возрастающимъ могуществомъ Россіи. При содѣйствіи Франціи онъ добился того, что въ 1711 году Турція объявила войну Россіи [38]). Хоперскіе казаки вмѣстѣ съ донцами принимали участіе въ прутскомъ походѣ **) Петра I, который окончился, какъ извѣ-

---

*) Приложеніе № 2.

**) Между хоперскими казаками и до настоящаго времени сохранилась пѣсня о прутскомъ походѣ. Приложеніе 59, А.

стно, для насъ неудачно. По условіямъ прутскаго мира мы уступили Турціи прибрежье Азовскаго моря, что было тяжело для Царя Петра Алексѣевича. Вернувшись въ Петербургъ, Петръ продолжалъ войну со шведами, которая черезъ десять лѣтъ окончилась блестящимъ ништадскимъ миромъ *).

Кромѣ участія въ шведской и турецкой войнахъ, хоперцы вмѣстѣ съ донскими въ 1705 году ходили подъ Царицынъ усмирять стрѣлецкій бунтъ. Въ этотъ походъ, по случаю военнаго времени, войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ распорядился назначить изъ донскихъ городковъ, отъ Черкаска и до Панышина, отъ каждыхъ 10-ти казаковъ—2-хъ человѣкъ, а изъ прочихъ донскихъ, хоперскихъ и медвѣдицкихъ городковъ—по половинѣ наличнаго числа казаковъ. Собралось болѣе 10,000 казаковъ, которые двинулись къ Царицыну, разбили мятежниковъ и освободили городъ отъ блокады [39]). Такимъ образомъ, хоперскіе казаки въ самомъ началѣ своейисторической и боевой жизни ознаменовали себя участіемъ въ славныхъ дѣяніяхъ Великаго Преобразователя Россіи. Боевою службою противъ турокъ и шведовъ „подъ знаменами Петра"—старые хоперцы, потомки доблестныхъ азовскихъ и полтавскихъ героевъ, очень гордились и справедливо снискали себѣ уваженіе и почетъ за храбрость и мужество со стороны регулярныхъ войскъ, съ которыми впослѣдствіи имъ пришлось вмѣстѣ служить и дѣлить боевые труды въ горахъ Кавказа и на равнинахъ Кубани.

Во время войны со шведами, осенью 1707 года, на Дону вспыхнулъ извѣстный булавинскій бунтъ, имѣвшій большое вліяніе на судьбу хоперскихъ казаковъ. Поводомъ къ этому бунту, главнымъ образомъ, послужилъ царскій указъ о возвращеніи изъ

---

*) Во время войны со шведами хоперскіе казаки захватили въ плѣнъ, между прочимъ, одного шведскаго офицера, который затѣмъ такъ и остался между ними, записавшись въ число казаковъ подъ фамиліею Шведова. Потомки его впослѣдствіи, въ 1777 году, въ составѣ Хоперскаго полка переселились на Кавказъ, откуда въ 1819 году одно офицерское семейство Шведовыхъ было переведено на жительство въ Кубанскій полкъ въ станицу Григориполисскую, гдѣ живетъ и понынѣ.

Императоръ Петръ I.

Фототип. К. Месхіева,

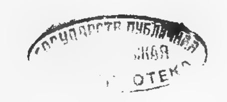

МУЗЕЯ 1812 Г.

донскихъ казачьихъ городковъ тѣхъ бѣглыхъ, которые приняты въ число казаковъ послѣ 1695 года. Такихъ бѣглыхъ было очень много во время постройки судовъ въ Воронежѣ и на р. Хопрѣ, до и послѣ азовскихъ походовъ, въ періодъ 1695—1698 гг., когда [40]) „полковые и городовые и всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, также люди ихъ и крестьяне, покинувъ свои помѣстныя земли и всякія угодья и дворы, и животы, не хотя у струговаго дѣла и у лѣсной работы и въ кормщикахъ и въ гребцахъ и у сгонки на плотахъ быть,—бѣжали на Яикъ, на Хоперъ, и на Медвѣдицу, и на иныя мѣста и на низовые города" *). Въ 1703 году Царь послалъ на Донъ двухъ стольниковъ Кологривова и Пушкина для переписи казачьихъ городковъ по Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и по Дону до Паньшина городка, чтобы вывести оттуда всѣхъ означенныхъ выше бѣглыхъ [41]), а также тѣхъ, которые не участвовали въ азовскихъ походахъ, хотя давно жили между казаками. Для выполненія этого Петръ повелѣлъ: казачьи городки, вновь поселенные по Хопру и Медвѣдицѣ, переселить на пустопорожнія мѣста—на дорогу отъ Валуйки къ Азову [42]), а изъ числа не принимавшихъ участія въ азовскихъ походахъ—десятаго послать въ Азовъ на работы, остальныхъ же новопришлыхъ людей выселить въ украинные города [43]). Царскій указъ о высылкѣ бѣглыхъ изъ донского войска сильно встревожилъ казаковъ и въ особенности верховые городки по Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, гдѣ бѣглыхъ было болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Войско ходатайствовало оставить хотя бы тѣхъ, которые поселились между казаками послѣ 1695 года, но Петръ остался непреклоненъ.

На Хопрѣ въ 1704 году перепись совершалъ Никита Бахтѣевъ, который доносилъ, что въ 22-хъ городкахъ по Хопру оказалось боевыхъ казаковъ 1235 человѣкъ, изъ числа которыхъ

---

*) Донскіе казаки сами подговаривали работавшихъ на корабельныхъ верфяхъ, чтобы они бѣжали къ нимъ на Донъ въ низовыя станицы.

въ Григорьевскомъ городкѣ было 69 казаковъ; „городковъ же Пристанскаго и Бѣляевскаго атаманъ и казаки учинились Великаго Государя указу не послушны и въ розыскъ не дались“ [44]). При этомъ казаки били солдатъ и грозились самого Бахтѣева посадить въ воду. Очевидно, что на Хопрѣ въ самыхъ верхнихъ городкахъ Пристанскомъ и Бѣляевскомъ казаки были настроены къ правительству особенно враждебно, вѣроятно, вслѣдствіе пребыванія тамъ всевозможнаго сброда и большого числа бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ.

Къ неудовольствіямъ и волненіямъ донскихъ казаковъ присоединились еще и распри ихъ съ городовыми казаками Изюмскаго полка изъ-за обладанія соляными источниками близъ Бахмута. Эти распри дошли до того, что Петръ, для прекращенія споровъ, распорядился всѣ источники отобрать въ казну и отдавать ихъ на откупъ въ частныя руки и по высокимъ цѣнамъ [45]). Эти соляные источники дѣйствительно были отобраны въ казну и отданы на откупъ ближайшимъ поселянамъ, которые устроили тамъ заводы и стали вываривать соль. Въ концѣ 1705 года, отстаивая казачьи интересы, бахмутскій станичный атаманъ и завѣдывавшій соловарами, казакъ Трехъизбенской станицы донского войска, Кондратъ Булавинъ, со сборищемъ изъ разнаго бездомнаго и буйнаго сброда напалъ на работавшихъ надъ добычею соли, разбилъ ихъ заводы и отобралъ всю вываренную ими соль, а затѣмъ распорядился добывать соль въ свою пользу, не допуская къ источникамъ никого изъ иногородныхъ. На дѣйствія Булавина полетѣли жалобы и доносы, а въ результатѣ—посылка чиновниковъ для разслѣдованія дѣла и строгій розыскъ „съ пристрастіемъ“.

Между тѣмъ, въ концѣ 1707 года, на Донъ прибылъ князь Юрій Долгорукій съ пѣхотнымъ полкомъ (52 офицера и 2000 солдатъ) для розыска бѣглыхъ и высылки ихъ на прежнія мѣста, при чемъ съ его стороны были допущены противъ казаковъ разныя жестокости и насилія: раззореніе и пожаръ город-

ковъ, пытки, битье ботогами, отрѣзаніе носовъ и ушей и прочая [46]). Тогда Булавинъ ушелъ на р. Хоперъ, гдѣ безъ особыхъ затрудненій поднялъ мятежъ въ казачьихъ городкахъ по Хопру, Бузулуку, Донцу и Медвѣдицѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время изъ состава всего донского войска находилось на войнѣ противъ шведовъ въ Лифляндіи и Польшѣ 15,000 самыхъ лучшихъ казаковъ; дома же остались гультяи, голытьба, которые охотно отозвались на призывъ Булавина, потому что терять имъ было нечего [47]).

На Хопрѣ сторону мятежниковъ приняли молодые казаки и люди буйнаго, неспокойнаго нрава, преимущественно изъ верховыхъ городковъ. Люди же болѣе или менѣе разсудительные, а также старики къ мятежу не пристали и только по неволѣ шли за Булавинымъ, не имѣя возможности открыто противиться его насилію. Булавинъ зналъ объ этомъ и не разъ со злобою говаривалъ: „пойдемъ мы по казачьимъ городкамъ и будемъ казаковъ къ себѣ привораживать, а которые съ нами не пойдутъ, такихъ мы, назадъ вернувшись, будемъ жечь, а животы грабить“ [48]). Но за то и вѣрные царю казаки въ нѣкоторыхъ городкахъ на станичномъ сходѣ постановили: „бить и грабить булавинцевъ“ [49]).

Тамъ же на Хопрѣ мятежные булавинцы составили заговоръ, на которомъ порѣшили истребить отрядъ князя Долгорукаго, разсѣянный небольшими командами по городкамъ рр. Айдара, Донца и другимъ. Въ темную осеннюю ночь на 9-е октября 1707 года этотъ злодѣйскій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе [50]): 20 офицеровъ и до 1000 солдатъ погибли отъ рукъ бунтовщиковъ, а самъ Долгорукій, какъ гласитъ преданіе, былъ убитъ сразу могучимъ кулакомъ Кондрата Булавина *). Тогда противъ бунтовщиковъ, силы которыхъ возросли до 20-ти тыс., выступилъ съ вѣрными казаками войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ и въ жестокомъ бою разбилъ ихъ на голову,

*) Оттуда пошла поговорка —„Кондрашка хватилъ“.

такъ что мятежный атаманъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Запорожье, а скопище его разсѣялось. Однако бунтъ не былъ окончательно усмиренъ. Пока Булавинъ жилъ въ Запорожьи, гдѣ его скрывали сѣчевики, главные его сподвижники атаманы Игнашка Некрасовъ, Драный, Голый и Хохлачъ работали за него на Дону и Хопрѣ, раздувая искры мятежа по казачьимъ городкамъ [51]).

Въ мартѣ 1708 года Булавинъ снова появился на Хопрѣ въ Пристанскомъ городкѣ и оттуда сталъ разсылать свои возмутительныя воззванія по казацкимъ городкамъ, требуя, чтобы половина людей сидѣла дома, а остальные собирались къ нему. Для своего войска онъ выбралъ изъ казаковъ полковниковъ, есауловъ, знаменщиковъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ насилія; такъ, напримѣръ, казака Пристанскаго городка, Ивана Шуваева, не захотѣвшаго добровольно пристать къ бунтовщикамъ, Булавинъ жестоко избилъ и всетаки завербовалъ въ число своихъ мятежныхъ старшинъ [52]). На Хопрѣ пристали къ нему всѣ 25 городковъ съ 3670 казаками [53]). Собравъ значительное скопище, Булавинъ двинулся съ нимъ къ Черкаску, присоединяя по пути всѣхъ приставшихъ къ мятежу. Только 7 станицъ на Дону отвергли предложенія бунтовщиковъ и остались вѣрными Царю. У Красной Дубравы, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, Булавинъ разбилъ главный отрядъ вѣрныхъ казаковъ, а затѣмъ взялъ Черкасы, гдѣ онъ былъ выбранъ мятежниками въ войсковые атаманы [54]). Такимъ образомъ, бунтъ охватилъ все донское войско за весьма незначительнымъ исключеніемъ.

Между тѣмъ Петръ, для подавленія мятежа двинулъ на Донъ до 20-ти тыс. регулярныхъ войскъ, подъ начальствомъ князя Василія Долгорукаго (брата убитаго Булавинымъ князя Юрія), который вступилъ въ предѣлы донского войска съ грознымъ царскимъ указомъ: „ходить по тѣмъ городкамъ и деревнямъ (изъ которыхъ главный былъ Пристанскій городокъ на Хопрѣ), которые пристаютъ къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а

людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей, ибо сія сарынь ничѣмъ, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть.... [55]) Однакожь, кто принесетъ повинную, съ тѣмъ поступать ласково...“ [56]) Относительно же хоперскихъ городковъ Петръ распорядился: „всѣ городки отъ Пристанскаго до Бузулука раззорить....“ Царскія войска одинъ за другимъ разбили мятежные отряды, и самъ Булавинъ, окруженный въ Черкаскѣ казаками, принесшими повинную, покончилъ жизнь самоубійствомъ [57]).

Бунтъ былъ усмиренъ. Началась жестокая расправа съ мятежниками, которыхъ били, вѣшали, четвертовали и вообще поступали безъ всякой пощады. Отъ грозной кары спаслись только немногіе мятежные казаки хоперскихъ городковъ и то, благодаря окружавшимъ лѣсамъ, куда они успѣли спастись со своими семействами. Изъ остальныхъ же только атаману Игнату Некрасову [58]) удалось избѣгнуть печальной участи, постигшей бунтовщиковъ: собравъ до 600 семействъ мятежныхъ казаковъ, онъ бѣжалъ съ ними на Кубань и тамъ отдался подъ покровительство крымскаго хана. Потомки этихъ казаковъ въ послѣдующее время были извѣстны подъ именемъ „некрасовцевъ“. Узнавъ о прекращеніи бунта и смерти Булавина, Царь нѣсколько смягчилъ свой гнѣвъ и повелѣлъ только „заводчиковъ пущихъ казнить, а иныхъ на каторгу, а прочихъ выслать въ старыя мѣста, а городки жечь по прежнему указу“ [59]). Но все же болѣе 7000 казаковъ было казнено и побито.

Хоперскіе казаки изъ верховыхъ городковъ считались въ особенности причастными булавинскому бунту, почему ихъ болѣе другихъ постигла царская немилость. Указомъ 14-го мая 1711 года повелѣно было [60]): „городки верховые съ Хопра и Медвѣдицы—Пристанной, Бѣляевъ, Григорьевскій, Михайловскій, Касаркинъ, Добринскій и другіе за воровство, за принятіе Булавина къ себѣ и за то, что ходили противъ государевыхъ войскъ и жителей, подъ Тамбовымъ на Курлакѣ и на Битюгѣ

бились—свести въ низовыя станицы, чтобы впредь, на то смотря, такъ воровать и бунтовщиковъ и шпіоновъ принимать было неповадно“ *). Въ силу этого указа, въ іюнѣ 1712 года [61]), посланные отъ донского войска прибыли на Хоперъ и предложили казакамъ и казачьимъ семьямъ городковъ Пристанскаго, Бѣляевскаго и Григорьевскаго выселиться въ низовыя станицы на жительство. Сознавая свою вину передъ правительствомъ, казаки все же надѣялись, что, авось-де, ихъ помилуютъ и оставятъ на прежнихъ мѣстахъ и съ этою цѣлью, по совѣту попа Парфена и казака Рыбки съ товарищами, подали челобитную въ донское войско. Однако, ни эта челобитная, ни другая, въ которой казаки уже просили оставить на старыхъ мѣстахъ, хотя только семейства казаковъ, бывшихъ на шведской войнѣ [62]), не были уважены. Одна только уступка была сдѣлана: казакамъ позволили взять съ собою церкви и вынести ихъ „куда казаки похотятъ“. Въ іюлѣ того же года всѣ жители городковъ Пристанскаго, Бѣляевскаго и Григорьевскаго выселились въ разныя низовыя станицы ниже Пяти-Избъ и къ Паньшину [63]), самые же городки были раззорены, а земли казачьи присоединены къ Воронежской губерніи [64]). На Хопрѣ все присмирѣло и затихло. Уцѣлѣвшіе отъ погрома хоперскіе казаки были отправлены на службу въ гарнизонъ крѣпости Азова, а затѣмъ въ Транжаментъ **).

Петръ I, вполнѣ признавая для Россіи пользу казачества, какъ боевой силы и награждая казаковъ за ихъ вѣрную и храбрую службу [65]), въ то же время считалъ многія казацкія права и вольности неумѣстными и несвоевременными. Послѣ булавинскаго бунта Царь во многомъ урѣзалъ права и власть самоуправленія въ казачьихъ войскахъ и строго запретилъ ка

---

*) Собственно раззорены были только городки Пристанскій, Бѣляевскій и Григорьевскій, а остальные уцѣлѣли.

**) Послѣ отдачи туркамъ Азова, по приказанію Царя Петра, было построено ниже Черкаска на Дону укрѣпленіе, подъ именемъ Транжамента, имѣвшее цѣлью наблюдать за Крымомъ и служить опорнымъ пунктомъ противъ татарскихъ набѣговъ [65]).

закамъ воевать съ турками и татарами безъ его разрѣшенія, потребовавъ, чтобы казаки жили своимъ трудомъ, пріучались бы къ сельскому хозяйству, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, а не войною и грабежемъ.

Послѣ передачи туркамъ Азова, по прутскому договору, наша южная окраина снова стала открытою для вторженія въ наши предѣлы кубанскихъ и крымскихъ татаръ, набѣги которыхъ на Донъ, въ особенности съ 1713 года, сдѣлались болѣе частыми, дерзкими и опустошительными. Татары проникали далеко во внутрь нашихъ поселеній по южной границѣ, нападая на казацкіе городки, даже на Хопрѣ и Медвѣдицѣ [66]). Такъ, въ 1716 году они дошли до Царицына и Дмитровска, а въ слѣдующемъ году татары, въ числѣ около 40,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ султана Бахты-Гирея, произвели опустошительный набѣгъ въ землю войска донского, на Хоперъ и Медвѣдицу и даже проникли въ черту селеній Тамбовской и Воронежской губерній. Причинивъ значительное раззореніе и захвативъ полонъ и добычу, татары пустились во свояси, но на обратномъ пути были жестоко разбиты донскими казаками, подъ начальствомъ атамана Василія Фролова, при чемъ казаки отбили у нихъ болѣе 1000 нашихъ плѣнныхъ [67]).

Для предупрежденія татарскихъ и калмыцкихъ набѣговъ со стороны Крыма и Кубани, а также въ назиданіе хоперскимъ казакамъ, „чтобы впредь бунтовъ не заводили и бунтовщиковъ отъ себя не держали и не принимали“, въ 1716 году, по указу Его Императорскаго Величества, на рѣкѣ Хопрѣ, на мѣстѣ раззореннаго Пристанскаго казацкаго городка, была построена съ земляными валами и внѣшнимъ рвомъ [68]) крѣпость Ново-Хоперскъ *) на 1000—1500 человѣкъ гарнизона. Чертежъ этой крѣпости составилъ самъ Царь Петръ еще въ 1712 году и черезъ ландригтера Кикина переслалъ его азовскому губернатору, генералъ-адмиралу графу Апраксину. Въ замѣткѣ къ

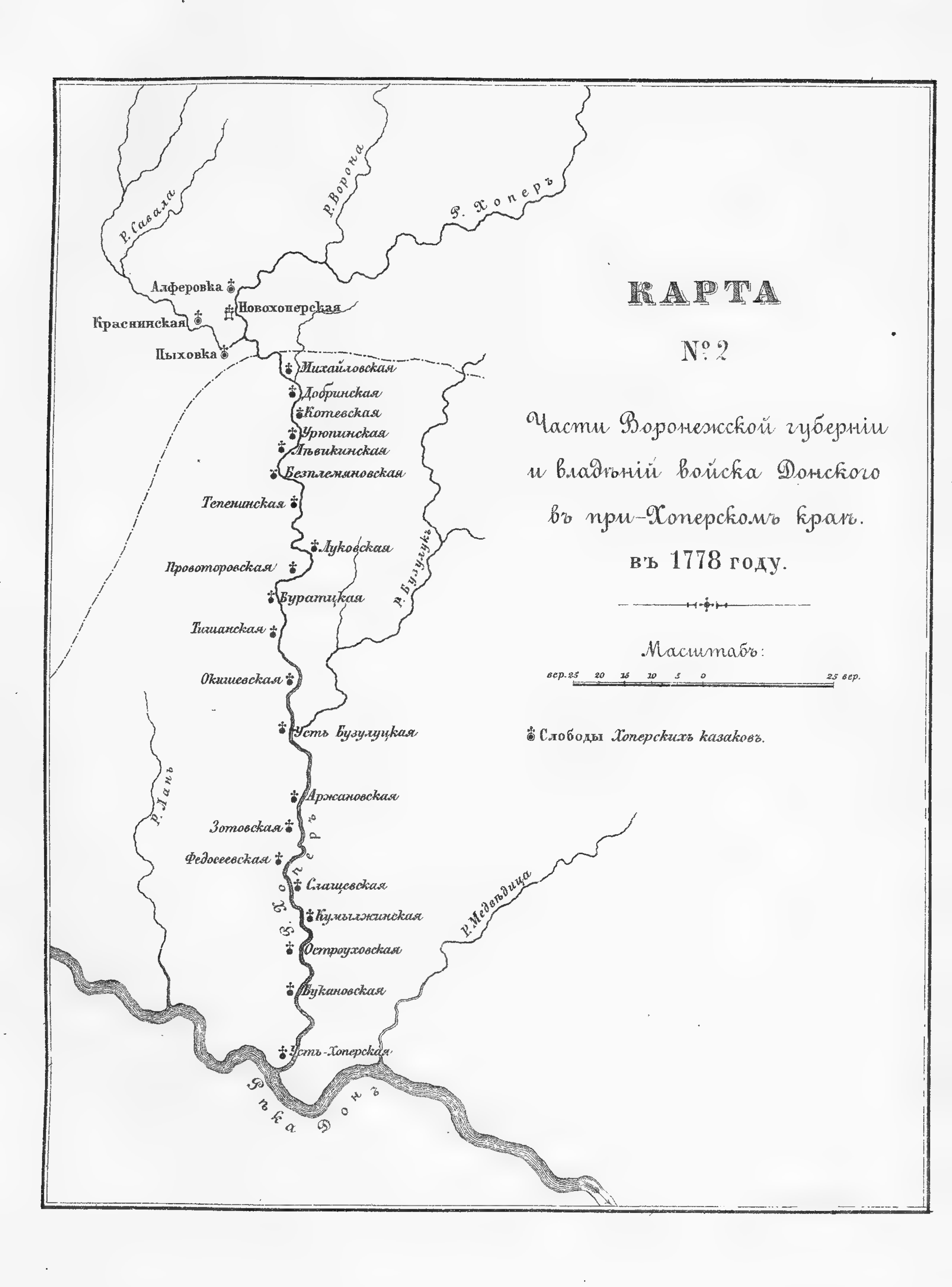
*) Приложеніе №№ 4 и 5.

чертежу говорилось, что предполагаемая къ постройкѣ крѣпость „зело для охраненія отъ набѣговъ воровскихъ людей будетъ способна“ [69]).

Однако вопросъ о постройкѣ Новохоперской крѣпости тянулся до осени 1716 года, и только, 13-го сентября, подъ надзоромъ воронежскаго губернатора Колычева было приступлено къ работамъ. Всѣ крѣпостныя работы производились одною ротою солдатъ, командированною туда изъ кр. Павловской. Такъ какъ крѣпость дѣлалась небольшая, то 2-го ноября того же года крѣпостные валы, рвы и всѣ прочія постройки были закончены, и тогда же павловская рота, производившая работы, поселилась тамъ на житье и для несенія гарнизонной службы. Во время возведенія Новохоперской крѣпости Колычевъ просилъ разрѣшенія адмирала графа Ф. М. Апраксина [70]) вызвать охотниковъ черкасъ (малороссійскихъ казаковъ) дворовъ 100 для заселенія крѣпости, такъ какъ только военное населеніе могло оберегать крѣпость и округъ ея, при этомъ казаки „для разъѣздовъ и къ осадному времени зело будутъ удобны“. Въ томъ же донесеніи Колычевъ увѣдомлялъ Апраксина, что изъ бузулуцкихъ, медвѣдицкихъ и хоперскихъ казачьихъ городковъ постоянно пріѣзжаютъ казаки и просятъ позволенія поселиться въ крѣпости, при этомъ они готовы присягнуть въ томъ, что будутъ теперь жить смирно и служить вѣрно, лишь бы имъ отдали въ пользованіе ихъ прежнія земли, угодья и усадьбы подъ дворы; за это казаки обязывались служить конную станичную службу.

На этотъ запросъ отъ графа Апраксина послѣдовало распоряженіе *) о вызовѣ, посредствомъ публикаціи, на вѣчное житье въ крѣпости вольныхъ черкасъ и посадскихъ охотниковъ, а также о пріемѣ на жительство тѣхъ казаковъ, которые будутъ пріѣзжать изъ разныхъ мѣстъ съ просьбою поселиться въ новой крѣпости, при чемъ пріемъ такихъ казаковъ допустить только въ теченіи 1717 года. Кромѣ того было приказано от-

*) Приложеніе № 5.

КАРТА
№ 2
Части Воронежской губерніи
и владѣній войска Донского
въ при-Хоперскомъ краѣ.
въ 1778 году.
Масштабъ:
вер. 25 20 15 10 5 0 25 вер.
Слободы Хоперскихъ казаковъ.
Р. Савала
р. Ворона
Р. Хоперъ
Алферовка
Новохоперская
Краснинская
Пыховка
Михайловская
Добринская
Котевская
Урюпинская
Львикинская
Безплемяновская
Тепенинская
Луковская
Провоторовская
Бурацкая
Тишанская
Окишевская
Усть Бузулуцкая
р. Бузулукъ
Аржановская
Зотовская
Федосеевская
Слащевская
Кумылжинская
Остроуховская
Букановская
Усть-Хоперская
р. Лань
Р. Хоперъ
р. Медвѣдица
Рѣка Донъ

межевать къ Новохоперской крѣпости для пропитанія жителей земли со всѣми угодьями, принадлежавшія раззореннымъ городкамъ Пристанскому, Бѣляевскому и Григорьевскому, въ тѣхъ же границахъ, какъ владѣли прежде казаки. Эта публикація особенно пришлась кстати для хоперскихъ казаковъ, жителей трехъ раззоренныхъ городковъ, возвратившихся въ 1717 году съ войны [71]). Положеніе казаковъ и ихъ семействъ, проживавшихъ по чужимъ мѣстамъ въ низовыхъ донскихъ городкахъ послѣ погрома и раззоренія ихъ жилищъ, было довольно печальное и бѣдственное. Поэтому большая часть изъ нихъ, а также изъ служившихъ въ Транжаментѣ и въ Азовѣ, всего 94 человѣка со своими семействами, записалась въ охотники для поселенія въ Новохоперской крѣпости на своихъ старыхъ пепелищахъ, вблизи дорогихъ имъ могилъ. Одновременно со старыми хоперцами явились на жительство въ новопостроенную крѣпость и охотники-черкасы, изъ числа служилыхъ казаковъ Харьковскаго, Острогожскаго, Сумскаго и другихъ малороссійскихъ слободскихъ полковъ, а также изъ Украинской губерніи и изъ прочихъ мѣстъ въ числѣ 125-ти человѣкъ съ семействами [72]). Такимъ образомъ, въ теченіи 1717 года для заселенія Новохоперской крѣпости записалось въ охотники 219 человѣкъ казаковъ *), которые съ того времени стали называться казаками Хоперской крѣпости, или просто новохоперскими казаками **); они-то и послужили ядромъ казацкой общины, изъ которой, спустя 60 лѣтъ, образовался *Хоперскій полкъ.*

Въ послѣдующіе затѣмъ годы приливъ охотниковъ, главную часть которыхъ составляли вольные черкасы, для поселенія въ крѣпости продолжался, при чемъ люди посадскіе и разные торговцы и ремесленники заселили самую крѣпость; новохоперскіе же казаки, уступивъ имъ свои мѣста въ крѣпости, сами вмѣстѣ съ переселенцами изъ вольныхъ черкасъ образова-

---

*) Приложеніе № 7.

**) Приложеніе № 10.

ли въ округѣ Новохоперской крѣпости четыре слободы [73]): Градскую, т. е. пригородную около крѣпости, Алферовку, Пыховку и Красную; казаки великороссійскаго происхожденія поселились въ слободахъ Градской и Красной, а малороссіяне-черкасы основались въ Алферовкѣ и Пыховкѣ. Точныхъ указаній о времени возникновенія названныхъ слободъ не имѣется, но есть основаніе предполагать, что они образовались въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія, въ періодъ 1720—1728 гг. *).

Всѣ малороссы, записавшіеся въ охотники въ теченіи 1718—1731 гг., считались вольными черкасами и назывались казаками, хотя къ составу общества новохоперскихъ казаковъ не принадлежали [74]). Занимались они земледѣліемъ и скотоводствомъ, но нерѣдко отбывали за казаковъ службу въ крѣпости и въ случайныхъ командировкахъ по окрестностямъ. Заселяя Новохоперскую крѣпость казаками, которые обязаны были отправлять воинскую повинность и особую службу, сообразно съ условіями быта пограничной крѣпости, правительство обѣщало казакамъ за отбываніе конной казацкой службы отдать имъ въ пользованіе прилегавшія къ крѣпости земли и прочія угодья. Однако, на первыхъ порахъ казаки пользовались земельными, лѣсными и водяными угодьями вмѣстѣ съ однодворцами и посадскими жителями крѣпости, а отдѣльныхъ своихъ собственныхъ земельныхъ надѣловъ не имѣли.

Вслѣдствіе такого неудобства, казаки стали хлопотать о пожалованіи имъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій, какъ было обѣщано при первоначальномъ заселеніи крѣпости Новохоперской и въ концѣ концовъ добились своего **). По указу Государя и Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича изъ воронеж-

---

*) Когда въ 1720 году происходило межеваніе земель для хоперскихъ казаковъ, то вокругъ Новохоперской крѣпости никакихъ поселеній не было; спустя же 8 лѣтъ, въ 1728 г., названныя четыре слободы уже оффиціально были извѣстны, и въ нихъ жили новохоперскіе казаки и малороссы. Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Дѣла казачьяго повытья 1767 г., связка 132. Карта № 2.

**) Приложеніе № 6.

ской губернской канцелярiи, отъ 10-го мая 1720 года [75]), юртовыя земли со звѣриными и рыбными угодьями раззоренныхъ городковъ Пристанскаго, Бѣляевскаго и Григорьевскаго, которыми казаки прежде владѣли, были отданы хоперскимъ казакамъ взамѣнъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Границы земель въ 1721 году были точно опредѣлены, обозначены и описаны, а самый чертежъ и межевыя записи укрѣплены подписями депутатовъ-старожиловъ окрестныхъ слободъ и селенiй. Отъ хоперской команды, какъ тогда называли казаковъ Новохоперской крѣпости, депутатами были старые казаки бывшей раззоренной Пристанской станицы: Иванъ Жуковъ, Ѳедотъ Лисицынъ, Иванъ Коноваловъ и Ѳеодоръ Скворецъ; затѣмъ подписались депутаты отъ Хоперской крѣпости—посадскiе люди Михайло Масловскiй и Алексѣй Пономаревъ, а потомъ борисоглѣбскiе и тамбовскiе депутаты и служка Чернеева монастыря. Изъ этой межевой записи видно, что причисленныя къ Новохоперской крѣпости земли лежали по обѣ стороны р. Хопра, обнимая берега рѣчки Савалы вплоть до рѣчки Елани. Казакамъ собственно принадлежали пахотныя земли, сѣнные покосы, лѣсныя угодья и девять рыбныхъ озеръ въ юртѣ бывшаго Пристанскаго городка: Слуховое, Пересыпное, Перевѣсное, Калиновское, Чегонацкое, Трехтонное, Жирное, Зимовное и Рубежное. Взамѣнъ земельныхъ и лѣсныхъ угодiй и рыбныхъ озеръ, хоперскiе казаки должны были отбывать военно-конную службу на всемъ собственномъ содержанiи и обязывались имѣть каждый по два коня, все прочее снаряженiе и вооруженiе и даже порохъ и свинецъ покупать за свой счетъ [76]).

Спустя 10 лѣтъ Григорьевскiй юртъ былъ отобранъ отъ хоперскихъ казаковъ и переданъ во владѣнiе казакамъ донского войска Михайловской станицы. Такое уменьшенiе земельнаго надѣла стѣснило казаковъ въ ихъ матерiальномъ благосостоянiи. Вслѣдствiе этого они били челомъ въ Военной Коллегiи, чтобы имъ, взамѣнъ отобранной земли, дали бы денежное

жалованье, какъ всѣмъ другимъ казакамъ, такъ какъ при маломъ надѣлѣ земли, отбывая прежнюю воинскую повинность, они стали жить хуже и бѣднѣе. Военная Коллегія нашла просьбу хоперскихъ казаковъ справедливою и ходатайствовала передъ Сенатомъ о выдачѣ имъ денежнаго жалованья „понеже оные казаки всегда бываютъ въ посылкахъ и содержатъ караулы и на форпостахъ разъѣзды“. По этому ходатайству Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ хоперскимъ казакамъ денежное жалованье, начиная съ 1731 года, по слѣдующему разсчету *): ротмистрамъ, хорунжимъ и писарямъ въ годъ по 5-ти рублей и казакамъ по 4 рубля. Окладъ этотъ однако существовалъ не долго: съ 1736 года хоперской командѣ прибавили денежное жалованье, а именно: ротмистрамъ стали отпускать каждому въ годъ по 9-ти р. 40 к., хорунжимъ и писарямъ по 7-ми р. $42^1/_2$ к. и казакамъ по 6-ти р. **). Затѣмъ съ 1738 года хоперскіе казаки стали получать казенный провіантъ, который выдавался не всѣмъ казакамъ команды, а только тѣмъ изъ нихъ, кто бывалъ въ дальнихъ командировкахъ болѣе мѣсяца [77]). Кромѣ означенныхъ видовъ казеннаго довольствія, хоперцамъ отпускалась еще соль изъ хоперскаго соляного магазина, и они пользовались правомъ куренія хлѣбнаго вина. Но эта послѣдняя привилегія въ 1752 году была отнята отъ казаковъ [78]), а взамѣнъ того съ 1754 года отпускался казенный провіантъ на все штатное число команды [79]).

Съ самаго начала заселенія казаками слободокъ Градской, Алферовки, Пыховки и Красной, хоперцы въ числѣ 219 человѣкъ, подъ именемъ „казаковъ Хоперской крѣпости“ или „Хоперской команды“, несли конную службу, какъ при самой Новохоперской крѣпости, такъ и въ округѣ ея и въ дальнихъ командировкахъ. Они сопровождали и даже сами возили казенную денежную и простую почту, посылались курьерами съ важными письмами иногда на значительное разстояніе, препровождали

*) Приложеніе № 7.
**) Приложеніе № 8.

государевыхъ лошадей и фрукты изъ Астрахани и Крыма *), наряжались въ крѣпостные караулы и на форпосты для разъѣздовъ и для карантинной службы. Форпосты эти, на которыхъ казаки несли сторожевую и карантинную службу, были устроены на границѣ Воронежской губерніи, на дорогахъ, при селеніяхъ и казачьихъ городкахъ для предупрежденія татарскихъ набѣговъ [80]). Устраивались они на замѣтныхъ мѣстахъ, такъ чтобы съ одного форпоста видѣнъ былъ другой—сосѣдній, на случай передачи сигналовъ, для чего дѣлались изъ сухого лѣса маяки вышиною въ 3 сажени. При появленіи непріятеля маяки зажигались, и такимъ путемъ тревога быстро распространялась по всей пограничной линіи.

Кромѣ этой службы на хоперскихъ казакахъ лежали еще военно-полицейскія обязанности. Въ окрестностяхъ Новохоперска, въ старое время, росли дремучіе лѣса, въ которыхъ скрывалось немало разбойничьихъ шаекъ, которыя сильно обижали мирное населеніе края и служили грознымъ пугаломъ для жителей, въ особенности для помѣщичьихъ владѣній и усадебъ, гдѣ сторону разбойниковъ нерѣдко держали крѣпостные крестьяне. Хоперскіе казаки небольшими командами, подъ начальствомъ старшинъ, безпрестанно посылались на поиски воровъ и разбойниковъ и для усмиренія „противящихся помѣщичьихъ крестьянъ и владѣльческихъ черкасъ“, рыскали по лѣсамъ и въ области населенныхъ пунктовъ, повсюду поддерживая порядокъ и спокойствіе.

Хоперская команда состояла въ полномъ распоряженіи комендантовъ крѣпости и первоначально считалась въ числѣ 219-ти служилыхъ казаковъ, не имѣя ни опредѣленнаго штата и никакого устройства. Въ слободахъ же, гдѣ вмѣстѣ со служащими казаками жили ихъ семейства и родственники, а также и вольные черкасы, управленіе установлено было по казацкому

---

*) Хоперскимъ казакамъ приходилось бывать по службѣ въ Саратовѣ, Дмитровскѣ, Воронежѣ, Ломовѣ, Шацкѣ, Керенскѣ и другихъ мѣстахъ.

обычаю: во главѣ каждой слободы стоялъ слободской атаманъ и два есаула—его помощники, всѣ трое избирались слободскими жителями на 2—3 года; по окончаніи этихъ сроковъ, атаманъ и есаулы обращались въ разрядъ рядовыхъ казаковъ. Служащіе старшины и казаки за проступки и преступленія судились по воинскимъ указамъ, а остальные по гражданскимъ правамъ, какъ и прочіе обыватели.

Въ 1721 году комендантъ крѣпости сдѣлалъ представленіе въ Военную Коллегію о назначеніи особаго начальника для управленія казаками хоперской команды, при чемъ ходатайствовалъ объ утвержденіи такимъ начальникомъ казака Григорія Неклюдова, который по своимъ нравственнымъ и служебнымъ качествамъ всѣми атаманами и казаками единогласно былъ избранъ въ старшины. По этому ходатайству Военная Коллегія тогда же утвердила Неклюдова ротмистромъ хоперской команды [81]). Спустя 10 лѣтъ, въ 1731 году, для хоперской команды былъ установленъ штатъ, согласно котораго въ ней полагалось постоянно имѣть на службѣ *): ротмистровъ 2, хорунжихъ 2, писарей 2 и казаковъ 216. На это число воинскихъ чиновъ полагалось отпускать денежное жалованье.

Съ установленіемъ штата, хоперскіе казаки выбрали изъ среды своей, изъ числа атамановъ и казаковъ, еще трехъ старшинъ, которые по представленію начальства были утверждены Военною Коллегіею—одинъ ротмистромъ, а двое хорунжими **). Такой порядокъ назначенія старшинъ велся неизмѣнно и въ послѣдующіе годы. Вообще въ хорунжіе команда выбирала людей толковыхъ, исполнительныхъ по службѣ и всѣми почитаемыхъ изъ числа казаковъ и атамановъ. Выбранные люди по осмотру аттестовались начальствомъ команды и по представле-

*) Приложеніе №№ 7 и 8.

**) „...а въ ротмистры производженные чинятца по ихъ-же (казаковъ) выбору отъ Военной Коллегіи“. Справка изъ донесенія воронежской губерн. канцеляріи Правительствующему Сенату 6-го марта 1733 года. Московск. отдѣл. общаго архива главнаго штаба. Дѣла казачьяго повытья 1767 г., опись 107, д. № 83.

нію утверждались въ чинахъ указами Военной Коллегіи пожизненно и безсмѣнно. Ротмистры избирались изъ числа хорунжихъ и атамановъ, а иногда и прямо изъ казаковъ, смотря по способностямъ и утверждались тѣмъ же порядкомъ, при чемъ старшій изъ ротмистровъ считался начальникомъ и назывался ротмистромъ хоперской команды [82]). До 1775 года, т. е. до переформированія хоперской команды въ конный полкъ, хоперскіе казаки управлялись постоянно своими начальниками, вышедшими изъ своей же казачьей среды съ условіемъ лишь, что одинъ изъ ротмистровъ, положенныхъ по штату, долженъ былъ избираться изъ хоперскихъ казаковъ великороссійскаго происхожденія, а другой изъ числа малороссіянъ-черкасъ. Такой порядокъ впервые началъ примѣняться въ 1751 году, вслѣдствіе жалобы казаковъ и атамановъ слободъ Пыховки и Алферовки, населенныхъ хоперскими казаками малороссійскаго происхожденія. Въ прошеніи на Высочайшее Имя они высказали свое неудовольствіе на ротмистровъ-великороссовъ, обвиняя ихъ въ несправедливомъ съ ними обращеніи, въ притѣсненіяхъ, въ неоказаніи защиты и просили поставить „надъ черкасами ротмистромъ слободы Алферовки черкашенинъ атаманъ Иванъ Яровъ“. Просьба была уважена и указомъ Военной Коллегіи 31-го мая 1751 года атаманъ Иванъ Яровъ произведенъ въ ротмистры за его добрую службу и приказано ему „имѣть надъ тѣми черкасскими слободами (Алферовкою и Пыховкою) команду и въ вѣрности присягу учинить ему при командѣ“ [83]). Съ тѣхъ поръ порядокъ не нарушался.

Въ 1754 году штатъ хоперской команды былъ измѣненъ. Распоряженіемъ Военной Коллегіи изъ состава ея были перечислены на службу въ Азовскій полкъ 1 ротмистръ и 100 казаковъ, послѣ чего въ командѣ стало считаться въ постоянномъ составѣ: 2 ротмистра, 2 хорунжихъ, 2 писаря и 116 казаковъ [84]). Но такая слабая по своему составу команда не могла выполнять всѣ лежавшіе на ней служебные наряды, поэтому къ от-

быванію военной службы были привлечены казачьи дѣти и родственники въ возрастѣ отъ 20-ти до 45-ти лѣтъ, которые вмѣстѣ съ казаками хоперской команды жили въ казачьихъ слободкахъ, пользовались земельными и лѣсными угодьями, но жалованья и провіанта не получали [85]).

Кромѣ военно-полицейской службы хоперскіе казаки участвовали также въ военныхъ дѣйствіяхъ внѣ предѣловъ своего округа. Такъ, въ 1734 году, часть хоперской команды, подъ начальствомъ хорунжаго Макара Капустина, была въ походѣ между Царицынымъ и Саратовымъ въ отрядѣ полковника Беклемишева для противодѣйствія калмыцкой ордѣ князя Дондукъ-Омбы, напавшей на наши поселенія близъ царицынской линіи [86]). Эти калмыки въ союзѣ съ кубанскими горцами довольно часто нападали на линію между Астраханью и Царицынымъ, грабили наши поселенія, убивали людей и уводили въ плѣнъ жителей [87]). Въ виду этого, для безопасности линіи туда посылались на сторожевую службу хоперскіе и донскіе казаки, пока не была окончательно устроена, такъ называемая, царицынская линія, заселенная охотниками изъ донскихъ казаковъ. Затѣмъ въ сентябрѣ 1736 года 40 хоперскихъ казаковъ съ хорунжимъ Куревлевымъ участвовали въ кубанскомъ походѣ вмѣстѣ съ донскими казаками, подъ начальствомъ старшины Ефремова, противъ калмыцкой орды Дондукъ-Омбы, намѣревавшейся отложиться отъ насъ и перейти на сторону турокъ [88]).

Еще передъ началомъ турецкой войны калмыцкой ордѣ Дондукъ-Омбы приказано было „чинить на кубанскихъ татаръ поискъ и искоренить до основанія“. Однако калмыки медлили исполненіемъ и даже замѣтно стали склоняться на сторону татаръ. Тогда казакамъ пришлось окружить орду, и калмыки волею-неволею подчинились нашимъ требованіямъ и совмѣстно съ русскими участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ [89]). Въ кубанскомъ походѣ по распоряженію правительства, кромѣ команды хорунжаго Куревлева, должны были принять участіе

еще 40 хоперскихъ казаковъ съ ротмистромъ Неклюдовымъ, но по непонятной и ничѣмъ необъяснимой причинѣ эта команда подошла къ Черкаску въ то время, когда кубанскій походъ окончился, и войска наши стояли подъ Азовомъ. Такое уклоненіе отъ службы однако не осталось безнаказаннымъ, и по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны Неклюдовъ былъ разжалованъ въ рядовые, а казаки его команды по общему казацкому опредѣленію „были биты плетьми“ [90]).

Не смотря на такую оплошность казаковъ, хоперская команда вообще слыла за исправную и благонадежную воинскую часть, на плечахъ которой лежали крайне разнообразныя обязанности военной службы, требовавшія много усердія и трудовъ. Доброе мнѣніе начальниковъ о военно-служебной дѣятельности хоперскихъ казаковъ не осталось пустымъ звукомъ, а принесло свои плоды. Въ 1738 году *), по ходатайству начальника команды, ротмистра Никифора Иноземцева, Военная Коллегія по указу Императрицы Анны Іоанновны отпустила изъ петербургскаго магазина (арсенала) въ Хоперскую крѣпость „для случающихся казацкихъ командированій“ одно старое знамя и четыре значка **). Эта была первая царская награда хоперскимъ казакамъ за ихъ отличную и усердную службу.

Въ 1763 году по распоряженію правительства была сдѣлана подробная перепись всѣмъ служащимъ хоперскимъ казакамъ, ихъ семействамъ и вольнымъ черкасамъ, населявшимъ слободы

---

*) Приложеніе № 51.

**) Знамя и значки, судя по уцѣлѣвшимъ клочкамъ съ остатками надписей и рисунковъ, принадлежатъ по типу къ стариннымъ стрѣлецкимъ трехвостымъ и двухвостымъ „прапорамъ“ съ изображеніями святыхъ. Въ прежнее время казакамъ иногда жаловались „старыя, нерегулярныя знамена. Такъ, напримѣръ, Императрица Екатерина I въ 1725 году пожаловала казакамъ Аграханскаго войска знамя при грамотѣ, въ которой сказано:.... „да вамъ же выдать на войско въ Москвѣ и съ конторы Военной Коллегіи изъ старыхъ нерегулярныхъ знаменъ, каковыя даны яикскимъ казакамъ, большихъ на войско два.... и т. д.“ (И. Кравцовъ. Очеркъ о началѣ Терскаго казач. войска, стр. 53). Въ настоящее время знамя и два значка (куда дѣвались остальные два—неизвѣстно), жалованные въ 1738 г. хоперскимъ казакамъ, хранятся при войсковомъ штабѣ Кубанскаго казачьяго войска. Они до того ветхи, что только съ большимъ трудомъ удалось сдѣлать рисунокъ одного знамени, значки же представляютъ изъ себя положительно одни клочья.

Градскую, Алферовку, Пыховку и Красную, но казаками не считавшимися. По переписи служащихъ и отставныхъ хоперскихъ казаковъ, а также ихъ дѣтей и родственниковъ оказалось 1205 человѣкъ мужского пола. Всѣхъ ихъ по указу Военной Коллегіи, отъ 21-го декабря 1767 года [31]), приказано было считать казаками и надѣлить землею, полагая на каждаго по 15-ти десятинъ. Что же касается вольныхъ черкасъ, то ихъ надѣлили такимъ же количествомъ земли, но съ платою въ казну оброка. 15-ти-десятинный надѣлъ, окончательно обмежеванный въ 1768 году, лишилъ хоперцевъ болѣе чѣмъ двухъ третей ихъ прежнихъ земель и угодій, что въ связи съ обязанностями военной службы, лежавшими на всѣхъ хоперскихъ казакахъ, какъ состоявшихъ по штату и получавшихъ казенное довольствіе, такъ и всѣхъ прочихъ, служившихъ на всемъ своемъ иждивеніи, привело казаковъ въ крайнее уныніе и заставило призадуматься надъ своею будущностью. Начались жалобы на несоразмѣрность земельнаго надѣла съ тяготою воинской повинности.

Перепись 1763 года, между прочимъ, указала на довольно незначительный процентъ служащихъ, сравнительно съ общимъ количествомъ ихъ народонаселенія, почему въ 1771 году снова приказано было переписать казаковъ хоперской команды со всѣми ихъ семьями и изъ нихъ брать на службу всѣхъ способныхъ къ ней. Итоги этой второй переписи выяснили, что, кромѣ служащихъ и отставныхъ казаковъ хоперской команды въ числѣ 247-ми человѣкъ, въ четырехъ слободахъ проживаетъ еще 1215 человѣкъ ихъ дѣтей и родственниковъ мужского пола *), изъ которыхъ нѣкоторые наряжались на крѣпостныя притины и въ городскіе караулы, а остальные ничего не дѣлали и службы никакой не несли. Не зная причинъ переписи и справедливо полагая, что всѣхъ взрослыхъ, кто не служитъ, зачислятъ въ подушный окладъ, или отдадутъ въ солдаты и въ тоже время не

*) Неслужащихъ казачьихъ дѣтей и ихъ родственниковъ состояло въ слободахъ: Градской 215, Пыховкѣ 328, Красной 477, Алферовкѣ 195, всего 1215.

слыша о какихъ либо привилегіяхъ, или о возвратѣ отобранныхъ земель—казаки встревожились и стали судить и рядить, чѣмъ бы помочь горю. Главнымъ образомъ имъ хотѣлось добиться, чтобы правительство болѣе опредѣленно выяснило ихъ права, преимущества и обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило ихъ матеріально въ возможно большей мѣрѣ, какъ людей, обязанныхъ военною службою на всемъ собственномъ содержаніи.

Съ этою цѣлью жители Алферовки, Градской, Красной и Пыховки собрались у своего ротмистра Семена Капустина, въ командѣ котораго тогда состояли хорунжіе Афанасій Куревлевъ и Иванъ Григоренковъ и писарь Михайло Пономаревъ. Тутъ сообща казаки рѣшили просить Военную Коллегію, чтобы ихъ не клали въ подушный окладъ, а что лучше согласны они всѣ служить, но только начальство пусть увеличитъ штатъ команды. Капустинъ посовѣтовалъ подать обо всемъ этомъ прошеніе черезъ коменданта Хоперской крѣпости полковника Подлецкаго, но казаки заволновались, ибо Подлецкому не довѣряли, не любили его и боялись, что просьбѣ ихъ онъ не дастъ надлежащаго хода. Разойдясь подъ предлогомъ еще переговорить на свободѣ въ своихъ слободахъ объ этомъ дѣлѣ, и теперь уже не довѣряя даже своимъ офицерамъ, казаки сговорились и выбрали изъ среды своей казака слободы Пыховки Петра Подцвирова и съ нимъ довѣренныхъ казаковъ: Андрея Аленникова, Андрея Помазанова, Павла Ткачева и атамана слоб. Красной Илью Рыбасова съ тѣмъ, чтобы они отправились въ Воронежъ, заявили обо всемъ губернатору и просили бы его позволенія ходатайствовать лично въ Военной Коллегіи, что они всѣ согласны служить казаками, для чего просятъ учредить изъ нихъ пятисотенный полкъ.

Позднею осенью 1772 года Подцвировъ съ товарищами явился въ Петербургъ и въ Военной Коллегіи подалъ прошеніе на Высочайшее Имя. Они просили, чтобы изъ казаковъ хоперской команды, ихъ дѣтей и родственниковъ зачислить на

службу всѣхъ годныхъ и вполнѣ исправныхъ, образовавъ изъ нихъ 5-ти-сотенный полкъ, а взамѣнъ этого въ подушный окладъ ихъ не класть, возвратить изстари принадлежавшія имъ земли и разныя угодья *); указать имъ служить только конную казацкую службу, „а на караулъ для содержанія внутри крѣпости пороховыхъ и провіантскихъ магазейновъ, яко въ непринадлежащую до казака, не посылать“. При этомъ депутаты жаловались на полковника Подлецкаго, что онъ обременяетъ ихъ неуказанною службою, употребляетъ на казенныя и частныя работы безплатно, вообще притѣсняетъ ихъ и обходится съ ними несправедливо.

12-го февраля 1773 года послѣдовалъ указъ Военной Коллегіи воронежскому губернатору о новой переписи всѣхъ хоперскихъ казаковъ въ 4-хъ слободахъ, а также живущихъ совмѣстно съ ними малороссіянъ и прочихъ разночинцевъ; разслѣдовать кто изъ казачьихъ дѣтей и ихъ родственниковъ положены въ подушный окладъ и желаютъ ли всѣ казаки, чтобы изъ нихъ былъ образованъ полкъ; вообще разслѣдовать все, о чемъ говорится въ прошеніи Подцвирова и теперь же запретить коменданту Подлецкому употреблять казаковъ на безплатныя работы; въ крѣпостные же караулы наряжать исключительно гарнизонныхъ солдатъ, „ибо хоперскіе казаки положены единственно для конной службы“. Для разслѣдованія жалобы и просьбы хоперскихъ казаковъ былъ посланъ въ Новохоперскую крѣпость Воронежскаго баталіона секундъ-маіоръ Головачевъ, который, по прибытіи на мѣсто, прежде всего приступилъ къ переписи казаковъ, согласно указа Военной Коллегіи, а затѣмъ уже къ разбору казачьей претензіи на коменданта.

Полковникъ Подлецкій, узнавъ о поданномъ Подцвировымъ прошеніи и о жалобахъ казаковъ на него, пришелъ въ сильную

---

*) Приложеніе № 10. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время хоперскіе казаки владѣли только однимъ бывшимъ Бѣляевскимъ юртомъ, а изъ Пристанскаго юрта въ казачьемъ владѣніи осталось только девять рыбныхъ озеръ; всѣ же прочія земли и угодья, по размежеваніи, въ 1768 году отошли къ разнымъ селеніямъ.

ярость и сталъ добираться до Подцвирова, вернувшагося въ мартѣ 1773 года изъ Петербурга, дѣйствуя принудительно на казацкаго старшину, чтобы отдать дерзкаго казака подъ судъ за самовольную, яко-бы, отлучку отъ команды. Прежде всего Подлецкій распорядился арестовать Подцвирова и съ этою цѣлью послалъ хорунжаго Григоренкова въ слободу Красную, гдѣ въ то время случайно находился Подцвировъ. Но слобожане-казаки, собравшись громадой, воспротивились аресту своего депутата и стали за него, такъ что хорунжему Григоренкову пришлось возвратиться ни съ чѣмъ. Въ тоже время подана была жалоба ротмистра Капустина на казака Подцвирова, вѣроятно по подговору полковника Подлецкаго, въ которой Капустинъ обвинялъ его въ пренебреженіи власти и самовольной отлучкѣ и требовалъ наказанія его, доказывая, что въ противномъ случаѣ поступокъ Подцвирова „можетъ въ конфузію и непослушаніе привести всю команду". Жалоба эта тоже не имѣла никакого успѣха. Высшее начальство не признало Подцвирова виновнымъ, а Подлецкій принужденъ былъ оставить свою должность; на его мѣсто назначенъ комендантомъ бригадиръ Аршеневскій.

Между тѣмъ секундъ-маіоръ Головачевъ, переписавъ хоперскихъ казаковъ, ихъ дѣтей и родственниковъ, не положенныхъ въ подушный окладъ, при чемъ всѣхъ ихъ служащихъ и неслужащихъ оказалось 1422 души мужского пола, продолжалъ разслѣдованіе порученнаго ему дѣла. Всѣ казаки единогласно заявили ему свое желаніе объ учрежденіи полка и что дѣйствительно всѣ они, кромѣ старшинъ, уполномочили Подцвирова хлопотать объ этомъ передъ правительствомъ. Здѣсь, между прочимъ, выяснилось, что многіе черкасы, состоявшіе въ подушномъ окладѣ съ 1763 года, раньше несли при Хоперской крѣпости конную службу вмѣстѣ съ прочими казаками. Они указывали, что отцы ихъ съ тѣмъ и вызывались охотниками при заселеніи крѣпости и слободокъ, чтобы служить казацкую служ-

бу; теперь же эти малороссіяне просили о причисленіи къ казакамъ, изъявившимъ желаніе на учрежденіе полка. Ротмистръ Капустинъ съ хорунжими Куревлевымъ и Григоренковымъ и писаремъ Пономаревымъ тоже изъявили на это свое согласіе. Въ томъ же году, окончивъ перепись казакамъ и разслѣдованіе ихъ нуждъ и жалобъ, Головачевъ сдѣлалъ обо всемъ подробное донесеніе въ Военную Коллегію, но, по случаю бывшей въ то время первой турецкой войны и пугачевскаго бунта, по этому донесенію тогда ничего не было сдѣлано.

Событія кроваваго и жестокаго пугачевскаго бунта коснулись также хоперскихъ казаковъ. Въ августѣ 1774 года, въ то время когда Пугачевъ съ огнемъ и мечемъ проходилъ по городамъ и селеніямъ правобережья Волги, внизъ по теченію, три мятежническія шайки пугачевцевъ, отдѣлившись отъ своихъ главныхъ силъ, ворвались въ предѣлы донского войска и Воронежской губерніи, въ уѣзды Новохоперскій и Нижнеломовскій и шли по Хопру и Медвѣдицѣ [92]). Противъ мятежниковъ приказано было дѣйствовать донцамъ, подъ командою полковника Себрякова, но онъ сказался больнымъ и переѣхалъ въ Новохоперскую крѣпость, передавъ всѣ распоряженія другимъ старшинамъ. Комендантъ кр. Новохоперской, бригадиръ Аршеневскій, узнавъ о приближеніи мятежниковъ, тоже порядкомъ перетрусилъ, имѣя въ своемъ распоряженіи одну только малочисленную хоперскую команду. Главнокомандующій, графъ Панинъ, ободрялъ и въ то же время стыдилъ Аршеневскаго за трусость, хотя понималъ его трудное положеніе; полковникъ же Себряковъ былъ преданъ суду. По случаю голода въ Воронежской губерніи многіе крестьяне охотно приставали къ бунту и вмѣстѣ съ мятежниками грабили и раззоряли барскія усадьбы, предавая казни чиновниковъ, помѣщиковъ и богатыхъ людей. Но большинство жителей бѣжало и скрывалось въ лѣсахъ съ имуществомъ и скотомъ. Надо полагать, что слабая по своему составу хоперская команда вначалѣ держалась оборонительнаго

образа дѣйствія, но затѣмъ, когда полковникъ Луковкинъ съ донцами разбилъ и выгналъ мятежниковъ изъ предѣловъ донского войска и перешелъ въ Воронежскую губернію, хоперскіе казаки начали въ свою очередь очищать окрестности отъ мятежниковъ *). Всю осень хоперская команда дѣйствовала противъ воровскихъ шаекъ [93]), скрывавшихся по лѣсамъ и трущобамъ и долгое время безпокоившихъ мирныхъ жителей даже послѣ окончательнаго усмиренія пугачевскаго бунта **).

Въ самый разгаръ бунта, въ іюлѣ 1774 года, президентъ Военной Коллегіи, генералъ-аншефъ Григорій Александровичъ Потемкинъ былъ назначенъ Новороссійскимъ, Астраханскимъ и Азовскимъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ всей легкой кавалеріи, въ томъ числѣ Моздокскаго, Хоперскаго, Чугуевскаго и Тобольскаго казачьихъ полковъ и Донского, Волжскаго, Астраханскаго, Оренбургскаго и Яицкаго казачьихъ войскъ [94]). О своемъ назначеніи Потемкинъ далъ знать всѣмъ подвѣдомственнымъ ему частямъ войскъ, чтобы они впредь во всѣхъ случаяхъ относились къ нему непосредственно [95]). Ставъ ближе къ казацкимъ интересамъ, Потемкинъ приказалъ дать ходъ донесенію секундъ-маіора Головачева о хо-

*) При одномъ изъ столкновеній хоперскихъ казаковъ съ пугачевцами былъ захваченъ въ плѣнъ полковникъ бунтовщиковъ Терентій Фень. За измѣну и мятежъ Фень приговоренъ былъ судомъ къ смертной казни, но, вслѣдствіе раскаянія и желанія его записаться въ казаки и служить въ Хоперскомъ полку, онъ былъ помилованъ и ему вмѣсто казни палачъ отрубилъ два пальца на правой рукѣ. Послѣ того Фень былъ зачисленъ въ Хоперскій полкъ, съ которымъ въ 1777 г. переселился на Кавказъ въ ст. Ставропольскую, а оттуда въ 1826 году на Кубань въ ст. Баталпашинскую, гдѣ и умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ столѣтнимъ старикомъ, оставивъ послѣ себя довольно большое семейство подъ фамиліею Феневыхъ. Фень разсказывалъ старымъ казакамъ, что Пугачевъ намѣренъ былъ распространить бунтъ между донскими казаками и крестьянами Воронежской и сопредѣльныхъ съ нею губерній, чтобы съ этой стороны идти на Москву. Какъ извѣстно планъ этотъ не удался самозванцу: ни донскіе, ни хоперскіе казаки къ бунту не пристали, а напротивъ встрѣтили мятежниковъ оружіемъ. Участіемъ въ подавленіи пугачевскаго бунта старые хоперцы очень гордились и при случаѣ въ спорахъ съ другими, а въ особенности съ сосѣдями своими на Кавказѣ, Волжскими казаками, всегда съ достоинствомъ и жаромъ говорили: „да, мы стояли противъ измѣнника Пугачева за законнаго Царя, а вы что дѣлали въ то время? Вы гуляли внизъ по матушкѣ по Волгѣ!“ (И. С. Кравцовъ. Старѣйшіе въ Кубанскомъ войскѣ хоперскіе казаки).

**) Объ участіи хоперскихъ казаковъ въ подавленіи пугачевскаго бунта болѣе подробныхъ свѣдѣній автору не удалось собрать.

перскихъ казакахъ. 6-го октября 1774 г. въ Военной Коллегіи былъ составленъ самый подробный всеподданнѣйшій докладъ *), въ которомъ коллегія, выяснивъ сначала образованіе хоперской команды, ея права и обязанности, ходатайствовала о сформированіи изъ хоперскихъ казаковъ 5-ти-сотеннаго полка, объ опредѣленіи ему жалованья, провіанта и фуража, о снабженіи оружіемъ и прочимъ снаряженіемъ и наконецъ о возвращеніи казакамъ ихъ прежнихъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій. Докладъ былъ утвержденъ Императрицею, но только въ слѣдующихъ пунктахъ: *сформировать 5-ти-сотенный полкъ съ надлежащимъ числомъ старшинъ*, а вмѣсто хлѣбнаго и денежнаго жалованья и прочихъ предметовъ казеннаго довольствія возвратить казакамъ ихъ прежнія земли со всѣми угодьями.

Для приведенія въ исполненіе утвержденныхъ пунктовъ доклада былъ назначенъ л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ Фаминцынъ, которому указомъ 27-го марта 1775 года повелѣвалось отмежевать Хоперскому полку по 15-ти десятинъ на каждую душу мужского пола и вмѣстѣ съ тѣмъ передать казакамъ во владѣніе всѣ тѣ земли, которыя имъ раньше принадлежали. Эти послѣднія назначались казакамъ собственно на содержаніе полка вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья **). Кромѣ того, по распоряженію президента Военной Коллегіи, капитану Фаминцыну поручалось переписать проживавшихъ въ битюцкой волости, въ селѣ Бобрахъ, крещеныхъ азіатцевъ, которыхъ причислить ко вновь формируемому Хоперскому полку, съ обращеніемъ въ казачье сословіе. Эти персіяне, калмыки и прочіе азіатцы въ разныя времена попали въ Хиву въ качествѣ военноплѣнныхъ и оттуда были проданы киргизъ-кайсакамъ, отъ которыхъ они бѣжали черезъ оренбургскую область въ Саратовскую и Воронежскую губерніи. Здѣсь они проживали по раз-

---

*) Приложеніе № 11.

**) Со времени своего сформированія и до осени 1777 года хоперскіе казаки не получали отъ казны никакихъ видовъ довольствія [96].

нымъ селеніямъ, и когда наше правительство повелѣло имъ избрать родъ занятій, то они изъявили желаніе поступить въ казачье сословіе и были зачислены въ Хоперскій полкъ *).

12-го мая 1775 года Фаминцынъ прибылъ въ крѣпость Новохоперскую и прежде всего приступилъ къ отмежеванію земель для Хоперскаго полка. Дѣло это шло настолько успѣшно, что 21-го іюля казаки уже вступили во владѣніе своими землями, которыхъ имъ было отмежевано 188,359 десятинъ [97]), сообразно старыхъ границъ. Вслѣдъ затѣмъ была произведена подробная перепись всѣмъ способнымъ къ службѣ казакамъ, назначеннымъ на сформированіе и комплектованіе полка въ случаѣ убыли.

Перепись хоперскихъ казаковъ выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ [98]):

Въ слободахъ:	Служащихъ казаковъ.	Годныхъ къ строевой службѣ.	Отставныхъ.	Малолѣтковъ и стариковъ.
Градской	42	65	31	141
Красной	40	162	32	327
Алферовкѣ	14	72	14	129
Пыховкѣ	20	120	17	287

Всего 1513 человѣкъ мужского пола.

Во время переписи, проживавшіе въ слободахъ и положенные въ 85-ти-копѣечный подушный окладъ послѣ переписи 1763 года [99]), черкасы-казаки, о которыхъ сказано выше, подали Фаминцыну прошеніе, чтобы ихъ выключили изъ подушнаго оклада и зачислили бы также въ Хоперскій полкъ. Просьба эта была уважена и всѣ изъявившіе желаніе служить казаками, въ числѣ 755-ти душъ мужского пола, были причислены къ хоперцамъ. Тогда же въ Хоперскій полкъ зачислено съ обраще-

*) Потомки этихъ калмыковъ и персіянъ—семейства Есауловыхъ, Михайловыхъ, Ильиныхъ, Асановыхъ, Абдуловыхъ, Шамайскихъ и другихъ—и теперь живутъ въ Суворовской и Баталпашинской станицахъ хоперскаго полкового округа, слившись съ кореннымъ населеніемъ полка. Всѣ они безъ исключенія исповѣдуютъ православную вѣру, служатъ и хозяйничаютъ исправно и ни въ чемъ не отстаютъ отъ прочихъ казаковъ. Многіе изъ нихъ дослужились до офицерскихъ и даже генеральскихъ чиновъ.

ніемъ въ казачье сословіе 145 семействъ, въ числѣ 295-ти человѣкъ мужского пола, крещеныхъ азіатцевъ (80 калмыковъ, 208 персіянъ и 7 разныхъ націй). По своей бѣдности они были переселены на счетъ казны и водворены на жительство въ слободѣ Алферовкѣ [100]). За свои труды капитанъ Фаминцынъ всемилостивѣйше былъ награжденъ чиномъ полковника [101]), а затѣмъ уже въ дѣлѣ формированія Хоперскаго полка главную роль игралъ командиръ его полковникъ Устиновъ, Фаминцынъ же только помогалъ ему.

Назначеніе арміи преміеръ-маіора и войска донского полковника Устинова командиромъ Хоперскаго полка состоялось по ордеру графа Г. А. Потемкина на его имя отъ 24-го сентября 1775 года за № 1524 *). Въ этомъ ордерѣ Потемкинъ предписалъ Устинову отправиться въ кр. Новохоперскую и тамъ принять отъ коменданта ея, бригадира Аршеневскаго, всѣхъ хоперскихъ казаковъ по переписи вмѣстѣ съ ихъ семействами и принадлежавшею имъ землею и изъ самыхъ лучшихъ изъ нихъ сформировать 5-ти-сотенный полкъ съ надлежащимъ числомъ старшинъ по штату **). Прибывъ въ Новохоперскъ и принявъ отъ Аршеневскаго всѣхъ хоперскихъ казаковъ и причисленныхъ къ нимъ крещеныхъ азіатцевъ съ ихъ семействами, поселенныхъ въ слободахъ Градской, Алферовкѣ, Пыховкѣ и Красной, и отмежеванную для нихъ полковую землю, полковникъ Устиновъ приступилъ къ формированію полка. Первоначально полкъ былъ сформированъ въ составѣ 15-ти старшинъ и 500 казаковъ изъ самыхъ лучшихъ и видныхъ людей.

Дошедшія до насъ устныя преданія стариковъ передаютъ, что выборъ полковой старшины, т. е. есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ Устиновъ производилъ изъ общаго числа всѣхъ хоперскихъ казаковъ, по указанію и избранію какъ самихъ каза-

*) Приложеніе № 12.

**) Штатъ, приложенный къ ордеру, не розысканъ и содержаніе его неизвѣстно. Судя по нѣкоторымъ даннымъ Хоперскій полкъ былъ первоначально сформированъ въ числѣ 15-ти старшинъ и 500 казаковъ.

ковъ, такъ и ихъ офицеровъ, ротмистра Капустина и другихъ. Въ старшины были выбраны люди „достойные и неподозрительные, къ воинской казачьей службѣ, управленію и порядкамъ силу знающіе и исправные". Въ число старшинъ прежде всего попали бывшіе хоперскіе ходатаи объ общественныхъ нуждахъ —казаки Петръ Подцвировъ и Павелъ Ткачевъ, произведенные графомъ Потемкинымъ первый въ есаулы съ чиномъ армейскаго поручика, а второй въ сотники съ чиномъ подпоручика *). Эти выборные полковые старшины, по преданію, были люди большею частью неграмотные, но выдающіеся по своимъ наружнымъ и внутреннимъ качествамъ. Преданіе добавляетъ, что полковникъ Устиновъ былъ человѣкъ строгій и требовательный и бѣдной полковой старшинѣ на первыхъ порахъ изрядно доставалось отъ полкового командира, который не останавливался даже передъ тѣлесными наказаніями.

Сформированіе полка изъ хоперскихъ казаковъ нисколько не измѣнило ихъ службы. Они по прежнему цѣлыми сотнями или небольшими командами посылались въ разъѣзды по окрестностямъ для охраны населенія отъ лихихъ людей, ловили бродягъ и бѣглыхъ, содержали караулы на форпостахъ и карантинныхъ заставахъ и прочая. Такъ шла служба хоперцевъ до лѣта 1777 года, когда по царскому повелѣнію Хоперскій полкъ переселился на постоянное жительство на сѣверный Кавказъ.

---

*) Приложеніе № 23. Полковые старшины утверждались въ чинахъ указами Военной Коллегіи и сохраняли свои званія до смерти. На армейскіе же чины выдавались Коллегіею особые патенты.

ГЛАВА II.

На азовско-моздокской линіи въ 1777—1825 гг. Краткое географическое описаніе прикубанскаго края и очеркъ татарскихъ и горскихъ народовъ тамъ обитавшихъ въ концѣ XVIII вѣка. Переселеніе Хоперскаго полка на Кавказъ. Постройка крѣпостей и станицъ и ихъ вооруженіе. Заселеніе станицъ казаками. Земельный и лѣсной надѣлы и довольствіе отъ казны. Полковое военно-гражданское устройство и самоуправленіе. Воинская повинность. Казачья старшина. Комплектованіе полка и его штатъ. Одежда, вооруженіе и прочее воинское снаряженіе казаковъ. Средства къ жизни и службѣ. Бытъ старшины и казака и взаимныя ихъ отношенія. Положеніе женщины въ семьѣ.

Въ 1774 году по кучукъ-кайнарджинскому миру, заключенному съ Турціею по окончаніи первой турецкой войны, къ Россіи отошли берега Азовскаго моря, при чемъ границею нашею на Кавказѣ опредѣлено было считать рѣки Калаусъ и Ею; кабардинцы признавались нашими подданными, а Крымъ и ногайцы, кочевавшіе въ азовско-кубанскихъ степяхъ объявлены независимыми [102]). До этого времени наша граница на Кавказѣ тянулась по р. Тереку, отъ Каспійскаго моря до устья р. Малки, на протяженіи 210-ти верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ она была заселена станицами кизлярскихъ, гребенскихъ, терскихъ и моздокскихъ казаковъ съ укрѣпленными пунктами Кизляромъ и Моздокомъ [103]). Эта пограничная линія, обрываясь у Моздока, оставалась въ сторонѣ отъ громаднаго степного пространства, лежавшаго между Терекомъ и Азовомъ, и была совершенно открыта и ничѣмъ не обезпечена отъ набѣговъ ногайскихъ татаръ и закубанскихъ горцевъ. Князь Потемкинъ, какъ новороссійскій, астраханскій и азовскій генералъ-губернаторъ, рѣшилъ продолжить линію нашихъ поселеній отъ Моздока къ Дону, гдѣ и поселить хоперскихъ и волжскихъ казаковъ [104]).

Главный Кавказскій хребетъ отъ Эльборуса по направленію на сѣверо-западъ разчленяется по длинѣ своей на нѣсколько продольныхъ почти параллельныхъ между собою отдѣльныхъ хребтовъ. Изъ такихъ гребней, между Эльборусомъ и р. Бѣлою, слѣдуетъ отмѣтить Черныя горы, возвышающіяся впереди главнаго хребта, какъ гласисъ передъ крѣпостнымъ валомъ. Эти горы къ сѣверу спускаются постепенно въ видѣ длинныхъ, плоскихъ возвышенностей, образуя долины, по которымъ протекаютъ многочисленные лѣвые притоки р. Кубани. Къ сторонѣ главнаго хребта, къ югу, онѣ обрываются круто, почти отвѣсно, и представляютъ глубокія пропасти, на днѣ которыхъ бѣшено несутся горныя рѣки, прорывая собою общій гребень Черныхъ горъ. Названіе свое эти горы получили отъ вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ, которыми покрыты сѣверные скаты ихъ, издали кажущіеся черными [105]).

Отъ главнаго Кавказскаго хребта, между р. Малкою и истоками Кубани, начинается длинная, плоская и террасообразная возвышенность, служащая водораздѣломъ бассейновъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей. Эта возвышенность простирается на сѣверъ и даже нѣсколько на сѣверо-западъ до $45^1/_2{}^{\circ}$ сѣверной широты, наполняя собою пространство, ограниченное рр. Кубанью, Кумою и Манычемъ. Вся она состоитъ изъ продолговатыхъ плоскихъ холмовъ различной величины, расположенныхъ террасами, крутые скаты которыхъ обращены къ югу, какъ, напримѣръ, горы Сычева, Брыкова, Темнолѣсская и другія. Наибольшая высота этого холмистаго плоскогорья достигаетъ 2400 футовъ недалеко отъ станицы Темнолѣсской, причемъ изъ него берутъ начало большія степныя рѣки Калаусъ, Егорлыкъ, Ея, Челбасы и нѣсколько незначительныхъ притоковъ Кубани съ правой и Кумы съ лѣвой стороны.

Во многихъ мѣстахъ при-кубанской и при-кумской равнинъ разбросаны небольшіе курганы, достигающіе нерѣдко 8-ми и болѣе саженей въ вышину. По всей вѣроятности эти насыпи

—могилы половцевъ и другихъ кочевниковъ, нѣкогда обитавшихъ на югѣ Россіи. На этихъ курганахъ казаки ставили свои денные пикеты, а иногда устраивали пограничные посты. Часто эти курганы служили оріентировочными пунктами въ походахъ по степи нашихъ летучихъ отрядовъ.

Кубань, по черкески „Пшизъ“ (князь рѣкъ), въ древности называлась Ахардае, у Геродота и Страбона—Шпанисъ, образуется изъ нѣсколькихъ истоковъ, берущихъ начало съ юго-западнаго снѣгового склона Эльборуса и горы Бече. До Каменнаго моста Кубань несетъ свои бурныя волны между лѣсистыми и обрывистыми высокими берегами по каменистому узкому ложу. Нѣсколько выше впаденія р. Теберды теченіе Кубани стѣсняется двумя скалами, сближающимися на разстояніи четырехъ саженей одна отъ другой, черезъ которыя еще въ незапамятныя времена смѣлый горецъ перебросилъ нѣсколько бревенъ и покрылъ ихъ плетнемъ. Эту зыбкую переправу русскіе назвали „Каменнымъ мостомъ“. Стиснутая скалами Каменнаго моста, Кубань съ необыкновенною силою вырывается на просторъ и, миновавъ тѣснину, принимаетъ съ правой стороны р. Мару, а съ лѣвой р. Теберду. Здѣсь она течетъ въ глубокомъ, скалистомъ и лѣсистомъ ущельи по каменистому и узкому руслу.

Принявъ далѣе рр. Джегуту и Джеганасъ, Кубань передъ станицею Баталпашинскою выходитъ на равнину и здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ течетъ не однимъ русломъ, а многочисленными рукавами, особенно между станицею Баталпашинскою, постомъ Яманъ-Джалгинскимъ, станицею Бѣломечетскою, устьемъ рѣки Невинки и ниже Невинномысской. Между станицами Баталпашинскою и Прочноокопскою Кубань съ лѣвой стороны принимаетъ довольно многоводные притоки Малый и Большой Зеленчуки и Урупъ. Отъ Баталпашинской и до устья Кубани лѣвый ея берегъ только въ немногихъ мѣстахъ достигаетъ высоты 10-ти саженей, какъ, напримѣръ, близъ станицъ Баталпашинской, Бѣломечетской, Барсуковской и Николаевской, на осталь-

номъ же протяженіи онъ обыкновенно имѣетъ высоту отъ одной до двухъ саженей. Правый берегъ Кубани представляетъ значительныя высоты, которыя круто поднимаются надъ самою рѣкою и, постепенно понижаясь къ Черному морю, около Тамани совершенно сливаются съ окружающими болотами. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ нагорный берегъ отодвигается отъ Кубани на разстояніи 1-й—3-хъ верстъ, какъ, напримѣръ, у станицъ Баталпашинской, Бѣломечетской и между Невинномысской и Убѣженской.

Въ половодье, въ маѣ и іюнѣ, Кубань выходитъ изъ береговъ и со страшною быстротою несетъ свои мутныя волны. Въ это время она становится опасною, и самый отважный хищникъ не рискуетъ переправляться черезъ нее на своемъ лучшемъ конѣ. Въ остальное же время Кубань отъ Каменнаго моста и до станицы Барсуковой имѣла много бродовъ и не составляла особой преграды для непріятельскихъ набѣговъ. Лучшіе броды существовали: у Каменнаго моста, при впаденіи рр. Теберды, Мары, Учкуль, Джегуты и Тахтамыша, у Баталпашинскаго редута, откуда до поста Жмурина на разстояніи 7-ми верстъ почти вездѣ можно переѣхать Кубань; броды находились также у постовъ Жмурина и Бѣломечетскаго, при впаденіи Малаго Зеленчука и почти повсюду на разстояніи 12-ти верстъ до поста Усть-Невинскаго, гдѣ находилась девятая переправа, и, наконецъ, десятая, у Невиннаго Мыса [106]).

Кума беретъ начало изъ хребта, составляющаго сѣверный отрогъ Эльборуса, нѣсколько восточнѣе р. Хумары. Въ верховьяхъ своихъ она течетъ въ глубокомъ обрывистомъ и скалистомъ оврагѣ, шириною отъ 100 до 150-ти и болѣе саженей, покрытомъ лѣсомъ; самая рѣка извивается по узкому каменистому руслу и передъ станицею Бекешевскою выходитъ изъ тѣснины, хотя оба возвышенные берега не расходятся далѣе одной или двухъ верстъ; въ этихъ мѣстахъ Кума течетъ нѣсколькими небольшими протоками.

Лѣса въ старину покрывали довольно значительныя пространства закубанскаго края, а также берега и островки Кубани и Кумы, долины и ущелья рр. Тамлыка, Тахтамыша, Джегуты и Джеганалу. Дремучіе лѣса встрѣчались около Ставрополя и станицы Темнолѣсской и на вершинахъ р. Калауса, а по глубокимъ балкамъ и широкимъ ложбинамъ всюду росли громадные бурьяны, кустарники и камыши, что вмѣстѣ съ пересѣченною мѣстностью служило для горцевъ любимымъ мѣстомъ засадъ, дневокъ и безнаказаннаго укрывательства.

Далѣе къ Азовскому морю и внизъ по Кумѣ, на востокъ, растилались необозримыя степи съ богатою растительностью. Въ тѣ поры въ лѣсахъ водились дикіе козы, олени, медвѣди, рысь, тетерева, глухари, фазаны, заходилъ нерѣдко и барсъ; въ степяхъ же бродили табуны сайгаковъ и джейрановъ; по низменнымъ и болотистымъ мѣстамъ въ невылазныхъ заросляхъ гуртами жили дикія свиньи и копошились безчисленныя стаи всякой болотной и степной птицы. Сторона была богатая дарами природы, но пустынная и непривѣтливая.

До прихода хоперскихъ казаковъ на Кавказъ, въ степяхъ между рр. Кубанью, Кумою, Егорлыкомъ и Калаусомъ обитали полукочевые, полуосѣдлые народы татарскаго происхожденія ногайцы и абазины [107]). Ногайцы дѣлились на орды, которыя носили наименованія по своимъ родоначальникамъ, а именно: Тахтамышъ, Мансуръ, Карамурза, Наурузъ, Кипчакъ и другіе; изъ нихъ важнѣйшими фамиліями считались: Султановы, Ахловы, Тугановы, Мансуровы, Ураковы, Беймурзины, Джетишкуловы и прочія. Между абазинами примѣчательныя общества считались: Дударукуа, Лоовы, Бибердъ, Клычъ и другія. Изъ ногайцевъ три орды: наврузская, бистенеевская и касаевская кочевали по правому берегу Кубани.

Сюда же, въ при-азовскія степи, между Кубанью и Ею, въ маѣ 1771 года, по повелѣнію Императрицы Екатерины II были переселены съ бендерской степи четыре ногайскія орды: едиш-

кульская, едисанская, джамбулакская и буджацкая [108]). Это стѣснило старожиловъ кочевыхъ ногайцевъ, почему большая часть изъ нихъ удалилась за Кубань, поселилась по обоимъ Зеленчукамъ и Урупу и подружилась съ черкесскими племенами, жившими въ закубанскомъ краѣ. Переселенныя въ прикубанскія степи ногайскія орды подчинялись Россіи и находились подъ ея покровительствомъ какъ союзники, такъ что даже корпусу генерала де-Медема поручено было защищать покорныхъ ногайцевъ и оказывать имъ всякую помощь и содѣйствіе.

Въ 1776 году среди ногайскихъ ордъ начались междоусобные смуты и раздоры, имѣвшіе связь съ происходившими волненіями въ Крыму, по случаю сверженія хана Саипъ-Гирея и возведенія на престолъ брата его, Шагинъ-Гирея, при чемъ около 5000 казановъ *) ногайцевъ перешли съ Кубани на бендерскую степь, а нѣкоторая часть ихъ соединилась даже съ закубанцами. Съ этого времени пошли неурядицы въ прикубанскихъ степяхъ, которыя заставили русское правительство принять мѣры къ удержанію въ повиновеніи ногайцевъ и къ изолированію ихъ со стороны Крыма и Турціи, откуда собственно и появлялась враждебная намъ пропаганда. Съ этою цѣлью на Кавказъ былъ вызванъ генералъ-поручикъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Принявъ въ командованіе кубанскій корпусъ, Суворовъ въ зиму съ 1777 на 1778 годъ при помощи 3000 рабочихъ, высланныхъ съ Дона, укрѣпилъ редутами и фельдшанцами линію отъ Азова до Тамани, а оттуда вверхъ по Кубани до нынѣшней станицы Кавказской [109]). Такимъ образомъ, ногайскія орды были отдѣлены отъ Крыма, Турціи и закубанскихъ черкесъ.

Въ 1781 году всѣ ногайцы, кочевавшіе въ прикубанскихъ степяхъ, возмутились за стѣсненіе ихъ буйной свободы, слѣдствіемъ чего было переселеніе къ Акерману 18,000 кибитокъ буд-

*) Народонаселеніе ногайскихъ ордъ считалось по числу казановъ, т. е. мѣдныхъ котловъ, полагая одинъ такой котелъ на семейство, жившее въ одной кибиткѣ.

жацкихъ ногаевъ, увлекшихъ съ собою часть едисановъ [110]). Поэтому рѣшено было наконецъ положить предѣлъ необузданному своеволію ногайскаго народа и свѣтлѣйшій князь Потемкинъ приказалъ переселить его въ обезлюдившія послѣ пугачевскаго бунта уральскія степи. Исполненіе этого онъ поручилъ генералъ-поручику Суворову. Прибывъ въ укр. Ейскъ въ 1782 году, и принявъ въ командованіе кубанскій корпусъ, Суворовъ произвелъ перепись всѣмъ ногайцамъ, а въ іюнѣ слѣдующаго года онъ привелъ къ присягѣ на вѣрность Россіи едишкульскихъ, едисанскихъ, буджацкихъ и джамбулакскихъ ногаевъ вмѣстѣ съ султаномъ Адиль-Гиреемъ.

Въ томъ же 1783 году Суворовъ приступилъ къ переселенію названныхъ ордъ на уральскую степь, но ногаи, возбуждаемые ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, начали волноваться и бунтовать. Во время этихъ волненій значительная часть ихъ устремилась за Кубань, съ цѣлью переселиться къ черкесамъ, но настигнутые Суворовымъ на Лабѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Кубани, ногайцы понесли жестокое пораженіе при урочищѣ Керменчикъ и принуждены были покориться. Часть ихъ успѣла однако уйти къ устьямъ Урупа и Лабы, а остальные переселены большею частью за Уралъ и въ степи между Ставрополемъ и Астраханью. Такъ, по р. Калаусу и его притокамъ, Б. и М. Янкулямъ, заняли кочевьями кипчаковцы казбулатовцы и наурусовцы; по Кумскимъ Барсукамъ—мангитовцы; по Тахтамышу и Тамлыку расположились селенія абазиновъ Дударуковыхъ, Клычевыхъ и Шахима Лоова; по Кумѣ, выше нынѣшней ст. Бекешевской—абазины Бибердова и Лоова, а ниже станицы Суворовской—ногайцы джембулатовцы, казбулатовцы и едисанцы [111]). Спустя нѣсколько лѣтъ, эти ногайцы были обезоружены, подчинены русскому управленію и постепенно потеряли воинственность, хотя не переставали заниматься разбоями и воровствомъ вплоть до окончательнаго заселенія русскимъ элементомъ Ставропольской губерніи въ половинѣ текущаго столѣтія.

Ногайцы занимались скотоводствомъ, овцеводствомъ и имѣли большіе табуны лошадей. По характеру своему народъ этотъ скрытенъ, корыстолюбивъ, завистливъ и склоненъ къ воровству. Гостепріимство у ногайцевъ, хотя составляло видную черту ихъ характера, но вслѣдствіе привычки къ обману и полнаго отсутствія понятій о нравственности, они только съ разсчетомъ принимали гостя и при удобномъ случаѣ безсовѣстно обкрадывали его, также какъ и гость не стѣснялся обокрасть хозяина. Считаясь мирными и русскими подданными и живя вблизи русскихъ поселеній, народъ этотъ былъ самымъ величайшимъ зломъ въ жизни нашихъ пограничныхъ казачьихъ станицъ. Съ первыхъ же годовъ поселенія на азовско-моздокской линіи, казаки на себѣ испытали степень преданности и миролюбія этихъ двуличныхъ друзей, мнимыхъ кунаковъ своихъ. Они вмѣстѣ съ кабардинцами и черкесами постоянно участвовали во всѣхъ набѣгахъ на нашу линію, шпіонили за нами, служили горцамъ проводниками въ хищническихъ партіяхъ и укрывателями въ своихъ аулахъ. Впрочемъ, нужно отдать имъ справедливость: они ради золота и подарковъ одинаково продавали и своихъ единовѣрцевъ и русскихъ. Въ этомъ отношеніи особенную извѣстность пріобрѣлъ въ тѣ времена ногайскій мурза Исламъ-Мусинъ [112]).

Но за Кубанью и Кумою обитали болѣе воинственные народы нежели ногайцы; это были закубанскіе черкесы и кабардинцы, самые опасные враги и сосѣди казаковъ. Черкесы называли себя адыге и абадзе; къ первымъ принадлежали беслѣнеевцы, обитавшіе на Б. Лабѣ и Тегеняхъ; изъ владѣльцевъ ихъ извѣстны князья Кануковы и Шалоховы. Темиргоевцы и егерукаевцы жили на нижней Лабѣ; у темиргоевцевъ замѣчателенъ былъ родъ князей Балотоковыхъ. Махошевцы—на лѣвомъ берегу Лабы выше Темиргоя; владѣтельный князь Богарсукъ. Гатюкаевцы—на Лабѣ и Бѣлой. Бжедухи—по рр. Псекупсу и Пшишу. Бѣглые кабардинцы, издавна поселились по долинамъ обоихъ Зеленчуковъ и въ верховьяхъ Урупа. Народъ этотъ—

выходцы изъ Кабарды, прежде жили на плоскости Кумы и Баксана, а въ 1804 году покинули свои равнины и перешли за Кубань. Къ абадзе принадлежали: абадзехи, жившіе по обоимъ берегамъ р. Бѣлой между Лабой и Пшишемъ; шапсуги, натухайцы и убыхи жили на западъ отъ предъидущихъ.

Кромѣ этихъ племенъ, по верховьямъ рр. Лабы и Зеленчуковъ, по Кефару и Бежгону обитали общества абхазскаго племени: башильбай, медовей, багъ, тамъ, кызылъ-бекъ, шагирей, баракай и другіе мелкіе народцы. Наконецъ въ верховьяхъ Кубани и по р. Тебердѣ жили карачаевцы, которыхъ считаютъ остаткомъ древняго народа маджаръ (нынѣ венгры). Кабардинцы, народъ неизвѣстнаго происхожденія, издавна поселились по долинамъ рр. Малки, Баксана, Чегема, Подкумка. Они занимались коневодствомъ и скотоводствомъ, были воинственны и между кавказскими горцами считались законодателями моды, внѣшняго изящества, военной выправки и прочихъ качествъ лихого и ловкаго наѣздничества.

Кто такіе черкесы, откуда они и когда поселились въ закубанскомъ краѣ—неизвѣстно ничего и исторія не даетъ о нихъ никакихъ свѣдѣній. Сами себя они называли адыге и абадзе; у греческихъ историковъ они упоминаются подъ именемъ зиховъ, торетовъ, керкетовъ, а русскіе называли ихъ просто черкесами. Они считали себя вольными и не подчинялись ни турецкому, ни русскому правительствамъ и каждый народъ, каждое племя жили совершенно самостоятельною жизнью. У нѣкоторыхъ племенъ были владѣтельные князья и дворянство. Князь считался главою народа, начальникомъ его вооруженныхъ силъ, занималъ первое мѣсто въ народномъ собраніи, но никакой власти не имѣлъ; онъ жилъ войною и тѣмъ, что на него работали его собственные крестьяне. Неограниченною властью пользовался только старшій въ семьѣ. Черкесскія общества искони управлялись своими мірскими сходками или собраніями народа. По коренному обычаю черкесъ, каждая община или общество, каждый

народъ были совершенно самостоятельны, никому не подчинялись, управлялись сами собою на мірской сходкѣ, судили въ народномъ судѣ по адату (обычаю или шаріату—гражданское право мусульманъ, основанное на коранѣ). Общее народное собраніе, на которое собираются вольные люди народа, имѣло цѣлью разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ между обществами и всѣ вопросы о войнѣ и мирѣ. Такимъ образомъ, по своему гражданскому устройству закубанскіе народы представляли изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ республикъ, составлявшихъ какъ бы одинъ федеральный союзъ.

Черкесы вообще средняго роста съ правильными и мужественными чертами лица, сквозь которыя, однако, проглядываетъ свирѣпость. Изъ числа черкешенокъ попадались настоящія красавицы. У черкесовъ много было стремленія къ изяществу и внѣшнему блеску: адыге считались большой руки джентльменами, находя даже неприличнымъ сражаться пѣшкомъ, а только на конѣ и непремѣнно холоднымъ оружіемъ. Всѣ черкесы и особенно кабардинцы весьма домовиты, занимались скотоводствомъ и коневодствомъ; земледѣліе же стояло на самой низкой степени развитія, они сѣяли только кукурузу и просо и то въ самомъ ограниченномъ количествѣ, необходимомъ только для пропитанія.

Религіозныя понятія и убѣжденія черкесовъ были весьма неопредѣленны и крайне шатки, представляя изъ себя смѣсь христіанства, магометанства и язычества; впрочемъ, магометанство, благодаря сосѣдству турокъ и ногайцевъ было сильнѣе привито черкесу, нежели другія понятія. Болѣе всего черкесы вѣрили въ нечистую силу и въ массу всевозможныхъ примѣтъ, очень боялись сверхъестественныхъ явленій, а потому были до крайности суевѣрны. Находясь на низкой степени духовнаго и умственнаго развитія, они всетаки обладали нѣкоторыми нравственными качествами, какъ, напримѣръ, уваженіемъ къ старымъ людямъ и гостепріимствомъ, но послѣднее наблюдалось только

по отношенію къ своимъ соотечественникамъ или единовѣрцамъ. Кунachество и хлѣбосольство тоже было въ характерѣ черкеса, въ остальномъ же царилъ дикій произволъ неограниченной власти старшаго въ семьѣ, кровомщеніе, униженіе женщины и прочая.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ черкесы считались воинственнымъ народомъ; мирный бытъ не свойственъ имъ. Черкесы были самые ярые поклонники войны, проводя всю жизнь свою въ постоянныхъ походахъ, рыская по горамъ, лѣсамъ и степямъ ради добычи и боевыхъ подвиговъ, чтобы этимъ прославить свое имя. И дѣйствительно, по понятіямъ горцевъ, только удалой разбойникъ, неутомимый хищникъ и дерзкій воръ получали право на громкое названіе „джигита".

„Воровство и грабежъ—говорили горцы—наше занятіе, также какъ ваше—соха и торговля. Грабежемъ жили наши отцы и дѣды и если мы оставимъ ихъ ремесло, то будемъ вынуждены погибнуть отъ голода". При такихъ понятіяхъ и условіяхъ жизни все воспитаніе юношества сводилось къ умѣнью владѣть оружіемъ и управлять конемъ, эти качества черкесъ усваивалъ до тонкостей и владѣлъ ими въ совершенствѣ. Все горское мужское населеніе было поголовно вооружено кинжалами, шашками, ружьями и пистолетами; въ большомъ употребленіи были луки и стрѣлы, а также предохранительное вооруженіе: кольчуги и панцыри, металлическія шапки, налокотники, наколѣнники и прочая. Впрочемъ, послѣднее вооруженіе съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія (нарѣзныя винтовки) постепенно исчезло. Лучшую конницу составляли кабардинцы, беслинеевцы, ногаи, темиргоевцы и махошевцы, такъ какъ у нихъ были отличные табуны кабардинскихъ лошадей, представлявшихъ весьма удачное соединеніе степной и горной породъ съ незначительною примѣсью арабской крови. Абадзехи и нѣкоторые другіе черкесы, жившіе преимущественно въ горахъ и лѣсахъ, считались отличною пѣхотою и слыли за стрѣлковъ.

Одежду черкесовъ составляли черная косматая баранья шапка съ высокимъ верхомъ, обшитымъ серебрянымъ галуномъ, бешметъ, черкеска, а зимою еще овчинный полушубокъ; на ногахъ—суконныя или кожаныя ноговицы и чевяки. Какъ одежда, такъ и обувь были удобнаго и красиваго покроя, ловко охватывая станъ и ноги и вполнѣ удовлетворяли требованіямъ наѣздника и коннаго бойца. Изобиліе оружія на черкесѣ нисколько не стѣсняло его и при движеніи не выдавало его бряцаніемъ или блескомъ. Все это было ловко приспособлено: кинжалъ носился въ деревянныхъ, оклеенныхъ кожею ножнахъ на поясѣ впереди и съ нимъ черкесъ никогда не разставался даже и въ домашнемъ быту; такого же сорта ножны дѣлались и для шашки, при чемъ она входила въ нихъ вмѣстѣ съ рукояткою; шашечные ножны снаружи, въ нижней своей половинѣ, оклеивались кускомъ матеріи, пропитанной воскомъ, такая же оклейка находилась и на рукояткѣ плети *).

Ружье носилось въ войлочномъ косматомъ чехлѣ черезъ правое плечо, а пистолетъ или за поясомъ сзади, или въ кожаной кобурѣ съ лѣвой стороны около шашки. Погонный ремень на винтовкѣ былъ такъ пригнанъ, что послѣ выстрѣла черкесъ вѣшалъ ружье на лѣвую руку и заряжалъ на всемъ скаку. Для болѣе мѣткой стрѣльбы изъ засады пѣшкомъ, черкесъ возилъ съ собою подсошки (это два тонкихъ деревянныхъ прута, отдѣланныхъ по концамъ костью и связанныхъ на одномъ концѣ ремешкомъ), которыя прилаживались вдоль ружейнаго чехла и не мѣшали ни конному, ни пѣшему. На черкескѣ по обѣимъ сторонамъ груди пришивались кожаныя гнѣзда для патроновъ, помѣщавшихся въ деревянныхъ гильзахъ (газыряхъ); на поясѣ вѣшалась отвертка, жирница и небольшая кожаная сумка съ необходимыми мелкими вещами въ походѣ (огниво, кремень, сѣр-

*) При нуждѣ такая восковая клеенка замѣняла собою факелъ: скрученная длиннымъ жгутомъ, она зажигалась и употреблялась какъ свѣча. Оклейка восковою клеенкою нижней половины шашечныхъ ноженъ предохраняла шашку отъ сырости при переправѣ черезъ рѣку въ бродъ.

ныя спички, шило, кожаный стаканъ и прочая). Въ походъ черкесъ бралъ съ собою башлыкъ, бурку, замѣнявшую ему теплый плащъ, небольшія переметныя сумы съ кускомъ овечьяго сыра и двумя-тремя пригоршнями жаренаго въ маслѣ пшена, затѣмъ арканъ и треногу; всѣ эти вещи увязывались при сѣдлѣ, которое было покойно, легко и никогда не портило спины лошади, оставаясь на ней даже по цѣлымъ недѣлямъ. Какъ самъ черкесъ, такъ и его боевой конь отличались изумительною выносливостью и неприхотливостью. Въ походахъ хозяинъ требовалъ отъ коня полнаго напряженія силъ, за то на отдыхѣ, дома, онъ становился самымъ преданнымъ слугою и нянькою своего боевого товарища. Таковы были въ общихъ чертахъ бытъ и характеръ закубанскаго черкеса временъ кавказской войны!

— —

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, рѣшивъ окончательно переселить на Кавказъ хоперскихъ и волжскихъ казаковъ, поручилъ астраханскому губернатору генералъ-маіору Якоби „самолично осмотрѣть положеніе границы нашей, простирающейся отъ Моздока до Азова“ [113]). Въ 1775 году г.-м. Якоби вмѣстѣ съ подполковникомъ Германомъ, осмотрѣвъ границу, составилъ карту мѣстности [114]) и описаніе новой пограничной линіи. Все это онъ представилъ князю Потемкину, отъ котораго въ апрѣлѣ 1777 года послѣдовалъ всеподданнѣйшій докладъ Императрицѣ Екатеринѣ II, относительно заселенія хоперскими и волжскими казаками новой азовско-моздокской линіи [115]).

Въ этомъ докладѣ сказано:.... „1. Назначеннымъ къ переселенію на ту линію. Волжскому войску.... также Хоперскому казацкому полку, имѣющему селеніе свое въ 27-ми верстахъ отъ донскихъ станицъ и слѣдовательно въ ненужномъ мѣстѣ расположенному, указать перейти туда наступающею весною, а для содержанія форпостовъ нарядить изъ донского войска пристойное прикрытіе, и для всѣхъ оныхъ приготовить провіантъ

въ нужныхъ для того мѣстахъ...., 4. Назначенныя вновь линейныя укрѣпленія наименовать, какъ благоугодно будетъ. И чтобъ всѣ оныя окончены были строеніемъ будущимъ лѣтомъ.... 5. Для всѣхъ линейныхъ укрѣпленій потребное число орудій повелѣть отпустить изъ состоящихъ въ артиллеріи въ излишествѣ....". Къ этому докладу было приложено подробное описаніе новой линіи и карта предполагаемой границы, при чемъ въ описаніи говорится:

„Оная линія прикрываетъ отъ набѣговъ сосѣднихъ границу между Астрахани и Дона, кочевье нашихъ калмыковъ и татаръ, подаетъ имъ способъ распространяться до самаго Чернаго лѣса и Егорлыка, доставляя тѣмъ лучшее пропитаніе, и отдѣлитъ разнаго званія горскихъ народовъ продовольствіемъ скота и табуновъ ихъ отъ тѣхъ мѣстъ, коими нашимъ подданнымъ пользоваться слѣдуетъ.... Она соединитъ Азовскую губернію съ Астраханскою и во время войны съ сосѣдними народами можетъ удерживать стремленія ихъ на наши земли, подкрѣпить дѣйствіе войскъ въ Крыму и въ прочихъ мѣстахъ.... Линія, назначенная на картѣ, оставляетъ Моздокъ фланговымъ пунктомъ и идетъ черезъ рѣки: Целугу, Куму, по вершинамъ Карамыка, Тумузлова, Байбалы, Калауса, подлѣ Чернаго лѣса, по Егорлыкамъ, при соединеніи вершинъ оныхъ и внизъ по Большому Егорлыку до Маныча форпостами, которые, на Манычѣ продолжаясь, примкнутъ около Черкаска къ Дону.

Подъ № 1-мъ на Курѣ крѣпость полагается ради надежной коммуникаціи. Подъ № 2-мъ прикрываетъ на вершинѣ Куры Соляный бродъ... Подъ № 3-мъ крѣпость на Цалугѣ... Подъ № 4-мъ крѣпость на Подкумкѣ... Подъ № 5-мъ крѣпость, положенная на вершинѣ Тумузлова... Подъ № 6-мъ крѣпость будетъ по вершинамъ Бибалинскимъ...

Подъ № 7-мъ крѣпость по калаусской вершинѣ, называемой Аджилю. Сія крѣпость также прикрываетъ рѣку, которая въ вершинахъ своихъ имѣетъ великіе и отмѣнные лѣса. Вода въ

оной по вершинамъ хороша и здорова, однако около средины теченія своего портится, и внизу, а особливо лѣтомъ, къ употребленію не годится. Подъ № 8-мъ крѣпость на вершинѣ Егорлыка, называемой Ташле; будучи первою крѣпостью къ Черному лѣсу, прикрываетъ обще съ крѣпостью подъ № 7-мъ проходъ между калаусскими вершинами и Чернымъ лѣсомъ.

Подъ № 9 крѣпость на самомъ Егорлыкѣ, будучи второю крѣпостью около Чернаго лѣса, полагается ради коммуникаціи. Подъ № 10 крѣпость должна быть самою важною, потому что при ней, какъ три главныя вершины рѣкъ, такъ и три дороги къ Кубани, Азову и Дону имѣются; около онаго мѣста лѣсъ надъ Егорлыкомъ кончается, и хотя внизъ по оному всегда кормъ и вода хорошіе были, однако по недостатку лѣса селенію быть тамъ трудно, и по той причинѣ назначаются форпосты отъ оной крѣпости и до самаго устья р. Егорлыка. По Егорлыку и Качаю могутъ калмыки весьма удобно содержать пикеты и караулы съ кочевьями своими..." Докладъ князя Потемкина Государыня утвердила 24-го апрѣля 1777 года, начертавъ на немъ собственноручно: „Быть по сему". Такимъ образомъ, было рѣшено безповоротно переселеніе хоперскихъ и волжскихъ казаковъ на Кавказъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, отъ князя Потемкина-Таврическаго послѣдовало два ордера: 16-го мая 1777 года за № 951 на имя астраханскаго губернатора генералъ-маіора Якоби [116]), а другой 19-го мая за № 982 на имя командира Хоперскаго полка полковника и арміи преміеръ-маіора Устинова. Въ первомъ изъ нихъ Потемкинъ писалъ Якоби принять всѣ мѣры и стараніе къ устройству на моздокско-азовской линіи хоперскихъ и волжскихъ казаковъ и затѣмъ добавляетъ: „...учинить распоряженіе, чтобы, не упуская удобнаго времени, нынѣшнимъ лѣтомъ исполнить Высочайшую Ея Императорскаго Величества волю въ занятіи ими всѣхъ назначенныхъ укрѣпленій; какъ строеніемъ потребнаго числа дворовъ

и всего нужнаго къ домостроительству для всѣхъ переселяющихся однимъ лѣтомъ исправиться вамъ не можно, то поставляю я вашему попеченію переводить туда по частямъ, сперва безъ семей, а потомъ, по окончаніи строенія, и семейства ихъ перевести. А какъ благоугодно было Ея Императорскому Величеству въ прошломъ 1776 году на докладъ мой о заселеніи той линіи указать, чтобы каждой поселяемой тамъ семьѣ на обзаводъ всѣмъ нужнымъ выдать по 20-ти рублей... оберъ-квартирмейстера Германа опредѣлить къ строенію помянутой линіи и за понесенные имъ отмѣнные труды наградить чиномъ армейскаго подполковника.... Провіантскому департаменту о нужномъ заготовленіи провіанта на границѣ для переселяемыхъ туда войскъ учинить предписаніе, подчиня оберъ-провіантмейстера Горихвостова въ точную команду вашу, съ тѣмъ чтобы онъ доставлялъ провіантъ въ тѣ самыя мѣста куда отъ васъ повелѣно будетъ".

Во второмъ ордерѣ на имя Устинова, предписывалось *), чтобы онъ съ Хоперскимъ полкомъ, въ составѣ 520-ти человѣкъ казаковъ и старшинъ, вмѣстѣ съ казачьими семействами и имуществомъ слѣдовалъ къ переселенію на р. Терекъ, гдѣ казакамъ назначалось въ надѣлъ необходимое для ихъ матеріальнаго обезпеченія количество земли, со всѣми нужными угодьями и пособіе отъ казны на каждый дворъ по 20-ти рублей. На новомъ мѣстѣ жительства Хоперскій полкъ, согласно того же ордера, поступалъ въ распоряженіе генералъ-маіора Якоби, на котораго возлагалось выполненіе утвержденнаго Императрицею проекта заселенія азовско-моздокской линіи. На него же возлагалось также устройство быта новыхъ поселенцевъ, отводъ имъ земель и выдача казеннаго пособія.

Получивъ всѣ нужныя указанія объ устройствѣ новой линіи, генералъ Якоби лично осмотрѣлъ назначенныхъ къ переселенію хоперскихъ и волжскихъ казаковъ, первыхъ въ Ново-

*) Приложеніе № 13.

хоперской крѣпости, а вторыхъ въ посадѣ Дубовкѣ на Волгѣ. Затѣмъ онъ распорядился отправленіемъ на Кавказъ для работъ по устройству крѣпостей и домовъ для казаковъ изъ волжскаго войска 700 и изъ Хоперскаго полка 500 казаковъ безъ семействъ, но съ лошадьми [117]). Для охраненія работъ на линіи были назначены Владимірскій драгунскій, Кабардинскій пѣхотный, два донскихъ полка и два егерскихъ баталіона. Изъ этихъ частей на линіи находился только одинъ Кабардинскій полкъ, а остальныя ожидались изъ Россіи и съ Дона. Сборнымъ пунктомъ всѣхъ войскъ назначенъ редутъ въ урочищѣ Маджары на р. Кумѣ, гдѣ уже было заготовлено необходимое количество провіанта и фуража, доставленное на Маджары изъ Саратовской и Воронежской губерній.

Хоперскій полкъ получилъ приказаніе собраться въ крѣпости Новохоперской въ первыхъ числахъ іюля и затѣмъ выступить въ гор. Царицынъ на соединеніе съ волжскими казаками и драгунами, назначенными для слѣдованія на линію. Одновременно съ этимъ, командиру Владимірскаго драгунскаго полка полковнику барону Шульцу, стоявшему со своимъ полкомъ въ Саратовской губерніи въ селеніи Золотомъ, приказано было, по соединеніи съ хоперскими и волжскими казаками въ Царицынѣ, слѣдовать вмѣстѣ съ ними на сборный пунктъ въ Маджары. Шульцъ съ полкомъ выступилъ изъ с. Золотого 12-го іюля и прибылъ въ Царицынъ 31-го числа. 6-го августа баронъ Шульцъ, выждавъ прибытіе волжскихъ казаковъ съ посада Дубовки, а хоперскихъ съ Дона, двинулся изъ Царицына на югъ къ р. Кумѣ. Дороги никто не зналъ, а между тѣмъ предстояло пройти калмыцкою степью болѣе 500 верстъ. Поэтому царицынскій комендантъ, полковникъ Циплетевъ, далъ въ проводники четырехъ калмыковъ изъ Дербетова владѣнія, хорошо знавшихъ путь до Маджаръ съ водопоями и кормами. Слѣдуетъ замѣтить, что отъ Волги до р. Калауса обитали калмыки, все же прочее пространство до Кубани и Азовскаго моря было въ ру-

кахъ кабардинцевъ или ногайцевъ. Путь, по которому слѣдовалъ полковникъ Шульцъ съ казаками и драгунами пролегалъ по калмыцкимъ степямъ вдоль возвышенности Ергеней (водораздѣлъ между Волгою и Дономъ), западный склонъ которыхъ былъ обильнѣе водопоями и хорошими кормами, нежели восточный. Проводники знали это обстоятельство и, не желая обижать своихъ родичей, кочевавшихъ въ хорошихъ мѣстахъ по западному склону, повели отрядъ Шульца по худшему, восточному.

Отрядъ Шульца двигался по слѣдующему маршруту:

Августъ 1777 года.	Отъ Царицына.	Число верстъ.
6.	До Сарпинской колоніи (Сарепта)	25
7.	„ р. Зостъ (Червленой тожъ)	20
8 и 9.	Дневки въ ожиданіи провіанта.	
10.	Рѣка Шангута	20
11.	До р. Малой Елисты	25
12.	Дневка.	
13.	До р. Ельматы	20
14.	„ р. Наринъ-Зельмень	65
15.	Дневка.	
16.	До р. Еласту	20
17.	„ р. Бургусту	12
18.	Дневка.	
19.	До балки Сукоте	25
20.	„ р. Гурбунъ-Харъ-Сала	35
21 и 22.	Дневки, по случаю обилія прѣсной воды и хорошаго корма. Войска отдыхали и занимались починкою обоза. По недостатку впереди корма и воды, далѣе слѣдовали до р. Кумы—драгуны по эскадронно, а казаки—отдѣльными командами.	
23.	До р. 3-й Гурбунъ-Харъ-Сала	14
24.	„ „ Яшъ-Кулакъ-Тюнги	35

25.	Дневка.	
26.	До Красной копани	70
27.	Дневка.	
28.	До р. Маныча	50
29.	Дневка.	
30.	До р. Кумы, т. е. до уроч. Маджары	80
	25 дней.	516 вер.

Изъ урочища Маджары драгуны и казаки, по распоряженію генерала Якоби, двинулись въ урочище Ерашту, гдѣ стояли лагеремъ на р. Курѣ до 13-го сентября. Затѣмъ Якоби предписалъ полковнику Шульцу отправить 440 волжскихъ казаковъ къ урочищу Баштамъ (при впаденіи р. Малки въ Терекъ), а самому съ драгунами и остальными казаками слѣдовать внизъ по р. Курѣ на Терекъ. Покинувъ лагерь на Курѣ, отрядъ тронулся въ путь черезъ Соленый бродъ и 25-го числа пришелъ въ Моздокъ. Здѣсь рѣшено было, что Волжскій полкъ займетъ своими станицами линію отъ Моздока на сѣверо-западъ до вершины р. Тумузловки, а Хоперскій полкъ продолжитъ эту линію далѣе по тому же направленію черезъ Черный лѣсъ и внизъ по р. Егорлыку. На всемъ этомъ протяженіи назначены были къ постройкѣ слѣдующія крѣпости, начиная отъ Моздока [118]):

Екатериненская на р. Малкѣ, нынѣ станица Екатериноградская Терскаго войска. *Павловская* въ вершинѣ р. Куры, нынѣ станица. *Маріинская* на р. Золкѣ. Впослѣдствіе, спустя лѣтъ 50, была брошена. Рвы этой крѣпости до сихъ поръ видны около хутора Марьинскаго казака Солнушкина. *Георгіевская* на р. Подкумкѣ, нынѣ городъ Георгіевскъ. *Андреевская* на р. Карамыкѣ (Саблѣ). Въ 1778 году, начатая постройкою, эта крѣпость была брошена, а вмѣсто нея въ томъ же году построена крѣпость Александровъ на рѣчкѣ Тумузловкѣ, нынѣ сел. Александровское Ставропольской губерніи [119]). *Александровская* на притокѣ р. Калауса. Въ 1778 году крѣпость эта была пе-

реименована и названа Сѣверною, нынѣ селеніе [120]). *Ставропольская,* нынѣ городъ Ставрополь. *Московская* и *Донская,* нынѣ селенія.

Изъ числа этихъ крѣпостей первыя пять назначались на линіи Волжскаго полка, а остальныя четыре на линіи Хоперскаго полка [121]). Отдохнувъ въ Моздокѣ нѣсколько дней, полковникъ Шульцъ съ владимірскими драгунами, хоперскими и волжскими казаками въ началѣ октября выступилъ для устройства крѣпостей на новой линіи. По пути слѣдованія, въ мѣстахъ постройки первыхъ пяти крѣпостей, были оставлены всѣ волжскіе казаки подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, а хоперцы и драгуны направились дальше [122]). 18-го октября, достигнувъ мѣста, назначеннаго для Александровской крѣпости, первой на линіи Хоперскаго полка, Шульцъ оставилъ для постройки ея 250 хоперскихъ казаковъ и два эскадрона драгунъ. Продолжая затѣмъ съ остальными путь на сѣверо-западъ къ Черному лѣсу, полковникъ Шульцъ 22-го октября прибылъ на мѣсто постройки Ставропольской крѣпости.

Къ началу зимы на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городской каѳедральный соборъ, драгуны и казаки успѣли построить только гауптвахту, сарай для обоза и конюшни для лошадей, а сами перезимовали по лагерному, въ виду благопріятной погоды. Съ наступленіемъ весны 1778 года казаки и драгуны снова приступили къ работамъ и къ осени крѣпости Александровская (Сѣверная) и Ставропольская были совершенно закончены [123]). Лѣтомъ 1779 года Ладожскимъ пѣхотнымъ полкомъ начата одновременная постройка крѣпостей Московской и Донской, подъ общимъ наблюденіемъ командира Кабардинскаго пѣхотнаго полка полковника Ладыженскаго, которыя закончены были въ сентябрѣ слѣдующаго 1780 года [124]). Въ тоже время для связи крѣпостей Александровской (Сѣверной) и Ставропольской возведены Алексѣевскій фельдшанцъ на одно орудіе и редутъ Беш-

пагирскій на два орудія [125]). Во всѣхъ крѣпостяхъ, кромѣ казармъ и прочихъ необходимыхъ построекъ, были устроены обширные провіантскіе магазины, въ которыхъ заготовлялся провіантъ для всѣхъ служащихъ казаковъ и ихъ семействъ и для войскъ расквартированныхъ по крѣпостямъ. Въ 1779 году для хоперскихъ казаковъ въ крѣпостяхъ Александровской и Ставропольской заготовлено: муки 1225, крупъ 114 и овса 550 четвертей [126]).

Одновременно съ постройкою укрѣпленной линіи, хоперцы съ помощью солдатъ устраивали прочные оплоты для своихъ станицъ, которыя были названы тѣми же именами, какъ и крѣпости, т. е. Александровскою (впослѣдствіе Сѣверною), Ставропольскою, Московскою и Донскою. Казачьи станицы обыкновенно обносились кругомъ землянымъ валомъ съ колючею изгородью изъ двойнаго плетня, набитаго въ серединѣ землею; снаружи этой ограды шелъ глубокій и широкій ровъ, а въ исходящихъ углахъ и на фасахъ станичной ограды устроены барбеты для орудій. Изъ хоперскихъ станицъ—Ставропольская была усилена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже каменною стѣною съ бойницами [127]). Эта станица находилась на правомъ берегу рѣчки Ташлы, гдѣ нынѣ нижній базаръ. Въ городѣ Ставрополѣ еще до сихъ поръ существуютъ улицы Хоперская, Казачья и Станичная, какъ воспоминаніе о бывшей Ставропольской станицѣ Хоперскаго полка.

Въ тѣ времена по горамъ около Ставрополя, а также по рѣчкамъ Ташлы и Мамайкѣ росли дремучіе дубовые и ясеневые лѣса, послужившіе матеріаломъ для крѣпостныхъ и станичныхъ построекъ [128]). Въ Ставропольской станицѣ хоперцы построили также церковь изъ дубоваго и ясеневаго лѣса во имя св. иконы Казанскія Божія Матери, празднуемой 22 октября—день прибытія въ 1777 году Хоперскаго полка на мѣсто постройки Ставропольской крѣпости *).

*) Эта церковь въ 1831 году была разобрана и перенесена со всею утварью въ ста-

Укрѣпленныя валомъ и внѣшнимъ рвомъ, станицы имѣли видъ большихъ четыреугольниковъ съ четырьмя воротами, у которыхъ стояли просторныя караулки для помѣщенія сторожевого поста съ вышкою надъ воротами для часовыхъ казаковъ. Постъ у станичныхъ воротъ, обращенныхъ къ сторонѣ непріятеля, считался пограничнымъ кордоннымъ постомъ.

Посреди каждой станицы, на просторныхъ площадяхъ, были сооружены храмы Божіи, обнесенные каменною оградою съ бойницами, которые служили редюитомъ, послѣднимъ убѣжищемъ жителей, на случай вторженія многочисленнаго непріятеля. Между площадью и станичною оградою на распланированныхъ четыреугольникахъ, ограниченныхъ улицами, казаки по жребію заняли для себя дворы, на которыхъ возвели необходимыя постройки. На самомъ видномъ мѣстѣ на площади, обыкновенно вблизи церкви, возвышалось зданіе станичнаго правленія съ надворными постройками, сараями и конюшнею для помѣщенія станичнаго резерва изъ 30—40 конныхъ казаковъ, обязаннаго поддерживать кордонные посты и служить ближайшею охраною селенія. Оборонительныя средства станицъ заключались въ окружающей ихъ оградѣ и въ крѣпостныхъ орудіяхъ, которыми въ 1781 году были вооружены всѣ крѣпости, возведенныя на азовско-моздокской линіи.

Въ крѣпостяхъ на линіи Хоперскаго полка артиллерійское вооруженіе распредѣлялось такъ [129]):

Въ крѣпостяхъ:	Мѣдныхъ пушекъ. 3 фунт.	Чугунныхъ пушекъ. 6 фун.	5 фун.	3 фун.	$2^1/_2$ фун.	$1^1/_2$ фун.	Итого.
Александровской (Сѣверной) .	3	2	—	4	4	—	13
Ставропольской .	2	2	5	—	—	—	9
Московской . .	4	1	7	—	—	—	12
Донской . . .	—	—	3	2	2	1	8

ницу Суворовскую, такъ какъ въ 1826 году туда переселилась большая часть казаковъ станицы Ставропольской. Къ сожалѣнію эта историческая церковь сгорѣла въ 1894 году.

Всѣми работами по устройству новой линіи завѣдывалъ оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Германъ; самая же работа производилась казаками и нижними чинами, расположенныхъ на линіи пѣхотныхъ полковъ и егерскихъ баталіоновъ, а необходимый строительный матеріалъ подвозили на своихъ лошадяхъ татары; при этомъ, работавшіе одиночно, получали за работу по 5-ти коп., а кто былъ съ лошадью—по 10-ти коп. въ день [130]).

Лѣтомъ 1778 года на новую линію съ Хопра прибыла первая партія казачьихъ семействъ со всѣмъ имуществомъ и распредѣлилась на житье въ оконченныхъ постройкою станицахъ при Ставропольской и Сѣверной крѣпостяхъ. На слѣдующее лѣто, въ 1779 году, прибыла вторая партія семействъ, но такъ какъ новыя станицы при Московской и Донской крѣпостяхъ не были еще закончены, то прибывшія казачьи семьи кое-какъ стѣснились вмѣстѣ съ другими въ первыхъ двухъ станицахъ и тамъ перезимовали. Наконецъ, лѣтомъ 1780 года съ Хопра перешли на новую линію всѣ остававшіеся тамъ казаки, женщины и малолѣтки и въ февралѣ 1781 года весь Хоперскій полкъ окончательно водворился и устроился на азовско-моздокской линіи въ своихъ станицахъ при Сѣверной, Ставропольской, Московской и Донской крѣпостяхъ въ каждой по 140-ка семействъ [131]). Служащихъ воинскихъ чиновъ въ 1779 году въ полку числилось: старшинъ 16, казаковъ 500 и канонировъ-казаковъ 160, по 40-ка человѣкъ въ каждой крѣпости для службы при артиллерійскихъ орудіяхъ [132]). Всѣ четыре станицы образовали полковой округъ съ полковымъ штабомъ въ станицѣ Ставропольской.

Населеніе хоперскихъ станицъ состояло исключительно изъ однихъ казаковъ съ ихъ семействами; посторонній элементъ, поселившійся среди хоперцевъ былъ весьма незначителенъ; къ нему принадлежали только духовенство, торговцы и ремесленники. Коснувшись состава населенія, слѣдуетъ замѣтить, что

въ Хоперскомъ полку и раньше не было и теперь нѣтъ особаго класса „народа“, потому что офицерство и чиновники вышли изъ своей же общей казачьей семьи и связь между офицеромъ и простымъ казакомъ на службѣ, дома и на льготѣ никогда не разрывалась. Офицеръ собственно лучшій изъ казаковъ и на службѣ только менѣе зависимъ отъ станичной среды, во всемъ остальномъ интересы его и казака одинаковы и дѣти офицера, сравнительно съ дѣтьми казака, никакими особенными привилегіями не пользуются. Въ основу Хоперскаго полка, какъ извѣстно, легло издавна населеніе чисто казачье и преимущественно малороссійскаго происхожденія; только въ 1773 году составъ хоперскихъ казаковъ увеличился зачисленіемъ въ казаки нѣсколькихъ семействъ крещеныхъ азіатцевъ, которые въ 1777 году вмѣстѣ съ полкомъ перешли на линію. Всѣхъ казаковъ переселилось въ новый край нѣсколько болѣе 3000 душъ обоего пола.

Условія пограничной жизни и службы казаковъ на линіи были весьма тяжелыя и губительная война съ враждебными намъ закубанскими горскими племенами и кабардинцами, а также чума, нерѣдко появлявшаяся на сѣверномъ Кавказѣ въ теченіи первыхъ 20—30 лѣтъ, были слѣдствіемъ значительной убыли въ полку. Въ виду этого правительство должно было прійти на помощь пограничному казачьему населенію, чтобы не ослабить въ конецъ охрану новой азовско-моздокской линіи. Съ этою цѣлью въ Хоперскій полкъ разновременно было зачислено въ періодъ 1785—1832 гг. нѣсколько десятковъ семействъ военно-плѣнныхъ поляковъ, отставныхъ солдатъ и охотниковъ-переселенцевъ изъ Малороссіи и южныхъ областей Россіи *). Поселенцы эти на первыхъ порахъ считались казаками только по имени, но общность интересовъ и совмѣстная съ кореннымъ населеніемъ—старожилами пограничная жизнь, полная боевыхъ тревогъ и опасностей, вскорѣ выработывали изъ нихъ настоя-

*) Статистическія свѣдѣнія. Приложеніе № 71.

щихъ воиновъ, а слѣдующее затѣмъ поколѣніе уже являлось вполнѣ благонадежнымъ и по своимъ военнымъ качествамъ.

Въ самомъ началѣ поселенія хоперскихъ казаковъ на линіи матеріальное обезпеченіе ихъ существованія было довольно скудное. Со времени сформированія полка, т. е. съ 1775 года, казакамъ не были установлены никакими законоположеніями отпуски жалованья и дачи провіанта и фуража. На Хопрѣ казаки пользовались, какъ извѣстно, довольно значительными земельными и лѣсными угодьями и рыбными ловлями. При переселеніи съ Хопра имъ обѣщали кромѣ угодій еще денежное пособіе по 20-ти рублей на дворъ. Однако, по приходѣ на линію, казакамъ пособія этого не было выдано, а разрѣшено только пользоваться лучшими и удобными землями и лѣсами, первоначально безъ всякаго ограниченія въ количествѣ. Относительно же выдачи жалованья, провіанта и фуража, то объ отпускѣ этихъ видовъ довольствія, вопросъ никѣмъ даже не подымался, хотя при передвиженіи на Кавказъ хоперцы все время пользовались казеннымъ провіантомъ. Походъ этотъ для хоперскихъ казаковъ былъ весьма тяжелый и трудный, такъ какъ большая половина лошадей ихъ пала, частью отъ непривычки къ дальнимъ передвиженіямъ и отъ изнуренія, а частью благодаря климатическимъ условіямъ новаго края [133]).

Утрата лошадей въ связи съ значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ во время переселенія повергло казаковъ въ большое уныніе. По приходѣ въ Моздокъ, въ сентябрѣ 1777 года, казаки просили ходатайства генерала Якоби измѣнить положеніе о довольствіи ихъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, назначивъ таковое въ бо̀льшемъ размѣрѣ противъ прежняго и опредѣлить дачу фуража для лошадей. Находя заявленіе казаковъ справедливымъ и сочувствуя ихъ бѣдственному положенію, Якоби въ рапортѣ на имя свѣтлѣйшаго князя Потемкина, 28-го сентября 1777 года [134]), изложилъ жалобу казаковъ, просилъ опредѣлить всѣмъ служащимъ въ полку воинскимъ чинамъ жало-

ванье и провіантъ, а на строевыхъ лошадей фуражъ и приложилъ штатъ Хоперскому полку *), съ указаніемъ денежныхъ отъ казны отпусковъ. Въ заключеніе своего рапорта Якоби добавлялъ, что имѣя въ виду сколько нибудь успокоить и обнадежить казаковъ, онъ приказалъ выдать имъ провіантъ, дачу котораго опредѣлилъ наравнѣ съ солдатами [135]); обѣщалъ отпустить также жалованье за треть впередъ, опасаясь, чтобы казаки на одномъ провіантѣ совершенно не впали въ нужду и оскудѣніе и черезъ то не бросили бы линіи и не разбѣжались.

По переселеніи на линію казачьихъ семействъ, г.-м. Якоби распорядился отпускать и имъ также провіантъ, пока казаки не обработаютъ пашни и не будутъ имѣть собственный хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ. На первое время, это пособіе нѣсколько облегчило хоперскихъ казаковъ, но нужды ихъ были весьма велики, вопросъ же объ опредѣленіи полку жалованья и прочихъ видовъ довольствія затянулся на нѣсколько лѣтъ. На помощь ему пришелъ однако самъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, который, имѣя въ виду поправить хотя сколько нибудь экономическое благосостояніе казаковъ, ордеромъ на имя генералъ-поручика Леонтьева, 11-го мая 1782 года, приказалъ освободить Хоперскій полкъ отъ службы на три года [136]). Но распоряженіе это не было приведено въ исполненіе по военнымъ обстоятельствамъ, опаснаго положенія линіи среди враждебныхъ народовъ и хоперцевъ не освободили отъ службы. Къ этимъ казачьимъ нуждамъ присоединилась еще новая бѣда: въ 1783 году казна приказала взыскать съ хоперскихъ казаковъ 6000 четвертей провіанта, выданнаго на довольствіе казачьихъ семействъ въ первые годы поселенія на линіи [137]). Распоряженіе это послѣдовало именно въ то время, когда градъ и саранча истребили почти всѣ посѣвы хоперцевъ. Но князь Потемкинъ, благоволившій къ казакамъ, приказалъ сложить навсегда съ нихъ этотъ начетъ.

*) Приложеніе № 30.

Въ началѣ восмидесятыхъ годовъ были утверждены наконецъ оклады жалованья и размѣръ провіантскаго и фуражнаго довольствія Хоперскому полку отъ казны. Жалованье опредѣлено въ годъ [138]) старшинамъ всѣмъ безразлично, т. е. есауламъ, сотникамъ и хорунжимъ каждому по 18-ти руб., пятидесятникамъ и казакамъ по 12-ти рублей. Провіантъ [139]) старшинамъ, пятидесятникамъ и казакамъ одномѣрно въ годъ каждому: муки 3 четверти и крупы 2 четверика и 2 гарнца. Фуражныхъ денегъ [140]) старшинамъ на 3, а пятидесятникамъ и казакамъ на 2 лошади въ годъ каждому.

Жалованье и провіантъ старшины и казаки получали за время состоянія въ спискахъ полка на дѣйствительной службѣ, а фуражныя деньги только въ тѣхъ случаяхъ, когда находились по служебнымъ обязанностямъ внѣ раіона своихъ станицъ. Во время походовъ и на службѣ на кордонныхъ постахъ, удаленныхъ отъ станицъ на 100 и болѣе верстъ, офицеры и казаки получали жалованье уже по окладу армейскихъ гусарскихъ полковъ [141]). По этому окладу хорунжему, напримѣръ, причиталось 250 руб., казаку и пятидесятнику по 16 руб. 66 коп., а уряднику, заступающему мѣсто офицера, 38 руб. въ годъ [142]). Такіе оклады и размѣры довольствія казачьихъ полковъ существовали до 1845 года *). Что касается порціоннаго довольствія, то ни офицеры, ни казаки таковаго не получали. Когда же случалось отбивать у горцевъ скотъ, то часть его выдавалась вой-

*) Какой взглядъ существовалъ у высшаго начальства относительно такихъ незначительныхъ денежныхъ окладовъ для казачьихъ офицеровъ, рельефнѣе всего видно изъ рапорта командующаго войсками на кавказской линіи на имя генералъ-адъютанта князя Горчакова 1-го, отъ 31-го іюля 1814 года за № 1723 [143]), въ которомъ онъ, прося назначить жалованье по окладу корнета армейской кавалеріи, зачисленному на службу въ Хоперскій полкъ изъ военно-плѣнныхъ поляковъ, сотнику Старжинскому, между прочимъ, указываетъ на ничтожные размѣры жалованья казачьимъ старшинамъ (въ тѣхъ, конечно, видахъ, что Старжинскій на такомъ окладѣ денежнаго довольствія не проживетъ и мѣсяца), и затѣмъ добавляетъ... „Столь малое жалованье положено имъ единственно для того, что всѣ линейныхъ полковъ старшины пользуются землями, лѣсами и прочими для домашняго обзаведенія и содержанія себя нужными выгодами, слѣдовательно и сносно для нихъ таковое положеніе, будучи между тѣмъ въ кругу семействъ своихъ...“. Но въ кругу семействъ своихъ казачьему офицеру въ тѣ тревожныя времена приходилось бывать очень рѣдко и на самое короткое время.

скамъ на порціонное довольствіе, а остальная добыча продавалась и деньги поступали, въ такъ называемую, „барантовую сумму“ *).

При разбросанности казачьихъ частей по границѣ и въ разныхъ командировкахъ, казаки рѣдко даже и этимъ пользовались и потому по необходимости создали себѣ особый родъ порціоннаго довольствія. Защищая жителей казенныхъ селеній отъ набѣговъ горцевъ и охраняя ихъ добро и скотъ отъ хищниковъ, они считали себя вправѣ пользоваться этимъ скотомъ. Поэтому, какъ только представлялась возможность на постахъ или въ другихъ командировкахъ захватить гдѣ либо по близости корову, барана, или что либо изъ домашней птицы, казаки никогда не упускали такого случая. Этотъ порядокъ порціоннаго довольствія особенно практиковался съ овечьими отарами, принадлежавшими, такъ называемымъ, мирнымъ горцамъ, „проклятой татарвѣ“, какъ выражались казаки. Они не считали даже за грѣхъ стянуть у нихъ барана, быка, и вообще все, что подъ руку попадалось, зная хорошо, что эти мирные въ долгу у казаковъ не останутся.

Однако слѣдуетъ добавить, что подобныя хищенія дѣлались лишь изрѣдка и только въ размѣрахъ крайней необходимости. При оскудѣніи же запасовъ казаки жили, какъ говорится, „часомъ съ квасомъ—порою съ водою“. Похищенныя животныя на постахъ убивались, мясо поступало въ пищу, а изъ кожъ выдѣлывались ремни для сбруи къ сѣдлу или овчины для полушубковъ. Для характеристики казацкаго порціоннаго довольствія въ старыя времена, генералъ Кравцовъ въ его очеркѣ о хоперскихъ казакахъ [143]) приводитъ такіе случаи:

„Въ 1813 году на посту Куржукскомъ стояла команда казаковъ станицы Ставропольской, подъ начальствомъ сотника Сте-

*) Барантовая сумма имѣла назначеніемъ покрывать расходы на экспедиціи противъ горцевъ. Изъ нея назначались пособія семействамъ убитыхъ въ сраженіяхъ воинскихъ чиновъ и на выкупъ плѣнныхъ.

пана Яковлевича Косякина. Однажды мясные запасы истощились на посту, а на одной кашицѣ стало голодно. Косякинъ гонитъ казаковъ промышлять что либо съѣстное, но тѣ упираются, отговориваясь, что въ окрестностяхъ уже все обшарено и на промыселъ ходить опасно. Косякинъ начинаетъ бранить казаковъ и угрожать имъ доброю поркою, потому что ѣсть стало нечего. Послѣ такого рѣшительнаго внушенія два казака пустились на поиски. Разсудивъ, что ѣхать къ чужимъ опасно, они прямо отправились на хуторъ своего постового начальника, откуда, пользуясь темнотою ночи, увели самаго лучшаго быка, котораго на посту зарѣзали, шкуру порѣзали на ремни, часть мяса поставили варить, а остальное спрятали въ скирду сѣна. Когда разсвѣло, офицеръ и казаки отлично покушали, похваливая свѣжее мясо. Но вдругъ, о ужасъ! на постъ прибѣгаетъ верхомъ работникъ Косякина и объявляетъ о пропажѣ быка. Косякинъ смекнулъ, что это казацкое дѣло и, разсердившись, напустился на казаковъ. Тѣ замялись. Наконецъ принесли голову и ремни, по которымъ и опредѣлилась сейчасъ же казацкая продѣлка. Казаки повинились, оправдываясь, что воровать у чужихъ стало очень опасно. Въ результатѣ получилась подобающая расправа офицера съ виновными за воровство, да тѣмъ дѣло и кончилось, потому что съ казаковъ взять было нечего“. А вотъ и другой случай:

„Въ 1816 году команда Хоперскаго полка находилась въ крѣпости Константиногорской въ распоряженіи кордоннаго начальника полковника Курилы, который любилъ хоперцевъ, какъ своихъ одноплеменниковъ и всегда говорилъ съ ними по малороссійски. Эти казаки находили себѣ мясную порцію тѣмъ же способомъ, какой уже выработанъ долговременною практикою. Однажды Курило зашелъ въ казарму къ казакамъ и, увидя обиліе вареной баранины, спросилъ:—„А де се, хлопци, взяли вы баранину?“—„На базарѣ купили, ваше высокоблагородіе!“—„Ой, брешете, хлопци! Глядить въ оба глаза, та кінци ховайте гарно,

а то буде лиха порка“, сказалъ внушительно Курило.—„Слушаемъ ваше высокоблагородіе!“ гаркнули въ одинъ голосъ казаки, которымъ такое косвенное дозволеніе было на руку. Спустя нѣкоторое время, промышлять вокругъ крѣпости что либо мясное стало очень трудно и опасно. Тогда казаки обратили свое вниманіе на отару овецъ въ количествѣ 1500 головъ, которая ходила на пастьбѣ около крѣпости и принадлежала самому Курилѣ. Отъ обзора казаки скоро перешли къ дѣлу и, пользуясь оплошностью пастуха, стали понемногу поживляться то однимъ, то парою барановъ. Дѣло было ведено очень чисто, но однако пастухъ подъ конецъ замѣтилъ убыль барановъ и донесъ хозяину, обвиняя казаковъ. Курило былъ взбѣшенъ такою дерзостью своихъ подчиненныхъ, но какъ уликъ никакихъ не было, то ограничился наистрожайшимъ запретомъ въ самыхъ энергичныхъ и отборныхъ выраженіяхъ, съ чѣмъ шутить было нельзя, потому что легко могло случиться по тогдашнимъ временамъ, что одновременно со шкурою барана могла быть снята извѣстнымъ способомъ и самая шкура со спины казаковъ“. Дать человѣку 500 нагаекъ это считалось тогда самымъ обыкновеннымъ дѣломъ [143*]).

Впрочемъ такіе способы порціоннаго довольствія практиковались не одними казаками. Въ тѣ времена войска вообще продовольствовались очень скудно, а потому пользовались самою малѣйшею оплошностью жителей, чтобы добыть себѣ что либо съѣстное. Трудно обвинять ихъ даже въ такихъ противозаконныхъ поступкахъ, такъ какъ только нужда заставляла идти на добычу, чтобы подкрѣпить свои силы болѣе питательною пищею, чѣмъ сухарь.

Кромѣ указанныхъ видовъ казеннаго довольствія, полку отпускались еще порохъ и свинецъ изъ артиллерійскихъ складовъ. На первыхъ порахъ, хотя оклады и дачи казеннаго довольствія были установлены, однако хоперскіе казаки получали денежные отпуски очень неисправно и даже не полностью, въ особенности это относилось до фуражнаго довольствія; выдава-

ли или деньги на покупку фуража, или же отпускали фуражъ натурою, въ томъ и другомъ случаѣ съ разными вычетами. Въ этомъ отдаленномъ и глухомъ краѣ, злоупотребленія, обиды и насилія тогда совершались съ неслыханною дерзостью. Такъ, казакамъ не выдавали слѣдуемое имъ денежное довольствіе, а за 1783, 1784 и 1787 годы Хоперскій полкъ совсѣмъ не получилъ фуражныхъ денегъ болѣе 15-ти тысячъ рублей [144]); по почтовому тракту отъ Черкаска до Моздока лошади казачьихъ конвойныхъ командъ овса не получали, а сѣномъ кормились впроголодь. Пріемщикамъ казачьихъ частей, являвшимся въ комиссіи за полученіемъ жалованья, деньги предлагали получать мѣдною монетою въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, а когда пріемщики отказывались въ пріемѣ ихъ и просили выдать ассигнаціями или звонкою монетою, то имъ послѣ усиленныхъ только просьбъ выдавалось просимое, но съ удержаніемъ въ пользу комиссіи по 5-ти коп. съ рубля и „чрезъ то приводили казаковъ въ изнеможеніе“.

Въ началѣ 1781 года генералъ Фабриціанъ, видя бѣдственное положеніе хоперскихъ казаковъ, разрѣшилъ имъ въ своихъ станицахъ вольную продажу хлѣбнаго вина, чихиря и русскаго пива съ тѣмъ, чтобы доходы отъ винной торговли употреблены были на пріобрѣтеніе казакамъ однообразнаго оружія: пикъ, сабель, ружей, пистолетовъ и предметовъ снаряженія [145]). Этою привилегіею хоперцы пользовались однако недолго: въ 1782 году новый командующій войсками на линіи генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ запретилъ вольную продажу вина и спирта, чѣмъ была отнята у хоперцевъ главная ихъ статья дохода. Это обстоятельство, въ связи съ начавшеюся въ 1785 году колонизаціею сѣвернаго Кавказа государственными крестьянами, снова тяжелою нуждою отозвалось на хоперцахъ.

Большинство новыхъ поселенцевъ-крестьянъ утвердилось селеніями вокругъ станицъ Хоперскаго полка и тѣмъ стѣснило ихъ въ отношеніи широкаго и свободнаго пользованія земель-

ными и лѣсными угодьями. Въ особенности были стѣснены казаки станицъ Сѣверной, Ставропольской и Московской, вблизи которыхъ возникли крестьянскія селенія Сергіевское, Палагіада, Надежда и Михайловка. Къ тому же Ставрополь былъ объявленъ городомъ и сталъ населяться мѣщанами и разночинцами. Хоперцы начали хлопотать, чтобы имъ отвели „пристойное“ число десятинъ земли для хлѣбопашества, скотоводства и сѣнныхъ покосовъ, а также лѣса. Еще въ 1782 году командиръ Хоперскаго полка, полковникъ Устиновъ, вслѣдствіе начавшейся въ то время раздачи свободныхъ земель помѣщикамъ и подъ поселеніе казенныхъ крестьянъ, хлопоталъ объ отводѣ хоперскимъ казакамъ необходимаго количества земли. Свѣтлѣйшій князь А. Г. Потемкинъ ордеромъ *) на имя командующаго войсками кавказскаго корпуса, генералъ-поручика Потемкина, 14-го февраля 1783 года № 300, предписалъ ему относительно отмежеванія Хоперскому полку пристойнаго количества земли около казачьихъ станицъ съ дачею на тѣ земли письменныхъ доказательствъ. Но вопросъ этотъ такъ и замолкъ. Когда же дѣло распредѣленія земель становилось безотлагательнымъ, то, во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній, правленіе кавказскаго намѣстничества, указомъ 2-го марта 1786 года **) ставропольской нижней расправѣ, предписало отмежевать Хоперскому полку землю по слѣдующему разсчету: командиру полка 300, старшинамъ по 60-ти и казакамъ по 30-ти десятинъ на каждую душу мужского пола. Лѣсовъ: при станицѣ Московской по рѣчкамъ Ташлѣ и Богатой 63 десятины 1800 квад. саж., при ст. Ставропольской 79 десятинъ 1700 квад. саженъ [146]). Однако, указъ этотъ остался мертвою буквою и каждая станица пользовалась опредѣленнымъ и указаннымъ гражданскою властью пространствомъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій. Канцелярская переписка по этому вопросу тянулась очень долго и хоперцы оста-

---

*) Приложеніе № 15.

**) Приложеніе № 16.

вались въ неопредѣленномъ положеніи относительно отмежеванія и закрѣпленія за ними положеннаго количества земли и лѣсовъ. Они нѣсколько разъ обращались къ высшему начальству, жалуясь на недостаточные размѣры получаемаго денежнаго содержанія, провіанта и фуража, а также на неопредѣленность владѣнія землею и лѣсами.

Наконецъ, въ 1820 году особая комиссія, на основаніи Высочайшаго указа 6-го марта 1819 года [147]), формально отмежевала Хоперскому полку и закрѣпила письменными документами земли при каждой станицѣ, а лѣсныя угодья отвела сообразно народонаселенію по слѣдующему разсчету [148]):

При ст.	Донской лѣсу	48	дес.	1664	саж.
„ „	Московской лѣсу	131	„	1657	„
„ „	Ставропольской, по рѣчкамъ Грушовкѣ и Мамайкѣ лѣсу .	817	„	2267	„
„ „	Сѣверной лѣсу	430	„	689	„
„ „	Воровсколѣсской лѣсу	507	„	490	„ *).

По переселеніи на азовско-моздокскую линію, Хоперскій полкъ не былъ включенъ въ составъ какого либо войска, а устроился совершенно отдѣльно и самостоятельно, примѣняясь къ обстановкѣ, какъ и всѣ прочіе линейные полки. Исключительное боевое назначеніе хоперцевъ, обязанныхъ жить осѣдло и нести военную службу на рубежѣ государства, сразу установило въ полку строгую военную организацію. Поэтому каждый казакъ, отъ мала и до велика, въ своемъ домашнемъ и служебномъ быту, подчиняясь дисциплинѣ, жилъ исключительно военною жизнью, какъ болѣе всего соотвѣтствовавшею его обязанности воина-земледѣльца. Главнымъ лицомъ, управлявшимъ и распоряжавшимся полковымъ населеніямъ, былъ полковой командиръ, непосредственный начальникъ всего военно-админи-

*) Станица Воровсколѣсская, основанная въ 1794 году, принадлежала Кубанскому полку; въ 1819 году она была причислена къ Хоперскому полку и съ тѣхъ поръ по настоящее время входитъ въ составъ хоперскаго полкового округа.

стративнаго и гражданскаго устройства своего полкового округа, управленіе которымъ сосредоточивалось въ полковомъ и станичныхъ правленіяхъ. Даже судъ и расправа въ извѣстныхъ случаяхъ находились въ рукахъ полкового командира и только по важнымъ преступленіямъ служащіе казаки судились особо учрежденными комиссіями, а отставные подлежали гражданскому суду [149]).

Установившійся порядокъ въ самоуправленіи поселенныхъ на Кавказѣ казачьихъ полковъ нерѣдко вызывалъ жалобы администраціи Кавказской губерніи на подобное независимое положеніе линейныхъ полковъ и полное игнорированіе власти высшаго въ краѣ гражданскаго учрежденія. Такъ, главнокомандующій войсками въ Грузіи, генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ, въ ордерѣ на имя начальника кавказской линіи 1-го мая 1809 года за № 22 [150]), между прочимъ, сообщалъ, что: „....полки: Моздокскій, Волгскій, *Хоперскій,* Кавказскій и Кубанскій находятся въ меньшемъ отношеніи къ губернскому управленію (чѣмъ Гребенской и Семейный), ибо ихъ отставные казаки и дѣти, хотя частью участвуютъ въ земской повинности, но, исключая старшинъ, ищущихъ быть причисленными къ сословію дворянъ Кавказской губерніи, нимало не считаютъ себя въ зависимости гражданской; не участвуютъ въ сельскихъ выборахъ, не доставляютъ никакихъ свѣдѣній о чрезвычайныхъ въ сихъ войскахъ происшествіяхъ, ни о посѣвѣ и урожаѣ у нихъ хлѣба; не исполняютъ требованій градской или земской полиціи и если что исполняютъ, то не иначе какъ по приказаніямъ полка или полкового командира, и что весь судъ и расправа даже наказаніи за воровство (исключая криминальнаго преступленія) рѣшаются властью полкового или станичнаго командира.... Нерѣдко градская и земская полиціи, имѣя передъ глазами нарушителя закона или нужду сдѣлать нарядъ подводъ, назначить постой и прочія земскія повинности, не можетъ приступить къ исполненію прежде, пока не отнесется къ пол-

ковому начальнику и не получитъ отъ него на сіе согласіе.... Не установлена форма сношеній полковъ съ губернскимъ правленіемъ, изъ коихъ нѣкоторые присылаютъ въ губернское правленіе рапорты, а другіе сообщенія, присвояя себѣ первенство надъ губернскимъ правленіемъ....“

Вообще въ тѣ времена полковой командиръ лично руководилъ внутреннею жизнью въ станицѣ, какъ по общественному самоуправленію, такъ и въ домашнемъ быту казака. Отъ него исходили по станицамъ распоряженія: о нарядахъ на службу, объ общественныхъ запашкахъ для засыпки хлѣбомъ станичныхъ продовольственныхъ магазиновъ, о времени пахоты, посѣва и уборки хлѣбовъ, о порядкѣ пастьбы овецъ, рогатаго скота и лошадей; о мѣрахъ для поддержанія военнаго порядка въ станицахъ и для отраженія черкесскихъ хищническихъ партій; объ исполненіи казаками и ихъ семействами христіанскихъ обязанностей во время великаго поста; о заготовленіи сѣна на кордонныхъ постахъ и при станицахъ для проходящихъ командъ и артиллеріи; о содержаніи въ исправности общественныхъ зданій, станичной ограды, мостовъ и дорогъ; объ отбываніи кордонной службы, объ обученіи малолѣтковъ военному строю [151]) и обо всемъ прочемъ, что касалось до служебной и домашней дѣятельности казаковъ и станичныхъ обществъ.

Власть полкового командира распространялась даже на родительскія права казаковъ. Такъ, напримѣръ, начальство приказывало воспитывать въ мальчикахъ-подросткахъ военныя привычки, понятіе и уваженіе къ старшимъ; станичнымъ властямъ воспрещало выдавать замужъ дѣвушекъ-казачекъ за солдатъ и иногородныхъ, отчасти вслѣдствіе меньшаго процента женщинъ относительно числа мужчинъ, а главнымъ образомъ, чтобы онѣ не терпѣли нужды, живя съ безземельными мужьями; свободой вступать въ замужество пользовались только бездѣтныя вдовы и одинокія сироты. Казакамъ воспрещалось также жениться не на казачкахъ; такіе браки разрѣшались лишь въ крайнихъ слу-

чаяхъ. Вообще всюду и во всемъ царилъ всесильный и властный военный режимъ.

Станицами управляли станичные начальники изъ своихъ же полковыхъ офицеровъ, которые избирались и назначались на эти должности военною властью, а не обществомъ казаковъ. И здѣсь, даже въ мелочахъ, все сводилось къ опредѣленнымъ военнымъ порядкамъ и станичный сходъ вѣдалъ только маловажныя дѣла, которыя рѣшалъ по обычаямъ и преданіямъ. Такое устройство станичнаго самоуправленія совершенно умаляло значеніе его, но казаки по своей привычкѣ повиноваться свыклись съ военными порядками, установленными въ ихъ общественномъ быту, и, не смотря на многіе недостатки, подобное военно-гражданское устройство станицъ просуществовало до 1871 года, т. е. почти 100 лѣтъ.

Слѣдующею высшею инстанціею послѣ полкового командира считалась власть начальниковъ пѣхотныхъ дивизій, расположенныхъ на кавказской линіи [152]). Эти начальники вѣдали всѣ важные вопросы, относившіеся до внутренняго военно-гражданскаго управленія поселенныхъ линейныхъ казачьихъ полковъ. Что же касается кордонной службы, то въ этихъ случаяхъ полковые командиры подчинялись кордонному начальнику. Впослѣдствіи, начиная съ двадцатыхъ годовъ, главная власть надъ казачьими полками принадлежала командовавшимъ войсками на кавказской линіи, а затѣмъ наказному атаману кавказскаго линейнаго войска.

Воинскую повинность отбывало все мужское населеніе полка, за исключеніемъ физически-неспособныхъ. Каждый казакъ, способный къ конной службѣ, по достиженіи 20-ти-лѣтняго возраста, приносилъ присягу на вѣрность службы Царю и Отечеству, зачислялся въ служилый разрядъ и, смотря по надобности, или тотчасъ же наряжался на очередную службу, или же временно оставался дома въ полной готовности выступить по первому требованію, куда прикажутъ. Когда казакъ, по дошед-

шей до него очереди, зачислялся на мѣсто выбывшихъ казаковъ въ списокъ штатнаго состава полка и командировался на службу, то съ того времени онъ начиналъ получать жалованье, провіантъ и на лошадь фуражъ. Находясь же на временной льготѣ дома, казаку ничего не отпускалось отъ казны, такъ какъ довольствіе полагалось и выдавалось тому, кто замѣнялъ его на службѣ.

Самый порядокъ опредѣленія на службу молодыхъ казаковъ обставлялся нѣкоторыми торжественными обрядами [153]). Поступавшіе на службу, молодые казаки являлись въ станичное правленіе, одѣтыми по обыкновенію въ домашняго издѣлія длинныя свитки-зипуны, въ высокихъ черныхъ шапкахъ, неся въ рукахъ свои сабли. Тамъ старые казаки снимали съ нихъ свитки и на дровосѣкѣ обрубали топоромъ до положенной длины своихъ короткихъ кафтановъ, приговаривая—„о такъ добре буде!", а затѣмъ надѣвали на „хлопцивъ" укороченныя свитки, подпоясывали саблю и вели въ церковь принимать присягу на вѣрность службы.—„Гей, хлопче! не забудь свою мазницю!"—въ шутку говорили старые казаки молодымъ, когда тѣ, смущаясь непривычною обстановкою, забывали взять свои шапки, съ виду похожія на мазницу *). По достиженіи 45-ти-лѣтняго возраста, казаки зачислялись въ разрядъ внутренно-служащихъ и при надобности наряжались на нестроевую службу въ полковыхъ и станичныхъ правленіяхъ безъ всякаго содержанія отъ казны. Въ возрастѣ же 50-ти лѣтъ они навсегда освобождались отъ службы и увольнялись въ отставку. Для офицеровъ обязательный срокъ службы полагался 25-ти-лѣтній.

Въ теченіи своей долголѣтней службы, офицеры и казаки обязывались всегда быть готовыми для выхода въ поле противъ непріятеля конными, съ собственнымъ снаряженіемъ, обмундированіемъ и вооруженіемъ. Кромѣ опредѣленнаго штатомъ постояннаго числа служащихъ конныхъ старшинъ и казаковъ,

*) Мазница—деревянное ведро съ дегтемъ для смазки деревянныхъ осей въ повозкахъ.

въ Хоперскомъ полку, въ періодъ 1779—1800 годовъ *), постоянно находилось на службѣ въ качествѣ артиллеристовъ при орудіяхъ въ крѣпостяхъ и редутахъ еще 128 пѣшихъ казаковъ-канонировъ, „дабы казаки—какъ сказано было въ положеніи—сами въ защищеніе свое во всемъ употребляемы быть могли“. Въ 1800 году канониры-казаки были упразднены **), но зато съ 1808 года Хоперскому полку отпустили изъ артиллерійскаго склада три полковыя орудія—одинъ единорогъ и двѣ пушки—при которыхъ опредѣлено было имѣть на службѣ сверхъ штата одного офицера и 25 казаковъ [154]). Въ томъ же году изъ полка выдѣлили еще 42 казака въ составъ кавказской конно-артиллерійской роты, переформированной впослѣдствіи въ двѣ конно-артиллерійскія казачьи батареи [155]).

Комплектованіе полка офицерами со времени его образованія совершалось посредствомъ производства въ это званіе казаковъ за выдающіяся боевыя отличія, за храбрость, распорядительность и примѣрное поведеніе; требовалось только, чтобы представляемый былъ непремѣнно грамотнымъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до 1800 года офицеры казачьихъ полковъ: хорунжіе, сотники и есаулы, назывались, просто, старшинами [156]). По старымъ казачьимъ обычаямъ полковые старшины и казаки сами намѣчали выдающихся людей изъ своей среды для замѣщенія свободныхъ старшинскихъ вакансій. Этихъ избранныхъ полковой командиръ аттестовалъ и представлялъ на утвержденіе въ своихъ званіяхъ въ Военную Коллегію, указами которой до 1800 года они утверждались хорунжими, сотниками или есаулами ***).

Съ 1800 года казачьи офицеры въ этихъ званіяхъ утверждались уже Высочайшими указами Военной Коллегіи [157]), стали называться оберъ-офицерами ****) и приравнивались къ армей-

*) Приложеніе №№ 30, 31, 32 и 33.
**) Приложеніе № 35.
***) Приложеніе №№ 23 и 24.
****) Приложеніе № 25.

скимъ чинамъ: хорунжіе—корнету или прапорщику, сотники—поручику, а есаулы—капитану. Но казачьи офицеры считались ниже армейскихъ, такъ сказать, дешевле по качеству, и только за особые боевые подвиги и отличную службу награждались соотвѣтствующими или высшими армейскими чинами. Въ такихъ случаяхъ, награжденному армейскимъ чиномъ казачьему старшинѣ, Военная Коллегія выдавала патентъ на пожалованный чинъ. Впослѣдствіе, съ 1818 года, согласно положенія комитета министровъ 28-го мая 1818 г., установлена была выдача патентовъ казачьимъ старшинамъ и на казачьи чины [158]). Въ 1825 году Высочайшимъ повелѣніемъ казачьи званія и чины сравнены съ армейскими, но только въ отношеніи значенія самыхъ званій и чиновъ однако безъ правъ и преимуществъ, которыми пользовалась армія [159]). Кромѣ обычныхъ оберъ-офицерскихъ чиновъ въ казачьихъ полкахъ, съ 1823 года были введены еще зауряд-хорунжій и зауряд-сотникъ [160]), которые давались временно и жалуемый въ такихъ случаяхъ или оставался на своемъ прежнемъ казачьемъ денежномъ и прочемъ содержаніи, или же получалъ половину оклада новаго своего званія [161]).

Отставки и переводы офицеровъ изъ одной части въ другую производились Высочайшими повелѣніями, объявляемыми указами Военной Коллегіи, а впослѣдствіи приказами военнаго министра. Кромѣ своихъ природныхъ казачьихъ офицеровъ, въ полку служили офицеры, переведенные изъ регулярныхъ частей пѣхоты и кавалеріи, при чемъ число такихъ офицеровъ достигало иногда $^1/_4$ всего штатнаго состава. Разъ казакъ дѣлался офицеромъ, онъ употреблялъ всѣ свои старанія, чтобы вывести въ офицеры и своихъ служащихъ сыновей, чего достигалъ нерѣдко, выдвигая ихъ на видныя мѣста, обучая грамотѣ и воспитывая въ требуемомъ направленіи. Въ полковые командиры назначались исключительно штабъ-офицеры регулярныхъ войскъ. Такой порядокъ держался до пятидесятыхъ годовъ, ког-

да впервые стали назначать на должности полковыхъ командировъ казачьихъ полковниковъ и подполковниковъ.

Комплектованіе полка казаками установлено было по станично. Каждая станица, соотвѣтственно своему народонаселенію и по разсчету, опредѣленному полковымъ командиромъ, выставляла нужное число казаковъ, чтобы сотни постоянно находились въ полномъ составѣ служащихъ воинскихъ чиновъ. Кромѣ того въ каждой станицѣ велись три списка: одинъ казакамъ, прослужившимъ 25 лѣтъ и обязаннымъ службою по внутреннему управленію; особо отставнымъ казакамъ, тѣмъ и другимъ способнымъ защищать свои станицы; наконецъ особый списокъ молодымъ казакамъ (малолѣткамъ) въ возрастѣ отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ, которые обязывались быть готовыми для выхода на службу въ станичные резервы, на кордонные посты, или на замѣну убыли въ служащихъ казакахъ. Такимъ образомъ, въ первые годы поселенія на линіи, пока число жителей было еще незначительное, на военную службу выходило почти все мужеское населеніе въ возрастѣ отъ 16-ти до 50-ти лѣтъ. Даже отставные и неслужащіе казаки не пользовались льготою, такъ какъ они обязывались нести въ своихъ станицахъ квартирную, подводную, дорожную, мостовую и прочія земскія повинности; сверхъ того они содержали почту, т. е. выполняли почтовую гоньбу на собственныхъ лошадяхъ въ районѣ своего полкового округа отъ ст. Донской и далѣе на Московскую и Ставропольскую станицы, редутъ Бешпагирскій, селеніе Сергіевское, ст. Сѣверную и до ст. Александровской, при чемъ на каждой станціи полагалось содержать 3-хъ казаковъ и 6 лошадей [162]).

Со времени сформированія и до 1813 года Хоперскій полкъ находился въ 5-ти-сотенномъ составѣ и штатъ его нѣсколько разъ мѣнялся, но въ общемъ число воинскихъ чиновъ въ полку по переселеніи его на Кавказъ было слѣдующее [163]):

Командиръ полка, полковникъ или подполковникъ	1
Есауловъ	5

Сотниковъ	5
Хорунжихъ	5
Квартирмейстеръ	1
Писарь	1
Казаковъ	500
Канонирскихъ учениковъ	128.

Къ этому числу въ 1791 году было добавлено 20 пятидесятниковъ [164]), а въ 1800 году еще полковой священникъ и одинъ церковникъ, и исключены изъ штата канонирскіе ученики [165]). Въ этомъ же году, какъ видно изъ мѣсячнаго рапорта за мартъ, въ полку состояло на службѣ:

Старшинъ	18
(Изъ нихъ на окладѣ пятидесятниковъ 2).	
Пятидесятниковъ *)	26
(На казачьемъ окладѣ 8).	
Казаковъ	492
Полковой писарь	1
Полковой священникъ	1
Церковникъ	1.

Хоперскіе казаки, какъ на Хопрѣ, такъ и по переселеніи на Кавказъ, не имѣли форменнаго обмундированія и вооруженія, а носили одежду народную, подобную одеждѣ донскихъ казаковъ, т. е. короткій кафтанъ, застегнутый на крючки, широкія шаровары поверхъ сапогъ и высокую черную барашковую шапку съ длиннымъ краснымъ верхомъ, выпущеннымъ на бокъ. Лѣтомъ хоперцы выходили на службу въ простыхъ холщевыхъ рубахахъ домашняго издѣлія, которыя запускались въ широкія, холщевыя же шаровары и на поясѣ завязывали ихъ очкуромъ; шаровары книзу были узкія и впускались въ сапоги съ короткими голенищами; шапка оставалась та же. Въ такомъ видѣ, т. е. въ лѣтней одеждѣ, изображенъ казакъ на старинной печати Хопер-

*) Въ 1828 году названіе десятникъ было замѣнено словомъ урядникъ.

скаго полка. Изъ вооруженія казаки имѣли сабли въ желѣзныхъ ножнахъ съ ременною поясною портупеею, длинныя казацкія пики и ружья тульскаго издѣлія. Эти послѣднія въ 1812 году, при полковомъ командирѣ князѣ Багратіонѣ, были замѣнены короткими 6-ти-линейными штуцерами одного образца, выписанными изъ тульскаго оружейнаго завода на собственныя казачьи деньги [166]). Ружья носились въ кожаныхъ чехлахъ черезъ правое плечо. Затѣмъ имѣли лядунку или патронницу, сдѣланную изъ дерева съ 40-ка гнѣздами и обтянутую юфтью, причемъ на крышкѣ патронницы прикрѣплялся во всю ея величину мѣдный двуглавый орелъ; патронница носилась на широкомъ ремнѣ черезъ лѣвое плечо. Ремни чернились большею частью чистымъ дегтемъ. Офицерское снаряженіе, вооруженіе и одежда были такія же какъ и у казаковъ, только офицеры не имѣли пики и носили на саблѣ серебренный офицерскій темлякъ.

Поселившись на Кавказѣ и ближе познакомившись съ своими сосѣдями, старшины и казаки Хоперскаго полка стали исподволь обзаводиться предметами черкесскаго снаряженія и вооруженія, начали пріобрѣтать одежду и обувь одинаковаго съ горцами образца и покроя. Въ началѣ текущаго столѣтія у казаковъ появились черкески съ газырями на груди для патроновъ и бешметы съ боковыми грудными карманами, чевяки и ноговицы; сабли и штуцера постепенно исчезли, а взамѣнъ ихъ казаки обзавелись шашками, кинжалами, винтовками и пистолетами; свою неуклюжую лядунку они забросили, а вмѣсто нея ввели мягкій кожаный 40-ка-гнѣздный патронташъ черезъ лѣвое плечо; пики вышли изъ употребленія, а въ 1828 году онѣ были оффиціально отмѣнены. Въ этомъ году, начальникъ кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Емануель, замѣтивъ разнообразіе казацкой одежды, вооруженія и снаряженія, при чемъ трудно было даже отличить офицера отъ казака, установилъ для всѣхъ казаковъ Кавказскаго линейнаго войска однообразное обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе черкесскаго об-

разца, подобно кабардинскому. Это нововведеніе было утверждено Высочайшимъ повелѣніемъ 16-го января 1831 года. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время кавказскія казачьи войска имѣютъ обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе черкесскаго образца съ нѣкоторыми измѣненіями въ цвѣтѣ и размѣрахъ покроя мундира, бешмета и шапки *). Казаки переняли также отъ черкесовъ ихъ военныя игры—скачки, джигитовку, выправку и много другихъ пріемовъ ловкаго и лихого наѣздничества. Выступая въ дальній или ближній походъ большими частями или мелкими командами, казаки запасались необходимою одеждою, обувью и возможно большимъ количествомъ домашняго провіанта. Все это возилось частью съ собой на конѣ, если кладь была небольшая, а преимущественно въ переметныхъ сумахъ на вьючной лошади, которая велась въ поводу. Хотя по закону каждому казаку полагалось имѣть свою вьючную лошадь, но въ походъ брали сперва на 2—3 казака, а впослѣдствіи на 10 человѣкъ только по одной лошади. На ней возилось продовольствіе, коновязь, топоръ, лопата, а лѣтомъ сѣнокосная коса, которая, кромѣ своего прямого назначенія, приспособлялась такъ, чтобы при нуждѣ могла служить оружіемъ въ рукопашномъ бою. Если во время исполненія служебныхъ обязанностей на кордонныхъ постахъ, въ походахъ и дѣлахъ съ непріятелемъ офицеръ или казакъ лишался своего боевого коня, то обязанъ былъ, взамѣнъ павшей или убитой лошади, немедленно пріобрѣсти себѣ другую, вполнѣ годную къ службѣ. Только съ 20-хъ годовъ офицерамъ и казакамъ стали назначать пособія изъ барантовой суммы на покупку строевыхъ лошадей, вмѣсто павшихъ во время службы.

Средства къ существованію дома и на службѣ казаки и офицеры получали исключительно отъ земледѣлія и скотоводства и только немногіе занимались садоводствомъ, водили пчелъ и имѣли мельницы. Хлѣбопашество и скотоводство служили глав-

---

*) На прилагаемыхъ четырехъ рисункахъ показаны формы обмундированія офицеровъ и казаковъ хоперцевъ въ періодъ 1831—1845 годовъ.

ными средствами для прокормленія и поддержанія казачьей семьи. Но эти виды казацкаго хозяйства шли малоуспѣшно, благодаря недостатку рабочихъ рукъ и самой обстановкѣ порубежной жизни, такъ какъ хищные горцы довольно часто прорывались на линію, уводили жителей въ плѣнъ, угоняли скотъ и вытаптывали поля; градобитія и саранча также сильно вредили земледѣлію. Кавказское начальство, ходатайствуя объ опредѣленіи Хоперскому полку разныхъ видовъ казеннаго довольствія, между прочимъ, такъ очертило обстановку казацкаго житья-бытья [167]): „служба казаковъ здѣсь ежедневная, готовность ихъ на оную ежечасная, особенно къ преслѣдованію, часто на знатное за границу разстояніе, хищниковъ, никогда не оставляющихъ линію въ покоѣ, а потому содержаніе имъ отъ казны должно быть во всякомъ случаѣ; поелику они не могутъ имѣть тѣхъ способовъ къ хозяйственной жизни, какъ донскіе“.

При ничтожномъ содержаніи отъ казны и при значительныхъ срокахъ службы, казалось бы, что казакъ, въ виду вышеприведенныхъ причинъ, долженъ былъ впасть въ нищету, а его домашнее хозяйство прійти въ полный упадокъ, но тутъ на помощь казаку являлись, издавна установившіеся въ казачествѣ порядки отбыванія военной службы въ виду избытка въ служилыхъ людяхъ. Такъ было и въ Хоперскомъ полку. Первоначально, пока населеніе полка было незначительно, почти всѣ мужчины находились на службѣ. Но затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, въ каждой станицѣ число молодыхъ казаковъ въ возрастѣ отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ стало настолько велико, что, за укомплектованіемъ сотенъ до полнаго штата, еще оставалось свободныхъ отъ службы 20—30 человѣкъ. Тогда явилось возможнымъ облегчить службу казаковъ, въ особенности старыхъ, одинокихъ и бѣдныхъ, обремененныхъ многочисленными семействами, постоянно нуждавшихся въ домашней льготѣ для поддержанія своего хозяйства, единственнаго источника существованія казацкой семьи.

Для этого былъ выработанъ такой порядокъ: казаки, у которыхъ домашнія нужды грозили убытками, увольнялись по распоряженію полкового начальства со службы на временную льготу домой; а чтобы служба не теряла отъ этого и составъ полка оставался полнымъ, то на мѣсто убывшихъ вызывались очередные малолѣтки старшаго возраста, или другіе казаки, пользовавшіеся до этого льготою. Порядокъ пользованія домашнею льготою соблюдался строго и по извѣстной очереди, хотя ближайшее начальство нерѣдко злоупотребляло своею властью въ этомъ дѣлѣ. Временная льгота давала возможность бѣднымъ казакамъ управляться съ хозяйствомъ и тѣмъ обезпечить существованіе семьи.

Случалось, что по своей бѣдности казаки не могли даже отбыть строевую службу самостоятельно, а отбывали ее пополамъ. Это дѣлалось такъ: два бѣдныхъ казака сообща пріобрѣтали боевого коня, снаряженіе и вооруженіе и съ разрѣшенія начальства несли службу поочередно. Когда одинъ жилъ дома и хозяйничалъ, другой отбывалъ службу, гдѣ было указано, а затѣмъ, по прошествіи извѣстнаго срока, спускался на льготу, передавалъ своему половинщику коня и все прочее снаряженіе и обращался къ домашнимъ работамъ, а тотъ въ свою очередь шелъ на службу. Смѣны казаковъ для домашней льготы имѣли другую хорошую сторону. Благодаря имъ, почти всѣ малолѣтки успѣвали перебывать на строевой службѣ по кордоннымъ постамъ и въ резервахъ и изучить всѣ служебныя обязанности казака, что имѣло весьма важное значеніе на случай, если части полка уходили въ дальній походъ, тогда на мѣсто ушедшихъ становились уже не неопытные, а знающіе свое дѣло казаки.

Заглянемъ нѣсколько во внутренній, домашній бытъ казачьяго старшины и простого казака, когда они при одинаковыхъ почти жизненныхъ условіяхъ добывали все необходимое для житейскаго обихода, поддерживали семью и улучшали свое матеріальное благосостояніе. Офицеры и простые казаки, живя на

льготѣ, дома, въ станицѣ, все время занимались своимъ хозяйствомъ, работами въ полѣ и дома, чтобы обезпечить свою семью всѣмъ необходимымъ. Въ этомъ отношеніи офицеры нисколько не отличались отъ простыхъ казаковъ, потому что ихъ равняла одинаковость положенія. Вся семья офицера, т. е. онъ самъ, его жена и взрослыя дѣти, иногда при содѣйствіи одного-двухъ работниковъ, выполняли всѣ домашнія и полевыя работы: пахали землю, сѣяли, убирали сѣно и хлѣбъ, молотили, смотрѣли за хозяйствомъ, ухаживали за крупнымъ скотомъ и овцами, занимались огородомъ и садомъ, возили для продажи на ярмарки и базары избытокъ хлѣба, овощи, птицу и прочіе продукты сельскаго хозяйства. Въ семьѣ соблюдалась древняя патріархальность. Глава семейства, какой-либо старый хорунжій или сотникъ, самовластно распоряжался по всѣмъ отраслямъ хозяйства и всѣ члены семьи и работники считали святымъ долгомъ подчиняться его власти и почитать владыкою и главою дома; приказанія его выполнялись точно и неуклонно. Его отношенія къ семьѣ и рабочимъ носили характеръ добраго и правдиваго отца и руководителя, который въ одинаковой мѣрѣ заботится и о своихъ дѣтяхъ и о прислугѣ.

Уваженіе къ старшимъ, кто бы они не были, родственники ли, посторонніе, или даже свои работники—соблюдалось и поддерживалось среди подростковъ и малолѣтковъ въ самой высшей степени. Въ рабочее время, въ полѣ или дома, за столъ садилась вся семья, не исключая и прислуги, при чемъ не было различія и въ кушаньяхъ—что ѣли одни, то давалось и другимъ. Вообще, всюду царила древняя простота отношеній. Часто казаки приходили къ офицеру за совѣтомъ или просто побесѣдовать и при обращеніи въ перемежку между словами „ваше благородіе“ прямо называли офицера по имени и отчеству, что нисколько не оскорбляло самолюбія и не умаляло чувства уваженія и почтенія казака къ офицеру. Чиновный и простой казакъ жили исключительно отъ земли, т. е. отъ занятій хлѣбо-

пашествомъ и скотоводствомъ. Одинаковость занятій связывала интересы того и другого и въ станичной общественной жизни офицеръ отлично понималъ и зналъ всю подноготную казачьяго быта съ его удачами и неудачами, съ его нуждою и достаткомъ.

Такъ какъ военное начало лежало на основѣ всѣхъ домашнихъ и служебныхъ порядковъ, какъ въ станицѣ, такъ и внѣ ея, то простой казакъ, если иногда и терпѣлъ отъ офицера несправедливость и насиліе, то это касалось исключительно эксплуатаціи труда подчиненнаго. Впрочемъ это бывало только въ особыхъ случаяхъ, какъ напр. при уборкѣ хлѣба, на сѣнокосахъ и прочая, когда являлась спѣшная нужда въ рабочихъ рукахъ. Въ такихъ случаяхъ офицеръ обращался на сходѣ къ казакамъ и просилъ пособить; отказу, конечно, не бывало, и вотъ 30—40 казаковъ день-два работаютъ офицеру, который за это время кормилъ ихъ достаточно съ доброю чаркою водки передъ обѣдомъ. Но за то при нуждѣ и офицеръ отстаивалъ своего станичника—простого казака—и въ свою очередь оказывалъ ему услугу въ видѣ какой-либо возможной льготы внѣ очереди или заступничества передъ сильными міра сего. Вообще, какъ сказано, въ станичной жизни связь между офицеромъ и казакомъ существовала довольно тѣсная.

Казакъ родился и умиралъ казакомъ, т. е. военно-обязаннымъ поселенцемъ. Вся жизнь его проходила въ работѣ и на службѣ, имѣя конечнымъ исходомъ—отбыть положенный срокъ военной повинности и заработать столько, чтобы снарядить сыновей на ту же службу. Понятіе о долгѣ и честномъ выполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ Царю и Отечеству молодое поколѣніе казаковъ заимствовало отъ своихъ отцовъ, такъ сказать, черпало ихъ изъ живыхъ примѣровъ старыхъ станичниковъ. Въ этомъ отношеніи офицеръ и простой казакъ отправляли службу, согласно закона, по своему крайнему разумѣнію, боясь больше всего не взысканій со стороны на-

чальства, а насмѣшекъ и косыхъ взглядовъ товарищей и всѣхъ вообще своихъ станичниковъ. „Застыдятъ, засмѣютъ, отвергнутся въ станицѣ за оплошность или безчестный поступокъ“— вотъ то нравственное пугало, которое болѣе всего удерживало казака отъ позорныхъ поступковъ. Такимъ образомъ, въ казачьей семьѣ не было нужды проповѣдывать о единеніи, братствѣ, славныхъ традиціяхъ и другихъ высокихъ идеальныхъ истинахъ, все это и безъ того было свойственно казачеству, какъ сословію, возникшему именно на этихъ началахъ.

Казачье сословіе было замкнутымъ сословіемъ и выходъ изъ него въ другое совсѣмъ не разрѣшался. Эта строгость и изолированность казачьяго сословія поддерживалась и охранялась начальствомъ въ высшей степени, напоминая собою кастовые порядки древняго Египта и Индіи во всей ихъ строгости и неприкосновенности. Эта замкнутость болѣе всего выражалась въ недовѣріи и даже враждѣ къ другимъ сословіямъ, когда постороннія отдѣльныя личности вторгались въ жизнь казачества безъ его сочувствія и согласія. Подобная вражда особенно имѣла мѣсто по отношенію къ офицерамъ регулярныхъ войскъ, когда эти послѣдніе временно прикомандировывались или же навсегда переводились на службу въ казачьи полки.

Причина всего этого крылась, главнымъ образомъ, въ разницѣ умственнаго развитія и образованія казачьяго старшины и офицера регулярныхъ войскъ, нерѣдко выходившихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также въ неумѣньи послѣдняго держать себя въ обращеніи съ казакомъ. Обыкновенно регулярный офицеръ смотрѣлъ свысока на казака и часто некстати давалъ ему чувствовать его несостоятельность относительно научныхъ познаній и свѣтской благовоспитанности. Конечно, здѣсь не говорится о такихъ доблестныхъ начальникахъ, каковыми были: Круковскій, Зассъ, Якубовичъ, Волковъ, Васмундъ и другіе, которые въ офицерѣ видѣли прежде всего боевого товарища, не справляясь о его начитанности и образованности.

Казаки далеко уступали регулярнымъ офицерамъ въ умственномъ развитiи и теоретическомъ военномъ образованiи, но это не была ихъ вина. Вся обстановка казацкаго быта, бѣдность, одиночество, постоянное отсутствiе главы дома по обязанностямъ военной службы, были причиною, что отецъ въ подросткѣ-сынѣ видѣлъ помощника въ домашнемъ хозяйствѣ, и если это хозяйство было единственнымъ источникомъ его матерiальнаго обезпеченiя, то считалось вполнѣ достаточнымъ, когда мальчуганъ умѣлъ читать, писать и зналъ кое-что изъ ариѳметики. Всѣ эти научныя познанiя прiобрѣтались дѣтьми въ станичной школѣ, гдѣ нерѣдко учителемъ былъ грамотный отставной солдатъ, дьячекъ своей приходской церкви, или какой либо разночинецъ, съ грѣхомъ пополамъ кончившiй курсъ уѣзднаго училища. Обстановка офицерскаго быта была несравненно тяжелѣе, чѣмъ положенiе казака. Скудное содержанiе отъ казны, болѣе дорогое обмундированiе и снаряженiе, значительные расходы на офицерское представительство, при постоянномъ нахожденiи на службѣ вдали отъ дома—ставили офицеровъ въ крайне тяжелое матерiальное положенiе. Въ особенности терпѣли нужду зауряд-хорунжiе—воинскiе чины, изображавшiе изъ себя что-то среднее между офицеромъ и урядникомъ, такъ какъ права ихъ были офицерскiя, а содержанiе простого казака.

При условiи всеобщей воинской повинности и въ зависимости отъ обстановки порубежной жизни, вся тяжесть домашняго хозяйства лежала почти исключительно на женщинахъ. Только при счастливыхъ обстоятельствахъ казаку удавалось вырываться со службы недѣли на двѣ—на три домой, похозяйничать и поработать, поласкать дѣтей, да поболтать съ хозяйкой... Вотъ какъ рисуетъ Ф. Щербина тогдашнюю жизнь женщины-казачки [168]).

„Казачка той поры представляла своего рода идеалъ человѣка, не падавшаго духомъ предъ самыми жестокими ударами суроваго казацкаго рока. Съ вѣчною тревогою въ сердцѣ за

жизнь мужа, дѣтей, братьевъ, служившихъ на линіи, она, эта казачка, творила, собственно, экономическій бытъ, вела хозяйство, покоила стариковъ, руководила подростками, воспитывала дѣтей и вообще заботилась объ устроеніи того уютнаго уголка, который рисовался радужными и свѣтлыми красками въ мысляхъ казака среди военныхъ бурь и треволненій. Прошлое молчитъ о томъ, чего ей все это стоило, какимъ количествомъ вздоховъ сопровождала она каждый свой шагъ, сколько слезъ пролито ею при жизненныхъ неудачахъ и затрудненіяхъ, какую бездну горечи и гнетущихъ мыслей вынесла ея многострадальная грудь. Казачка работала, не покладая рукъ, брала въ руки косу или серпъ, пахала и сѣяла, „орудовала" топоромъ, не досыпала ночей, имѣя при этомъ помощниковъ въ лицѣ подростковъ и малолѣтнихъ дѣтей, которыя хотя и не особенно много давали, но за то оживляли работы матери, придавали ей бодрости и одушевленія. И когда жестокая война навѣки разлучила ее съ мужемъ, казачка опять-таки не падала духомъ и билась изъ силъ, пока не становились на ноги ея дѣти, будущіе казаки и будущій предметъ тревогъ для материнскаго сердца".

ГЛАВА III.

Пограничная служба на линіи въ періодъ 1777—1800 гг. Первоначальное положеніе азовско-моздокской линіи; колонизація и система обороны. Служба Хоперскаго полка по окончательномъ водвореніи на линіи. Прикрытіе границы постами и редутами; пограничная служба хоперцевъ. Первые набѣги горцевъ на линію; тревоги и схватки съ непріятелемъ. Походы за Кубань противъ Шихъ-Мансура, горскихъ народовъ и противъ крѣпости Анапы. Дѣйствія Баталъ-паши. Походъ Гудовича къ Анапѣ и взятіе этой крѣпости. Заселеніе кубанской линіи. Походъ графа Зубова въ Персію.

Азовско-моздокская линія, укрѣпленная на своемъ 300-верстномъ протяженіи девятью крѣпостями, съ устроенными при нихъ станицами хоперскихъ и волжскихъ казаковъ и промежуточными между ними редутами, оканчивалась на сѣверо-западѣ крѣпостью Донскою. Отъ послѣдней до р. Средняго Егорлыка, гдѣ линія соприкасалась съ кордонными постами донского войска, оставалось на 150 верстъ открытое, ничѣмъ не защищенное пространство, а къ западу отъ линіи разстилались обширныя прикубанскія степи, ожидавшія еще своей колонизаціи.

Въ 1783 году р. Кубань была принята нашею границею съ Турціею [169]), а въ слѣдующемъ 1784 году на правомъ берегу ея построены крѣпости Прочный Окопъ—противъ устья р. Урупа и Преградный Станъ—нѣсколько выше нынѣшней станицы Барсуковской *). Отъ Преграднаго Стана и далѣе на юго-востокъ до крѣпости Константиногорской (близъ гор. Пятигорска) тянулась, такъ называемая, *сухая граница*, ничѣмъ однако не укрѣпленная и не обезпеченная на всемъ болѣе чѣмъ 100-верстномъ протяженіи, по причинѣ малочисленности войскъ. Эта сухая граница долгое время была открыта для непріятельскихъ набѣговъ,

---

*) Впослѣдствіе крѣпость эта потеряла значеніе и считалась только какъ пограничный кордонный постъ.

пока не заселили станицами хоперскихъ казаковъ. Въ 1785 году отъ гор. Царицына на Волгѣ, степью до гор. Кизляра и далѣе вдоль кавказской линіи черезъ Моздокъ и Ставрополь на гор. Черкаскъ на Дону—по повелѣнію Императрицы Екатерины II учрежденъ почтовый трактъ [170]). На всемъ его протяженіи были устроены почтовые дворы, полагая одну станцію отъ 15-ти до 30-ти верстъ, у которыхъ и вообще на линіи стали селиться казенные поселяне и отставные солдаты съ пособіемъ отъ казны по 20-ти руб. на каждый дворъ.

Для безопасности же селеній и почтовыхъ дворовъ возводились земляныя укрѣпленія. Такъ, въ періодъ 1782—1787 гг., на линіи Хоперскаго полка возникли селенія государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ курскаго намѣстничества: Палагіада, Надежда, Михайловка, Бешпагиръ и Сергіевское. Далѣе же отъ крѣпости Донской и до Средняго Егорлыка, при почтовыхъ дворахъ были построены редуты: Безопасный, Преградный, Медвѣже-Курганскій, Вѣстославскій, Лѣтницкій, Разсыпной, Песчаноокопскій и Средне-Егорлыкскій [171]). Эти послѣдніе редуты соединили Терекъ съ Дономъ и совершенно замкнули нашу азовско-моздокскую линію.

Начавшееся заселеніе Кавказской области казенными поселянами и казенными отставными солдатами вызвало необходимость болѣе прочнаго укрѣпленія нашей кубанской границы, имѣвшей только крѣпости Прочный-Окопъ и Преградный Станъ. Поэтому, въ періодъ 1787—1790 гг. по правому берегу Кубани и сухопутной границѣ [172]) были возведены слѣдующіе редуты и укрѣпленные посты: Темижбекъ, Григориполисъ, Царицынскій, Убѣжный, Западный, Державный, Недреманный, Невинномысскій, Открытой и Кубанскій. Далѣе по сухой границѣ: Темнолѣсскій штерншанецъ *) и редуты: Барсу-

---

*) Казаки передѣлали слово штерншанецъ, т. е. звѣздообразное укрѣпленіе, на подходящее слово стержаментъ. И теперь еще хуторъ Темнолѣсскій, устроенный при бывшей кр. Темнолѣсской называется казаками Темнолѣсскимъ стержаментомъ.

суковскій, Калаусскій ретраншаментъ, Надзорный, Воровсколѣсскій, Кумской, Тамлыцкій, кр. Кумская при Песчаномъ бродна р. Кумѣ и редутъ Покорившій. Далѣе шли редуты по линіи черезъ Константиногорскую крѣпость на Терекъ.

Такимъ образомъ, около 1790 года впереди азовско-моздокской линіи, отъ Терека и далѣе по сухой чертѣ до Темижбека на Кубани, наша граница была достаточно прикрыта укрѣпленіями, занятыми, смотря по важности, большими или малыми частями войскъ или небольшими казачьими командами. Далѣе на западъ до Чернаго моря по правому берегу Кубани тоже возвели (1778 г.) цѣлый рядъ редутовъ [109]), которые, однако, войсками не были заняты и служили только опорными пунктами на случай походовъ нашихъ отрядовъ за Кубань или къ сторонѣ Тамани.

По окончательномъ водвореніи на кавказской линіи, на Хоперскій полкъ была возложена охрана нашей сухопутной границы отъ нападенія враждебныхъ горскихъ народовъ. Служба казаковъ распредѣлялась на станичную, кордонную и внѣшнюю, за предѣлами полкового округа. Станичная служба состояла въ охраненіи внутренняго порядка и въ обезпеченіи населенія отъ разныхъ случайностей порубежной жизни. Кордонная же, пограничная служба соединяла въ себѣ двѣ обязанности: охраненіе населенія Кавказской области отъ хищническихъ набѣговъ сосѣднихъ горскихъ племенъ Кавказа и предупрежденіе занесенія въ наши предѣлы чумы и другой заразы со стороны Турціи и Закавказья [173]). Наконецъ, служба внѣшняя состояла въ томъ, что резервы кордонной линіи, въ случаѣ надобности выступали въ походъ за границу для преслѣдованія непріятеля и наказанія его за хищничество, или же для участія въ войнахъ Россіи съ сосѣдними государствами.

Пограничная полоса земли передъ фронтомъ хоперскихъ станицъ, гдѣ казакамъ на первыхъ порахъ пришлось отправлять кордонную службу, представляла на всемъ своемъ протяженіи

Планъ

Пограничнаго поста на Кубанской линіи на 30 казаковъ.

Видъ №1й

д.

а.

А. В.

б.

в.

г.

Объясненіе знаковъ.

а. Казарма для казаковъ.

б. Сѣнцы.

в. Офицерская комната.

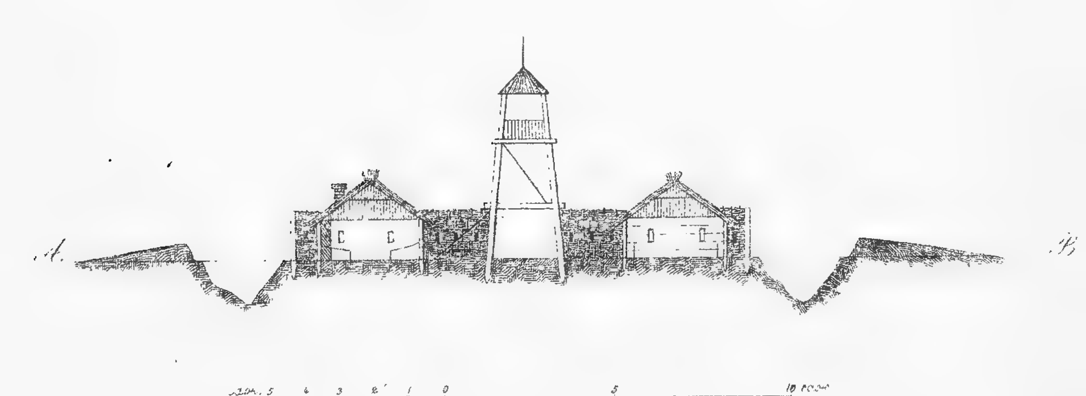
г. Конюшня.

д. Ворота и вышка.

Примѣчаніе: 1. Сѣно складывалось снаружи поста.

2. Въ хорошую погоду казаки варили пищу внѣ поста н
очагѣ, а въ дурную погоду въ казармѣ въ печкѣ.

Разрѣзъ по линіи А.В.

отъ Донской до Сѣверной станицъ мѣстность, большею частью покрытую сплошными дѣвственными лѣсами, въ особенности около Ставропольской и Сѣверной, изрѣзанную глубокими балками, оврагами и впадинами и крутыми отрогами кубанско-кумской возвышенности. На всемъ этомъ пространствѣ по низменностямъ росли гигантскій бурьянъ и камыши, а богатая степная растительность, чередуясь съ кустарниками и рощами, покрывала возвышенности, придавая всей мѣстности дикій и предательскій характеръ; засадою и измѣною вѣяло отъ каждой заросшей балки, отъ каждаго перелѣска. Здѣсь, на всемъ протяженіи линіи, на мѣстахъ удобныхъ, примѣтныхъ и доступныхъ, гдѣ проходили дороги, были устроены для охраны границы кордонные посты и редуты.

Пограничный казачій постъ *)—это передовой укрѣпленный пунктъ къ сторонѣ непріятеля, передовая охрана нашихъ порубежныхъ поселеній. Кордонный постъ представлялъ изъ себя четыреугольникъ, окруженный внѣшнимъ рвомъ и землянымъ валомъ съ колючею оградою; бывали посты, обнесенные кругомъ бревенчатою и даже каменною стѣною [174]). Постовая ограда имѣла одни ворота, надъ которыми устраивалась вышка для часового. Съ самой ранней зари и до темныхъ сумерекъ часовой безотлучно стоялъ на вышкѣ, зорко наблюдая окрестности. Тутъ же около вышки, снаружи постовой ограды, утверждался высокій шестъ, обмотанный соломою со смоляною бочкою наверху и назывался „вѣхою“. Эта вѣха служила вѣстникомъ тревоги по кордонной линіи, такъ какъ при появленіи вблизи поста сильной непріятельской партіи, солому поджигали, и дымъ горѣвшей смолы распространялъ по линіи вѣсть о появленіи непріятеля. Внутри поста находилась казарма на 15—40 человѣкъ постовой команды и конюшня для лошадей; въ стѣнахъ ограды, казармы и конюшни были продѣланы бойницы для ружей. Около каждаго поста, на выжженныхъ и окопан-

*) На рисункахъ показаны два типа этихъ постовъ.

ныхъ канавою мѣстахъ, складывались стога сѣна для довольствія казачьихъ лошадей. Редуты отличались отъ постовъ болѣе обширными размѣрами и имѣли высокій земляной брустверъ съ глубокимъ внѣшнимъ рвомъ; въ редутахъ могло помѣщаться до 2-хъ ротъ пѣхоты и 4 орудія.

Въ первые же годы поселенія Хоперскаго полка на азовско-моздокской линіи, по распоряженію начальства, 3 сотни хоперскихъ казаковъ находились на пограничной службѣ для охраненія линіи, а 200 человѣкъ оставались постоянно готовыми для похода противъ непріятеля и занятія передовыхъ редутовъ [175]). Часть канонировъ-казаковъ назначалась на службу въ своихъ крѣпостяхъ на линіи, а остальные отдѣлялись для дѣйствія при орудіяхъ въ крѣпостяхъ Прочноокопской, Кавказской и Усть-Лабинской, въ разныхъ редутахъ по Кубани, на почтовой дорогѣ и въ крестьянскихъ селеніяхъ.

Въ періодъ 1779—1800 гг. хоперскіе казаки для пограничной службы раздѣлялись обыкновенно такъ [176]): часть ихъ находилась на своихъ станичныхъ кордонныхъ постахъ и въ станичныхъ резервахъ, другіе—на кордонныхъ постахъ въ селеніяхъ Михайловкѣ, Надеждѣ, Палагіадѣ и Сергіевкѣ, третьи—на почтовой дорогѣ въ редутахъ Бешпагирскомъ, Безопасномъ, Преградномъ, Вѣстославскомъ, Медвѣже-курганскомъ и Егорлыкскомъ и наконецъ остальные—въ укрѣпленіяхъ, выдвинутыхъ къ сторонѣ непріятеля: Алексѣевскомъ, Темнолѣсскомъ, Григорьевскомъ, Астраханскомъ, Владимірскомъ, Сенгилѣевскомъ, Камышеватскомъ, Терновомъ, Бударскомъ, въ редутахъ въ Лопатиной балкѣ, на Остромъ курганѣ и Преградномъ-Станѣ *); кро-

---

*) Названные редуты и укрѣпленія возникали по мѣрѣ надобности и въ зависимости отъ нашихъ отношеній съ закубанскими горцами. Когда граница отодвинулась къ правому берегу Кубани, и тамъ были построены укрѣпленія для охраны, тогда нѣкоторые изъ вышеозначенныхъ редутовъ были упразднены; но большинство этихъ укрѣпленій, даже при существованіи кубанской пограничной линіи, сохранило важное значеніе, и казачьи команды постоянно находились въ нихъ. Между тѣмъ какъ прикубанскіе редуты и посты, на пространствѣ отъ р. Урупа и вверхъ до Баталпашинска, на зиму покидались и войска, ихъ занимавшія, отходили на зимовку къ казачьимъ станицамъ и крестьянскимъ селеніямъ. Только пос-

мѣ того посылались небольшія команды въ ногайскіе аулы, калмыцкіе улусы и въ Большую Кабарду для охраненія порядка.

По прибытіи на Кавказъ, хоперскіе казаки сразу попали въ совершенно незнакомую для нихъ военную обстановку и должны были сами выработывать пріемы и создавать порядки отправленія кордонной службы. Предпріимчивость горцевъ, незнакомство первоначально съ ихъ тактикою, неблагопріятныя мѣстныя и климатическія условія, все это создавало множество затрудненій, сопряженныхъ съ значительными потерями и лишеніями. Только благодаря стойкости и извѣстной доли упрямства, свойственныхъ русской натурѣ, казаки скоро освоились съ неудобствами и опасностями новаго житья-бытья и вошли въ роль и обязанности хозяевъ на этихъ пустынныхъ дотолѣ окраинахъ. Первоначально служба казаковъ на пограничныхъ постахъ и въ резервахъ была исключительно сторожевою и охранительною. Но съ увеличеніемъ населенія Кавказской области, съ постройкою укрѣпленій и устройствомъ линіи, явились новыя служебныя требованія отъ казаковъ, оберегавшихъ границу. Такъ, съ 1787 года *) служащіе казаки, кромѣ прямой своей службы, наряжались для конвоированія денежныхъ почтъ, курьеровъ, разныхъ лицъ и для возки писемъ, пакетовъ, эстафетъ какъ въ предѣлахъ своего полкового округа, такъ и на передовыхъ линіяхъ, по постамъ своей дистанціи. Передовые кордонные посты ежедневно по утрамъ и вечерамъ высылали разъѣзды для осмотра окрестностей и особенно скрытныхъ мѣстъ, чтобы не допустить прорыва черкесовъ въ тылъ и на сообщенія линіи съ Дономъ, т. е. на дорогу къ Черкаску.

Во время разъѣздовъ между постами и редутами [177]), а также въ прикубанскихъ степяхъ, казаки, завидя вдалекѣ какую либо конную партію, начинали маячить и подавать сигна-

---

лѣ заселенія верхней Кубани хоперскими станицами, вышеназванные и еще другіе внутренніе посты и редуты стали имѣть второстепенное значеніе.

*) Какъ только по кавказской линіи былъ проложенъ почтовый трактъ, такъ на казаковъ была возложена конвойная служба и возка почтъ.

лы условленными знаками. Если противная партія отвѣчала тѣмъ же, то разъѣздъ довѣрчиво подвигался впередъ навстрѣчу—значитъ свои; если же отвѣчали невпопадъ, тогда казаки брались за оружіе и при соразмѣрныхъ силахъ шли впередъ уже какъ на враговъ. Черкесы нерѣдко черезъ перебѣжчиковъ узнавали условные знаки и ловкимъ маневромъ наводили казаковъ на засады. Въ такихъ случаяхъ станичники дорого платились за свое легковѣріе. Впрочемъ, на засаду нарывались только неопытные и нерасторопные казаки, а люди бывалые и испытанные уже издали распознавали съ кѣмъ имѣютъ дѣло и принимали свои мѣры. Казачьи разъѣзды почти безпрестанно днемъ и ночью ходили вдоль оберегаемой полосы, пользуясь для этого, такъ называемыми, патрульными дорогами, скрытыми кустарникомъ, бурьяномъ или камышами. При значительномъ удаленіи постовъ одного отъ другого, постовыя команды на день выставляли отъ себя промежуточные конные пикеты, въ пунктахъ съ хорошимъ обзоромъ на далекое пространство.

Съ наступленіемъ темноты, обыкновенно третья часть постовыхъ казаковъ, раздѣлившись на группы, по два и по три человѣка каждая, пѣшкомъ и съ оружіемъ въ рукахъ, выходила скрытными путями съ поста и осторожно, втихомолку, залегала порознь на пограничной полосѣ въ опасныхъ и доступныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на бродахъ, лѣсныхъ тропинкахъ, узкихъ проходахъ и прочихъ тѣснинахъ. Казаки, остававшіеся на посту, держали своихъ лошадей на конюшнѣ осѣдланными и въ полной готовности скакать по тревогѣ на поддержку секретовъ. Въ случаѣ появленія вблизи кордоннаго поста непріятельской партіи, постовая команда, извѣстивъ ближайшіе посты и редуты о наступленіи хищниковъ, употребляла всѣ способы для отраженія противника и преслѣдованія его до послѣдней крайности, стараясь истребить, или нанести ему возможный вредъ, не взирая ни на какія препятствія и затрудненія. Въ инструкціи постовымъ командамъ [178]), такъ, между прочимъ, говорилось о

дѣйствіяхъ противъ непріятеля: „хищническія партіи преслѣдовать, не смотря ни на темноту ночи, ни на усталость лошадей, ни на сильный туманъ, снѣгъ, дождь, большія воды въ рѣкахъ и тому подобное“. Отъ казаковъ, преслѣдовавшихъ непріятеля, никакія оправданія не принимались, а оплошавшіе начальники постовыхъ командъ даже предавались суду, который строго взыскивалъ съ нихъ по закону.

Не успѣли еще хоперскіе казаки устроиться и укрѣпиться на новыхъ мѣстахъ, какъ должны были вступить въ борьбу съ хищными сосѣдями, непріязненныя отношенія съ которыми возникли почти съ первыхъ же годовъ поселенія казаковъ на азовско-моздокской линіи. Подстрекаемые Турціею, старавшеюся отвлечь наше вниманіе отъ Крыма, ногайцы и кабардинцы начали сильно волноваться, считая возведеніе азовско-моздокской линіи нарушеніемъ правъ собственности и посягательствомъ на ихъ свободу [179]). Во время работъ по устройству новой линіи, кабардинцы открыто отказались отъ подданства Россіи, говоря, что русскими подданными они никогда себя не считали, а были только кунаками [180]). Весь 1778 годъ они своими нападеніями тревожили строившіяся крѣпости и станицы, но, встрѣчая всюду бдительность и осторожность, а гдѣ нужно и грозный отпоръ—партіи кабардинцевъ, доходившія до тысячи и болѣе всадниковъ, ничего не могли сдѣлать и безъ успѣха возвращались во свояси.

Неудачи этого года не охладили кабардинцевъ, но еще болѣе разожгли ихъ хищническіе инстинкты. Весною 1779 года кабардинцы, соединившись съ закубанскими черкесами, бесленеями и темиргоями, а также съ ногаями Ахлова и Туганова, подъ начальствомъ Дулакъ-Султана, предприняли въ большихъ силахъ нападеніе на преданныя намъ ногайскія орды и русскія поселенія [181]). На линіи въ то время находилось всего четыре казачьихъ полка: Хоперскій, Волжскій и два донскихъ. Главныя полчища кабардинцевъ обрушились на ближайшія къ

нимъ поселенія Волжскаго полка; другая же часть ихъ съ черкесами и ногайцами, перейдя Кубань, нѣсколькими сильными партіями, ринулась на хоперскія станицы и пограничные посты и произвела на нихъ цѣлый рядъ нападеній. Такъ, 16-го мая, горцы напали на кр. Сѣверную [182]), въ которой, какой то подкупленный ими армянинъ, произвелъ даже пожаръ. Однако попытки хищниковъ овладѣть крѣпостью не увѣнчались успѣхомъ. Въ то время, когда одна часть хоперскихъ казаковъ отбивала всѣ непріятельскіе приступы, другая тушила пожаръ, а затѣмъ, подкрѣпивъ первыхъ, дружными усиліями отразили хищниковъ и отстояли свою крѣпость; армянинъ же былъ схваченъ и посаженъ въ казематъ.

Послѣ неудачи у Сѣверной, кабардинцы ушли въ степи. 30-го числа они снова появились вблизи этой крѣпости и напали на Алексѣевскій фельдшанцъ и въ тотъ же день опять сдѣлали попытку овладѣть крѣпостью Сѣверною [183]). Но хоперцы, не смотря на ожесточенныя и яростныя нападенія горцевъ, руководимые своимъ командиромъ полковникомъ Устиновымъ, отбили всѣ атаки непріятеля и съ урономъ заставили его отступить. 3-го іюня значительная партія кабардинцевъ, подъ предводительствомъ владѣльца Инала [184]), выбѣжавъ изъ буераковъ и зарослей р. Калауса, снова напала на Алексѣевскій фельдшанцъ. Первоначально горцы бросились на казачьихъ лошадей, отхватили и угнали 94 коня, при этомъ три казака караульныхъ при табунѣ были убиты и двое ранены. Затѣмъ они кинулись къ фельдшанцу, и со всѣхъ сторонъ обложили это маленькое укрѣпленіе. Но, когда они готовились къ штурму, изъ воротъ укрѣпленія вынеслась хоперская сотня съ есауломъ Михѣевымъ и бросилась въ шашки. Въ одно мгновенье она была окружена черкесами, потеряла 18 человѣкъ убитыми и, будучи отброшена въ лѣсъ, спѣшилась, засѣла въ кустахъ и продолжала защищаться. Послѣ жаркой перестрѣлки горцы оставили сотню Михѣева въ покоѣ, а сами двинулись на укрѣпленіе, но взять его не могли и отсту-

пили, потерявъ 13 человѣкъ убитыми и ранеными. На другой день, 4-го іюня около полудня, другая партія, въ числѣ до 1500 бесленеевъ и темиргоевъ, подъ предводительствомъ Дулакъ-Султана [185]), произвела нападеніе на табунъ донского полка вблизи Ставропольской крѣпости, отогнала 240 лошадей, а затѣмъ бросилась на крѣпость. Но тутъ имъ не посчастливилось: жестокій орудійный огонь и дружная вылазка хоперцевъ, донцовъ и другихъ заставили горцевъ поспѣшно отступить. Тѣмъ не менѣе схватка эта стоила намъ 20 убитыхъ и 2-хъ раненыхъ казаковъ, „да увезена была съ рѣчки казачья женка одна". Потерявъ въ свою очередь до 30-ти человѣкъ убитыми и ранеными, горцы отхлынули назадъ.

До самой глубокой осени мелкія воровскія партіи тревожили набѣгами наши поселенія. Для обезпеченія работъ по устройству линіи отъ хищниковъ, распоряженіемъ командира полка отъ хоперцевъ ежедневно наряжались небольшія команды, подъ начальствомъ офицеровъ, которыя посылались по линіи. Одна изъ нихъ, въ числѣ 43-хъ казаковъ, подъ командою сотника Филиппа Лучкина, 6-го октября, посланная для преслѣдованія хищнической партіи, ворвавшейся на линію, настигла горцевъ и, не смотря на неравенство въ силахъ, смѣло вступила съ ними въ бой. Однако, многочисленный противникъ одолѣлъ и храбрый сотникъ съ двумя казаками, всѣ израненые, очутились въ плѣну; остальная команда разсѣялась. Лучкинъ пробылъ въ горахъ до 20-го декабря 1780 года, когда былъ выкупленъ за 900 руб. [186]). Хищные кабардинцы и закубанскіе черкесы считали врагами и тѣ ногайскія орды, которыя кочевали въ прикубанскихъ степяхъ и находились подъ нашимъ покровительствомъ. Такъ, въ октябрѣ 1780 года, сильная партія закубанцевъ напала на ногайцевъ Кипчаковской орды и жестоко ее разгромила [187]): кромѣ значительной убыли убитыми и ранеными, ногайцы потеряли 1500 головъ лошадей, которыхъ хищники отхватили и угнали съ собою. Тогда озлобленные

кипчаковцы, соединившись съ ногайцами Едишкульской орды, подъ предводительствомъ султана Асланъ-Гирея, въ свою очередь, сдѣлали набѣгъ на черкесовъ и разбили ихъ наголову на правомъ берегу Кубани. Жестоко наказанные закубанцы возвратились во свояси, но затѣмъ начали свои дерзкіе набѣги въ нашу сторону.

Съ этихъ поръ для хоперскихъ казаковъ началась жизнь полная тревогъ и опасностей, безсонныхъ ночей и кровавыхъ схватокъ. Эти же событія послужили началомъ долголѣтней и упорной малой войны, которая воспитала и закалила казака въ опасностяхъ и выработала единственный въ своемъ родѣ и достойный памяти геройскій типъ линейнаго казака-богатыря! Получивъ на первыхъ же порахъ нѣсколько кровавыхъ уроковъ, казаки убѣдились, что только строгою бдительностью, осторожностью и постоянною готовностью ко всякой враждебной встрѣчи можно парализовать хитрыя разбойничьи дѣйствія такихъ противниковъ, какъ кавказскіе горцы и ногайцы, страстная алчность къ добычѣ которыхъ, была главною причиною ихъ дерзкихъ предпріятій и хищничествъ.

Даже со стороны степей, внутри линіи, казаки не считали себя въ безопасности. При появленіи вблизи станицъ кочевьевъ калмыковъ и ногайцевъ съ табунами лошадей и огромными стадами скота и овецъ, когда эти полудикіе степняки начинали рыскать за поисками пастбищъ и водопоевъ—казаки брались за оружіе и учреждали охрану родной станицы уже со всѣхъ сторонъ. Въ теченіи 85-ти лѣтъ хоперскіе казаки не складывали оружія и не отдыхали отъ боевыхъ трудовъ, охраняя безсмѣнно рубежи кубанскаго края, защиту и спокойствіе котораго Державные Владыки земли русской вручили вѣрному и надежному казачеству!

Какъ только на азовско-моздокской линіи возникъ рядъ казачьихъ станицъ, а за ними стали появляться и крестьянскія селенія, съ того времени враждебныя дѣйствія черкесовъ обра-

ПЛАНЪ
Пограничнаго поста на Кубанской линіи для 30 конныхъ казаковъ.

Видъ №2й

г

в

а

В.

в

б

А.

в

Объясненіе знаковъ.

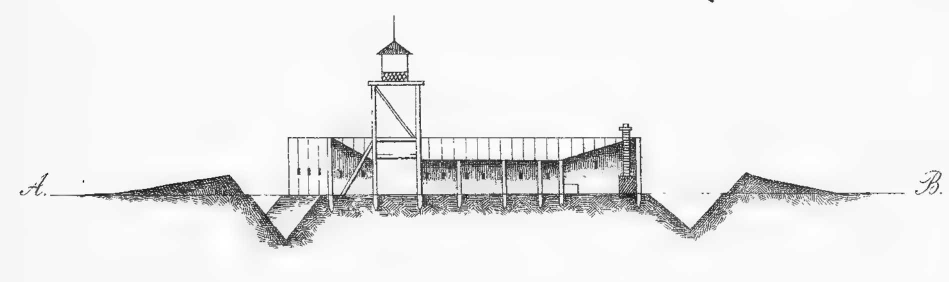
а. — Казарма для казаковъ.

б. — Офицерское помѣщеніе

в.в.в. — Конюшни.

г. — Ворота и вышка.

Разрѣзъ по линіи А.В.

саж 6 5 4 3 2 1 0 6 12 саж

тились на воздвигнутую передъ ними преграду. Уже съ 1785 года свободныя отъ кордонной службы сотни Хоперскаго полка стали участвовать вмѣстѣ съ регулярными войсками въ походахъ противъ горцевъ за предѣлами нашихъ владѣній. Въ кавказской войнѣ на первыхъ же порахъ получила широкое примѣненіе древняя еврейская заповѣдь—„око-за-око, зубъ-за-зубъ", такъ какъ кавказскіе горцы признавали только одну силу—силу оружія, гуманное же обращеніе и слова убѣжденія считали слабостью и малодушіемъ. Поэтому, за набѣги горцевъ въ наши предѣлы, мы стали отвѣчать имъ тою же монетою, т. е. посылали войска въ ихъ земли и производили разгромъ непріятельскихъ жилищъ. Тѣмъ не менѣе набѣги горцевъ на нашу линію почти не прекращались.

Такъ, осенью 1785 года они сдѣлали нападеніе на Ставропольскую крѣпость и на селенія Михайловку и Палагіаду [188]). Эти набѣги сопровождались кровопролитными схватками съ казаками и серьезными потерями съ обѣихъ сторонъ; въ особенности жестокій бой произошелъ въ виду пылавшихъ селеній Михайловки и Палагіады, когда казаки разбили горцевъ наголову.

Въ слѣдующемъ 1786 году дерзость закубанцевъ достигла крайнихъ предѣловъ. Осенью этого года они произвели рядъ кровавыхъ набѣговъ въ нашу сторону и преимущественно на почтовый трактъ отъ Ставрополя къ Дону. Между прочимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ сильная партія горцевъ переправилась черезъ Кубань ниже поста Камышеватаго и напала на крѣпость Донскую и редутъ Безопасный [189]). Редутъ этотъ горцы совершенно разгромили, при чемъ убили 2-хъ казаковъ Хоперскаго полка. Около крѣпости Донской хищники отхватили нѣсколько лошадей и гуртъ скотины, а затѣмъ бросились на самую крѣпость, но были отбиты пушечными выстрѣлами и ружейною пальбою хоперскихъ казаковъ подъ командою есаула Лучкина. Въ это время за Кубанью среди горцевъ стало распространяться ученіе

пророка Шихъ-Мансура, проповѣдывавшаго поголовное возстаніе горскихъ племенъ Кавказа и кровавую, безпощадную войну противъ русскихъ.

Истинное происхожденіе лже-пророка Шихъ-Мансура неизвѣстно. Судя по оффиціальной перепискѣ [190]), онъ былъ простой пастухъ, по имени Ушурма, родомъ изъ чеченскаго селенія Алды, гдѣ собственно и началъ свою пропаганду, дѣйствуя на умы суевѣрныхъ горцевъ мнимыми чудесами и разсказывая имъ сверхъестественныя явленія и разныя небылицы. По другимъ источникамъ Шихъ-Мансуръ былъ оренбургскій татаринъ. Наконецъ въ послѣднее время явилось предположеніе, что онъ былъ италіанскій авантюристъ Джіовани Батаста Боэти уроженецъ гор. Монферата. Горцы называли его Шихъ-имамъ-Мансуръ.

Лѣто и осень 1786 года прошли на линіи тревожно. Съ іюля мѣсяца 2½ сотни хоперцевъ, 1½ баталіона пѣхоты и сотня донцовъ, подъ начальствомъ подполковника Финка [191]), расположились у поста Камышеватаго, въ 15-ти верстахъ выше Темижбека, чтобы не допустить прорыва черкесовъ въ тылъ линіи, а еще два другіе отряда заняли оборонительное положеніе въ разныхъ пунктахъ линіи. Благодаря принятымъ мѣрамъ, до осени слѣдующаго года горцы тревожили насъ слабо. Наконецъ, въ сентябрѣ 1787 года стало извѣстно, что Шихъ-Мансуръ появился за Кубанью и черкесы въ большихъ силахъ предпринимаютъ набѣгъ въ наши предѣлы. Противъ скопищъ лже-пророка командиръ кавказскаго корпуса, генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ, двинулъ четыре колонны, при чемъ въ составъ одной изъ нихъ, бывшей, подъ начальствомъ генерала Елагина, вошли двѣ сотни Хоперскаго полка есауловъ Потапова и Иноземцева [192]). Во время похода, находясь постоянно въ авангардѣ, подъ общимъ начальствомъ бригадира Булгакова, 26-го сентября хоперцы имѣли въ долинѣ рѣки Б. Тегеня нѣсколько кровопролитныхъ схватокъ съ непріятелемъ, окончив-

шихся полнымъ пораженіемъ черкесовъ. Храбрость и усердіе казаковъ не разъ вызывали похвалу со стороны Булгакова, въ особенности за дѣло съ горцами 26-го сентября, гдѣ хоперскія сотни съ Потаповымъ и Иноземцевымъ во главѣ, первыя бросились въ пики и атаковали непріятельское скопище въ 2000 всадниковъ. Разбитые наголову, горцы съ большими потерями разсѣялись [193]).

Въ это время на мѣсто П. С. Потемкина былъ назначенъ генералъ-поручикъ Текели [194]). Новый корпусный командиръ, по прибытіи на линію, первымъ дѣломъ распорядился возобновить съ закубанцами военныя дѣйствія, чтобы разъ навсегда покончить съ Шихъ-Мансуромъ. 14-го октября 12750 человѣкъ регулярныхъ и казачьихъ войскъ переправились за Кубань ниже Невиннаго Мыса и тремя колоннами двинулись вверхъ по Б. Зеленчуку противъ непріязненныхъ намъ народовъ, обитавшихъ между Кубанью и Лабою. Двѣ сотни хоперцевъ, въ числѣ 5-ти офицеровъ и 210-ти казаковъ, подъ начальствомъ полкового командира полковника Устинова, выступили въ походъ въ составѣ колонны генерала Елагина [195]). Время съ 18-го по 21-е октября хоперцы провели въ походахъ и дѣлахъ съ горцами на рр. Урупѣ, Тегеняхъ и Лабѣ и особенно отличились въ бою 21-го октября противъ скопищъ съ лже-пророкомъ во главѣ. Казаки атаковали горцевъ въ пики, а затѣмъ наши войска дружнымъ ударомъ отбросили непріятельскія скопища къ горамъ, гдѣ стѣснили ихъ настолько, что черкесы, видя безвыходность своего положенія, разсѣялись и бѣжали къ сторонѣ Суджукъ-кале и Анапы. За это молодецкое дѣло Устиновъ получилъ похвальный аттестатъ отъ генералъ-поручика П. С. Потемкина [196]). Покончивъ съ Шихъ-Мансуромъ, хоперцы приняли участіе въ походѣ противъ абазинцевъ, башильбаевъ и бесленеевъ и проникли до верховьевъ р. Лабы. Поражаемые и преслѣдуемые горцы, не видя спасенія, большею частью покорились, а остальные удалились въ глубину горъ.

2-го ноября войска возвратились на линію. На зиму Хоперскій полкъ расположился по своимъ станицамъ, отрядивъ только 120 человѣкъ въ редуты Астраханскій, Владимірскій, Сенгилѣевскій и Преградный-Станъ [197]).

Послѣ погрома, понесеннаго за Кубанью, горцы нѣсколько притихли, но кавказское начальство мало довѣряло этому наружному спокойствію, такъ какъ между закубанцами настойчиво держались слухи объ ожидаемомъ прибытіи турецкихъ войскъ. Въ виду этого, въ январѣ 1788 года были посланы къ сторонѣ Анапы и Суджукъ-кале два ногайца-лазутчика [198]) на развѣдки. Дѣйствительно, въ началѣ мая получилось извѣстіе, что турецкія войска высадились на берегу Чернаго моря съ намѣреніемъ проникнуть въ закубанскую сторону; черкесы же, въ ожиданіи появленія турокъ, стали устраивать сборища на р. Урупѣ, чтобы открыть противъ насъ военныя дѣйствія совмѣстно съ турками.

Для противодѣйствія намѣреніямъ непріятеля, генералъ Текели распредѣлилъ войска корпуса на нѣсколько отрядовъ, которые расположились въ разныхъ пунктахъ линіи: на рр. Малкѣ, Кумѣ и Кубани; войскамъ, находившимся на Кубани, предписывалось имѣть въ готовности каюки и паромы для переправы черезъ рѣку и постоянно поддерживать между собою связь отъ Невиннаго Мыса до Темижбека. Въ то же время были усилены команды въ пограничныхъ редутахъ и укрѣпленіяхъ, а два полка пѣхоты приступили къ постройкѣ при Темномъ Лѣсѣ крѣпкаго и безопаснаго штерншанца.

Хоперскій полкъ, въ составѣ 537-ми старшинъ и казаковъ, содержалъ посты у Темижбека между своими станицами и впереди къ сторонѣ Кубани, а также входилъ въ составъ отряда генералъ-маіора Булгакова [199]). 17-го августа отрядъ Булгакова выступилъ на Кубань въ походъ, въ которомъ принимали участіе только двѣ сотни хоперцевъ, въ числѣ 4-хъ старшинъ и 200 казаковъ; прочія части полка остались для охраненія линіи.

Всѣ отряды, принявъ оборонительное положеніе на правомъ берегу Кубани, занимались устройствомъ новыхъ и исправленіемъ старыхъ укрѣпленій на всемъ пространствѣ отъ Темижбека до Петровскаго ретраншамента. По прибытіи генерала Текели, наши войска сосредоточились у Петровской переправы, а затѣмъ, 19-го сентября, переправившись черезъ Кубань по мосту выше устья рѣчки Пшишъ, двинулись къ турецкой крѣпости Анапѣ [200]). 26-го сентября на рѣкѣ Убинѣ войска наши были атакованы значительными силами черкесовъ и турокъ. Здѣсь произошелъ весьма жестокій бой, при чемъ первый ударъ непріятеля выпалъ на долю хоперскихъ сотенъ, бывшихъ въ этотъ день въ авангардѣ. Закованные въ панцыри, черкесы нѣсколько разъ бросались на казаковъ, но хоперцы стойко и мужественно отбивали каждый натискъ непріятеля, нанося ему чувствительныя потери. Наконецъ непріятель былъ сбитъ и отброшенъ съ урономъ въ горы. Затѣмъ объ анапскомъ походѣ не имѣется болѣе никакихъ свѣдѣній кромѣ короткихъ записей въ послужныхъ спискахъ. У хоперцевъ подъ 1788 годомъ записано: „походъ къ турецкой крѣпости Анапѣ; сраженія съ турками и горцами 26-го сентября при р. Убинѣ; 18-го октября при рѣкѣ Корчегѣ на фуражировкѣ и 24-го октября при деревнѣ Заны“ [201]).

Въ началѣ ноября войска наши вернулись изъ похода и расположились на зимнія квартиры; въ тоже время изъ-за Кубани стали получаться самыя неутѣшительныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ турокъ. Юный и пылкій турецкій султанъ, Селимъ III, задумавъ отнять у насъ обратно Крымъ, весною 1789 года [202]), приказалъ сераскиру Баталъ-пашѣ съ сильнымъ корпусомъ высадиться на кавказскомъ берегу, именемъ его поднять горское населеніе Кавказа къ единодушному ополченію противъ Россіи и затѣмъ дѣйствовать наступательно противъ Крыма. Замыселъ этотъ однако не удался. Баталъ-паша прежде всего рѣшилъ произвести нападеніе на нашу кавказскую линію и съ этою цѣлью

онъ лично появился между бесленеевцами и другими горскими народами и началъ поджигать ихъ къ поголовному возстанію, обѣщая помощь войсками и всевозможныя блага отъ султана. На первыхъ порахъ закубанцы съ недовѣріемъ отнеслись къ обѣщаніямъ Баталъ-паши, но потомъ, когда на Лабу прибылъ турецкій отрядъ, въ числѣ 3500 человѣкъ при 8-ми орудіяхъ, сомнѣнія ихъ разсѣялись и они вполнѣ увѣровали въ слова турецкаго паши.

Успѣхъ пропаганды Баталъ-паши выразился прежде всего въ нѣсколькихъ дерзкихъ и отчаянныхъ набѣгахъ темиргоевцевъ на нашу линію, при чемъ они сильно разгромили селеніе и редутъ Вѣстославскій на р. Калалахъ. Генералъ Булгаковъ, не желая оставлять горцевъ безъ наказанія за хищничество, съ отрядомъ, въ составѣ котораго находилась сотня Хоперскаго полка подъ командою есаула Потапова, быстро переправился за Кубань и смѣло двинулся къ Лабѣ, гдѣ атаковалъ темиргоевскіе аулы [203]). Здѣсь, 16-го мая произошло жаркое дѣло съ горцами во время приготовленія къ переправѣ черезъ Лабу. Хоперцы, волжцы и уральцы въ самый разгаръ боя дружнымъ ударомъ въ пики опрокинули лѣвый флангъ главной партіи горцевъ и горячо преслѣдовали ихъ. Въ пылу схватки храбрый есаулъ Потаповъ былъ раненъ, но остался при сотнѣ до конца боя. Темиргоевцы отступили и скрылись въ ущельяхъ. Донося о побѣдѣ, генералъ Булгаковъ въ спискѣ отличившихся отводитъ видное мѣсто храбрости и мужеству есаула Потапова [203*]). Разгромивъ темиргоевцевъ, отрядъ благополучно перешелъ Лабу и возвратился на линію.

Въ іюнѣ 1789 года получено было извѣстіе [204]), что турецкій корпусъ, численностью въ 13,500 человѣкъ, высадился на кавказскомъ берегу въ Анапѣ и Суджукѣ. Въ виду этого князь Потемкинъ 2-го іюля приказалъ *) принять мѣры къ отраженію непріятеля со стороны Тамани и кубанской линіи. Въ это вре-

*) 2-го іюля № 678.

мя 3 сотни Хоперскаго полка находились въ отрядѣ у Темижбека, а двѣ сотни расположены были по линіи между своими станицами [205]).

Для охраненія кубанской границы генералъ Текели расположилъ войска кубанскаго и кавказскаго корпусовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: баронъ Розенъ находился съ отрядомъ у Копыла; отряды генерала Булгакова—при устьяхъ Лабы и бригадира Депрерадовича—при уроч. Темижбекъ для прикрытія большой почтовой дороги на Черкасы... Затѣмъ у Недреманнаго поста на Кубани, между западнымъ ретраншаментомъ и Овечьимъ бродомъ, сталъ отрядъ генерала Елагина. Для прикрытія нашей линіи со стороны Кабарды и расположился отъ закубанцевъ у Невиннаго Мыса отрядъ бригадира Германа; при Воровсколѣсскомъ посту—отрядъ подполковника Мансурова и наконецъ при Песчаномъ бродѣ на Кумѣ сосредоточились главныя силы, подъ начальствомъ самого Текели. Три сотни Хоперскаго полка по-сотенно вошли въ составъ отрядовъ Булгакова, Депрерадовича и Елагина [206]).

Занявъ означенные пункты, наши войска до глубокой осени зорко слѣдили за горцами и ожидали наступленія турокъ. Но Баталъ-паша считалъ себя еще слишкомъ слабымъ, чтобы прорвать эту линію сильныхъ кордоновъ, и, ожидая подкрѣпленій, не предпринималъ ничего. Горцы также присмирѣли въ виду готовности нашихъ войскъ двинуться въ ихъ земли при малѣйшей попыткѣ враждебнаго для насъ дѣйствія. Наши отряды простояли спокойно лѣто, а затѣмъ разошлись по квартирамъ, при этомъ баронъ Розенъ, покинувъ Тамань, съ кубанскимъ корпусомъ отошелъ къ Ейскому укрѣпленію, а затѣмъ на Донъ. Генералъ Текели въ половинѣ лѣта, по разстроенному здоровью былъ уволенъ отъ службы и на его мѣсто назначенъ графъ Салтыковъ съ званіемъ „главнокомандующаго кубанскою арміею“. Но въ декабрѣ 1789 года онъ былъ отозванъ въ Финляндію, и по его отъѣздѣ кубанскій и кавказскій кор-

пуса остались безъ общаго руководителя, что не могло не отразиться на общемъ ходѣ дѣла. Кавказская линія въ это время переживала весьма тревожное время. Прежде всего подъ вліяніемъ турецкихъ интригъ и разныхъ фанатиковъ, въ числѣ ихъ и Шихъ-Мансура, не перестававшаго посылать изъ Анапы свои дерзкія воззванія—непріязненное къ намъ настроеніе хищныхъ горскихъ закубанскихъ племенъ постепенно назрѣвало и готовило для насъ грозныя событія.

Неизвѣстность ожидаемой опасности изъ-за Кубани, а можетъ быть намѣреніе предупредить дѣйствіе пропаганды турецкихъ агентовъ и тѣмъ удержать горцевъ отъ нападеній на нашу линію—побудили командовавшаго кавказскимъ корпусомъ генералъ-поручика Бибикова предпринять походъ въ непріятельскія земли и овладѣть крѣпостью Анапою [207]). Собравъ на линіи въ концѣ января 1790 года 8-ми-тысячный отрядъ (14 баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 7 казачьихъ полковъ и 16 орудій), генералъ Бибиковъ, 10-го февраля, перешелъ Кубань у Прочнаго Окопа и двинулся въ глубь закубанской стороны. Въ походѣ на Анапу въ отрядѣ генерала Бибикова находились 2 сотни Хоперскаго полка, въ составѣ 6-ти оберъ-офицеровъ и 200 казаковъ съ 280-ю строевыми и вьючными лошадьми подъ общею командою полкового командира полковника Устинова [208]). Предварительныхъ приготовленій къ движенію никакихъ не было сдѣлано; отрядъ выступилъ въ походъ на легкахъ, взявъ съ собою провіанта только по 1-е марта и безъ всякихъ другихъ запасовъ.

Въ суровую зиму, направляя свой путь къ берегамъ Чернаго моря, наши войска претерпѣли множество лишеній и потерь отъ жестокаго холода, глубокихъ снѣговъ, полнаго бездорожья и безпрестанныхъ стычекъ съ турками и черкесами. Солдаты болѣли и падали отъ голода и изнуренія. Попутные аулы были пусты и продовольствіе реквизиціоннымъ способомъ оказалось непримѣнимымъ. Между тѣмъ сухари вышли и солда-

ты питались только травою, кореньями и сырою кониною или дикою свининою, но безъ соли, недостатокъ которой особенно былъ чувствителенъ для людей. Наконецъ, 24-го марта отрядъ подошелъ къ Анапѣ, имѣя позади себя и на флангахъ сильныя непріятельскія партіи горцевъ, которыя, благодаря только непоколебимому мужеству и стойкости русскаго солдата и казака, держались на почтительномъ разстояніи, но готовыя каждую минуту и при малѣйшей оплошности обрушиться на изнуренный лишеніями отрядъ.

Предъ стѣнами Анапы войска наши выдержали нѣсколько отчаянныхъ нападеній многочисленнаго непріятеля. 25-го марта отрядъ былъ атакованъ съ одной стороны 15-ти-тысячнымъ анапскимъ гарнизономъ, а съ другой—громадными толпами горцевъ. Войска сражались на два фронта, мужественно дали отпоръ противнику и остались побѣдителями. Отбитый на всѣхъ пунктахъ непріятель бѣжалъ, оставивъ на полѣ сраженія болѣе 6-ти тыс. труповъ. Увлеченный успѣхомъ, Бибиковъ вздумалъ немедленно штурмовать Анапу. Почти всѣ казаки участвовали въ этомъ несчастномъ штурмѣ въ спѣшенномъ строѣ. Ночной штурмъ Анапы, какъ извѣстно, окончился для насъ полною неудачею и мы отошли къ вагенбургу съ весьма чувствительными потерями. Голодъ и недостатокъ въ боевыхъ припасахъ не позволяли думать о новомъ приступѣ и потому, по рѣшенію военнаго совѣта, Бибиковъ рѣшилъ отступить въ свои предѣлы.

Съ 27-го марта по 1-е апрѣля до самой переправы черезъ Кубань, войска наши перенесли множество невзгодъ и лишеній отъ голода и холода, постоянно сражаясь съ непріятелемъ, слѣдуя неудобными, малопроходимыми путями по болотамъ и низменностямъ, покрытыхъ весеннею водою, такъ что на одномъ переходѣ пришлось двигаться цѣлыя 14 верстъ въ водѣ по самое горло. Наконецъ, истощенныя послѣ тяжелаго похода, войска наши 18-го апрѣля перешли обратно черезъ Кубань, а 4-го мая прибыли на линію въ самомъ жалкомъ и ужасномъ видѣ,

потерявъ за весь походъ болѣе двухъ тыс. человѣкъ и $^3/_4$ всѣхъ лошадей, но не оставивъ непріятелю ни одного трофея.

Слухъ о бѣдственномъ положеніи Бибикова за Кубанью дошелъ и до свѣтлѣйшаго князя Потемкина, который предписалъ барону Розену поспѣшно идти на Кубань, чтобы разыскать отрядъ. Розенъ встрѣтилъ Бибикова уже на правомъ берегу внѣ всякой опасности, но донесъ Потемкину, что онъ нашелъ кавказскій корпусъ въ совершенно разстроенномъ состояніи: офицеры, нижніе чины и казаки опухли отъ голода, истомились маршами, стужей и непогодой, остались безъ одежды—босые, многіе безъ рубахъ, которыя погнили на людяхъ. Послѣ формальнаго слѣдствія и военнаго суда Бибиковъ былъ отставленъ отъ службы, но войска щедро были награждены за свое мужество въ этомъ трудномъ походѣ: Императрица Екатерина II пожаловала всѣмъ воинскимъ чинамъ серебряныя овальныя медали на голубой лентѣ съ надписью: „за вѣрность" въ награду примѣрной твердости въ перенесеніи трудовъ и лишеній [209]); кромѣ того всѣ получили денежныя награды за пропавшее имущество *). Этотъ горемычный походъ хоперскіе казаки увѣковѣчили пѣснею, которая и понынѣ поется въ станицахъ протяжнымъ и заунывнымъ напѣвомъ **).

Неудачная экспедиція къ Анапѣ сильно подняла духъ закубанскихъ народовъ и вызвала усиленную дѣятельность со стороны турокъ и горцевъ. Баталъ-паша безъ особенныхъ затрудненій—если не считать краснорѣчивыхъ убѣжденій и подарковъ,—успѣлъ поднять противъ насъ до 30,000 черкесовъ разныхъ племенъ, что съ его 15-ти-тыс. корпусомъ съ 30-ю орудіями, составило огромное ополченіе [210]). Съ этими силами Баталъ-паша сталъ готовиться къ походу, имѣя дерзкій планъ поднять противъ Россіи все мусульманское населеніе Кавказа, уничтожить наши слабыя линіи и идти на Тавриду. Успѣхи на Кав-

*) Награды. Приложеніе № 65.

**) Пѣсни хоперскихъ казаковъ. № 69. В.

казѣ обольщали его мечтою, что вслѣдъ за кавказскими горцами поднимутся всѣ мусульмане, живущіе подъ скипетромъ Россіи и ему удастся отторгнуть древнія татарскія царства, распространивъ мятежъ по Волгѣ и Уралу.

Съ цѣлью предупредить замыслы турецкаго сераскира, намѣревавшагося, по полученнымъ свѣдѣніямъ, прежде всего вторгнуться въ Кабарду черезъ верхнюю часть Кубани, командовавшій кавказскимъ корпусомъ генералъ-поручикъ графъ де-Бальменъ, въ нѣсколько недѣль привелъ войска въ полный порядокъ и, двинувъ къ Кубани, расположилъ его тремя отрядами: первый, генералъ-маіора Булгакова у Прочнаго-Окопа; второй, бригадира Беервица на Невинномъ Мысѣ и третій, генералъ-маіора Германа, на Кумѣ, у Песчанобродскаго редута. Кубанскій корпусъ барона Розена занялъ центральное положеніе между рр. Кубанью и Кумою и составилъ резервъ кавказскаго корпуса [211]).

Въ половинѣ сентября 1790 года генералъ Германъ узналъ, что Баталъ-паша съ 25-ти-тыс. арміею и 30-ю орудіями оставилъ стоянку свою на р. Урупѣ и двинулся черезъ оба Зеленчука къ верхней Кубани. Чтобы ближе слѣдить за движеніемъ непріятеля, Германъ, 22-го сентября, направился со своимъ отрядомъ также къ Кубани и 24-го числа расположился на крѣпкой позиціи у Кубанскаго редута [212]). Получая ежедневно тревожныя вѣсти о наступленіи Баталъ-паши и опасаясь быть отрѣзаннымъ, Германъ отошелъ отъ Кубанскаго редута и остановился лагеремъ на рѣкѣ Батмаклы (нынѣ Овечка), въ 15-ти верстахъ отъ названнаго редута. Здѣсь къ его отряду присоединилась колонна бригадира Беервица и, такимъ образомъ, подъ начальствомъ генерала Германа сосредоточилось до четырехъ тыс. пѣхоты и конницы (въ числѣ послѣдней донской полкъ) при 6-ти орудіяхъ. Это было все, что Германъ могъ противопоставить 25-ти-тысячному корпусу Баталъ-паши.

28-го сентября наши разъѣзды дали знать, что непріятель

приблизился къ Кубани. Въ тотъ же день турки и горцы переправились на правый берегъ, нѣсколько ниже устья рѣки Джеганаса и на совершенно ровномъ мѣстѣ стали окапываться, оставивъ безъ вниманія восточныя возвышенности (тахтамышевскія высоты), представлявшія болѣе выгодную позицію. Это обстоятельство заставило Германа подозрѣвать въ своемъ противникѣ, Баталъ-пашѣ, нѣкоторую нерѣшительность и отсутствіе военной опытности, вслѣдствіе чего онъ самъ рѣшилъ занять тахтамышевскія высоты и на нихъ удержать наступленіе непріятеля до прибытія подмоги изъ отряда генерала Булгакова, которому онъ далъ знать о своемъ рѣшеніи и трудномъ положеніи. Въ ночь на 29-е число войска наши двинулись къ высотамъ, но заблудились и только къ утру вышли опять къ р. Батмаклы, появившись въ 10-ти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря, такъ что тахтамышевскія высоты остались незанятыми ни нами, ни турками. Принявъ во вниманіе важность удержанія непріятеля отъ наступленія въ Кабарду, генералъ Германъ рѣшился самъ атаковать турецкія войска.

Рано утромъ 30-го сентября послѣ ранняго обѣда, отрядъ, подъ прикрытіемъ авангарда маіора князя Орбеліани, двинулся противъ непріятельскаго лагеря, но одновременно встрѣтился съ наступавшими турками на высотахъ праваго берега р. Тахтамыша. Войска наши развернулись въ боевой порядокъ, имѣя на правомъ флангѣ колонну Беервица (3 баталіона), въ центрѣ бригаду бригадира Матцена (4 баталіона) и на лѣвомъ флангѣ полковника Чемоданова съ 2-мя баталіонами; драгуны и казаки (донскіе и волжскіе) стали частью на флангахъ, частью за центромъ. Турецкая армія развернулась по возвышенностямъ праваго берега р. Абазинки и 30 непріятельскихъ орудій открыли огонь по нашимъ войскамъ. Имъ успѣшно отвѣчали 6 орудій батареи Офросимова. Послѣ жестокой артиллерійской канонады и отраженія нѣсколькихъ непріятельскихъ атакъ, Германъ перешелъ въ наступленіе. Войска наши дружнымъ

ударомъ на лѣвый флангъ и центръ сбили турокъ, взяли турецкую батарею и обратили непріятеля въ бѣгство. Разгромъ былъ полный. Бросивъ лагерь, обозы и артиллерію, турки и закубанскіе горцы бѣжали къ переправѣ, тонули въ Кубани и погибали подъ ударами пикъ и шашекъ нашей конницы. Самъ Баталъ-паша вмѣстѣ съ его штабомъ былъ взятъ въ плѣнъ войсковымъ старшиною Луковкинымъ съ донскими казаками.

Побѣда была полная и потери непріятеля считались тысячами въ то время, какъ мы потеряли убитыми и ранеными только 3-хъ офицеровъ и 130 нижнихъ чиновъ. Въ нашихъ рукахъ остались всѣ 30 орудій, знамя, бунчукъ и булава, принадлежавшія сераскиру. Такъ плачевно окончились для Баталъ-паши его двухлѣтнія приготовленія къ грозному вторженію въ русскія предѣлы; всѣ замыслы его разлетѣлись какъ дымъ и даже самъ онъ очутился въ плѣну. Впослѣдствіе, близъ мѣста описаннаго сраженія, была поселена при р. Кубани станица Хоперскаго полка, названная Баталпашинскою, т. е. именемъ побѣжденнаго, а не побѣдителя, что и понынѣ составляетъ предметъ сожалѣнія хоперскихъ казаковъ. Пораженіе турецкихъ войскъ совершенно изгладило впечатлѣніе несчастнаго бибиковскаго похода и въ то же время вселило въ горцахъ страхъ передъ русскимъ могуществомъ и убѣжденіе въ непобѣдимости нашихъ войскъ.

Въ концѣ декабря 1790 года намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ кубанскимъ и кавказскимъ корпусами былъ назначенъ генералъ-аншефъ Гудовичъ. 23-го января 1791 года онъ прибылъ въ кр. Георгіевскъ съ повелѣніемъ отъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго овладѣть турецкою крѣпостью Анапою. Предшествовавшія событія съ убѣдительной ясностью указали, что пока въ рукахъ турокъ находилась Анапа —притонъ самыхъ закоснѣлыхъ фанатиковъ и бунтарей, постоянно подстрекавшихъ горскіе народы къ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ—до тѣхъ поръ трудно было утвердить полное

спокойствіе на кавказской линіи. Поэтому Гудовичъ рѣшилъ разъ навсегда покончить съ этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ.

22-го марта 1791 года главнокомандующій приказалъ войскамъ кавказскаго и кубанскаго корпусовъ, назначенныхъ въ походъ къ Анапѣ, собраться: первымъ къ урочищу Темижбекъ, а вторымъ къ Ейскому укрѣпленію, откуда предполагалось начать движеніе къ Талызинской переправѣ на р. Кубани [213]). 23-го апрѣля $3^1/_2$ сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 10-ти старшинъ и 360-ти казаковъ [214]), прибыли въ Темижбекъ, а вслѣдъ за ними стали стягиваться и остальныя войска, которыя, 4-го мая, окончательно сосредоточились на сборномъ пунктѣ, куда также прибылъ и самъ Гудовичъ. Черезъ пять дней, 9-го числа, войска выступили въ походъ и 24-го мая у Талызинской переправы черезъ Кубань, гдѣ нынѣ Екатериновская переправа, западнѣе станицы Марьинской, они соединились съ войсками кубанскаго корпуса. Общая численность дѣйствующихъ войскъ простиралась до 15-ти баталіоновъ пѣхоты, 14-ти эскадроновъ кавалеріи, 3000 казаковъ и 36-ти полевыхъ орудій.

Въ началѣ іюня войска прибыли къ сел. Адалы, недалеко отъ Анапы, къ Гудовичу присоединился пришедшій изъ Крыма отрядъ генералъ-маіора барона Шица (4 бат., 10 эск., 400 казаковъ и 16 орудій). 10-го іюня войска наши обложили крѣпость, защищенную съ суши грозными укрѣпленіями и вмѣщавшую въ себѣ сильный турецкій корпусъ, численностью въ 25 тыс. человѣкъ. Задача предстояла нелегкая если принять во вниманіе, что подъ стѣнами этой турецкой твердыни русскіе уже два раза потерпѣли неудачу. Произведенныя затѣмъ рекогносцировки, во время которыхъ происходили довольно крупныя стычки казаковъ съ турками и горцами, указали на необходимость самаго тѣснаго обложенія крѣпости, а затѣмъ скораго и рѣшительнаго штурма, такъ какъ турки ожидали на помощь прибытія флота. 17-го числа началось бомбардированіе Анапы. Подготовивъ атаку крѣпости артиллерійскимъ огнемъ, въ глухую полночь съ 21-го

на 22-е іюня, при громѣ орудійной канонады, наши войска двинулись на штурмъ крѣпости нѣсколькими колоннами. По диспозиціи, двѣ сотни смѣшенныхъ хоперцевъ, изъ 4-хъ старшинъ и 200 казаковъ, подъ командою сотника Найденова, были назначены въ пятую колонну генералъ-маіора барона Шица, а остальныя $1^1/_2$ сотни поручика Лучкина вошли въ составъ тыльнаго отряда генералъ-маіора Загряжскаго, предназначавшагося для дѣйствія противъ черкесовъ, которые въ большихъ силахъ собрались въ тылу нашихъ войскъ. Кромѣ того два хоперскихъ офицера, есаулъ Мироновъ и поручикъ Устиновъ, съ 10-ю казаками состояли ординарцами при Гудовичѣ [215]).

Назначеніе пятой колонны заключалось въ слѣдующемъ: „Колоннѣ господина генерала-маіора и кавалера барона Шица—говорилось въ приказѣ Гудовича 21-го іюня—какъ скоро темно станетъ, переправясь черезъ мостъ и подвинувшись очень тихо за 250 саж. отъ крѣпости, самымъ берегомъ къ городу, ожидать сигнала“. Въ развитіе этого приказа Гудовичъ объявилъ по войскамъ также свое „наставленіе“ для атаки Анапы, въ которомъ указывалась колоннѣ Шица слѣдующая цѣль дѣйствій: „Пятой колоннѣ казаки должны выстроиться за р. Бугуромъ, впереди нашего водопоя, а изъ таврическаго отряда наряженные перейти, когда темно станетъ, мостъ и, построившись, идти правымъ берегомъ и стараться завладѣть воротами и мостомъ подъемнымъ, къ Бугуру рѣчки идущимъ, а ежели можно, то обойти водою, гдѣ берегъ мелкій“.

Первоначальныя дѣйствія колонны барона Шица были не совсѣмъ удачны. При общемъ наступленіи полтораста егерей, посланныхъ для „диверсіи“ на лодкахъ вдоль морского берега, рано открыли стрѣльбу, вслѣдствіе чего войска были встрѣчены сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, принудившимъ егерей и казаковъ нѣсколько отступить и оставаться въ бездѣйствіи. Генералъ Шицъ привелъ части въ порядокъ и готовился снова перейти въ атаку, какъ Гудовичъ въ связи съ об-

щимъ ходомъ дѣлъ, измѣнилъ нѣсколько ея назначеніе. При штурмѣ крѣпости войска наши встрѣтили довольно сильное сопротивленіе и къ 6-ти часамъ утра почти всѣ пѣхотные резервы были израсходованы и Гудовичъ распорядился ввести въ дѣло регулярную кавалерію. Посылая кавалерію на штурмъ, Гудовичъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ колоннѣ барона Шица повернуть влѣво и двинуться на опущенный уже мостъ у среднихъ воротъ, поддержать атакующихъ и отбросить непріятеля.

Дружнымъ натискомъ пѣшіе хоперскіе казаки съ прочими войсками пятой колонны ворвались въ городъ частью по опущеннымъ мостамъ, а частью полѣзли прямо на валы и сцѣпились съ турками въ рукопашной схваткѣ. Тутъ, на стѣнахъ крѣпости, въ жестокомъ кровопролитномъ бою, подавая примѣръ мужества и увлекая за собою казаковъ, были ранены всѣ три офицера Хоперскаго полка, большею частью картечью. Сотникъ же Найденовъ палъ сраженный пулею еще въ самомъ началѣ приступа, когда колонна двинулась впередъ. Наконецъ непріятель былъ сбитъ на всѣхъ пунктахъ и мы ворвались въ Анапу, гдѣ войска наши, озлобленные потерями и упорствомъ турокъ, никому не давали пощады. Въ городѣ и передовыхъ укрѣпленіяхъ погибло болѣе 8000 защитниковъ, не мало также утонуло въ морѣ, все же остальное уцѣлѣвшее отъ погрома было взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ трехбунчужнымъ комендантомъ Мустафа-пашею, его помощникомъ и знаменитымъ лже-пророкомъ Шихъ-Мансуромъ *).

Между тѣмъ въ самый разгаръ боя, когда уже разсвѣло, массы черкесской конницы спустились съ горъ и, отдѣливъ небольшую часть противъ нашего вагенбурга, всѣми своими силами обрушились на отрядъ генерала Загряжскаго, прикрывавшій тылъ штурмующихъ колоннъ. Выдержавъ стойко ударъ горцевъ, казаки въ свою очередь атаковали съ фронта и фланговъ непріятельскую конницу и отбросили ее къ горамъ. Пору-

*) Онъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости.

ЛИТ. К. МЕСХІЕВА ВЪ ТИФЛИСѢ

ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ

Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1831 года.

чикъ Лучкинъ, прапорщики Борисенковъ и Яровъ во главѣ своихъ хоперскихъ казаковъ лихо врубились въ толпы черкесовъ, содѣйствуя общему успѣху; всѣ трое были ранены. Черкесы еще нѣсколько разъ бросались на наши войска, но, отражаемые казаками и драгунами, не имѣли нигдѣ успѣха и въ концѣ концовъ съ значительнымъ урономъ повернули назадъ къ ущельямъ горъ и скрылись.

Трофеями нашей блестящей побѣды были: 95 орудій, 3 булавы и болѣе 130 знаменъ. Побѣда эта, однако, досталась намъ цѣною крупныхъ жертвъ; убито и ранено офицеровъ около 79-ти и нижнихъ чиновъ болѣе 2846. Вслѣдъ затѣмъ мы заняли безъ боя крѣпость Суджукъ-кале (Новороссійскъ); обѣ крѣпости со всѣми укрѣпленіями были срыты и разрушены до основанія, а всѣ постройки преданы огню. При обратномъ слѣдованіи на Кубань, 1-го августа войска наши имѣли весьма жаркое дѣло на р. Убинѣ съ большимъ скопищемъ закубанцевъ, намѣревавшихся преградить намъ путь; попытка эта не удалась имъ, потому что казаки раньше ихъ успѣли захватить переправу на Кубани и утвердиться на ней *).

Этимъ закончилась на Кавказѣ вторая турецкая война. По ясскому миру, заключенному съ Турціею 29-го декабря 1791 года, р. Кубань на всемъ своемъ протяженіи была окончательно признана пограничною чертою русскихъ владѣній [217]). Турція обязалась не дозволять жителямъ лѣваго берега Кубани переходить на правую сторону и тревожить русскіе предѣлы; въ случаѣ нарушенія закубанцами этого пункта договора, турки обязывались наказывать виновныхъ на пограничной чертѣ въ присутствіи русскихъ комиссаровъ и возвращать похищенное имущество. По возвращеніи изъ Анапы, генералъ Гудовичъ занялся внутренними дѣлами края, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе и усиленіе обороны кавказской линіи, а также на весь прикубанскій край, стоившій правитель-

*) Награды. Приложеніе № 65.

ству значительныхъ затратъ и не приносившій никакихъ выгодъ. Для болѣе прочнаго прикрытія нашей границы, Гудовичъ проектировалъ устроить 12 новыхъ станицъ отъ Волгскаго и Хоперскаго казачьихъ полковъ, заселивъ ихъ отъ р. Малки до Прочнаго Окопа, далѣе же по Кубани до устья Лабы поселить донцовъ. Относительно переселенія хоперскихъ и волжскихъ казаковъ Гудовичу было отказано [218]), такъ какъ правительство признало болѣе полезнымъ колонизовать кубанскій край новыми поселенцами въ болѣе обширныхъ размѣрахъ [219]). Послѣдняя мѣра приведена въ исполненіе въ 1792 году, когда на Кубани было поселено Черноморское казачье войско, занявшее своими станицами все обширное пространство отъ устья Лабы до береговъ Азовскаго моря.

Это были потомки древнихъ запорожскихъ казаковъ. Какъ извѣстно, Запорожье, участвовавшее въ замыслахъ гетмана Мазепы, было въ 1709 году раззорено по повелѣнію Петра Великаго [220]). Сѣчевики бѣжали и скрылись къ крымскому хану, гдѣ жили подъ его покровительствомъ до 1734 года на правомъ берегу Днѣпра противъ нынѣшняго Херсона. Императрица Анна Іоанновна благоволила разрѣшить имъ возвращеніе на родину и запорожцы основали новую сѣчь, недалеко отъ стараго пепелища, при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Подпольной. Но въ 1775 году, по волѣ Императрицы Екатерины II, вольная запорожская сѣчь была уничтожена (генераломъ Текели), а съ нею сошло съ исторической сцены и славное запорожское войско. Часть запорожцевъ, подчиняясь необходимости, осталась и предалась мирной жизни, другіе поступили на военную и даже на гражданскую службу, а остальные, не понимая иной жизни кромѣ прежней вольной казацкой, бѣжали къ туркамъ за Дунай. Въ 1780 году, спустя пять лѣтъ по уничтоженіи сѣчи, когда потребовались новыя значительныя силы для прикрытія границъ обширнаго новороссійскаго края, свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ вспомнилъ о запорожцахъ, и по его призыву

старые сѣчевики стали стекаться со всѣхъ сторонъ, чтобы заселить по старому казачьему уряду степное пространство между Днѣстромъ и Бугомъ. Не прошло и года, какъ образовалось цѣлое за-бугское войско, названное „кошемъ вѣрныхъ казаковъ“, въ отличіе отъ тѣхъ, которые остались за Дунаемъ.

Вторая турецкая война въ полной мѣрѣ выказала доблесть новаго войска, предводимаго въ бояхъ Сидоромъ Бѣлымъ, Харько Чапѣгою и Антономъ Головатымъ. Боевыя отличія, оказанныя въ этой войнѣ при штурмѣ Березани, Очакова, Измаила и другія, доставили кошу вѣрныхъ казаковъ названіе Черноморскаго казачьяго войска, которое, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, образовало по Днѣстру и Бугу 25 куреней съ главною резиденціею войсковыхъ властей въ Слободзеѣ. Но не успѣли казаки обжиться на новыхъ мѣстахъ, какъ уже въ 1792 году получили приказаніе готовиться къ переселенію на берега Кубани, въ обширныя безлюдныя пространства, лежавшія въ сосѣдствѣ съ горскими народами, отъ которыхъ нужно было оберегать границу. За мужество и храбрость, оказанныя въ войнѣ съ турками, Екатерина II, по заключеніи мира, указомъ 30-го іюня 1792 года [221]) пожаловала Черноморскому войску Таманскій полуостровъ и земли между Кубанью и Азовскимъ моремъ вплоть до Ейскаго городка и устьевъ Лабы. Въ томъ же году осенью Черноморское войско начало переселеніе на новыя мѣста и заняло правый берегъ Кубани отъ устьевъ Лабы до Керченскаго пролива. Главный войсковой городъ, названный въ честь Императрицы Екатеринодаромъ, основанъ былъ въ 1794 году на самой Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ заложенный Суворовымъ—Архангельскій редутъ. Затѣмъ все остальное войско разселилось по куренямъ, сливаясь съ кавказской линіей ниже устья Лабы, у поста „Изрядный источникъ“, близъ нынѣшней Васюринской станицы. Отсюда линія тянулась длинною цѣпью укрѣпленныхъ постовъ, батарей и бекетовъ по извилистому теченію Кубани

до сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Въ періодъ 1792—1797 гг. были построены крѣпости [222]): Усть-Лабинская и Кавказская и редуты Ладожскій, Тифлисскій, Казанскій, Недреманный (на горѣ близъ нынѣшней ст. Николаевской), Воровсколѣсскій, Открытный или Осторожный вблизи ст. Бѣломечетской, Кубанскій при впаденіи въ Кубань рѣчки Батмакъ (нынѣ р. Овечка), Танлыцкій на верховьяхъ р. Танлыкъ, Абазинскій въ верховьяхъ р. Тахтамыша (нынѣ рѣчка Абазинка), а въ урочищѣ Песчаный бродъ на р. Кумѣ устроенъ вмѣсто редута, нѣсколько ниже нынѣшней ст. Суворовской, Кумской штерншанцъ.

Но болѣе важнымъ событіемъ въ дѣлѣ обезпеченія пограничной линіи было заселеніе казаками праваго берега Кубани отъ границъ Черноморскаго войска и далѣе вверхъ по рѣкѣ. Въ 1794 году осенью на Кубань было переселено 1000 донскихъ казачьихъ семействъ, которыя поселились въ станицахъ Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской, Прочноокопской, Темнолѣсской и Воровсколѣсской при укрѣпленіяхъ тѣхъ же наименованій [223]). Изъ этихъ поселенцевъ въ слѣдующемъ году сформированъ 5-ти-сотенный *Кубанскій* конный полкъ. Спустя 8 лѣтъ, на Кубани явились еще поселенцы. Въ 1802 году, при образованіи Слободско-Украинской губерніи, повелѣно было екатеринославскихъ казаковъ перечислить въ податное сословіе, но изъ нихъ 3300 душъ обоего пола изъявили желаніе переселиться на Кавказъ и остаться въ казацкой службѣ. Просьбу ихъ уважили, и они въ томъ же году съ семействами перешли на Кубань и поселились при редутахъ въ станицахъ Темижбекской, Казанской, Тифлисской и Ладожской [224]). Въ слѣдующемъ году изъ этихъ казаковъ сформировали 5-ти-сотенный *Кавказскій* конный полкъ.

Затѣмъ въ видахъ болѣе удобнаго управленія и распредѣленія службы въ Кубанскомъ и Кавказскомъ полкахъ, нѣсколько станицъ перечислены изъ одного полкового округа въ другой. Такъ, изъ Кубанскаго полка станица Усть-Лабинская пе-

речислена въ Кавказскій, а станица Воровсколѣсская въ Хоперскій полки; изъ Кавказскаго въ Кубанскій полкъ перечислена станица Темижбекская. Вслѣдствіе недостатка офицеровъ во вновь поселенныхъ полкахъ, разновременно въ періодъ съ 1802 по 1819 гг. изъ Хоперскаго полка были переведены на службу и переселены на жительство со своими семействами слѣдующіе офицеры: въ Кубанскій полкъ: Найденовъ въ ст. Темижбекскую, два Иноземцевыхъ и Шведовъ въ ст. Григориполисскую, Гетмановъ въ ст. Убѣженскую, Иноземцевъ въ ст. Темнолѣсскую и еще сотникъ Кучеровъ и хорунжій Ткачевъ. Въ Кавказскій полкъ: сотникъ Дуненковъ въ ст. Усть-Лабинскую, хорунжій Бирюковъ въ ст. Ладожскую. Кромѣ того переведены есаулъ Долговъ, хорунжіе Гетмановъ, Косякинъ и Лучкинъ и пятидесятники Лучкинъ 1-й, Лучкинъ 2-й, Лучкинъ 3-й, два Косякиныхъ и Подцвировъ. Потомки этихъ офицерскихъ семействъ и понынѣ живутъ въ названныхъ станицахъ [225]).

Такимъ образомъ, правый берегъ Кубани заселился казачьими станицами только отъ Тамани до устьевъ р. Урупа; далѣе же вверхъ по Кубани населенныхъ пунктовъ не было, если не считать станицъ Темнолѣсской и Воровсколѣсской, отстоявшихъ отъ нея на нѣсколько десятковъ верстъ. Этотъ участокъ границы охранялся только небольшими укрѣпленіями и кордонными постами, усиленными въ 1804 году редутами [226]): Баталпашинскимъ на Кубани, Усть-Тахтамышевскимъ при впаденіи въ Кубань рѣчки Тахтамыша (нынѣ р. Абазинка) и Нижне-Абазинскимъ, нѣсколько выше предъидущаго. Этими редутами кубанская линія связывалась съ Кумою, а далѣе на востокъ кавказская линія направлялась по Кумѣ и Тереку до Каспійскаго моря.

„Такъ развернулась отъ моря до моря кавказская линія, прославленная столькими подвигами, проходящая сіяющею полосою, какъ млечный небесный путь, черезъ всю исторію кавказской войны“.

Вслѣдствіе значительнаго удаленія казачьихъ поселеній,

верхняя часть кубанской границы, отъ устьевъ р. Урупа и далѣе вверхъ по Кубани, болѣе всего подвергалась прорыву и набѣгамъ хищническихъ партій горцевъ, благодаря постоянному мелководью Кубани, допускавшему переправу въ бродъ во всякое время года, кромѣ весенняго половодья и крайне пересѣченной и закрытой мѣстности, представлявшей закубанцамъ удобныя мѣста для укрывательства въ ожиданіи добычи.

По окончаніи второй турецкой войны, военныя бури на нашей кавказской линіи нѣсколько затихли; турки временно прекратили свои фанатическія воззванія и подстрекательства среди закубанцевъ, а горцы, въ свою очередь, перестали довѣрять обѣщаніямъ своихъ единовѣрцевъ. 12 лѣтъ, съ 1779 по 1791 годъ, проведенныхъ хоперскими казаками среди боевыхъ трудовъ, лишеній въ постоянной борьбѣ съ черкесами вблизи своихъ станицъ и за Кубанью противъ скопищъ Шихъ-Мансура и особенно анапскій походъ—тяжело отозвались на хоперцахъ, которые понесли значительныя потери въ людяхъ и лошадяхъ. Наступившее затѣмъ нѣкоторое затишье дало возможность казакамъ нѣсколько отдохнуть, если считать за отдыхъ почти ежедневныя мелкія стычки пограничныхъ постовъ съ партіями закубанцевъ, по прежнему не перестававшихъ проникать въ наши предѣлы на хищничество и разбой. Но все же это былъ отдыхъ, потому что только третья часть полка отправляла пограничную службу.

Прошло пять лѣтъ относительно спокойной жизни и вотъ, въ 1795 году, изъ Закавказья пронеслась по линіи вѣсть, что персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ произвелъ страшный погромъ единовѣрной намъ Грузіи. Война съ Персіею казалась неизбѣжной. Раззореніе Грузіи, находившейся подъ покровительствомъ Россіи, было прямымъ оскорбленіемъ достоинства великой державы, прямымъ вызовомъ ея на войну, и Гудовичъ считалъ необходимымъ для пользы края наказать персіянъ за ихъ коварный и вѣроломный поступокъ. Съ цѣлью подать Гру-

зіи скорѣйшую помощь и обезпечить се отъ новаго вторженія, Гудовичъ отправилъ прямо черезъ кавказскія горы въ Тифлисъ полковника Сырохнева съ 2-мя баталіонами, 6-ю орудіями и 30-ю донскими казаками, а въ началѣ 1796 года передвинулъ нѣкоторыя части войскъ къ Кизляру, гдѣ формировался дѣйствующій корпусъ. Въ концѣ февраля, туда же выступили изъ своихъ станицъ три сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 14-ти старшинъ и 370-ти казаковъ съ полнымъ вьючнымъ обозомъ, подъ начальствомъ полкового командира подполковника Баранова [227]). Гудовичъ дѣятельно готовился къ походу, вполнѣ увѣренный, что ему поручено будетъ начальство надъ корпусомъ, но скоро увидѣлъ, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Главнокомандующимъ дѣйствующихъ войскъ былъ назначенъ генералъ-поручикъ графъ Валерьянъ Александровичъ Зубовъ. Для предстоящей экспедиціи предполагалось сформировать каспійскій корпусъ, въ составѣ 25-ти баталіоновъ, 46-ти эскадроновъ, 1700 донскихъ, 1775 линейныхъ и 1000 черноморскихъ пѣшихъ казаковъ, 500 калмыковъ, 111 мортиръ, единороговъ и пушекъ; войсковой обозъ имѣлъ 1000 фурщиковъ. Въ то же время былъ полученъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Персіею, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:... „а потому войска Наши вступаютъ въ предѣлы Персіи для наказанія Ага-Магометъ-хана и для огражденія безопасности, какъ царя Грузіи, такъ и благонамѣренныхъ хановъ и владѣтелей дагестанскихъ“......

Графъ Зубовъ прибылъ въ Кизляръ 25-го марта 1796 года и засталъ въ сборѣ всего 8 баталіоновъ, силою въ 6190 штыковъ, четыре полка драгунъ, семь казачьихъ полковъ и 21 орудіе; войска собирались медленно и не были еще готовы къ походу. Каспійская флотилія (всего 12 судовъ), частью крейсировавшая у персидскихъ береговъ, не могла своевременно доставить продовольственныхъ запасовъ, и склады образованы не были. Между тѣмъ графъ Зубовъ, опасаясь упустить время, рѣшилъ начать военныя дѣйствія съ тѣмъ, что имѣлось у него

подъ рукою. 9-го и 10-го апрѣля войска каспійскаго корпуса переправились за Терекъ, а 18-го числа двинулись въ Дагестанъ. 29-го апрѣля изъ лагеря при рѣчкѣ Гумри-Озени, по распоряженію графа Зубова, всѣ хоперскіе казаки вошли въ составъ отряда генерала Булгакова ($4^1/_2$ баталіона, 2 полка драгунъ, 625 хоперскихъ и терско-семейныхъ казаковъ и 6 орудій), который направился къ Дербенту боковою дорогою черезъ табасаранскій хребетъ, изслѣдованный капитаномъ Симоновичемъ. Отряду Булгакова было приказано взять съ собою провіанта на 20 дней, а по приходѣ къ Дербенту занять позицію съ южной его стороны и тамъ укрѣпиться.

За все время этого похода, по малодоступнымъ горнымъ тѣснинамъ и лѣсистой мѣстности, казаки несли развѣдывательную службу впереди фронта и на флангахъ отряда, а на ночлегахъ отбывали сторожевую службу. Трудность горнаго похода увеличивалась еще ненастною погодою, благодаря которой всѣ маленькія рѣченки обратились въ бурные потоки, преграждавшіе путь на каждомъ шагу. Наконецъ, отрядъ перевалилъ черезъ главный хребетъ и по глубокому дремучему ущелью на разсвѣтѣ 3-го мая спустился въ долину. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, отрядъ снова двинулся въ путь. Въ этотъ день въ авангардѣ шла сотня Хоперскаго полка подъ командою есаула Потапова. Подвигаясь впередъ и захвативъ по пути въ плѣнъ 5 армянъ и одного персіянина, сотня за р. Кучкери у деревни Сенчеръ была неожиданно встрѣчена сильнымъ огнемъ непріятельской партіи въ 500 человѣкъ, сдѣлавшей вылазку изъ крѣпости. Казаки подались сперва назадъ, но затѣмъ передовая сотня, съ подоспѣвшими драгунами и остальными хоперцами, атаковала непріятеля съ фронта и отбросила его съ потерею 20-ти человѣкъ. Къ сожалѣнію, въ этой схваткѣ былъ убитъ храбрый есаулъ Потаповъ. Послѣ небольшого привала, отрядъ безъ всякихъ затрудненій достигъ въ часъ пополуночи крѣпости Дербента и занялъ назначенную ему позицію съ юж-

ной стороны, въ ханскихъ садахъ, упираясь правымъ флангомъ въ морской берегъ, а лѣвымъ примкнувъ къ войскамъ каспійскаго корпуса, прибывшему еще 2-го мая съ графомъ Зубовымъ къ Дербенту.

Обложивъ со всѣхъ сторонъ и устроивъ батареи, войска наши открыли бомбардированіе крѣпости. За все время осады хоперцы наблюдали дорогу изъ Дербента въ Баку и содержали вокругъ нашего расположенія сторожевые посты. 7-го мая спѣшенная сотня Хоперскаго полка, подъ командою сотника Лучкина, участвовала въ дѣлѣ съ персіянами во время ихъ вылазки. Тѣмъ временемъ жестокое бомбардированіе крѣпости, 8-го и 9-го мая, рѣшило участь ея защитниковъ, и 10-го числа Дербентъ сдался; три нашихъ баталіона въ тотъ же день заняли гарнизономъ крѣпость. Шихъ-Али-ханъ дербентскій былъ лишенъ всѣхъ своихъ владѣній, которыя объявлены присоединенными къ Россіи, и самъ онъ въ качествѣ плѣнника остался въ ставкѣ графа Зубова. За взятіе Дербента всѣ казаки получили Высочайшую награду—по одному рублю серебромъ. Не смотря на покореніе Дербента положеніе каспійскаго корпуса было въ это время весьма затруднительно. Продовольствіе подходило къ концу, а новые транспорты, ожидавшіеся съ линіи и Астрахани, не приходили. Тѣмъ не менѣе 24-го числа весь русскій корпусъ выступилъ изъ Дербента по прибрежной дорогѣ на гор. Баку.

Путь до гор. Кубы, вслѣдствіе сильной жары, изнурившей людей и лошадей, множества рѣчекъ и весьма пересѣченной мѣстности былъ очень трудный, особенно при переправѣ черезъ большую рѣку Самуръ. Только 6-го іюня войска подошли къ Кубѣ, вблизи которой, у деревни Егрекъ на рѣчкѣ Акъ, расположились лагеремъ. Здѣсь кубинскіе жители поднесли графу Зубову ключи города, а затѣмъ утомленнымъ войскамъ данъ былъ четырехдневный отдыхъ. 11-го іюня каспійскій корпусъ двинулся дальше по бакинской дорогѣ. Пройдя 50 верстъ, 13-го

9

числа графъ Зубовъ остановился лагеремъ на рѣчкѣ Гельгели, вблизи стариннаго вала Алгунъ-Ибару, гдѣ главнокомандующаго ожидалъ бакинскій ханъ съ ключами города и съ изъявленіемъ покорности. Для занятія же Баку отправленъ былъ генералъ Рахмановъ съ 3-мя баталіонами, 4-мя орудіями и Волжскимъ казачьимъ полкомъ; бакинскіе жители не оказали никакого сопротивленія. Получивъ извѣстіе о занятіи Баку, гр. Зубовъ оставилъ въ Кубинскомъ ханствѣ 3 баталіона, 4 орудія и часть кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Булгакова, а самъ съ остальными войсками корпуса (4 баталіона и большая часть кавалеріи) выступилъ 19-го іюня по дорогѣ въ Шемаху. Здѣсь въ первый разъ войскамъ пришлось переходить главный Кавказскій хребетъ и познакомиться съ суровою природою южнаго Дагестана. Труденъ былъ этотъ походъ, но едва наши войска выбрались изъ страшныхъ тѣснинъ и остановились на уроч. Курцъ-Булацкій-Ейлаго, какъ Мустафа-ханъ шемахинскій поспѣшилъ отклонить грозу и присягнулъ на подданство Россіи; его примѣру послѣдовали владѣтели Шеки и Карабага.

Край, занятый нашими войсками, находился въ полномъ спокойствіи, которое было однако только наружное, такъ какъ со всѣхъ сторонъ насъ окружала измѣна. Еще на пути Зубова въ Шемахинское ханство, плѣнный Шихъ-Али-ханъ дербентскій бѣжалъ въ кубинскія владѣнія и вскорѣ далъ намъ знать оттуда о себѣ весьма опасною пропагандою въ горахъ Дагестана, подстрекая населеніе къ возстанію противъ Россіи. Эти обстоятельства заставили графа Зубова принять немедленно рѣшительныя мѣры къ удержанію въ покорности дагестанскихъ областей для обезпеченія тыла нашихъ войскъ. Съ этою цѣлью въ Кубу былъ направленъ стоявшій въ ханствѣ генералъ Булгаковъ съ 3-мя баталіонами, 2-мя эскадронами и 4-мя орудіями. Въ составъ отряда вошли также всѣ хоперскіе и терскіе-семейные казаки. 26-го іюня Булгаковъ подошелъ къ Кубѣ и расположился вблизи города на выгодной позиціи въ укрѣплен-

номъ лагерѣ. Казачьи разъѣзды разсѣялись по окрестностямъ Кубы, и спокойствіе вскорѣ возстановилось.

Между тѣмъ Шихъ-Али-ханъ заключилъ союзъ съ Сурхайханомъ казикумухскимъ и успѣлъ взволновать жителей нагорной части кубинской провинціи. Вслѣдъ затѣмъ получилось извѣстіе, что непріятель намѣренъ напасть даже на Кубу и уничтожить отрядъ Булгакова. Нѣсколько попытокъ хоперскихъ казаковъ захватить мятежнаго хана кончились неудачею, благодаря измѣнѣ жителей окрестныхъ селеній, гдѣ Шихъ-Али-ханъ имѣлъ свое пристанище. Со 2-го по 7-е іюля двѣ хоперскія сотни, подъ командою есаула Лучкина, сдѣлали нѣсколько развѣдокъ въ горахъ, въ окрестностяхъ селеній, особенно считавшихся ненадежными, но ничего не узнали, такъ какъ жители упорно хранили молчаніе и весьма враждебно поглядывали на казаковъ. Тѣмъ временемъ непріязненное броженіе среди населенія постепенно все росло.

Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ хоперскіе казаки своими разъѣздами бдительно наблюдали окрестности, непрерывно сновали по всѣмъ направленіямъ и тѣмъ только сдерживали жителей отъ открытаго мятежа. Весь отрядъ переживалъ безпокойное время. Въ послѣднихъ числахъ сентября пронесся слухъ, что большая партія изъ 15-ти тыс. акушинцевъ и лезгинъ скрывается поблизости въ горахъ и лѣсахъ, поджидая случая напасть на наши войска. Эти вѣсти сильно встревожили Булгакова, и въ отрядѣ были приняты самыя строгія мѣры осторожности на случай нечаяннаго нападенія; люди находились въ полной готовности стать подъ ружье, но непріятель пока не подавалъ никакихъ признаковъ своего близкаго присутствія. Вскорѣ однако слухи эти оправдались. 29-го сентября значительная партія горцевъ неожиданно спустилась съ горъ, атаковала нашъ воловій транспортъ, шедшій съ провіантомъ, отбила 23 повозки и быстро скрылась въ горахъ. На другой день повторилось тоже самое, только теперь непріятель отхватилъ 145 штукъ порціоннаго скота и снова быстро исчезъ.

Генералъ Булгаковъ, видя что дѣла принимаютъ серьезный оборотъ, распорядился произвести сильную рекогносцировку лѣсистаго ущелья, ведущаго со стороны равнины въ горы къ сел. Алпаны. Рота егерей, посланная на развѣдку, дѣйствительно открыла непріятеля въ алпанскомъ ущельи, но по малочисленности своей не рѣшилась слѣдовать впередъ. Егеря остановились въ ожиданіи подмоги, которая вскорѣ подоспѣла изъ лагеря, въ составѣ трехъ ротъ пѣхоты, сотни хоперскихъ казаковъ съ поручикомъ Мироновымъ и хорунжимъ Безладнымъ и двухъ орудій, подъ общимъ начальствомъ подполковника Бакунина. Не сообразивъ опасности при движеніи по узкому ущелью въ темную ночь, Бакунинъ рѣшился двинуться впередъ, чтобы передъ утромъ произвести развѣдку и атаковать непріятеля. Хоперцы слѣдовали въ авангардѣ. Темнота и полное бездорожье встрѣтили нашъ небольшой отрядъ, углубившійся въ невѣдомое ущелье. Только передъ самымъ разсвѣтомъ 1-го октября отрядъ выбрался кое-какъ къ сел. Алпаны и сталъ выходить изъ лѣса на открытое мѣсто.

Въ это время около 15-ти тыс. горцевъ стремительно бросились на растянувшіяся наши роты и сотни, такъ что мы не успѣли даже дать ни одного выстрѣла изъ орудія. Непріятель тѣснымъ кольцомъ охватилъ отрядъ Бакунина, и тогда-то началось безпощадное истребленіе небольшой горсти русскихъ храбрецовъ. Въ первый же моментъ Бакунинъ и еще нѣсколько офицеровъ были убиты. Хоперцы, бывшіе въ авангардѣ при атакѣ горцевъ, быстро спѣшились; градъ непріятельскихъ пуль и первый ударъ достался на долю бѣдныхъ лошадей; казаки и небольшая часть солдатъ отступили за срубленныя деревья и тамъ засѣли съ твердымъ рѣшеніемъ дорого продать свою жизнь, такъ какъ въ этомъ глухомъ мѣстѣ на выручку никто не могъ разсчитывать. Но подмога была недалеко. Углицкій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями шелъ почти по слѣдамъ отряда Бакунина, но, благодаря трудному пути, от-

сталъ на значительное разстояніе и теперь спѣшилъ на выстрѣлы. Увлеченные успѣхомъ боя, горцы только тогда замѣтили прибытіе свѣжихъ силъ, когда ружейный и картечный огонь хватилъ въ самую средину ихъ скопища, а вслѣдъ за нимъ ожесточенные солдаты приняли въ штыки пораженныхъ неожиданностью лезгинъ и акушинцевъ. Непріятель былъ смятъ, разбитъ наголову и отброшенъ съ огромными потерями.

Не желая оставлять безъ наказанія вѣроломнаго поступка Сурхай-хана казикумухскаго, графъ Зубовъ приказалъ генераламъ Савельеву и Булгакову съ двухъ сторонъ вступить въ его владѣнія и опустошить ихъ огнемъ и мечемъ. Но едва войска наши выдвинулись къ р. Самуру, какъ Сурхай-ханъ, видя неминуемую грозу, прогналъ изъ своихъ владѣній Шихъ-Али-хана, самъ явился съ повинною въ нашъ лагерь и со всѣмъ своимъ народомъ присягнулъ на подданство Россіи, а въ знакъ покорности выдалъ аманатовъ. Весь октябрь и ноябрь отрядъ Булгакова простоялъ въ окрестностяхъ Кубы, наблюдая казачьими разъѣздами за населеніемъ этой провинціи. Для окончательнаго умиротворенія жителей долины р. Самура и чтобы убѣдиться въ ихъ покорности и въ изгнаніи изъ области всякихъ безпокойныхъ людей, хоперскія сотни съ командиромъ полка въ періодъ съ 4-го по 19-е декабря совершили походъ во внутрь страны, вверхъ по Самуру до дер. Дейджоръ, водворяя порядокъ и приводя жителей къ присягѣ на вѣрноподданство Россіи. Спокойствіе въ кубинской провинціи мало-по-малу возстановилось.

Между тѣмъ 6-го ноября 1796 года скончалась Императрица Екатерина II, а вступившій на престолъ Императоръ Павелъ I повелѣлъ прекратить войну съ Персіею; тогда же каждому полковому командиру каспійскаго корпуса были посланы особые именные Высочайшіе указы съ приказаніемъ немедленно возвратиться со своими частями въ предѣлы Имперіи. Объявивъ начальникамъ частей Высочайшую волю, графъ Зубовъ

сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и уѣхалъ въ Россію. Въ январѣ 1797 года войска каспійскаго корпуса потянулись черезъ Кубу на сѣверъ и постепенно стали выходить на кавказскую линію. Только отрядъ генерала Булгакова оставался на своемъ мѣстѣ около гор. Кубы до марта мѣсяца, для прикрытія войскъ при обратномъ слѣдованіи ихъ изъ Дагестана. Наконецъ въ мартѣ послѣднія части каспійскаго корпуса присоединились къ Булгакову, который вслѣдъ затѣмъ двинулся съ войсками къ Дербенту. Этотъ обратный походъ изъ непріятельской страны былъ весьма труденъ и изнурителенъ по причинѣ ненастной погоды, слякоти, недостатка въ продовольствіи, болѣзней на людяхъ и падежа лошадей. Изнуренныя, наполовину пѣшія и сильно порѣдѣвшія хоперскія сотни въ половинѣ мая дотащились до Терека, откуда потянулись къ Ставрополю, и только 8-го іюня 1797 года [228]) казаки увидѣли наконецъ свои родныя станицы.

Пока бóльшая половина Хоперскаго полка находилась въ персидскомъ походѣ, оставшіеся дома хоперцы, 12 старшинъ и 153 казака [229]) провели все время на кордонной линіи между своими станицами и впереди ихъ въ Астраханскомъ, Бударскомъ и Бешпагирскомъ редутахъ, то отражая набѣги черкесовъ, то охраняя почтовую дорогу въ раіонѣ полкового округа [230]).

Въ особенности въ 1798 году на долю кордонныхъ постовъ досталось множество мелкихъ схватокъ съ горцами, которые не пропускали ни одного туманнаго дня, ни одной ненастной ночи, чтобы не проскользнуть гдѣ либо сквозь цѣпь секретовъ и постовъ кордонной линіи для воровства и разбоя. Хищничество черкесовъ наносило большой убытокъ хозяйству казака и крестьянина, а такъ какъ ни тотъ, ни другой никакого удовлетворенія за ущербъ не получали, то въ 1798 году Высочайше повелѣно было преслѣдовать хищниковъ до ихъ жилищъ, переправляясь за Кубань, и „дѣлать имъ репрессаліи“ [231]), т. е. отбивать у нихъ имущество и скотъ. У хоперцевъ, кромѣ потерь

въ сраженіяхъ и стычкахъ съ непріятелемъ, за періодъ 1784—1794 гг. черкесы и кабардинцы захватили въ плѣнъ 30 душъ обоего пола и отогнали 700 лошадей и 1900 штукъ рогатаго скота. Собственно большихъ военныхъ дѣйствій съ горцами не было, но зато шла та мелкая война, которая со стороны участниковъ требовала не только не меньшаго, но, пожалуй, еще большаго героизма, чѣмъ большія сраженія.

ГЛАВА IV.

На кавказской линіи въ 1800—1825 гг. Сосѣди хоперскихъ казаковъ на линіи. Характеръ черкесовъ, ихъ боевая тактика, система набѣговъ и веденія малой войны противъ русскихъ. Вліяніе горцевъ на военное воспитаніе казаковъ. Казаки и горцы на ратномъ полѣ. Военныя дѣйствія за Кубанью, въ Кабардѣ и Чечнѣ. Персидскій походъ 1806 года. Хоперскій полкъ въ 8-ми-сотенномъ составѣ. Волненія среди черкесовъ и калаусскихъ ногайцевъ и уходъ послѣднихъ за Кубань. Походы противъ закубанцевъ. Хоперцы на кордонной службѣ. Тревоги на линіи. Набѣги Джембулата. Дѣйствія Вельяминова и Кацырева за Кубанью. Набѣгъ черкесовъ въ Кабарду.

Хоперскіе казаки встрѣтились на боевомъ полѣ со своими отважными и хищными сосѣдями, кабардинцами и закубанскими черкесами, какъ извѣстно, еще въ первые годы возникновенія азовско-моздокской линіи. Первоначально, пока мы держались оборонительнаго образа дѣйствій, горцы нигдѣ не имѣли успѣха, къ тому же казаки не особенно внимательно присматривались къ своимъ врагамъ и мало постигали тактику своихъ противниковъ. Но отъ зоркаго взгляда хоперца не ускользнуло, что это не турки и не крымцы, а болѣе опасный и храбрый противникъ. Когда же въ дѣлахъ съ горцами въ закубанской сторонѣ и у себя дома на кордонной линіи, казаки получили нѣсколько кровавыхъ уроковъ, благодаря непониманію тактики черкесовъ и несовершенству своего оружія, тогда они стали болѣе серьезно наблюдать и изучать своего сосѣда, его нравы, характеръ боевой дѣятельности и систему набѣговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки начали постепенно приноравливаться и приспособляться къ порядкамъ и обычаямъ своихъ хищныхъ сосѣдей, такъ какъ этого требовала обстановка порубежной жизни и службы, по пословицѣ: „съ волками жить—по волчьи выть“.

Кабардинцы и закубанскіе черкесы были опасные против-

ники *). Эта удалая конница являлась передъ казаками на прекрасныхъ, статныхъ коняхъ, закованная въ кольчуги и стальныя шапки и вооруженная несравненно лучшимъ оружіемъ, чѣмъ они. На первыхъ порахъ горцы представляли для казаковъ грозную силу, способную внушить страхъ и зависть въ виду ихъ безумной дерзости въ набѣгахъ и отчаянной храбрости въ бою. Благодаря превосходному вооруженію, черкесская шашка „волчекъ“ и „гурда“, кинжалъ дамасской стали, пистолетъ съ арабскимъ или англійскимъ замкомъ и нарѣзное ружье— составляли предметъ зависти и желаній для казака. Въ стычкахъ небольшими партіями черкесы нападали и дрались вразсыпную, дѣйствуя холоднымъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ; но въ большихъ конныхъ массахъ они любили стремительный налетъ съ обнаженными шашками.

При оборонѣ же въ своихъ лѣсистыхъ трущобахъ и дремучихъ дикихъ ущельяхъ, или за плетнемъ родной сакли, черкесы весьма умѣло пользовались мѣстностью и съ успѣхомъ вели пѣшій бой, отбиваясь отъ нашихъ войскъ мѣткимъ огнемъ, а при малѣйшей нашей оплошности бросались въ кинжалы и шашки. При первыхъ боевыхъ столкновеніяхъ, даже въ превосходномъ числѣ, казаки съ неимовѣрными усиліями могли бороться съ черкесами и кабардинцами и то только благодаря стойкости русскаго человѣка и укоренившимся понятіямъ о чести и долгѣ службы. Съ первыми же поселеніями нашими на Кавказѣ, горцы стали къ намъ во враждебныя отношенія и всю силу своей ненависти обратили на русскихъ. Ихъ дикая фанатическая храбрость въ бою доходила до полнаго самозабвенія: горцы почти голыми руками брали наши укрѣпленія даже съ довольно сильными гарнизонами; очертя голову и устилая путь тѣлами, они лѣзли на крутые и высокіе валы противъ штыковъ и картечи, сознавая хорошо, что противники ихъ не отдадутъ имъ даромъ пяди земли и не задумаются взорвать свои поро-

*) Указат. источн. № 107, касающихся описанія черкесскаго и ногайскаго народовъ.

ховые склады, или лечь костьми до единаго человѣка, не сдаваясь въ плѣнъ—и все-таки горцы лѣзли и гибли, сцѣпившись въ рукопашную, взлетая вмѣстѣ съ защитниками на воздухъ... Фанатизмъ, доходившій до самозабвенія, безпредѣльная жажда и алчность къ добычѣ, непримиримая злоба и ненависть къ христіанамъ, „гяурамъ", двигали мусульманъ на самыя отважныя и отчаянныя предпріятія!

Въ войнѣ съ подобнымъ непріятелемъ, казакамъ приходилось напрягать всѣ свои нравственныя и физическія силы до возможнаго предѣла, чтобы выходить побѣдителями; нужно было зорко слѣдить за противникомъ, чтобы не лишиться своего добра или головы. Но съ другой стороны частыя встрѣчи съ кавказскими горцами постепенно развили въ казакахъ лихость и молодечество. Казаки усвоили себѣ всѣ хитрости и тонкости малой, партизанской, войны, изучили систему черкесскихъ набѣговъ и такую же безумную дерзость въ предпріятіяхъ и отчаянную рѣшимость при встрѣчѣ съ врагомъ. Всѣ эти качества перенимались и усваивались, конечно, постепенно, исподволь и нерѣдко дорогою цѣною, цѣною крови; но зато, когда смышленные ученики постигли практическимъ путемъ все военное воспитаніе и тактику своихъ противниковъ, они далеко перещеголяли своихъ учителей, въ особенности въ дѣлѣ спѣшиванія подъ лихимъ непріятельскимъ налетомъ и упорнаго сопротивленія въ пѣшемъ строю.

Обыкновенно при встрѣчахъ съ превосходнымъ противникомъ, когда неравенство въ силахъ становилось очевиднымъ, а на выручку нельзя было разсчитывать, казаки быстро спѣшивались и встрѣчали непріятеля съ винтовками въ рукахъ изъза своихъ лошадей, или встрѣчавшихся мѣстныхъ предметовъ. Этотъ боевой пріемъ линейные казаки продѣлывали быстро и въ большомъ порядкѣ. Только при значительно превосходныхъ силахъ горцы одолѣвали спѣшенныхъ казаковъ; въ противномъ же случаѣ послѣдніе съ успѣхомъ отбивались и отсиживались

до прибытія выручки. Въ открытыхъ схваткахъ и дѣлахъ казакъ и черкесъ, оба смѣлые и храбрые, всегда бились лицомъ къ лицу, по русской пословицѣ: „на міру и смерть красна“, но въ глухихъ, безвѣстныхъ бояхъ, ни тотъ, ни другой, не бросались впередъ очертя голову, хорошо зная, что иногда стоитъ голова даже одного человѣка, засѣвшаго съ оружіемъ въ рукахъ и съ твердымъ рѣшеніемъ дорого продать свою жизнь.

На Кубани у хоперцевъ былъ такой случай [232]). 25-го сентября 1832 года, между постами Ямановскимъ и Хумаринскимъ, партія изъ 20-ти горцевъ, переправившись черезъ Кубань и скрывшись вблизи дороги, въ каменистой и покрытой кустарникомъ трущобѣ, напала на 5 казаковъ Хоперскаго полка, ѣхавшихъ съ казенными бумагами въ Хумару. Выстрѣливъ по казакамъ, горцы убили одного, а затѣмъ бросились на нихъ съ шашками. Казаки однако не дремали: подхвативъ убитаго, они моментально спѣшились и, заведя лошадей за камни, выставили винтовки и приготовились къ рѣшительному бою. Какъ не пытались хищники покончить однимъ ударомъ съ этою горстью храбрецовъ, но четыре дула такъ грозно смотрѣли, обѣщая смерть каждому смѣльчаку, что вся партія быстро отскочила назадъ и начала издали стрѣлять по казакамъ. Но хоперцы были неуязвимы за своимъ каменнымъ оплотомъ. Полчаса горцы вели безвредную перестрѣлку, наконецъ, опасаясь тревоги, вся партія бросила казаковъ и быстро ушла за Кубань.

Среди постоянныхъ боевыхъ тревогъ казаки и черкесы употребляли всевозможныя уловки, пускали въ ходъ нерѣдко хитрость и вѣроломство для уничтоженія противника, или когда, нужно было подсидѣть, подкараулить врага и нанести ему всевозможный вредъ. Всякія средства считались позволительными, потому что борьба велась безпощадная, мстительная!.. Обѣ враждебныя стороны зорко слѣдили другъ за другомъ и не пропускали случая хитростью или обманомъ завлечь противника, подкараулить и при возможности уничтожить его. Такъ, въ

двадцатыхъ годахъ, у хоперцевъ погибла цѣлая полусотня казаковъ съ офицеромъ [233]). На посту Яманъ-Джелгинскомъ стоялъ съ полусотней Хоперскаго полка полковой сотникъ Фисенко, человѣкъ храбрый и отважный, но весьма запальчивый. Однажды, предъ закатомъ солнца, онъ замѣтилъ за Кубанью на возвышенностяхъ р. М. Зеленчука партію хищниковъ въ 30—40 человѣкъ. Оставивъ на посту небольшое число казаковъ, самъ онъ съ 40—50-ю конными переправился черезъ рѣку и бросился преслѣдовать горцевъ, не давъ знать по кордону о своей погонѣ за непріятелемъ.

Между тѣмъ горцы преднамѣренно вызывали Фисенко на бой, чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ храбраго, но безпокойнаго офицера. Партія, завидя казаковъ, начала маневрировать, то отступала, то пріостанавливалась и все далѣе и далѣе завлекала казаковъ отъ Кубани. Не разсчитывая на помощь съ линіи и увѣренный въ своихъ силахъ, сотникъ Фисенко и его храбрая полусотня принебрегли свойственною казакамъ осторожностью и очень далеко удалились отъ Кубани. Эта отвага и погубила ихъ. Поровнявшись съ зеленчукскими высотами и ничего не замѣчая на пересѣченной мѣстности, полусотня вдругъ была отхвачена отъ Кубани огромною партіею горцевъ, выскочившею изъ-за прибрежныхъ холмовъ, покрытыхъ кустарникомъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ превосходнымъ непріятелемъ, хоперцы быстро спѣшились и, побатовавъ коней, встрѣтили первую атаку горцевъ дружнымъ, убійственнымъ залпомъ. Закипѣлъ отчаянный, ожесточенный бой!....

Храбрость и мужество не покидали казаковъ, но ряды ихъ быстро рѣдѣли. Вотъ уже отважные бойцы потеряли болѣе половины людей, почти всѣ кони побиты и переранены, а надежды на выручку нѣтъ никакой! Тогда казаки рѣшились умереть и дорого продать свою жизнь. Сдѣлавъ послѣдній залпъ, сотникъ Фисенко и его храбрые сподвижники съ шашками и кинжалами наголо бросились на проломъ. Подавляемая массою непрія-

теля, эта горсть, достойныхъ памяти героевъ, не сдалась и всѣ почти полегли смертью храбрыхъ въ этомъ неравномъ бою. Горцы дорого заплатили за свое торжество, насчитывая въ своихъ рядахъ десятки убитыхъ и раненыхъ. Бой кончился и непріятель удалился съ мѣста кроваваго побоища, обобравъ убитыхъ казаковъ и ихъ лошадей. Однако двое израненыхъ хоперцевъ, чудомъ сохранившіе свою жизнь, на зарѣ пришли въ память и кое-какъ дотащились до Зеленчукскаго поста и тамъ повѣдали печальную вѣсть о гибели своихъ товарищей. Постовые казаки тотчасъ дали знать на кордонъ о печальномъ происшествіи, а сами поскакали къ мѣсту боя и тамъ, подобравъ тѣла погибшихъ товарищей, предали ихъ землѣ вблизи Баталпашинскаго редута. Не охотники вообще прославлять подвиги своихъ враговъ, горцы, однако, еще въ шестидесятыхъ годахъ пѣли пѣсню, въ которой прославлялось имя храбраго сотника и его казаковъ.

Вообще же озлобленность противниковъ другъ къ другу въ тѣ времена была чрезвычайная. Да оно и понятно, если принять во вниманіе ненасытную жадность черкесовъ къ добычѣ и кровавымъ подвигамъ и тяжелую отвѣтственность за пограничныя происшествія, которая лежала на казакѣ, какъ на порубежномъ поселянинѣ. При успѣхѣ побѣдители рѣдко щадили побѣжденныхъ и жестоко расплачивались за старые счеты; даже мертвыхъ иногда не оставляли въ покоѣ.

До половины тридцатыхъ годовъ у казаковъ еще водилось обыкновеніе отсѣкать у убитыхъ горцевъ головы и привозить ихъ въ свои станицы на показъ, какъ трофеи. Но въ 1833 году наказный атаманъ, узнавъ о такомъ случаѣ, бывшемъ въ станицѣ Наурской, отдалъ приказъ, чтобы „не возить въ станицы сіи бездушные трофеи и на будущее время убіеннымъ, чтобы неистовствъ чинимо не было....“ [234]).

Живя въ своихъ лѣсныхъ и горныхъ трущобахъ, вдали отъ культурныхъ народовъ, черкесы были совершенно не раз-

виты ни умственно, ни нравственно, признавали только право силы и требованія своей физической природы; они были весьма завистливы, корыстолюбивы и жадны къ добычѣ. Трудъ не былъ имъ свойственъ, а потому всѣ домашнія и полевыя работы лежали на женщинахъ и невольникахъ изъ плѣнныхъ; сами же горцы любили праздность и пустословіе. Узнавъ прелесть легкой наживы и въ особенности работорговли, которая могла обезпечить всѣ ихъ нужды и удовлетворить ихъ наклонности къ праздному времяпрепровожденію, черкесы съ первыхъ же годовъ возникновенія русскихъ поселеній на Кавказѣ стали производить набѣги въ нашу сторону преимущественно ради разбоя, охоты на людей, грабежа и только изрѣдка ради удали и молодечества, чтобы прослыть джигитомъ.

Въ наши предѣлы черкесы предпринимали набѣги двухъ родовъ: мелкими партіями для хищничества и сильными, многочисленными отрядами, для погрома нашихъ станицъ и селеній. Набѣгами на линію особенно отличались абадзехи, у которыхъ постоянно скрывались бѣглецы отъ всѣхъ народовъ и преимущественно изъ Кабарды; отъ нихъ болѣе всего формировалось партій для грабежа. Для набѣга обыкновенно собирались небольшія партіи, которыя, подъ предводительствомъ какого-либо знакомаго съ мѣстностью лихого наѣздника, направлялись къ Кубани. Такія партіи, конечно, всюда избѣгали встрѣчи съ нашими войсками и пограничными казачьими командами, а нападали на одиночныхъ людей, на малые разъѣзды и проѣзжающихъ, чтобы захватить кого-либо въ плѣнъ или отбитъ скотъ.

Подойдя ночью къ Кубани, черкесы останавливались въ какомъ-либо скрытномъ мѣстѣ, высматривали переправу и слѣдили за нашими кордонными постами. Переходъ черезъ Кубань совершался преимущественно ночью, въ бродъ, а въ половодье—при помощи бурдюковъ, на которые укладывалось оружіе, платье, пища и патроны; зимою Кубань переходили по льду. Послѣ переправы, черкесы осторожно проскользали нерѣдко черезъ цѣпь

нашихъ постовъ и секретовъ, въ особенности во время бури, мятели, тумана или грозы, когда бдительность казаковъ ослабѣвала; при отсутствіи же такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, партія обыкновенно скрывалась въ укрытыхъ мѣстахъ и терпѣливо ожидала удобнаго момента для внезапнаго и совершенно незамѣтнаго прорыва черезъ границу. Послѣднее было весьма важно, такъ какъ бывали случаи, что дурная развѣдка, оплошность, неосторожность предводителя вела къ гибели всю хищническую партію.

Такъ, въ апрѣлѣ 1834 года [235]), партія изъ 18-ти пѣшихъ черкесовъ задумала переправиться въ нашу сторону противъ поста Донскаго (между Невинномысскою и Барсуковскою станицами). Стояла темная, мрачная ночь, изрѣдка освѣщаемая блестящими полосами молніи. Постовые казаки Хоперскаго полка, не смотря на ненастье, бодрствовали и какъ бы по предчувствію удвоили заложенные по берегу секреты и свою осторожность. Было уже за полночь, когда черкесы начали переправляться немного выше нашего секрета изъ 16-ти казаковъ, но теченіемъ воды ихъ понемногу сносило ниже и подъ конецъ переправы они оказались недалеко отъ ожидавшей ихъ засады. Большая часть партіи была уже у нашего берега, когда молнія освѣтила не только хищниковъ, но даже ружья казаковъ. Раздались одновременно два враждебныхъ залпа и затѣмъ казаки съ крикомъ „ура“ бросились на непріятеля въ шашки. Поражаемые шашками и кинжалами, черкесы погибли всѣ, за исключеніемъ четырехъ, успѣвшихъ перебраться обратно черезъ Кубань; казакамъ также досталось: они потеряли 5 человѣкъ убитыми и ранеными. Нерѣдко неудачи горцевъ происходили отъ ихъ невѣжества и суевѣрія и отъ массы всевозможныхъ примѣтъ и признаковъ, которые вселяли въ нихъ страхъ передъ непонятнымъ и сверхъестественнымъ. Слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 1828 году, довольно рельефно характеризуетъ суевѣріе горцевъ, стоившее жизни восьми человѣкамъ [236]).

По дорогѣ изъ станицы Баталпашинской въ станицу Суворовскую, вблизи соляныхъ озеръ, высится довольно большой курганъ, на которомъ, по преданію, было совершено ужасное преступленіе: воспитанникъ-горецъ убилъ своего аталыка-воспитателя. Съ тѣхъ поръ тѣнь убитаго измѣной аталыка (воспитатель дѣтей у черкесовъ) ежедневно послѣ захода солнца появлялась на курганѣ, откуда съ крикомъ и воемъ нападала на всякаго проѣзжаго и прохожаго, замучивала его до смерти, а съ восходомъ солнца исчезала безслѣдно. Однажды Хоперскаго полка, станицы Суворовской, урядникъ Переверзевъ ѣхалъ по службѣ въ станицу Баталпашинскую, но на р. Тамлыкѣ увлекся охотою за дикими козами, которую прекратилъ только около кургана, по случаю утомленія. Давъ стреноженному своему коню возможность отдохнуть, онъ самъ забрался въ кусты на курганѣ и скоро заснулъ. Солнце скрылось уже за горами, когда Переверзевъ проснулся и увидѣлъ себя на страшномъ мѣстѣ; невольный страхъ запалъ въ душу стараго казака при воспоминаніи о всадникѣ-мертвецѣ. Поймать и взнуздать коня было дѣломъ одной минуты, а затѣмъ онъ поспѣшно сталъ спускаться съ кургана и уже былъ внизу, когда замѣтилъ со стороны Кубани быстро приближавшуюся партію всадниковъ.

Сообразивъ возможность опасной встрѣчи, опытный хоперецъ поднялся на самый верхъ кургана и скрылся въ кустахъ, слѣдя за приближающимися, въ которыхъ скоро призналъ черкесовъ. Партія эта, въ числѣ 10—15 всадниковъ, подъѣзжая рысью къ кургану, вскорѣ пошла шагомъ, перебрасываясь словами между собою. Переверзевъ рѣшилъ было отсидѣться невидимкой, но узналъ своихъ кровныхъ враговъ и казацкая кровь заговорила, воскресли въ памяти разсказы о мертвецѣ и онъ рѣшился воспользоваться суевѣріемъ горцевъ уже въ роли живого призрака, тѣмъ болѣе, что самъ былъ одѣтъ въ бѣлую черкеску и лошадь имѣлъ бѣлой масти. Быстро поднявшись на вершину кургана, онъ вскочилъ на коня и сталъ на одномъ мѣстѣ. Заня-

тые разговоромъ и позабывъ о близости страшнаго мѣста, черкесы неожиданно наѣхали на курганъ и подняли головы къ верху. Страшный призракъ стоялъ на вершинѣ и глядѣлъ на нихъ!... Горцы въ страхѣ, поворотивъ коней, пустились обратно, что есть духу. Не долго думая, Переверзевъ выхватилъ шашку, съ дикимъ гикомъ бросился въ погоню за врагами и, нагнавъ перваго изъ нихъ, сильнымъ ударомъ свалилъ его на землю. Отчаянный крикъ пронесся въ воздухѣ, и пораженные паническимъ страхомъ хищники еще скорѣе понеслись къ Кубани. Переверзевъ погнался за ними и въ этой бѣшеной скачкѣ изрубилъ восьмерыхъ человѣкъ, пока наконецъ черкесы не бросились въ волны Кубани. Ранивъ изъ винтовки еще одного изъ нихъ уже на переправѣ, Переверзевъ снялъ шапку и съ облегченнымъ сердцемъ перекрестился. Давъ знать на ближайшій постъ о случившемся, онъ съ помощью казаковъ успѣлъ поймать нѣсколько лошадей убитыхъ черкесовъ и на утро доставилъ тѣла ихъ въ станицу. По представленію командующаго войсками генералъ-отъ-кавалеріи Емануеля, урядникъ Переверзевъ за свой подвигъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Если переправа горцевъ совершалась благополучно, и они успѣвали проскользнуть незамѣченными черезъ линію постовъ, то, сдѣлавъ дневку въ какой-либо трущобѣ до захода солнца, они нападали или на табуны, или на хутора, или на оплошавшихъ, оставшихся ночевать въ степи. Нерѣдко горцы содержали на нашей сторонѣ свои заставы и наблюдательные секреты, чтобы слѣдить за нашими пограничными постами и за движеніемъ войскъ. При этомъ они не упускали случая захватить кого-либо въ плѣнъ или ограбить имущество. Награбивъ добычи и захвативъ плѣнныхъ, партія быстро отступала, не принимая уже тѣхъ мѣръ осторожности, какія выполняла при набѣгѣ своемъ, а дѣйствуя преимущественно наудалую.

Черкесы очень неохотно брали въ плѣнъ взрослыхъ казаковъ, которые рѣдко попадались имъ въ руки, если только не

были окружены превосходными силами, или захвачены безоружными, или невзначай. Горцы преимущественно захватывали въ плѣнъ молодыхъ женщинъ, дѣтей и подростковъ. Женщинъ они обращали въ служанокъ, а иногда дѣлали изъ нихъ наложницъ и даже бывали случаи, что черкесъ женился на молодой казачкѣ, если она принимала магометанство; дѣтей же горцы воспитывали по своему, обращали ихъ въ свою вѣру и затѣмъ продавали въ Турцію. Въ тѣ времена на рынкахъ Царьграда, Александріи и Туниса нерѣдко можно было встрѣтить казака или казачку, продаваемыхъ въ рабство.

Все это говорится про тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ не могли выкупить или размѣнять на непріятельскихъ плѣнныхъ. Бывали случаи, что попадавшаяся въ плѣнъ женщина-казачка дѣлалась женою, или любовницею черкеса и не по принужденію, а прямо-таки по влеченію къ красивому и статному горцу. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій случай *).

Одна молодая и красивая казачка, находясь въ степи, была захвачена въ плѣнъ черкесами и увезена за Кубань въ горы. Всѣ поиски и развѣдки долгое время были тщетны и мужъ пропавшей уже потерялъ всякую надежду узнать о судьбѣ своей жены. Наконецъ, по прошествіи года, онъ узналъ, что жена его находится въ одномъ аулѣ на Лабѣ, гдѣ живетъ въ домѣ какого-то знатнаго горца, въ качествѣ его наложницы.

Недолго думая, отважный и храбрый казакъ о-дву-конь пустился въ опасный путь за Кубань, чтобы выкрасть изъ вражескаго аула свою жену, которую онъ крѣпко любилъ. Съ нимъ увязался изъ дому огромный песъ, товариществомъ котораго ни одинъ казакъ не пренебрегалъ, въ особенности на кордонѣ и въ разъѣздахъ. Случай благопріятствовалъ казаку, и онъ благополучно достигъ черкесскаго аула, тайкомъ развѣдалъ мѣстопребываніе своей жены и, когда та пошла вечеромъ съ кувшиномъ къ рѣчкѣ, онъ увидѣлся съ ней и увлекъ съ собою въ лѣсъ. Не

*) Заимствованъ изъ разсказовъ старыхъ казаковъ.

теряя времени, оба сѣли на лошадей и поспѣшно пустились степью напрямикъ въ свою сторону. Однако, какъ ни поспѣшно уходилъ казакъ, но на утро черкесъ, владѣлецъ его жены, настигъ его въ глухой балкѣ, гдѣ бѣглецы остановились на отдыхъ.

Не говоря ни слова, враги сцѣпились другъ съ другомъ на смертный бой. Обмѣнявшись неудачными выстрѣлами, противники схватились за шашки и кинулись одинъ на другого. Въ первый же моментъ черкесъ ловко выбилъ шашку у казака и замахнулся, чтобы покончить съ нимъ, но тотъ выхватилъ кинжалъ и быстрымъ движеніемъ въ сторону избѣгнулъ смерти; въ тоже время онъ закричалъ: „жена! помоги, а то пропаду!“ а жена его, стоя въ сторонѣ отъ бойцовъ, хладнокровно отвѣтила: „кто кого одолѣетъ, тотъ и мой!“

Тогда казакъ, увертываясь отъ шашки противника и видя неминуемую гибель, въ отчаяніи крикнулъ: „Сѣрко! бери, чужой!“ Вѣрный песъ однимъ прыжкомъ очутился на спинѣ горца и впился въ него зубами. Вскрикнувъ отъ боли, черкесъ опустилъ руку съ шашкою, и въ тотъ же моментъ казакъ всадилъ ему кинжалъ въ грудь. Горецъ упалъ мертвый. Ни слова не сказавъ женѣ, казакъ вмѣстѣ съ нею тронулся въ путь и поздно ночью достигъ своей родной станицы; тамъ онъ осторожно въѣхалъ на свой дворъ, заперъ жену въ чуланъ и, установивъ лошадей, легъ спать. На другой день казакъ собралъ къ себѣ родныхъ своихъ и объявилъ имъ, что жены своей онъ не нашелъ, но слыхалъ-де, что какой-то казакъ изъ другой станицы имѣлъ одинаковый съ нимъ случай, т. е. потерялъ жену, взятую въ плѣнъ, и что этотъ казакъ ѣздилъ на розыски и выкралъ свою жену изъ плѣна, но на пути имѣлъ вотъ такой-то случай. И тутъ онъ разсказалъ, что было съ нимъ. Окончивъ разсказъ, казакъ спросилъ: „чего достойна такая жена, которая въ смертельной опасности отказала мужу въ помощи?“ На это всѣ его родственники хоромъ отвѣчали: „да убить бы ее не-

годницу!“ Тогда казакъ, выйдя изъ хаты, черезъ минуту возвратился назадъ, ведя за руку свою красавицу жену. „Вотъ та самая жена, которая промѣняла мужа на нехристя!“ воскликнулъ казакъ и въ тотъ же мигъ нанесъ ей кинжаломъ смертельный ударъ въ грудь. Всѣ вскрикнули отъ неожиданности. Казака потомъ судили и сослали на каторгу, но казачки крѣпко зарубили себѣ на носу этотъ трагическій случай, даже и понынѣ вспоминаемый въ кубанскихъ станицахъ.

Набѣги черкесовъ вообще отличались замѣчательною дерзостью и быстротою, въ особенности когда они прорывались на нашу линію мелкими партіями. Разсказываютъ, что однажды, въ осеннюю ночь, абреки *), братья Карамурзины, съ десятью другими черкесами, перейдя Кубань у крѣпости Прочноокопской, проскакали за Ставрополь до станицы Донской (Хоперскаго полка), совершили тамъ злодѣяніе, а къ утру были уже за Кубанью около Невинномысской станицы, сдѣлавши, такимъ образомъ, за ночь около 160-ти верстъ. Пускавшіеся на хищничество и разбой, на самыя отчаянныя предпріятія, абреки были люди храбрые и самые смѣлые наѣздники. По большей части они имѣли дорогое оружіе, панцыри и лихихъ коней.

На первыхъ порахъ своей пограничной службы на Кавказѣ, при встрѣчахъ и сшибкахъ съ черкесами, хоперскіе казаки сразу стали отличать абрековъ отъ обыкновеннаго горца: абрекъ никому не давалъ пощады, въ плѣнъ никого и никогда не бралъ; онъ убивалъ каждаго встрѣчнаго—женщину, младенца, старика; онъ былъ заклятый, отверженный. Когда казакамъ приходилось имѣть дѣло съ абреками, то, будучи даже въ превосходныхъ силахъ, они не рѣшались атаковать ихъ холоднымъ оружіемъ, зная какою дорогою цѣною можно купить торжество надъ врагомъ. Въ такихъ случаяхъ казаки окружали абрековъ

*) Абрекъ—значитъ заклятый, отверженный, изгнанный. Люди преимущественно бездомовные и дикіе нравомъ, пускавшіеся на разбой въ чужую, а иногда и въ свою сторону. За убійство абрека не полагалось даже кровомщенія.

и издали истребляли ихъ до послѣдняго человѣка, да и сами они не сдавались и не просили пощады. Таковы были въ общихъ чертахъ боевыя качества и система набѣговъ закубанскихъ горцевъ на нашей кавказской линіи. Обширная прикубанская равнина, изрѣзанная балками и оврагами на всемъ своемъ огромномъ пространствѣ отъ р. Кумы и до Чернаго моря, представляла полное раздолье и громадное поле для дѣйствій конныхъ партій черкесовъ и нашихъ линейныхъ казаковъ. Первые рыскали за добычею, а вторые гонялись за ними, оберегая родную сторону. Оба противника, казакъ и черкесъ, обладали высокими качествами коннаго бойца и отважнаго наѣздника, оба ненавидѣли другъ друга, но не искали встрѣчи, а если встрѣчались, то не отступали и дрались на жизнь и смерть, не прося и не давая пощады.

Постепенно занимая прикубанскія земли казачьими поселеніями и укрѣпленными пограничными постами, мы въ началѣ XIX-го столѣтія (1802 г.) крѣпко держали въ своихъ рукахъ правый берегъ р. Кубани отъ крѣпости Прочноокопской и внизъ до Чернаго моря. Но зато кубанская граница, отъ поста Преграднаго и вверхъ до Каменнаго моста, была укрѣплена только нѣсколькими, рѣдко поставленными редутами, оставляемыми на зиму, и на своихъ рубежахъ не имѣла такихъ опорныхъ пунктовъ, какъ казацкая станица съ ея воинственнымъ населеніемъ. Этотъ участокъ кубанской границы издавна былъ главнымъ и самымъ удобнымъ мѣстомъ для вторженія черкесовъ въ наши предѣлы, потому что здѣсь на всемъ пространствѣ Кубань не представляетъ никакой преграды, и непріятельскія конныя партіи переходили рѣку въ бродъ во всякое время года, исключая ледохода и половодья. Съ заселеніемъ же праваго берега Кубани станицами кубанскихъ, кавказскихъ и черноморскихъ казаковъ, этотъ участокъ получилъ для горцевъ еще большее значеніе, какъ уже единственный и удобный путь для набѣговъ на линію.

После заселенія казаками праваго берега Кубани, Хоперскому полку предоставлялась уже возможность нѣсколько отдохнуть и ослабить свою бдительность, такъ какъ хоперцы очутились теперь во второй линіи. Съ другой стороны служба полка усилилась въ иномъ направленіи; три сотни постоянно находились на кубанской линіи или въ ближайшемъ резервѣ, чтобы по первому требованію сняться и идти въ походъ, куда потребуютъ обстоятельства. Остальныя двѣ сотни въ 1802 году были распредѣлены командами при постовыхъ станціяхъ: Преградной, Безопасной, Донской, Московской, Ставропольской, Бешпагирской, Горькорѣцкой, Сергіевской, Сѣверной и въ селеніи Новотроицкомъ на Егорлыкѣ, гдѣ содержали посты, разъѣзды и конвоировали почты и проѣзжающихъ. Въ этотъ нарядъ входило 3 офицера, 10 пятидесятниковъ и 198 казаковъ; кромѣ того въ ногайскихъ аулахъ на Калаусѣ и въ калмыцкихъ улусахъ постоянно находились двѣ команды, въ числѣ одного офицера и 43-хъ казаковъ [237]).

Но самая тяжелая и отвѣтственная служба лежала на сотняхъ и командахъ, расположенныхъ въ редутахъ на кубанской границѣ, въ особенности, на такъ называемой, сухой чертѣ между Невинномысскимъ укрѣпленіемъ и Кумскимъ штерншанцемъ. Здѣсь укрѣпленія и редуты стояли рѣдко; черкесы, зная это, прорывались на нашу сторону именно на этомъ участкѣ и притомъ въ разныхъ пунктахъ одновременно нѣсколькими мелкими партіями. Тревоги на линіи не прекращались.

Наряду съ мелкими пограничными стычками начались и болѣе крупныя военныя дѣйствія противъ неспокойныхъ, хищныхъ сосѣдей. Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 года сотня Хоперскаго полка, подъ командою сотника Косякина, принимала участіе въ походѣ противъ кабардинцевъ, въ составѣ отряда генерала Глазенапа. 14-го мая въ Кабардѣ, между рр. Шалухою и Чегемомъ, наши войска въ кровопролитномъ бою нанесли кабардинцамъ жестокое пораженіе [238]), но это мало образумѣло ихъ и да-

же послужило намъ во вредъ. Пока нашъ отрядъ дѣйствовалъ противъ безпокойныхъ и мятежныхъ кабардинцевъ, тамошніе князья Росланбекъ Мисостовъ, Кучукъ и другіе, собравъ сильную партію горцевъ, перешли на нашу сторону и увели за Кубань множество абазинскихъ и ногайскихъ семействъ съ ихъ имуществомъ, которыхъ намъ не удалось вернуть назадъ. Съ кабардинцами же мы не добились никакого соглашенія; при переговорахъ обѣ враждебныя стороны сдѣлали кое-какія уступки и наружно помирились до перваго случая.

Этотъ годъ особенно выдался своими тревогами: по всей линіи отъ Прочноокопа и до Константиногорска наши кордонные посты были окружены непріятельскими партіями, и сообщеніе между ними прекратилось. 1-го іюля значительная партія горцевъ прорвалась въ нашу сторону и насильно стала переселять, обитавшихъ на р. Калаусѣ ногайцевъ и абазиновъ за Кубань [239]). Захвативъ нѣсколько знатныхъ и простыхъ ногайскихъ семействъ съ имуществомъ и стадами, черкесы направились къ Кубани. Командиръ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка, полковникъ Давыдовъ, узнавъ о происшествіи, схватилъ свои два эскадрона, а изъ Сѣверной станицы сотню хоперцевъ и погнался за хищниками. Передовой казачій разъѣздъ нагналъ ихъ въ верховьяхъ Енкулей, ближе къ кубанскимъ Барсукламъ. Давыдовъ подкрѣпилъ его остальными казаками, и вотъ вся сотня хоперцевъ бросилась на черкесовъ. Съ обѣихъ сторонъ завязалась сильная ружейная перестрѣлка, во время которой подоспѣли драгуны. Горцы устроили было для обороны вагенбургъ изъ арobъ, но атака казаковъ въ пики, а драгуновъ въ штыки заставила партію спасаться бѣгствомъ, послѣ чего ногайцы сдались.

Съ цѣлью возвратить изъ-за Кубани ранѣе увлеченныхъ кабардинцами ногайцевъ и наказать Росланбека, 11-го іюля 1804 года, генералъ Лихачевъ съ отрядомъ двинулся вверхъ по Кубани отъ баталпашинской переправы. Сотня Хоперскаго полка,

подъ командою сотника Гречкина, также находилась въ составѣ этого отряда [240]). 13-го числа войска перешли Кубань у нынѣшней Красногорской станицы, при чемъ казаки перевезли на своихъ лошадяхъ всю нашу пѣхоту. За Кубанью сильная партія горцевъ, въ нѣсколько тысячъ всадниковъ рѣшительно преградила намъ дорогу въ горы. Хоперцы во все время похода находились на развѣдкѣ, а въ этотъ день они вмѣстѣ съ кубанскими и волжскими казаками слѣдовали въ авангардѣ. Перейдя Кубань, казаки прямо бросились на передовыя партіи черкесовъ и ударили на нихъ въ пики и сабли. Закипѣлъ отчаянный бой на холодномъ оружіи. Рубились безпощадно! Здѣсь были изрублены храбрый сотникъ Гречкинъ и 10 хоперскихъ казаковъ. Подоспѣвшая пѣхота съ артиллеріею заставила однако горцевъ поспѣшно отступить въ горы. Въ теченіи слѣдующихъ двухъ дней войска наши окончательно сбили и разсѣяли горцевъ и 17-го іюля возвратились на линію.

Между тѣмъ генералъ Глазенапъ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуть уведенныхъ за Кубань ногайцевъ. 3-го декабря три сотни Хоперскаго полка съ полковымъ командиромъ маіоромъ княземъ Багратіономъ перешли Кубань у Невиннаго мыса и вмѣстѣ съ прочими войсками двинулись вверхъ по Зеленчукамъ, чтобы отрѣзать отъ горъ ногайскіе аулы, раскинувшіеся по этимъ рѣчкамъ [241]). 6-го числа на р. Урупѣ сильныя непріятельскія партіи бесленеевцевъ, алтикизиковъ и башильбаевъ рѣшили преградить намъ путь. Князь Багратіонъ, находясь впереди и командуя хоперцами, кубанцами и волжцами, первый бросился на горцевъ въ пики и шашки. Произошла короткая схватка на холодномъ оружіи, и непріятель былъ отброшенъ на нашу пѣхоту и артиллерію; сильный огонь и ударъ въ штыки опрокинули горцевъ и заставили ихъ поспѣшно отступить. Послѣ цѣлаго ряда пораженій непріятель наконецъ засѣлъ въ ущельи р. М. Зеленчука за сильно укрѣпленномъ каменномъ завалѣ; здѣсь 29-го и 30-го декабря спѣшенные хоперцы вмѣстѣ

съ пѣхотою нѣсколько разъ бросались на завалы и выбили оттуда горцевъ съ большими потерями [242]). Однако, ногайцевъ намъ не удалось вернуть на ихъ старыя становища, и войска возвратились обратно на линію. Почти весь 1805 годъ прошелъ для хоперцевъ спокойно, если не считать мелкихъ тревогъ на кордонныхъ постахъ, гдѣ жизнь казака проходила въ постоянномъ ожиданіи врага.

Начало 1806 года ознаменовалось весьма печальнымъ событіемъ въ Закавказьи. 8-го февраля главнокомандующій въ Грузіи, генералъ-отъ-инфантеріи князь Циціановъ, измѣннически былъ убитъ въ Баку, Гусейнъ-Кули-ханомъ бакинскимъ, а войска, бывшія съ нимъ, отступили отъ этого города и скрылись на островѣ Сара. Съ цѣлью изгладить невыгодное для насъ впечатлѣніе среди населенія Дагестана и въ тоже время наказать бакинскаго хана за его вѣроломный и злодѣйскій поступокъ, генералъ Глазенапъ, въ апрѣлѣ 1806 года, сосредоточилъ у гор. Кизляра отрядъ изъ 3-хъ тыс. человѣкъ всѣхъ родовъ оружія съ десятью орудіями [243]). Хоперская сотня, въ составѣ 4-хъ оберъ-офицеровъ (сотниковъ Гинеевскаго и Гетманова и хорунжихъ Бирюкова и Попова) и 137-ми казаковъ, подъ общею командою полкового командира маіора князя Багратіона, была также назначена въ походъ въ Персію и 5-го марта прибыла въ Кизляръ [244]).

2-го мая войска наши двинулись въ Дагестанъ и вступили во владѣнія шамхала тарковскаго, который присоединился къ отряду съ своею милиціею. Благодаря содѣйствію шамхала, въ Дербентѣ вспыхнулъ мятежъ противъ Шихъ-Али-хана, принудившій его искать спасенія въ бѣгствѣ; поэтому 22-го іюня войска наши безъ боя заняли Дербентъ, гдѣ отрядъ оставался до сентября, поджидая подкрѣпленій и наблюдая за окрестнымъ населеніемъ. Въ іюлѣ хоперская сотня, въ составѣ отряда генерала Мейера, участвовала въ экспедиціи въ Табасарань для усмиренія тамошнихъ жителей, возмущенныхъ Сурхай-ха-

номъ казикумухскимъ и черезъ 10 дней возвратилась обратно [245]). Въ періодъ стоянки подъ Дербентомъ хоперцы сопровождали продовольственные транспорты, несли сторожевую службу и производили фуражировки. Во время одной изъ такихъ фуражировокъ, 24-го августа [246]), команда хоперскихъ казаковъ съ пятидесятникомъ Хлѣбниковымъ подверглась нападенію сильной партіи персіянъ вблизи нашего лагеря, на р. Дарбахѣ. Поднявъ тревогу, казаки начали отстрѣливаться отъ непріятеля и медленно отступать. На выстрѣлы прискакалъ изъ лагеря полковой командиръ князь Багратіонъ съ остальными хоперцами и сотнею Кубанскаго полка, который бросился на персіянъ. Но непріятель, получивъ довольно значительное подкрѣпленіе, сталъ наступать на казаковъ, къ которымъ въ свою очередь подоспѣли изъ лагеря моздокская и волжская сотни, такъ какъ тревога подняла всѣхъ на ноги. Такимъ образомъ завязалось довольно серьезное дѣло, во время котораго хоперцамъ удалось обойти флангъ персіянъ; тѣснимый съ фронта и обойденный съ фланга непріятель былъ сбитъ и разсѣянъ, оставивъ на мѣстѣ 23 тѣла.

Вскорѣ послѣ этого на Кавказъ прибылъ новый главнокомандующій графъ Гудовичъ *), который назначилъ вмѣсто генерала Глазенапа командующимъ войсками на кавказской линіи генералъ-отъ-инфантеріи Булгакова. Прибывъ въ Дербентъ, Булгаковъ осмотрѣлъ войска и, принявъ начальствованіе надъ ними, 18-го сентября, выступилъ въ Баку, выдвинувъ передовой отрядъ для занятія гор. Кубы. Въ составъ послѣдняго вошли сотни Хоперскаго, Кубанскаго, Моздокскаго и Волжскаго казачьихъ линейныхъ полковъ, подъ общимъ начальствомъ командира Хо-

*) Въ 1796 году, во время персидской войны, когда графъ Зубовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, Гудовичъ по собственному желанію былъ уволенъ отъ должности. По воцареніи Императора Павла I, онъ получилъ Высочайшее повелѣніе принять отъ Зубова подъ свое начальство армію и заключить съ Персіей миръ. По исполненіи этого, Гудовичъ возведенъ былъ въ графское достоинство и въ 1800 г. назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ. Въ 1806 г. Императоръ Александръ I, послѣ смерти князя Циціанова, призвалъ его на постъ главнокомандующаго въ Грузію.

перскаго полка князя Багратіона. 22-го сентября, перейдя рѣку Самуръ, казаки были атакованы сильною непріятельскою конною партіею, появившеюся со стороны Кубы. Нападеніе, произведенное съ большою запальчивостью и стремительностью, не имѣло успѣха, такъ какъ казаки, выдержавъ первый ударъ, въ свою очередь дружно бросились въ пики на персіянъ, мигомъ сбили ихъ и обратили въ полное бѣгство [247]). Очистивъ путь, передовой отрядъ двинулся дальше и безпрепятственно занялъ гор. Кубу, куда на другой день вступилъ генералъ Булгаковъ съ главными силами.

Узнавъ, что городъ Баку покинутъ своимъ ханомъ, начальникъ отряда послалъ туда, для успокоенія жителей и приведенія ихъ къ присягѣ, генералъ-маіора графа Гудовича и подполковника Булгакова, подъ прикрытіемъ хоперской полусотни; при ней состояли переводчиками Хоперскаго полка пятидесятники Иванъ Кирсановъ, Иванъ Казановъ и Лучкинъ [248]). 2-го октября наши войска вступили въ Баку, гдѣ генералъ Булгаковъ пробылъ нѣсколько дней, привелъ жителей города къ присягѣ на вѣрность Россіи, и затѣмъ, оставивъ небольшой гарнизонъ, выступилъ съ войсками въ обратный путь, имѣя въ виду окончательно закрѣпить за Россіей Кубинское ханство.

Подходя къ Кубѣ, Булгаковъ узналъ, что жители города и окрестныхъ селеній, подстрекаемые неугомоннымъ Шихъ-Али-ханомъ, вмѣстѣ съ нимъ бѣжали въ горы. Начальникъ отряда тотчасъ выдвинулъ по разнымъ направленіямъ три колонны съ приказаніемъ охватить и отрѣзать отъ горъ бѣглецовъ и возвратить назадъ. Войска наши исполнили это дѣло весьма успѣшно и вскорѣ водворили всѣхъ на мѣстахъ жительства, а затѣмъ привели ихъ къ присягѣ. Шихъ-Али-ханъ успѣлъ однако скрыться къ казикумухамъ и никакія обѣщанія и мирныя условія не заставили его вернуться назадъ. Такъ совершилось въ 1806 году покореніе и присоединеніе къ Россіи городовъ Дербента, Баку и Кубы [249]).

Наступила уже поздняя зимняя пора, когда генералъ Булгаковъ съ войсками выступилъ изъ Кубы на кавказскую линію. Обратный путь хоперцы сдѣлали при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: сильная стужа, невылазная грязь, недостатокъ и неисправность въ одеждѣ и обуви, скудное продовольствіе—все это губительно отозвалось на людяхъ и лошадяхъ, такъ что потери наши въ этомъ походѣ стоили потерь большого сраженія. Только въ началѣ декабря хоперцы достигли Кизляра, а спустя три недѣли прибыли въ свои станицы, потерявъ за походъ много людей и лошадей.

Въ то время, когда наши войска покоряли дагестанскія ханства, на всемъ протяженіи кавказской линіи происходили безпрерывные набѣги непокорныхъ и безпокойныхъ горскихъ народовъ. Въ 1806 году началась война съ турками и турецкіе эмиссары не замедлили появиться за Кубанью. Здѣсь они одаривали деньгами и оружіемъ вліятельныхъ лицъ, подстрекая именемъ султана легковѣрныхъ черкесовъ къ поголовному возстанію и походу противъ русскихъ. Турки достигли того, что закубанскіе горцы и чеченцы очертя голову бросились въ наши предѣлы и произвели цѣлый рядъ набѣговъ на посты и селенія. Графъ Гудовичъ, чтобы наказать чеченцевъ, въ февралѣ 1807 года двинулъ въ Чечню три отряда, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ генерала Лихачева, направился въ трудно доступное Ханкальское ущелье, находящееся между рѣками Аргуномъ и Гойтой. Три сотни хоперцевъ, подъ командою есаула Долгова и сотниковъ Гетманова и Бирюкова, при которыхъ находился командиръ полка князь Багратіонъ, вошли также въ составъ отряда Лихачева и 9-го января прибыли на р. Терекъ [250]).

17-го февраля наши войска подошли къ Ханкальскому ущелью; генералъ Лихачевъ потребовалъ, чтобы непріятель сдался. „Только по нашимъ трупамъ русскіе пройдутъ черезъ тѣснину", отвѣчали чеченцы. Дѣйствительно, позиція, занятая горцами въ этомъ дикомъ, лѣсистомъ и укрѣпленномъ каменными завалами

ущельи, была весьма сильная. Въ отвѣтъ на заносчивый вызовъ чеченцевъ, Лихачевъ двинулъ войска на приступъ. На князя Багратіона съ хоперцами было возложено прикрытіе тыла, патронныхъ ящиковъ, обоза и коноводовъ съ казачьими лошадьми. Окруживъ обозъ и лошадей и медленно подвигаясь за резервами, хоперцы неожиданно нарвались въ лѣсу на засѣки, занятыя сильнымъ непріятельскимъ скопищемъ. Не теряя времени, Гетмановъ и Бирюковъ со своими сотнями быстро спѣшились и по приказанію князя Багратіона съ двухъ сторонъ ударили на чеченцевъ въ дротики. Имѣя во главѣ своихъ храбрыхъ командировъ, хоперцы дружно и стремительно повели наступленіе и послѣ сильной перестрѣлки выбили изъ лѣса непріятеля, который оставилъ въ нашихъ рукахъ шесть тѣлъ. Послѣ этого три раза чеченцы бросались на нашъ транспортъ, но каждый разъ, встрѣчая мѣткій огонь и ударъ въ пики, отступали безъ всякаго результата. Въ самый разгаръ боя 20 казаковъ съ пятидесятниками Есауловымъ, Дуненковымъ и Захаровымъ были отрѣзаны отъ сотни сильною партіею чеченцевъ. Хоперцы однако не потерялись: съ шашками наголо они отважно бросились на проломъ, изрубили нѣсколько человѣкъ и прорвались сквозь густую толпу чеченцевъ. Наконецъ, послѣ девяти-часового кровопролитнаго боя, донынѣ вспоминаемаго въ горахъ Чечни, наши войска овладѣли непріятельскими завалами, истребили все, что осталось тамъ живого и вооруженнаго, и русскія знамена впервые развѣвались въ Ханкальскомъ ущельи.

Послѣ занятія Ханкале, хоперскія сотни поступили въ отрядъ генералъ-маіора Мейера [251]) и двинулись на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Мусинъ-Пушкина. 27-го февраля хоперцы имѣли весьма упорный бой съ чеченцами у гойтинскаго лѣса, окончившійся полнымъ пораженіемъ непріятеля. Разбивъ горцевъ, казаки сожгли дер. Малый Гойтъ, послѣ чего оба отряда соединились, а 1-го марта Буглаковъ двинулся съ войсками къ р. Аргуну противъ чеченскаго аула Герменчукъ, славив-

шагося постояннымъ пребываніемъ въ немъ самыхъ безпокойныхъ и хищныхъ горцевъ. 5-го марта спѣшенныя сотни Хоперскаго полка вмѣстѣ съ прочими войсками атаковали этотъ знаменитый аулъ и послѣ упорнаго боя зажгли Герменчукъ со всѣхъ сторонъ. Защитники его, чеченцы и карабулакцы, засѣли тогда въ лѣсу, примыкавшему къ окраинѣ селенія и приготовились къ отчаянному сопротивленію. Пѣшіе хоперцы и солдаты въ одномъ общемъ каре двинулись въ атаку и послѣ ожесточеннаго боя въ лѣсу, на окраинѣ аула и на татарскомъ кладбищѣ *) выбили чеченцевъ изъ занятой ими позиціи и принудили ихъ къ поспѣшному отступленію [252]).

Послѣ раззоренія Герменчука, отрядъ генерала Лихачева возвратился на линію и былъ распущенъ по своимъ квартирамъ. Погромъ, понесенный чеченцами въ Ханкальскомъ ущельи, не произвелъ никакого впечатлѣнія на закубанцевъ. Хищничество и набѣги черкесовъ въ 1807 и 1808 годахъ доходили до невѣроятной дерзости: они разгромили сел. Богоявленское (Сенгилеевка) и станицу Воровсколѣсскую; партіи ихъ появлялись даже около Ставрополя и Моздока; они нападали на хутора, на казачьи табуны, на проѣзжавшихъ, и всюду путь ихъ обозначался заревомъ пожаровъ, убійствами, разбоемъ, захватомъ въ плѣнъ жителей и угономъ скота [253])! Для усиленія обороны границы въ 1808 и 1809 гг. четыре сотни Хоперскаго полка были расположены на кубанскомъ кордонѣ, а также по станицамъ и селеніямъ внутри линіи [254]). Казачьи команды на постахъ упорно и найсточиво, преслѣдовали хищниковъ, но при полномъ напряженіи всѣхъ своихъ физическихъ и моральныхъ силъ, казаки не могли отвратить тяготѣвшихъ надъ порубежнымъ поселеніемъ бѣдствій. Сильные казачьи разъѣзды шныряли по правому берегу Кубани, наблюдая за переправами и скрытными мѣстами, но мелкія партіи горцевъ успѣвали прорываться на нашу сторону и производили всякія хищничества.

*) Награды. Приложеніе № 65.

Весь 1809 годъ также прошелъ въ постоянныхъ тревогахъ. Такъ, 2-го ноября партія до 5-ти тысячъ закубанцевъ и кабардинцевъ прорвалась черезъ кордонъ, напала на богатое село Каменнобродское на р. Егорлыкѣ и тамъ произвела небывалое неистовство и злодѣяніе [255]): спасавшіеся въ испугѣ жители заперлись въ церковь, но горцы выбили двери и всѣхъ, скрывшихся въ храмѣ Божіемъ, перерѣзали. Захвативъ въ плѣнъ 350 человѣкъ и весь скотъ, хищники пустились во свояси. На обратномъ пути, при переправѣ черезъ Кубань у Терноваго поста, хищники были настигнуты сперва сотней Хоперскаго полка, а затѣмъ атакованы нашимъ отрядомъ, подоспѣвшимъ къ переправѣ и были разбиты наголову [256]). Дерзкое вторженіе горцевъ въ наши предѣлы показывало, что непріятель чувствуетъ свою силу и не передъ чѣмъ не остановится въ своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ.

Поэтому генералъ Булгаковъ, чтобы наказать горцевъ, 21-го января 1810 года съ сильнымъ отрядомъ двинулся за Кубань. Три сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 310-ти казаковъ, есаула Гетманова и сотниковъ Лучкина и Попова, подъ общимъ начальствомъ полкового командира князя Багратіона, также приняли участіе въ этомъ походѣ [257]). 25-го января, командуя авангардомъ, князь Багратіонъ съ двумя сотнями хоперцевъ открылъ сильную партію абадзеховъ на р. Боксюкъ и ударомъ въ пики атаковалъ непріятельскую конницу, которую гналъ 2 версты, пока горцы не разсѣялись. На другой день хоперцы во время жаркаго дѣла съ непріятелемъ, вблизи махошевскихъ ауловъ, ударили въ дротики на лѣвый флангъ горцевъ и, не смотря на превосходство непріятеля, сбили его съ позиціи и отбросили въ лѣсъ. Затѣмъ произошелъ рядъ стычекъ: 30-го января на р. Сараль при аулѣ Карчакъ и 7-го февраля при взятіи аула Аджи-Султанъ, гдѣ хоперцы атаковали въ пики абадзехскую конницу; 9-го числа при штурмѣ майкопскихъ укрѣпленій и 13-го февраля на р. Курджипсѣ хоперскія сотни приняли уча-

стіе въ совершенномъ пораженіи закубанцевъ [258]). Хоперцы, находясь въ авангардѣ и руководимые княземъ Багратіономъ, первые вступили въ бой съ сильною непріятельскою конною партіею, стремившеюся задержать наше движеніе въ горы. Бросившись въ пики и шашки на превосходнаго противника, казаки смѣло врубились въ ряды горцевъ и отбросили ихъ къ лѣсу; при этомъ пятидесятникъ Егоръ Мироновъ, наскочивъ на непріятельскаго знаменщика, сильнымъ ударомъ шашки уложилъ его на мѣстѣ и отнялъ знамя *).

Возвратясь изъ закубанскаго похода 21-го марта, хоперскія сотни заняли кордонъ отъ станицы Сѣверной до станицы Донской на протяженіи 120-ти верстъ въ предѣлахъ своего полкового округа [259]). Погромъ черкесовъ не обуздалъ ихъ хищническихъ наклонностей: мелкія партіи горцевъ весною и лѣтомъ 1813 г. весьма часто пробирались черезъ кордонъ въ раіонѣ расположенія Хоперскаго полка и тамъ въ степи выкрадывали лошадей и рогатый скотъ, нападали на казаковъ во время полевыхъ работъ и конвойной службы, а также на посты и разъѣзды. Впрочемъ, не одни только горцы безпокоили казаковъ. Мнимые наши друзья и сосѣди, ногайцы и калмыки, также по ночамъ бродили вблизи казачьихъ станицъ и хуторовъ, промышляя воровствомъ и разбоемъ. Нѣсколько донесеній командира Хоперскаго полка за этотъ годъ указываютъ на рядъ хищническихъ происшествій, гдѣ наравнѣ съ черкесами участвовали и кумскіе ногайцы.

Постоянные прорывы въ наши предѣлы хищническихъ партій на всемъ пространствѣ нашей кубанской границы и въ особенности отъ Изряднаго источника и до Средняго Егорлыка, вызывали необходимость болѣе сильнаго охраненія линіи на этомъ участкѣ. Съ этою цѣлью, въ маѣ 1813 года, послѣдовало распоряженіе усилить Хоперскій, Кубанскій и Кавказскій линейные полки призывомъ на службу отставныхъ и неслужащихъ

*) Награды. Приложеніе № 65.

казаковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждыя 12 верстъ границы приходилось 20 конныхъ и 4 пѣшихъ казаковъ [260]).

По распоряженію, утвержденному Высочайшимъ повелѣніемъ, Хоперскій полкъ въ концѣ августа 1813 года былъ доведенъ до 8-ми-сотеннаго состава съ зачисленіемъ на службу: изъ отставки 8-ми офицеровъ и 8-ми пятидесятниковъ; со льготы и неслужащихъ казаковъ 285 [261]). Кромѣ того, по распоряженію командующаго на кавказской линіи генералъ-маіора Портнягина, въ Хоперскій полкъ были зачислены еще на службу военно-плѣнныхъ поляковъ 143 *), одинъ зайсангъ калмыцкій Джуджи Манжіевъ за сотника и калмыковъ съ нимъ 50 [262]). Такимъ образомъ Хоперскій полкъ былъ укомплектованъ до 8-ми сотенъ. Усиленіе личнаго состава въ казачьихъ полкахъ пришлось какъ нельзя болѣе кстати въ виду тревожныхъ событій, посѣтившихъ линію въ 1813 году.

Лѣтомъ этого года за Кубанью появился турецкій назыръ Сеидъ-Ахметъ-эфендій и сталъ склонять черкесовъ къ походу въ наши предѣлы [263]). Недовольствуясь этимъ, онъ перебрался на нашу сторону и явился къ ногайцамъ, обитавшимъ у верховьевъ рр. Калауса и Янкулей. Въ ногайскихъ аулахъ онъ сталъ распространять всякую клевету и ложь, увѣряя, что они турецкіе подданные и если не переселятся за Кубань, то русскіе будутъ забирать ихъ въ солдаты и заставятъ принять христіанскую вѣру. Пропаганда Сеидъ-Ахмета имѣла большой успѣхъ какъ среди закубанцевъ, такъ и между ногайцами.

Въ 4 часа утра, 6-го сентября, черкесы въ большихъ силахъ переправились черезъ Кубань въ 3-хъ верстахъ выше Невинномысскаго укрѣпленія и двинулись къ р. Калаусу въ ногайскія кочевья [264]). Разославъ сильныя партіи по всѣмъ направленіямъ, горцы 7-го и 8-го сентября собрали на р. Енкулей около 2000 ногайскихъ семействъ и съ ними двинулись къ Кубани, при чемъ закубанцы и вооруженные ногайцы охраняли

*) Они считались въ полку сверхъ комплекта.

со всѣхъ сторонъ обозъ изъ аробъ съ женами, дѣтьми, стариками и со всѣмъ имуществомъ, а также стада рогатаго скота и табуны лошадей. По всей линіи поднялась тревога. Двѣ сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 3-хъ офицеровъ и 200 казаковъ [265]) вмѣстѣ съ прочими войсками, подъ начальствомъ командовавшаго кавказской линіею генералъ-маіора Портнягина, бросились въ погоню за горцами. 8-го сентября казаки настигли черкесовъ, прикрывавшихъ переселеніе ногайцевъ и атаковали хвостъ ихъ колонны, а 9-го числа на равнинахъ Янкулей у Бриковой горы войска наши сразились съ горцами и послѣ упорнаго 6-ти-часового боя разбили непріятельскія скопища; но горцы всетаки успѣли отступить съ переселенцами. При поспѣшномъ переселеніи и бѣгствѣ ногайцевъ за Кубань, они весь свой скотъ, въ количествѣ до милліона головъ, бросили на пространствѣ между Янкулями и Кубанью и всѣ эти стада, какъ военная добыча, достались частью войскамъ, а частью захвачены мѣстными жителями. Преслѣдуя отступавшихъ черкесовъ и ногайцевъ, 10-го числа казаки снова атаковали непріятеля на переправѣ черезъ Кубань у Невиннаго мыса, и хотя нанесли ему чувствительныя потери, но по своей малочисленности не могли задержать бѣглецовъ, и черкесы съ ногайцами успѣли уйти къ абазинцамъ, въ верховья рр. Урупа, Большого и Малаго Зеленчуковъ. До 21-го сентября продолжалось упорное преслѣдованіе отступавшихъ горцевъ, но безъ всякаго успѣха.

Ободренные удачею, черкесы задумали снова вторгнуться въ наши предѣлы. На кордонныхъ постахъ, въ казачьихъ станицахъ и крестьянскихъ селеніяхъ были приняты мѣры самой крайней осторожности, но населеніе чувствовало себя далеко не спокойно. Тогда генералъ Портнягинъ, имѣя въ виду предупредить вторженіе закубанцевъ, 24-го октября съ сильнымъ отрядомъ перешелъ Кубань [266]) и двинулся къ р. Лабѣ. Въ составъ этого отряда вошли 3 сотни Хоперскаго полка, въ числѣ

есаула Долгова и сотниковъ Шинкарева, Щекина и Попова и 262-хъ казаковъ. Въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ абадзехами и темиргоевцами на рр. Бѣлой и Лабѣ войска наши разбили непріятельскія партіи и нанесли горцамъ значительный уронъ; 21-го ноября отрядъ въ боевомъ порядкѣ двинулся въ обратный путь. Всѣхъ казаковъ распредѣлили въ авангардъ, арьергардъ и по флангамъ колонны, съ цѣлью устранять по пути всѣ препятствія и открывать засады. Хоперскимъ сотнямъ было поручено прикрывать лѣвый флангъ нашего походно-боевого порядка. Едва только тронулся отрядъ, какъ собравшіеся съ разныхъ сторонъ до 12-ти тыс. непріятельскихъ всадниковъ, атаковали наши войска. Почти цѣлый день продолжался ожесточенный бой съ превосходными непріятельскими силами. Однако всѣ усилія горцевъ сломить стойкость нашихъ войскъ разбились о несокрушимое мужество казаковъ и солдатъ; потерявъ до 1800 человѣкъ убитыми и ранеными, горцы принуждены были отступить и разсѣяться, а отрядъ нашъ благополучно возвратился на линію. Бѣжавшихъ ногайцевъ намъ не удалось вернуть на прежнія ихъ кочевья, они такъ и остались за Кубанью, поселившись между бесленеевцами и бѣглыми кабардинцами. Эти ногайцы долгое время враждовали съ нами, пока ихъ не утвердили по лѣвому берегу Кубани и отчасти по низовьямъ Зеленчуковъ и Урупа подъ надзоромъ казачьихъ станицъ.

На линіи вздохнули свободно. Съ тѣхъ поръ и до 1845 г. Хоперскій полкъ оставался въ восьми-сотенномъ составѣ и по утвержденному штату долженъ былъ постоянно имѣть на службѣ [267]): штабъ и оберъ-офицеровъ 26, пятидесятниковъ 28 и казаковъ 785. Въ этомъ году всѣ войска, расположенныя на кавказской линіи, были раздѣлены на двѣ бригады, которыя подчинялись бригаднымъ командирамъ 19-й пѣхотной дивизіи. 1-я бригада занимала правый флангъ кавказской линіи отъ крѣпости Усть-Лабинской до Константиногорской; въ составъ ея входили слѣдующія части: Хоперскій, Кубанскій и Кавказскій ка-

зачьи линейные, Араканцева, Ильина 1-го, Сычева 3-го и Анѣева 3-го донскіе и Суздальскій и Вологодскій пѣхотные полки [268]).

Въ періодъ 1809—1826 гг. *двѣ* сотни Хоперскаго полка постоянно находились на охранѣ почтовой дороги на пространствѣ отъ Сѣверной до Донской и даже до Среднеегорлыкской станицъ; затѣмъ *двѣ* сотни занимали кордонные посты второй линіи по сухой чертѣ: Больше-Янкульскій, Мало-Янкульскій, Горькорѣцкій, Астраханскій, Жилеевскій, Надзорный, Вшивоозерскій, Бабскій, Воровсколѣсскій, Соленоозерскій и въ ст. Воровсколѣсской; внутренніе посты 8-й дистанціи—Бурундуцкій, Джемуцкій, Сухопадинскій и Степановскій и нѣсколько постовъ въ Кабардѣ—Константиногорскій, Боргустанскій, Калкужинскій и Мечетскій на р. Баксанѣ; иногда занимали также и посты кубанской кордонной линіи; *одна* сотня посылала команды для охраненія внутренняго порядка въ селеніяхъ: Богоявленскомъ, Каменнобродскомъ, Николаевскомъ, Сергіевскомъ, Калиновскомъ, и Круглолѣсскомъ, а также въ ногайскихъ аулахъ и калмыцкихъ улусахъ. Наконецъ, остальныя *три* сотни составляли резервъ и подкрѣпляли тотъ или другой пунктъ, или посылались въ отряды, дѣйствовавшіе противъ горцевъ въ непріятельскихъ предѣлахъ [269]). Команды на почтовыхъ станціяхъ, на постахъ и въ селеніяхъ, смотря по надобности, иногда усиливались, или уменьшались, или совершенно снимались и присоединялись къ другимъ, гдѣ была нужда, или гдѣ ожидалось нападеніе непріятельскихъ партій. Перемѣна въ составѣ командъ и замѣна пунктовъ служебнаго пребыванія казаковъ происходили по распоряженіямъ кордонныхъ начальниковъ праваго фланга кавказской линіи, иногда нѣсколько разъ въ теченіи года, въ зависимости отъ нашихъ плановъ и намѣреній, а также извѣстій, получавшихся изъ закубанской стороны.

Пограничная служба была самою главною обязанностью Хоперскаго полка, въ виду полной доступности сухой границы для черкесскихъ набѣговъ. На лѣто, напримѣръ, внутренніе и

кордонные посты всегда усиливались, чтобы успѣшнѣе противодѣйствовать закубанцамъ, но это мало помогало. Точно также и наши подвижные резервы изъ казачьихъ и регулярныхъ войскъ, расположенные вдоль кордонной линіи, были положительно безсильны предупреждать покушенія черкесовъ на нашу сторону. Казачьи постовыя команды постоянно жили въ тревогѣ; мелкія партіи горцевъ часто успѣвали проникать во внутрь нашей линіи, совершать тамъ злодѣянія и совершенно безнаказанно возвращаться во свояси.

Особенною извѣстностью своими дерзкими набѣгами и разбоями пользовался въ то время закубанскій князь Хопачъ. Рядъ смѣлыхъ набѣговъ въ нашу сторону въ 1814 и 1815 гг., сопровождавшихся полнымъ успѣхомъ и безнаказанностью, привлекли на его сторону много абрековъ, жаждавшихъ наживы и кровавыхъ подвиговъ. Небольшія партіи, подъ предводительствомъ Хопача, смѣло проникали въ глубь нашихъ поселеній, совершали разбой или грабежъ и безслѣдно исчезали, почти окруженныя казачьми командами. Но пришелъ конецъ и этому дерзкому абреку. 22-го іюля 1815 г. Хопачъ съ 9-ю абреками, находясь въ нашихъ предѣлахъ и проходя глубокими балками по Янкулямъ, вблизи Мало-Янкульскаго поста, былъ замѣченъ часовымъ, который выстрѣломъ поднялъ тревогу. 15 казаковъ постовой команды Хоперскаго полка, подъ начальствомъ зауряд-есаула Старжинскаго, мигомъ сѣли на лошадей и бросились за хищниками, которые полнымъ ходомъ ударились по направленію къ воровсколѣсскимъ балкамъ. Но хоперцы такъ ловко и энергично повели преслѣдованіе, что наконецъ настигли партію и прямо съ налета вступили съ горцами въ бой. Въ жестокой перестрѣлкѣ хоперцы уложили на мѣстѣ самого Хопача и семь его товарищей, потерявъ въ свою очередь убитыми 2-хъ казаковъ и 3-хъ лошадей и ранеными 3-хъ человѣкъ. Только два хищника успѣли спастись, скрывшись въ лѣсную трущобу [270]). На кордонѣ опять стало спокойно.

До назначенія генерала Ермолова главнокомандующимъ на Кавказѣ, на кубанской линіи существовало весьма вредное и несообразное распоряженіе, запрещавшее переходить казакамъ и всѣмъ прочимъ войскамъ за Кубань для преслѣдованія хищныхъ черкесовъ изъ боязни занести оттуда къ намъ чумную заразу [271]. Такой порядокъ былъ, конечно, на руку горцамъ и они безнаказанно и нагло врывались въ наши предѣлы. Вообще на кавказской линіи въ до-ермоловское время было немало неурядицъ и беззаконій и въ этомъ отношеніи болѣе всего страдали казачьи полки. Пользованіе услугами казака и его лошади практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; они служили не только для военныхъ цѣлей, но также для личныхъ надобностей всякаго офицера и чиновника, которые проѣзжали по линіи непремѣнно на казачьихъ лошадяхъ и въ сопровожденіи казаковъ, часто безъ всякой нужды, по собственнымъ дѣламъ. Казаки же возили по постамъ и станицамъ, такъ называемую, летучую почту, которая нерѣдко заключалась въ частномъ письмѣ какого-нибудь комиссіонера или аудитора къ своему товарищу съ приглашеніемъ прибыть на кутежъ или на карточную игру. Конверты летучей почты, не повѣряемые по ихъ важности и значенію, наводняли кардонные посты и станичные резервы, вызывая для возки ихъ почти весь личный составъ команды. Кромѣ этого зла казачье населеніе станицъ постоянно несло обременительныя и убыточныя постойную и подводную повинности, да сверхъ того на немъ лежали расходы по ремонту и исправному содержанію кордонныхъ постовъ и переправъ въ предѣлахъ своего полкового округа.

Прибывъ на кавказскую линію, генералъ-отъ-артиллеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, прежде всего разрѣшилъ казакамъ переходить Кубань для преслѣдованія и наказанія горцевъ за хищничество, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилъ и упорядочилъ земскія повинности казаковъ, строго требуя самаго правильнаго пользованія казаками для конвойной и почтовой служ-

бы. Мало по малу эти злоупотребленія сократились, а для летучей почты были назначены только извѣстные дни въ недѣлѣ, кромѣ открытыхъ предписаній о выступленіи въ походъ или о вторженіи непріятеля въ наши предѣлы. Первые годы ермоловскаго времени протекли въ военныхъ дѣйствіяхъ, преимущественно въ Дагестанѣ. Одна хоперская сотня въ теченіи 1818, 1819 и 1820 годовъ разновременно находилась въ экспедиціяхъ противъ лезгинъ и чеченцевъ. Хоперцы особенно отличились [272]) 14-го іюня 1818 г. въ сраженіи у деревни Ханкале и 15-го сентября 1819 года при взятіи штурмомъ чеченскаго селенія Даданъ-юртъ *).

Усмиривъ нѣсколько чеченцевъ, генералъ Ермоловъ обратилъ свое вниманіе на центръ и правый флангъ кавказской линіи, т. е. Кабарду и при-Кубанскій край. Рѣшено было изолировать первую отъ послѣдней, для чего построить нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ и силою оружія заставить кабардинцевъ смириться и прекратить разбои и набѣги въ нашу сторону. Послѣ жестокихъ погромовъ, произведенныхъ нашими отрядами весною 1821 и 1822 годовъ [273]), кабардинцы покорились и внутри ихъ земель лѣтомъ 1822 года было возведено нѣсколько укрѣпленій. Тогда же построено укрѣпленіе Каменномостское на Кубани, а прикубанскіе ногайцы отодвинуты къ рр. Калаусу и Карамыку.

Пока шло покореніе Кабарды, правый флангъ кавказской линіи, имѣя передъ своимъ фронтомъ смѣлаго и дерзкаго врага, продолжалъ жить въ постоянной тревогѣ, въ виду непрекращавшихся набѣговъ горцевъ. Для обезпеченія спокойствія населенія, по распоряженію Ермолова, были расположены вдоль Кубани три отряда: [274]) при Недреманной горѣ, у Терновскаго поста и въ станицѣ Тифлисской. Эти отряды до глубокой осени простояли на своихъ мѣстахъ и, дѣйствительно, своею постоянною готовностью переброситься за Кубань, до нѣкоторой степени

*) Награды. Приложеніе № 65.

обуздали стремленія черкесовъ производить прорывы въ наши предѣлы. Но едва наступила холодная туманная осенняя пора, а отряды наши были распущены по квартирамъ, какъ набѣги горцевъ возобновились. На кордонѣ Хоперскаго полка стычки съ мелкими партіями хищниковъ происходили постоянно и оканчивались или ничѣмъ, или оставляли послѣ себя кровавыя жертвы. При исполненіи пограничной службы, казаки несли больше потери, чѣмъ во время походовъ въ непріятельскія земли *). Къ сожалѣнію, до насъ не дошли письменныя извѣстія о пограничныхъ происшествіяхъ за первую четверть XIX-го столѣтія. Впрочемъ, въ старыя времена, малограмотное, постоянно занятое службою и жившее среди тревогъ и опасностей въ нуждѣ и заботахъ, казачество больше работало шашкою и винтовкою, нежели перомъ, отчего наши архивы такъ и скудны данными о жизни и дѣятельности линейныхъ казаковъ, вплоть до тридцатыхъ годовъ, т. е. до образованія Кавказскаго линейнаго войска. Полковые командиры доносили только о чрезвычайныхъ происшествіяхъ и военныхъ событіяхъ большой важности; о мелкихъ же случаяхъ въ боевой жизни казака и схваткахъ на кордонныхъ постахъ умалчивали, не придавая имъ никакого значенія и смотрѣли на нихъ, какъ на обыкновенное явленіе, на простой порядокъ вещей. Въ мѣсячныхъ отчетахъ за 1797—1816 гг., напримѣръ, значатся такія записи: „въ августѣ убиты черкесами на такихъ-то постахъ, или пропали безъ вѣсти тамъ-то казаковъ—3“, и больше ничего. Какъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ—ничего неизвѣстно, и только одна голая, нѣмая цифра, стоитъ въ отчетѣ, скрывая за собою, можетъ быть, доблестный подвигъ, достойный народной памяти....

1823 годъ особенно выдался кровавыми происшествіями на правомъ флангѣ кавказской линіи. Въ апрѣлѣ, въ ночь на Вербное воскресенье, сильная партія черкесовъ напала на Темижбекскіе хутора и въ конецъ ихъ разгромила [275]). Вслѣдъ

*) Приложеніе № 66.

затѣмъ изъ-за Кубани пришло извѣстіе, что другая партія горцевъ, около 4000 человѣкъ, подъ предводительствомъ отважнаго наѣздника Джембулата Айтекова, намѣревается напасть на линію и опустошить станицы. Пограничное населеніе встревожилось, да и было отчего. Всюду стали приготовляться къ оборонѣ. Въ это время, 4-го мая 1823 года, отъ Хоперскаго полка на внутреннихъ постахъ, почтовыхъ станціяхъ и въ крестьянскихъ селеніяхъ находилось 4 офицера, 19 пятидесятниковъ и 284 казака, а остальные пять сотенъ были на линіи своихъ станицъ *). Въ виду тревожныхъ слуховъ одна сотня съ полковымъ командиромъ ротмистромъ Шаховымъ, 10-го мая, была передвинута въ сел. Богоявленское, такъ какъ болѣе всего ожидали нападенія въ этомъ направленіи [276]). Но бѣда нагрянула туда, гдѣ ее меньше всего ожидали.

Партія Джембулата, наступая отъ Урупа въ ночь на 14-е мая, скрытно переправилась черезъ Кубань выше Невинномысскаго укрѣпленія и, не обращая вниманія на команду хоперскихъ казаковъ, поднявшихъ на кордону тревогу, быстро двинулась въ глубь линіи. Ударъ черкесовъ пришелся на селеніе Круглолѣсское, которое было жестоко ими раззорено: хищники зажгли селеніе, 90 человѣкъ жителей убили, а 342 души обоего пола и 1400 головъ рогатаго скота и лошадей захватили съ собою. Только благодаря подоспѣвшимъ на помощь двумъ ротамъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка съ однимъ орудіемъ, подъ командою капитана Цыклаурова и постовой командѣ изъ 24-хъ хоперскихъ казаковъ, селеніе спаслось отъ окончательной гибели, и Джембулатъ поспѣшилъ отступить [277]). При обратной переправѣ черезъ Кубань вблизи укр. Невинномысскаго, партія Джембулата была атакована подоспѣвшими съ поста Державнаго сотнею хоперцевъ и Кубанскимъ казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ войскового старшины Солдатова [278]). Казаки такъ горячо ударили въ шашки и пики на хвостъ и центръ

*) Приложеніе № 37.

уходившихъ хищниковъ, что многихъ изрубили на мѣстѣ. Однако, по случаю ненастной погоды, не позволявшей пустить въ дѣло винтовки, пришлось дѣйствовать только однимъ холоднымъ оружіемъ, почему черкесы успѣли переправиться и уйти безнаказанно, оставивъ на правомъ берегу весь скотъ, большею частью съ подсѣченными ногами и часть плѣнныхъ, звѣрски израненыхъ.

Узнавъ о погромѣ Темижбекскихъ хуторовъ и селенія Круглолѣсскаго, генералъ Ермоловъ рѣшилъ отплатить закубанцамъ тѣмъ же и съ этою цѣлью предписалъ начальнику праваго фланга и центра кавказской линіи генералу Вельяминову, обезпечивъ безопасность границы, вторгнуться въ закубанскій край для наказанія горцевъ за злодѣяніе. Вельяминовъ не замедлилъ прибыть на Кубань, гдѣ первымъ дѣломъ образовалъ нѣсколько небольшихъ отрядовъ, которые расположилъ въ разныхъ пунктахъ между Баталпашинскомъ и Недреманною горою. Кромѣ того, три сотни Хоперскаго полка были поставлены въ станицѣ Московской на ставропольскомъ трактѣ, а сильный резервъ волжскихъ казаковъ сталъ въ станицѣ Горячеводской [279]). Этими отрядами обезпечивалась вся верхняя Кубань, доступная для переправы даже въ половодье. Вслѣдъ затѣмъ, генералъ Вельяминовъ во главѣ значительнаго отряда, въ составъ котораго вошла сотня хоперскихъ казаковъ съ полковымъ орудіемъ, двинулся за Кубань [280]). Два его похода *) на Зеленчуки и Лабу, въ іюлѣ и октябрѣ, противъ закубанцевъ, сопровождавшіеся жестокими погромами ихъ жилищъ и имущества, убѣдили черкесовъ, что злодѣянія ихъ не будутъ оставаться безъ наказанія.

По возвращеніи изъ послѣдняго похода, генералъ Вельяминовъ принялся за устройство кубанской границы [281]). Онъ лично объѣхалъ всѣ кордонные посты, перемѣнилъ мѣстоположеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ и внушилъ постовымъ начальникамъ, что

---

*) Во второмъ походѣ приняли участіе 2 сотни Хоперскаго полка съ полковымъ командиромъ ротмистромъ Шаховымъ.

ни темныя ночи и ненастная погода, ни бури, мятели и туманы, ни усталость людей и лошадей не будутъ приниматься во вниманіе для оправданія оплошности при прорывѣ горцевъ черезъ кордонную линію, и виновные будутъ подвергаться строгой отвѣтственности. Систему охраненія линіи онъ нашелъ правильною: два донскихъ полка занимали пограничные посты по Кубани отъ Усть-Лабы до Баталпашинска, а Хоперскій и Кавказскій казачьи полки составляли позади этой линіи подвижные резервы для охраны станицъ и селеній. Особенное вниманіе кордонныхъ начальниковъ онъ обратилъ на то, чтобы каждую ночь отъ пограничныхъ постовъ закладывались секреты въ скрытныхъ мѣстахъ, а если позволяли обстоятельства и способствовала мѣстность, то перебрасывать ихъ даже на лѣвую сторону Кубани.

Установивъ порядки на кубанской границѣ, генералъ Вельяминовъ спокойно оставилъ линію подъ управленіемъ своего помощника, полковника Кацырева, а самъ отправился на Минеральныя воды. Кацыревъ былъ достойный замѣститель Вельяминова, въ дѣлѣ наказанія горцевъ за набѣги и злодѣянія, будучи самъ горячимъ сторонникомъ этой системы. Рядъ его быстрыхъ и губительныхъ набѣговъ за Кубань въ теченіи зимы, весны и лѣта 1825 года, заставили горцевъ болѣе заботиться о собственной оборонѣ, чѣмъ о хищничествѣ въ нашихъ предѣлахъ. Въ походахъ полковника Кацырева противъ закубанцевъ принимали дѣятельное участіе и хоперскіе казаки. По одной, двѣ и по три сотни, съ полковымъ командиромъ маіоромъ Шаховымъ, хоперцы усердно и мужественно дѣйствовали противъ непріятеля и способствовали общему успѣху нашего оружія [282]). Однако, ни раззореніе жилищъ, ни потеря имущества не обуздывали хищныхъ горцевъ; жажда добычи и кровавыхъ подвиговъ ихъ постоянно тянула на линію. Въ сентябрѣ того же года пронеслись тревожные слухи, что Джембулатъ опять собирается нагрянуть на линію и съ этою цѣлью стягивалъ на Лабу значительныя партіи. Сильные казачьи разъ-

ѣзды и подвижные резервы засновали вдоль Кубани, но никто не зналъ куда направится гроза. Въ то же время генералъ Вельяминовъ распорядился, чтобы наши прикубанскіе отряды глядѣли въ оба и держались наготовѣ загородить дорогу черкесамъ при появленіи ихъ въ виду границы. Но и это не помогло дѣлу.

Рано утромъ, 3-го ноября 1825 года, партія абадзеховъ и бѣглыхъ кабардинцевъ, въ числѣ 600—800 всадниковъ, подъ предводительствомъ Джембулата Айтекова и князя Измаила Касаева [283]), смѣло перешла черезъ Кубань въ 5-ти верстахъ выше Усть-Тахтамышевскаго поста и потянулась къ сторонѣ станицы Воровсколѣсской. Въ это время при Усть-Тахтамышевскомъ посту стоялъ отрядъ донского полковника Побѣднова, въ составѣ 2-хъ ротъ пѣхоты, 400 донскихъ казаковъ и 4-хъ конныхъ орудій. По непонятной причинѣ, Побѣдновъ не оказалъ никакого противодѣйствія черкесамъ, которые безпрепятственно проникли въ глубь линіи. Пройдя мимо Воровсколѣсской станицы, Джембулатъ, утромъ 4-го числа, вблизи селенія Сабли, отбилъ у султановскихъ ногайцевъ большой табунъ лошадей, разгромилъ и разграбилъ мимоходомъ Сошины хутора, около Александрова, гдѣ уничтожилъ казачій постъ Волжскаго полка, подъ командою урядъ-хорунжаго Федотова.

На пожаръ хуторовъ и выстрѣлы, раздававшіеся съ поста, гдѣ горсть волжцевъ ввязалась въ неравный бой съ абадзехами—понеслась изъ Александровской станицы постовая команда Хоперскаго полка, въ числѣ 17-ти хоперцевъ и 10-ти донцовъ, подъ начальствомъ есаула Попова. На р. Барсуклы казаки настигли партію, но, замѣтивъ несоразмѣрность въ силахъ, ограничились наблюденіями за горцами и вмѣстѣ съ калаускими ногайцами все время слѣдовали по ихъ пятамъ. Съ другой стороны полковникъ Побѣдновъ съ 400-ми донскихъ казаковъ и двумя конными орудіями, появившись въ виду непріятеля около полудня 4-го числа, почему-то не рѣшился атаковать горцевъ

и, занявъ ближайшія возвышенности, оставался празднымъ зрителемъ. Бывшіе при его отрядѣ 100 ногайцевъ, хозяева табуна, нѣсколько разъ бросались, чтобы отбить угоняемыхъ лошадей и теперь снова, не задумываясь, кинулись на хвостъ уходившихъ абадзеховъ и отхватили большой косякъ. Завязалась ожесточенная схватка.

Есаулъ Поповъ, видя, что абадзехи насѣдаютъ на ногайцевъ и окружаютъ ихъ, чтобы не дать лошадей, кинулся съ казаками на помощь послѣднимъ; окутанные облаками пыли, взбитой сотнями лошадей, хоперцы съ налета нарѣзались на большую толпу горцевъ. Быстро поворотивъ коней, они бросились было назадъ, но крутые берега р. Барсуклы остановили ихъ и только добрый конь Попова перенесъ своего господина на противоположную сторону. Застигнутые безвыходнымъ положеніемъ, казаки быстро спѣшились, выхватили ружья и стали въ пѣшую оборону, лицомъ къ лицу со своими исконными, безпощадными врагами!... Съ надеждою на выручку устремились казацкіе очи къ отряду полковника Побѣднова, на глазахъ у котораго готовилась погибнуть горсть храбрецовъ во имя долга присяги, но тотъ не двинулся съ мѣста. Тогда въ кровопролитномъ и ожесточенномъ бою храбрые казаки, предпочитая смерть позорному плѣну, сразились съ черкесами и послѣ отчаяннаго сопротивленія всѣ 27 человѣкъ честно сложили свои головы [284]). Только два хоперца, Назаренко и Лучкинъ, жестоко израненые, какимъ-то чудомъ остались въ живыхъ и были подобраны нашимъ отрядомъ. Судьба есаула Попова неизвѣстна. Изъ послужныхъ списковъ Хоперскаго полка за 1826 годъ видно, что такого офицера въ полку уже не было, хотя въ отчетности за 1822 годъ есаулъ Поповъ состоялъ налицо. Есть основаніе предполагать, что онъ изрубленъ горцами и, такимъ образомъ, раздѣлилъ общую участь со своею командою. Покончивъ съ казаками и отбивъ лошадей у ногайцевъ, Джембулатъ безпрепятственно, на глазахъ Побѣднова, прошелъ на Куму, а отту-

да на р. Подкумокъ и затѣмъ скрылся въ горахъ. Горцы ушли совершенно безнаказанно.

Скопище Джембулата, какъ извѣстно, состояло изъ абадзеховъ и бѣглыхъ кабардинцевъ. Эти бѣглые кабардинцы, о которыхъ уже говорилось раньше, составляли за Кубанью для насъ самый опасный и вредный элементъ среди черкесскихъ народовъ. Они часто или сами предводительствовали хищническими партіями, выходившими для разбоя на кубанскую линію, или же составляли наиболѣе выдающуюся часть всякаго черкесскаго скопища для вторженія въ наши предѣлы. Набѣгъ Джембулата требовалъ возмездія. Бѣглые кабардинцы, какъ главные участники этого дерзкаго набѣга, должны были первые испытать всю силу должнаго отмщенія со стороны русскихъ войскъ. Три похода генерала Вельяминова за Кубань противъ бѣглыхъ кабардинцевъ и абадзеховъ были отвѣтомъ за набѣгъ Джембулата. Самые богатые аулы на рр. Лабѣ и Бѣлой были раззорены до основанія, много разнаго имущества досталось войскамъ, а значительное количество плѣнныхъ отведено на линію. Горцы понесли огромныя потери [285]).

Въ походахъ противъ закубанцевъ принимала участіе также сотня Хоперскаго полка, на долю которой вмѣстѣ съ прочими казачьими частями отряда достались первые налеты на непріятельскіе аулы и первыя схватки съ ожесточеннымъ противникомъ [286]). Однако горцы въ свою очередь не дремали. Въ то время какъ Вельяминовъ хозяйничалъ на р. Бѣлой, сильная партія верхнихъ абадзеховъ и шапсуговъ ловкимъ маневромъ перешла Кубань у Каменнаго моста, пробралась по р. Малкѣ на линію и 29-го сентября разгромила селеніе Солдатское, причемъ горцы убили 8 человѣкъ, а 113 душъ обоего пола взяли въ плѣнъ [287]). На обратномъ пути они напали на мирныхъ кабардинцевъ, съ цѣлью увлечь ихъ съ собою для переселенія за Кубань, но подоспѣвшіе отовсюду къ мѣсту тревоги наши небольшіе отряды и въ томъ числѣ сотня хоперцевъ изъ Мечет-

скаго укрѣпленія, подъ командою есаула Сторожинскаго, отбили горцевъ и остановили начавшееся уже народное движеніе. Черкесы были отброшены въ Чегемское ущелье, откуда они двинулись въ обратный путь.

Вѣсть о погромѣ селенія Солдатскаго подняла на ноги наши отряды, стоявшіе въ Баталпашинскѣ и у Невиннаго мыса. Они быстро двинулись къ Каменному мосту наперерѣзъ партіи; черкесы хотя съ большими усиліями и потерями, но кое-какъ пробрались на Лабу и прошли почти подъ линіею вѣчныхъ снѣговъ, сохранивъ полонъ, взятый ими въ сел. Солдатскомъ. Весь 1825 годъ прошелъ въ тревогахъ, то на правомъ флангѣ, то въ Кабардѣ, и только въ 1826 году поутихли нѣсколько военныя бури, и на линіи наступило относительное спокойствіе.

ГЛАВА V.

На Кубани и Кумѣ въ 1823—1826 гг. Переселеніе полка на Кубань и Куму. Земельный и лѣсной надѣлы. Устройство и вооруженіе станицъ; ихъ военное значеніе. Мирная обстановка казака въ домашнемъ быту. Внутренняя охрана станицы. Рабочій день въ станицѣ и въ полѣ. Вліяніе порубежной жизни на бытовыя условія казачьей семьи. Баталпашинскій участокъ кордонной линіи и устройство постовъ. Тревожная пограничная жизнь съ ея кровавыми происшествіями.

Набѣги закубанцевъ въ 1823 и 1824 гг. указали кавказскому начальству на неудовлетворительность обороны, а также на недостаточность охраненія и обезпеченія населенія кавказской линіи, на пространствѣ между крѣпостями Прочноокопскою и Константиногорскою. Эта часть границы болѣе другихъ участковъ подвергалась прорыву хищническихъ партій горцевъ, вслѣдствіе слабости кордонной линіи и отсутствія сильныхъ резервовъ.

Лучшею мѣрою, долженствовавшею упорядочить оборону границы и тѣмъ положить конецъ набѣгамъ черкесовъ, признавалось заселеніе ея казачьими станицами. Еще въ 1809 г. главнокомандующій отдѣльнымъ грузинскимъ корпусомъ, генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ, писалъ начальнику кавказской линіи генералъ-отъ-инфантеріи Булгакову, по поводу предложенія послѣдняго о переселеніи на передовыя линіи Хоперскаго и Волжскаго полковъ [288]: „.... а потому предоставляю вамъ черезъ полковыхъ начальниковъ, старшинъ и черезъ старыхъ казаковъ увѣриться, желаютъ ли они перемѣнить жилища по назначенію вашему, представивъ имъ, что я буду предстательствовать, дабы земля имъ была назначена безъ прикосновенности со стороны обывателей и гражданской власти..... Если они единодушно наклонятся къ сему переселенію, то представьте

ко мнѣ подписки ихъ, а потомъ не премину испрашивать Высочайшаго разрѣшенія“. На предложеніе о переселеніи на Кубань хоперскіе казаки заявили, что такое поголовное переселеніе будетъ для нихъ весьма обременительно, такъ какъ они только что обжились и устроились на теперешнихъ мѣстахъ, впереди же предстоитъ одно раззореніе и убытокъ; во всякомъ случаѣ, при обѣщанныхъ пособіяхъ и привиллегіяхъ, если на то будетъ Царская воля, они всѣ готовы идти, куда укажутъ имъ [289]). Но попытка эта въ то время осталась безъ успѣха и разрѣшенія на переселеніе не послѣдовало.

Прошло съ тѣхъ поръ 15 лѣтъ и только въ 1824 году, по ходатайству главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-отъ-артиллеріи Ермолова, правительство признало возможнымъ и необходимымъ переселить хоперскихъ и волжскихъ казаковъ на самую границу съ непокорными намъ горскими народами. По этому поводу Ермоловъ писалъ начальнику кавказской линіи генералъ-лейтенанту Вельяминову [290]):

„По расширеніи въ 1822 году границъ кавказской линіи и устроеніи крѣпостей и редутовъ по направленію къ вершинамъ Кубани, признается полезнымъ для лучшаго обезпеченія предѣловъ отъ покушенія горскихъ хищническихъ народовъ, основать поселенія казаковъ на мѣстахъ пограничныхъ. Поэтому, всѣ казачьи станицы, состоящія нынѣ въ серединѣ гражданскихъ поселеній, перенести на новыя мѣста къ границѣ, производя сіе переселеніе, въ видахъ казачьяго хозяйства, исподволь, отдѣленіемъ каждый разъ не болѣе третьей части семействъ и опредѣляя имъ нужныя при семъ случаѣ пособія и льготы.... Для поселенія станицъ Хоперскаго полка назначается первая дистанція по р. Кубани, отъ Верхне-Барсуковскаго поста вверхъ до устья р. Тахтамыша; внутрь же линіи—отъ Темнолѣсской станицы по прямому направленію на Воровсколѣсскую, отъ оной на большой постъ Карантинный.... Предписать начальникамъ полковъ Хоперскаго и Волжскаго, дабы они распорядились на

обозрѣнныхъ для станицъ мѣстахъ сдѣлать осеннюю распашку земли нѣсколькими на каждомъ мѣстѣ плугами".

Для переселенія Хоперскаго полка составлено слѣдующее расписаніе:

Какія станицы будутъ переселены.	Число душъ мужского пола.	Число дворовъ.	На какихъ мѣстахъ должны быть устроены новыя станицы.	Число домовъ на новыхъ мѣстахъ въ станицахъ.
Сѣверная	672	188	Вблизи Бебердова аула при посту Бекешевомъ, на рѣкѣ Кумѣ.	188
Ставропольская	1.429	441	При посту Карантинномъ на р. Кумѣ, при устьи рѣчки Тамлыкъ. То мѣсто издавна называлось такъ.	300
			Къ Баталпашинску близъ укрѣпленія Баталпашинскаго	141
Воровсколѣсская.	266	87	Къ Баталпашинску.	87
Донская.	1.015	291	При посту Бѣломечетскомъ, противъ устьевъ р. М. Зеленчука	179
			У Невинномысскаго укрѣпленія, противъ устьевъ р. Б. Зеленчука	112
Московская.	895	238	У Усть-Барсукловъ, ближе къ прежней кр. Преградный Станъ	150
			Къ Невинному мысу	88

По этому расписанію приказано было начать переселеніе съ зажиточныхъ казаковъ, а также неимѣющихъ обширнаго хозяйства, но во всякомъ случаѣ соображаясь съ удобствами и выгодами на новыхъ мѣстахъ.

Станицу при устьи р. Барсуклахъ приказано заселять съ крайнею осторожностью, небольшимъ числомъ семействъ и въ теченіи не менѣе четырехъ лѣтъ, чтобы испытать, насколько пригодно для заселенія это мѣсто, въ виду низменнаго положенія берега Кубани. Въ тоже время, по Высочайше конфирмованному журналу Комитета Министровъ, отъ 11-го сентября и 11-го декабря 1823 года, переселяющимся казачьимъ семей-

ствамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу и другихъ удобствъ, опредѣлено было выдавать пособіе отъ 100 до 125-ти рублей на каждый офицерскій и казачій дворъ. Хоперскій полкъ изъявилъ желаніе переселиться въ двѣ очереди, о чемъ командиръ полка маіоръ Шаховъ и донесъ начальству. Тогда послѣдовало разрѣшеніе, закончить переселеніе хоперскихъ станицъ къ осени 1826 года, но съ тѣмъ чтобы жителей не особенно обременяли работами по устройству станичныхъ оградъ и другихъ общественныхъ зданій; устройство жилыхъ домовъ и прочихъ построекъ допустить пока самаго легкаго типа изъ плетня или турлука, обмазанныхъ глиною; станичныя же ограды приказано дѣлать изъ одного только колючаго плетня съ присыпкою земли съ внутренней стороны.

Хоперцы начали переселеніе по частямъ съ осени 1825 года, и какъ не старались поскорѣе перейти на новыя мѣста, однако, только позднею осенью 1827 года, послѣ уборки и молотьбы хлѣбовъ окончательно перетащились съ своимъ имуществомъ и устроились въ новыхъ станицахъ на Кубани—въ Баталпашинской, Бѣломечетской, Невинномысской и Барсуковской и на р. Кумѣ—въ Бекешевской и Карантинной [291]). Съ послѣднею очередью прекратилось владѣніе казаковъ землями и лѣсами при старыхъ станицахъ, которыя были сданы въ казну, какъ только остальные переселенцы тронулись въ путь на Кубань и Куму. На новыхъ мѣстахъ хоперцамъ земля была отведена по тому же разсчету, какой существовалъ и раньше, т. е. казакамъ по 30-ти десятинъ на душу мужского пола, штабъ-офицерамъ по 300 и оберъ-офицерамъ по 60-ти десятинъ. Лѣса распредѣлены такъ: станицы Барсуковская, Невинномысская и Бѣломечетская пользовались лѣсомъ по правому берегу Кубани, между станицей Невинномысской и постомъ Надзорнымъ; казакамъ же станицъ Баталпашинской, Бѣломечетской и Карантинной отведенъ лѣсъ изъ тахтамышевскихъ буераковъ и изъ воровсколѣсскихъ балокъ, при чемъ въ послѣднемъ мѣстѣ было отмежевано только

3820 дес. Тогда же отошли къ станицѣ Баталпашинской и соляныя озера съ тѣмъ, однако, чтобы изъ нихъ временно могли добывать соль и грязь также ногайцы изъ Тахтамышевскаго аула и абазинцы, такъ какъ тѣ и другіе жили смежно съ хоперцами, хотя не смѣли пользоваться ни землею, ни другими угодьями [292]).

Въ пособіе на переселеніе на Кубань и Куму хоперскимъ казакамъ выдано отъ казны 54.050 руб. сер. и кромѣ того особый денежный отпускъ на постройку церквей. Казаки станицы Ставропольской рѣшили было взять съ собою свою церковь, но такъ какъ эта станица разселялась въ двухъ пунктахъ, при чемъ большая часть казаковъ пошла на поселеніе въ стан. Карантинную, то казаки этой станицы въ 1831 году перенесли на своихъ плечахъ къ себѣ свой старинный храмъ, уступивъ казакамъ, поселившимся въ стан. Баталпашинской, часть денегъ отпущенныхъ на постройку новыхъ церквей. Одновременно съ переселеніемъ хоперцевъ и волжцевъ на передовую линію, генералъ Ермоловъ ходатайствовалъ объ обращеніи въ казачье сословіе нѣкоторыхъ селеній Кавказской области, лежавшихъ въ районѣ почтовой дороги изъ Россіи въ Грузію, чтобы тѣмъ обезпечить этотъ путь и вмѣстѣ съ тѣмъ создать вторую оборонительную линію, но ходатайство это почему то не было уважено. Мѣра эта была приведена въ исполненіе только въ 1833 году. Итакъ, вслѣдствіе государственной необходимости, хоперскіе казаки, проживъ 50 лѣтъ, по водвореніи ихъ на азовско-моздокской линіи въ Кавказской области, покинули насиженныя ими привольныя мѣста и со всѣми „семьями и животами“ перешли на новое мѣстожительство, на передовые рубежи кавказской линіи.

Поселившись на Кубани, казаки построили свои станицы такого же типа, какъ и на азовско-моздокской линіи; обнесли ихъ колючею оградою съ землянымъ валомъ и наружнымъ рвомъ, построили на просторныхъ площадяхъ, внутри камен-

ныхъ оградъ, храмы Божіе, подѣлали помѣщенія для станичныхъ правленій и казачьихъ резервовъ, выстроили хлѣбные общественные магазины, караулы и вышки у станичныхъ воротъ и прочая. По Высочайшему повелѣнію, для обороны станицъ были переданы въ Хоперскій полкъ десять гарнизонныхъ орудій—6 мѣдныхъ 3-хъ-фунтовыхъ и 4 чугунныхъ 6-ти-фунтовыхъ [293]). Эти орудія распредѣлялись такъ:

Въ	стан.	Баталпашинской	мѣдныхъ	2	чугунныхъ	—
„	„	Бѣломечетской	„	1	„	1
„	„	Невинномысской	„	1	„	1
„	„	Барсуковской	„	1	„	1
„	„	Бекешевской	„	1	„	—
„	„	Суворовской	„	—	„	1

По окончательномъ устройствѣ станицъ, жизнь населенія потекла своимъ обычнымъ порядкомъ, съ тою лишь разницею, что теперь нужно было глядѣть въ оба, и вдоль линіи, и за Кубань; постоянно сторожиться и держать себя, какъ говорится, наготовѣ, потому что за Кубанью, почти въ виду станицъ, жилъ дерзкій и хищный сосѣдъ, который не зналъ никакого другого способа сношенія съ казакомъ, какъ только посредствомъ мѣткой пули и острой шашки. Съ переселеніемъ на Кубань и Куму для Хоперскаго полка началась болѣе тяжелая и опасная служба. Прежде хоперцы, охраняя кубанскую линію, почти не безпокоились о прорывѣ черкесовъ во внутрь кордона, зная что родная станица далеко. Но когда эта самая станица стояла за плечами, а въ ней жили всѣ близкіе и дорогіе сердцу, нужно было напрягать всѣ свои умственныя и физическія силы, изощряться до тонкостей въ разбойничьихъ пріемахъ малой войны, чтобы перехитрить непріятеля. Теперь жизнь на кордонѣ и сопряженная съ нею отвѣтственность заставляли казака не досыпать и не доѣдать, мучить безпрестанно себя и коня, жертвовать собою для спокойствія родного края. А казакъ крѣпко любилъ свою станицу и при нуждѣ не задумывался сложить

за нее свою голову. Для примѣра можно привести такой случай [294]).

Въ ноябрѣ 1839 года отставной казакъ станицы Бекешевской, Федоръ Сердюковъ, съ двумя своими сыновьями—старшимъ Сергѣемъ, уже служащимъ, и младшимъ, 15-ти-лѣтнимъ Изотомъ, и двое рядовыхъ Кавказскаго линейнаго № 3-го баталіона, Дударовъ и Юдинъ, отправились изъ Бекешевской на трехъ пароволовыхъ подводахъ въ кумскія балки, чтобы нарубить лѣсу и отвезти на продажу въ Пятигорскъ. Возвращаясь обратно передъ вечеромъ, они замѣтили выѣзжавшую изъ боковой балки партію горцевъ, въ числѣ до 50-ти всадниковъ. Старикъ Сердюковъ, думая больше объ общественной безопасности, чѣмъ о своей, приказалъ своимъ сыновьямъ бѣжать скорѣе на постъ Кладбищенскій или въ станицу оповѣстить о хищнической партіи, для чего указалъ имъ на лѣсную тропинку по направленію къ Бекешевской. Ободривъ Дударова и Юдина и посовѣтовавъ стрѣлять только навѣрняка, быть мужественными и разсчитывать на выручку, Сердюковъ сцѣпилъ повозки вагенбургомъ и затѣмъ всѣ трое приготовились къ рѣшительному бою съ черкесами, которые, замѣтивъ людей съ повозками, быстро приблизились къ нимъ.

Въ этотъ моментъ, ушедшій было въ Бекешевскую, Сергѣй Сердюковъ вернулся назадъ и объявилъ отцу, что онъ ни за что на свѣтѣ не оставитъ его въ такой смертельной опасности и рѣшилъ лучше умереть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ спастись одному. Хотя такая сыновняя любовь и преданность глубоко тронули старика, но онъ хорошо зналъ, что всѣмъ имъ не сдобровать въ схваткѣ съ хищниками; однако спорить было некогда и Сердюковъ, скрѣпя сердце, указалъ сыну мѣсто при оборонѣ. Въ это время черкесы съ гикомъ налетѣли на нашихъ удальцевъ и осыпали ихъ градомъ пуль, изъ которыхъ одна угодила въ Сергѣя, и онъ безъ звука свалился къ ногамъ своего отца..... Закипѣла кровь у стараго казака; изловчившись, онъ убилъ

изъ винтовки наповалъ предводителя партіи, бѣглаго кабардинскаго князя, разбойника Кучука Кайтукина, славившагося между горцами великою дерзостью въ предпріятіяхъ и знаніемъ мѣстности. Ранивъ еще трехъ человѣкъ, старикъ Сердюковъ и Дударовъ были изрублены шашками, а Юдинъ получилъ такія тяжелыя раны, что, по доставленіи въ станицу, въ ту же ночь умеръ. Такъ мужественно и самоотверженно пали два бравыхъ хоперца! Впрочемъ, подобные случаи бывали не рѣдкостью въ храбромъ линейномъ казачествѣ.

Мирная обстановка казака въ домашнемъ быту въ станицахъ, когда они переселились на кубанскую линію, не имѣла почти никакой разницы между его боевою обстановкою. Явившись на Кубань уже въ качествѣ хозяевъ, хоперскіе казаки не были тѣми новичками въ краѣ, которымъ 50 лѣтъ тому назадъ, на азовско-моздокской линіи, приходилось заново создавать всѣ формы житья-бытья и службы въ новыхъ мѣстахъ, въ сосѣдствѣ съ незнакомыми противниками. Но хотя казаки хорошо уже освоились съ жизнью и службою на кавказской границѣ, тѣмъ не менѣе близость закубанскихъ хищниковъ заставляла ихъ не пренебрегать никакими способами къ самоохранѣ и оборонѣ границы. Сообразно этому распредѣлялся и рабочій день въ станицѣ [295]).

Съ первыми лучами восходящаго солнца, изъ станичныхъ воротъ обыкновенно выѣзжали на развѣдку казачьи разъѣзды, которые, тщательно осмотрѣвъ окрестности и закрытыя мѣста, возвращались назадъ и докладывали станичному начальству, что все благополучно и слѣдовъ черкесовъ нигдѣ не замѣчено. Тогда снова отпирали станичныя ворота, жители выгоняли стада на пастьбу, и сами выходили на полевыя работы. Но если утро было туманное и ненастное, то разъѣзды, выйдя за станичную ограду, зорко оглядывали всѣ кустарники и балки и не возвращались въ станицу, пока совершенно не разъяснялось и можно было далеко обозрѣвать окрестности.

Такою предательскою погодою горцы пользовались, какъ находкою и очень искусно устраивали свои засады около станицъ, въ мѣстахъ водопоевъ и на выгонахъ. Бывало цѣлые дни проходили на развѣдкѣ окрестностей, даромъ пропадало рабочее время, скотина ревѣла на дворахъ, просясь въ поле, но, наученные горькимъ опытомъ, жители не двигались изъ станицы до возвращенія разъѣздныхъ казаковъ.

Передъ закатомъ солнца полевыя работы прекращались; работавшіе поблизости, ихъ стада и табуны собирались на ночь въ станицу, а вслѣдъ за ними съѣзжались казаки, бывшіе въ разъѣздахъ и на денныхъ пикетахъ; затѣмъ станичныя ворота запирались и караульнымъ приказывалось никого не выпускать и не впускать въ станицу. При безпечности казаковъ, иногда ночью около станичныхъ воротъ происходили траги-комическіе случаи: опоздали станичники вовремя вернуться со степи, хотѣлось докончить полосу сѣнокоса или домолотить десятокъ оставшихся сноповъ, и вотъ теперь, часовъ въ 10—11 ночи, они стучатся у воротъ, прося впустить ихъ. Караулъ по голосамъ и разговору слышитъ, что свои и даже узнаетъ кто такіе, но воротъ не отворяетъ и оповѣщаетъ о томъ станичнаго начальника; сердитый и недовольный, что его потревожили, онъ является къ станичнымъ воротамъ и, опросивъ казаковъ, приказываетъ ихъ впустить. Но это не даромъ. Глава станицы по списку вызываетъ опоздавшихъ и тутъ же, въ своемъ присутствіи, при свѣтѣ фонаря, приказываетъ всыпать каждому изъ нихъ десятка по два розогъ, чтобы впредь неповадно было запаздывать въ степи. Старики передаютъ, что казаки больше боялись своихъ станичныхъ начальниковъ, чѣмъ набѣговъ и нападеній черкесовъ.

Жители, которые находились на полевыхъ работахъ вдали отъ станицъ, на ночь собирались большими таборами въ нѣсколькихъ мѣстахъ степи [296]), оцѣпляли мѣста ночлеговъ возами, и туда же загоняли стада или рабочій скотъ; муж-

чины отъ 16-ти до 60-ти лѣтъ посмѣнно становились съ оружіемъ въ рукахъ охранять это импровизованное укрѣпленіе. Замѣчательно, что хищническія партіи горцевъ всегда обходили стороною такіе таборы, а если предпринимали на нихъ нападенія, то большею частью безъ успѣха, потому что за возами и повозками какой-нибудь подростокъ, вооруженный вилами, становился уже серьезнымъ противникомъ. Въ донесеніяхъ о кордонныхъ происшествіяхъ не встрѣчается ни одного сообщенія о нападеніяхъ горцевъ на казачьи таборы въ степи. Если получалось извѣстіе о сборѣ гдѣ-либо черкесскихъ партій для набѣга въ нашу сторону, то тогда жители не выходили на полевыя работы, усиливалась общая бдительность и осторожность, а на ночь по улицамъ дѣлались баррикады изъ повозокъ, саней, плуговъ и прочая.

На церковной колокольнѣ днемъ и ночью стоялъ часовой, чтобы по первой тревогѣ ударить въ колоколъ. И когда зловѣщій гулъ набата раздавался въ ночной тишинѣ, призывая на тревогу—старъ и малъ становились на ноги; взрослые и сильные брались за оружіе и спѣшили на защиту родной станицы! Иногда добрая половина ночи проходила въ напрасномъ ожиданіи невидимаго врага. На работахъ вблизи станицы и далеко въ степи обстановка не измѣнялась: пашетъ ли казакъ поле, коситъ ли онъ сѣно, или пасетъ стада и табуны—у него за плечами заряженная винтовка, а на поясѣ неразлучный кинжалъ [297]). Казакъ ежеминутно былъ готовъ на кровавую схватку съ хищнымъ горцемъ; горе ему, если онъ пренебрежетъ опасностью и нѣсколько ослабитъ свою готовность и осторожность—лихой черкесъ вихремъ налетитъ на него и тогда—прощай казакъ!

Тревожная пограничная жизнь, близость предпріимчиваго врага развили въ казакахъ смѣтливость, осторожность и находчивость въ минуту опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта постоянная безпрестанная тревога и бдительность довели казака до совершеннаго равнодушія къ опасности. Часто бывали случаи,

когда на кардонныхъ постахъ казаки ослабляли свою бдительность и тѣмъ давали возможность мелкимъ партіямъ хищниковъ переходить нашу границу и уже послѣ, узнавъ о прорывѣ горцевъ, они съ удвоеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовали непріятеля, чтобы сколько нибудь загладить свою оплошность. „Труды и опасности составляли единственный удѣлъ казака".

Женщины-казачки не уступали своимъ мужьямъ и братьямъ ни въ наѣздничествѣ, ни въ храбрости; онѣ ловко владѣли винтовкою и шашкою и нерѣдко рядомъ съ мужемъ съ оружіемъ въ рукахъ казачка отстаивала свою жизнь и имущество, въ особенности въ полѣ и на хуторахъ [298]). Въ лѣтописяхъ кавказской войны записаны случаи, когда, во время нападеній горцевъ на беззащитныя станицы, казачки вооружались чѣмъ попало, отбивали приступы черкесовъ и отсиживались до прибытія помощи. Мальчики-казачата съ 10-ти-лѣтняго возраста сажались на коня и привыкали къ нему. Любовь и привычка къ лошади и оружію воспринималась съ самыхъ раннихъ лѣтъ, благодаря наглядным примѣрамъ. Подростки 14-ти—15-ти лѣтъ уже владѣли оружіемъ и верхомъ на конѣ со старыми казаками стерегли стада и табуны; подчасъ они въ одиночку становились часовыми на станичной вышкѣ или въ полѣ охраняли скотъ, „зорко выглядывая нехристей". Такъ слагалась и текла казацкая жизнь на рубежахъ кавказской линіи!

Съ переселеніемъ Хоперскаго полка на Кубань и Куму, кубанскую линію, отъ Усть-Лабы и до Каменной башни на верхней Кубани, по прежнему охраняли два донскихъ полка, которые несли эту службу съ 1790 года. Хоперцы же, со времени водворенія на новыхъ мѣстахъ и вплоть до 1833 года, занимали только кордонные станичные и всѣ внутренніе посты, или какъ ихъ тогда называли, посты второй линіи на пространствѣ своего полкового округа, въ баталпашинскомъ участкѣ, отъ станицы Барсуковской и до станицы Карантинной; наконецъ содержали въ постоянной готовности станичные резервы

для надобностей пограничной линіи. Впрочемъ отъ полка, сверхъ указаннаго наряда, иногда назначались команды и на нѣкоторые прикубанскіе посты, расположенные между станицами Невинномысскою и Баталпашинскою. Съ 1833 года и по день окончательнаго покоренія западнаго Кавказа въ 1864 году кордонъ по Кубани и вообще всѣ посты въ баталпашинскомъ участкѣ занимали исключительно хоперскіе казаки.

Участокъ этотъ до 1840 года, заключавшійся между Каменнымъ мостомъ на Кубани и Прочноокопскою крѣпостью, представлялъ на всемъ своемъ пространствѣ около 160-ти верстъ [299]), какъ уже объяснено, самый слабый пунктъ нашей кубанской границы. Начальнику участка было немало хлопотъ и заботъ по организаціи наблюденія и охраненія этой части кордона, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ мелкихъ черкесскихъ партій.

Только въ 1840 году окончательно установилась граница баталпашинскаго участка кордонной линіи, которая заключала въ себѣ пространство отъ устья Барсукловъ и вверхъ по Кубани до Каменнаго моста; оттуда граница шла по верхнему теченію Кумы до поста Ахандуковскаго, отъ него по р. Дарьи, до впаденія ея въ р. Куму; далѣе по Кумѣ до аула Эльмурзина и затѣмъ сухимъ рубежемъ до соединенія Широкой балки и Сурукли; оттуда она направлялась къ Соленому озеру (около ст. Грушовской) и верховьямъ Сухого Карамыка и по немъ внизъ до пересѣченія его почтовою дорогою; далѣе граница обнимала внѣшнюю черту земель станицъ Сергіевской, Калиновской и Темнолѣсской съ постами Усть-Барсуковскимъ, Темнолѣсскимъ и Извѣщательнымъ. Число и наименованіе постовъ въ предѣлахъ баталпашинскаго участка послѣ переселенія хоперскихъ станицъ на Кубань и Куму было слѣдующее [300]):

1) Усть-Барсуковскій, 2) Барсуковскій въ станицѣ, гдѣ кордонный резервъ, 3) Преградный, 4) Донской, 5) Невинномысскій въ станицѣ, гдѣ и кордонный резервъ, 6) Усть-Невинскій, 7) Осторожный, 8) Бѣломечетскій въ станицѣ, гдѣ и кор-

донный резервъ, 9) Яманъ-Джалгинскій, 10) Жмуринъ, 11) Редутный или у Баталпашинскаго карантина, 12) Баталпашинскій въ станицѣ, гдѣ и кордонный резервъ, 13) Усть-Тахтамышевскій, 14) Черноморскій, 15) Усть-Джегутинскій въ укрѣпленіи того же имени, 16) Учкульскій, 17) Ямановскій, 18) Ново-Николаевскій, 19) Наблюдательный, 20) Хумаринскій въ укрѣпленіи того же имени *), 21) Подъ камнемъ и 22) башня у Каменнаго моста.

Отъ укрѣпленія Усть-Джегутинскаго, т. е. отъ поста № 15, кордонная линія заворачивала на востокъ и шла по ущелью р. Джегуты, а затѣмъ переходила на р. Куму. Здѣсь стояли посты: 23) Таркачинскій, 24) Джеганасскій, 25) Кладбищенскій, 26) Бекешевскій и 27) Карантинный; послѣдніе въ станицахъ, гдѣ и кордонные резервы.

Посты были построены надъ самою Кубанью и надъ рѣчками, по которымъ шла кордонная линія. Устройство постовъ было слѣдующее: №№ 1-й, 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 10-й, 11-й, 13-й, 14-й, 17-й, 19-й, 23-й, 24-й и 25-й имѣли каменныя ограды съ амбразурами и такія же казармы изъ двухъ половинъ, крытыя соломою или камышемъ; планъ поста былъ четыреугольный, длина каждой стороны 35—40 аршинъ; №№ 9-й и 18-й отличались отъ предъидущихъ тѣмъ, что въ постовой оградѣ на противоположныхъ двухъ углахъ устроены каменныя башни. Кромѣ того всѣ посты имѣли: вокругъ ограды внѣшній ровъ, внутри, рядомъ съ казармою, плетневыя обмазанныя глиною и крытыя соломою конюшни и вышки для часовыхъ надъ воротами. Посты №№ 2-й, 5-й, 8-й, 12-й, 26-й и 27-й находились въ станицахъ вмѣстѣ съ кордонными резервами, а посты №№ 15-й и 20-й—внутри укрѣпленій, гдѣ были построены конюшни для лошадей; №№ 16-й и 21-й были вырублены въ скалахъ.

Затѣмъ шли посты внутренніе кордонные: 1) Абазинскій,

*) Возлѣ укр. Хумаринскаго на р. Кубани въ 1845 году были открыты каменноугольныя копи.

2) Соленоозерскій, 3) Невинскій, 4) Воровсколѣсскій, 5) Березовый, 6) Ново-Барсуковскій, 7) Верхне-Барсуковскій и 8) Ново-Невинскій. Посты №№ 1-й, 3-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й имѣли плетневыя ограды съ внѣшнимъ рвомъ, деревянныя казармы и конюшни, крытыя камышемъ и вышки надъ воротами; №№ 2-й и 4-й также имѣли ограды, казармы и конюшни каменныя съ вышками надъ воротами.

Внутренніе посты, расположенные между аулами калауско-саблинскихъ ногайцевъ были: 1) Суруклинскій, 2) Надзорный, 3) Брыковогорскій, 4) Джуртуцкій и 5) Янкульскій. Посты №№ 1-й и 2-й имѣли каменныя съ внѣшнимъ рвомъ ограды; казармы и конюшни плетневыя, обмазанныя глиною и крытыя камышемъ и вышки надъ воротами; №№ 3-й, 4-й и 5-й считались лѣтними, такъ какъ на зиму оставлялись, и они имѣли балаганы изъ жердей и камыша, которые были обнесены дерновою стѣною.

Особенности охраненія такой кордонной линіи, какъ баталпашинскій участокъ, гдѣ Кубань почти въ теченіи всего года, представляетъ на каждомъ мѣстѣ хорошую переправу— заключались въ полнѣйшей невозможности предупреждать набѣги черкесскихъ партій. Рѣдко, если казакамъ удавалось выслѣдить партію и отпугнуть ее отъ кордона, а въ большинствѣ случаевъ приходилось прямо садиться на коня и скакать для преслѣдованія хищниковъ. Вотъ тутъ-то добрый конь и удалой наѣздникъ давали возможность тягаться съ непріятелемъ. Поэтому, вся тяжесть охраненія границы лежала на казакахъ, такъ какъ регулярныя части пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, расквартированныя по станицамъ, могли дать отпоръ непріятелю только тогда, когда случайно находились вблизи атакованнаго горцами мѣста; или когда при преслѣдованіи непріятеля казаки успѣвали сбить его къ извѣстнымъ мѣстамъ, занятымъ регулярными войсками. Въ большинствѣ случаевъ эти войска употреблялись исключительно для походовъ за Кубань, съ цѣлью наказанія и разгрома горцевъ.

Коснувшись служебнаго назначенія регулярныхъ войскъ на Кавказѣ во время войны съ горцами, интересно сопоставить съ нею служебную долю казака; „изъ пѣсни слова не выбросишь“, говоритъ русская пословица.

Въ періодъ долголѣтней, тяжелой и кровавой кавказской войны, на долю линейныхъ казаковъ выпалъ самый трудный жребій—передовая охрана нашей границы на самомъ рубежѣ земель съ непокорными горскими племенами Кавказа. Порубежные поселяне-казаки—это были безсмѣнные часовые сторожевой цѣпи, которые съ самоотверженіемъ и покорностью стояли на часахъ въ самыхъ опасныхъ пунктахъ нашей кавказской линіи въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Чтобы не безпокоить главнаго караула, т. е. отрядовъ регулярныхъ войскъ, расположенныхъ въ тылу кордонной линіи, казаки на постахъ сами своими силами отбивались отъ враговъ, молча гибли въ безвѣстныхъ бояхъ, въ схваткахъ одинъ на одинъ, въ засадахъ, погоняхъ, секретахъ и въ сшибкахъ съ превосходнымъ противникомъ. Въ отбываніи кордонной службы никто не помогалъ казаку; только вѣрный сторожевой песъ, да добрый конь дѣлили его труды и невзгоды, среди постоянной заботы о спокойствіи границы.

Въ станицахъ и въ крестьянскихъ селеніяхъ, за спиною пограничнаго казацкаго поста, населеніе жило совершенно спокойно; тамъ почти невозмутимо текла и развивалась мирная гражданская жизнь, изрѣдка тревожимая мелкими набѣгами незначительныхъ непріятельскихъ партій, или неблагополучными извѣстіями изъ-за Кубани. Только пограничная казацкая станица, да передовой кордонный постъ жили въ постоянной тревогѣ за себя и за своихъ близкихъ, потому что тревоги на линіи никогда не прекращались. И тѣмъ не менѣе казачество не трубило о своихъ подвигахъ, оно больше работало шашкою и винтовкою нежели перомъ. Люди простые, по совѣсти и разсудку вѣрные Царю и Отечеству, казаки свою службу на границѣ признавали за свой жребій „амо-же не прейдеши“! На свои

подвиги, заключавшіеся въ постоянной готовности къ бою, непрерывной войнѣ съ горцами, въ безсонныхъ ночахъ и въ постоянной бдительности на кордонныхъ постахъ—они смотрѣли какъ на дѣло совершенно обыкновенное, какъ на простой порядокъ вещей, не сознавая важности своей заслуги предъ государствомъ. И за всю свою мужественную и многострадальную службу казаки, въ особенности казачьи офицеры, нерѣдко получали только презрѣніе со стороны регулярныхъ начальниковъ и офицеровъ, какъ люди на ихъ взглядъ необразованные, грубые, невоспитанные.

Въ газетахъ и реляціяхъ, въ которыхъ прославлялись доблести нашихъ войскъ и описывались успѣхи нашего оружія на Кавказѣ, о казакахъ только упоминалось вскользь, а въ донесеніяхъ о боевыхъ подвигахъ имъ отводилось самое скромное мѣсто. Какъ-то такъ выходило, что, когда дѣло касалось наградъ и отличій, казаковъ совсѣмъ не замѣчали; когда же нужно было послать куда-либо, на какое-нибудь опасное предпріятіе, или туда, гдѣ требовалась смышленность, находчивость и быстрота, тамъ казаки непремѣнно торчали на глазахъ и на нихъ сейчасъ же возлагалось подобнаго рода порученіе.

Тоже самое можно сказать и о боевой дѣятельности казаковъ во время походахъ въ непріятельскія земли. Съ самаго момента перехода нашими отрядами границы земель съ непокорными горскими племенами и до возвращенія въ свои предѣлы, казаки безсмѣнно несли передовую развѣдывательную и сторожевую службу. Передача донесеній и приказаній, посылка съ важными порученіями всегда возлагалась исключительно на казаковъ. На ихъ долю всегда выпадала охрана походнаго движенія и фланговъ боевого расположенія, а также принятіе на свою молодецкую грудь первыхъ ударовъ противника. Судьба, говорили въ такихъ случаяхъ казаки, и они были правы, потому что каждому опредѣленъ свой удѣлъ въ жизни. Казацкій же удѣлъ, извѣстенъ: они всегда стояли въ первомъ ряду государевыхъ слугъ!

Когда хоперцы утвердились въ своихъ станицахъ на Кубани и Кумѣ, они сразу очутились въ положеніи непріятнаго и нежелательнаго сосѣда для закубанскихъ горцевъ и кабардинцевъ. Близость казачьихъ станицъ, а слѣдовательно и добычи, не давала покоя черкесамъ, а потому не проходило ни одной ночи или туманнаго дня, чтобы они не проскользнули гдѣ-нибудь и не подняли тревоги. Они дѣлали засады вблизи станицъ, нападали на хутора, на казачьи посты, рыскали по степи, чтобы захватить опоздавшихъ и зазѣвавшихся проѣзжихъ, возвращающихся съ поля или спѣшившихъ на хутора и въ станицу. Пожары, угонъ скота, убійства сопровождали каждый набѣгъ черкесовъ. Пропустивъ по оплошности, или по несоразмѣрности въ силахъ хищническую партію, или узнавъ отъ разъѣздовъ о прорывѣ горцевъ черезъ границу—казаки подымали по линіи тревогу и спѣшили на поиски или въ погоню за невидимымъ врагомъ. Выстрѣлы, пламя пожара, пыль по дорогамъ—указывали на слѣды непріятеля, и казаки гнали коней, чтобы поспѣть къ угрожаемому или уже атакованному пункту.

Наскочивъ на хищниковъ, или пустившись за ними въ преслѣдованіе, казаки довольно частенько отбивали у горцевъ плѣнныхъ и добычу, но бывали случаи, когда казаки нарывались на несоразмѣрныя силы враговъ или на засаду, тягаться съ которою было трудно. Въ такихъ случаяхъ, уже не отступая на усталыхъ лошадяхъ, что равнялось бы гибели, они спѣшивались и вступали въ бой съ непріятелемъ, или до прибытія помощи, или гибли до послѣдняго человѣка. Такъ, между прочимъ, въ сороковыхъ годахъ погибъ полковой хорунжій Бирюковъ 1-й съ командою казаковъ Хоперскаго полка. Дѣло было такъ [301]):

Въ мартѣ 1842 года отъ начальника праваго фланга, генералъ-лейтенанта Засса, было получено распоряженіе о принятіи строжайшихъ мѣръ охраненія кордона. Поэтому, оставшійся за отсутствіемъ командира Хоперскаго полка, маіоръ Ритцъ, 27-го

марта выслалъ на посты Усть-Джегутинскій, Черноморскій, Николаевскій и въ Хумару по 25-ти человѣкъ и назначилъ начальникомъ этого участка хорунжаго Бирюкова 1-го. Передъ разсвѣтомъ 29-го марта, часа въ два пополуночи, хищническая партія въ неизвѣстномъ количествѣ, подкравшись къ станицѣ Баталпашинской изъ лѣсовъ, что внизу около Кубани, ворвалась черезъ станичную ограду и, не смотря на сильный ружейный огонь, которымъ караульные казаки встрѣтили хищниковъ, горцы успѣли зажечь крайніе дома, при чемъ сгорѣло 6 дворовъ съ имуществомъ и 86 сажень станичной ограды.

Отбитые безъ всякаго успѣха, горцы повернули назадъ, а вслѣдъ за ними бросились въ погоню есаулъ Скляровъ и станичный начальникъ съ резервомъ. Вслѣдствіе темноты ночи и лѣсистой мѣстности, казаки ничего не нашли, а когда разсвѣло, то погоня снова пустилась въ преслѣдованіе и отыскала мѣсто переправы горцевъ; однако же, на томъ берегу Кубани, по случаю сухой и теплой погоды, слѣды затерялись и преслѣдованіе не удалось. Тѣмъ временемъ тревога распространилась по всей линіи. Хорунжій Бирюковъ, узнавъ о нападеніи на станицу, гдѣ будто-бы былъ взятъ полонъ, бросился съ 2-мя урядниками и 64-мя казаками къ Зеленчукамъ. Дорогою, по усталости лошадей, 15 казаковъ были возвращены имъ назадъ, а съ остальными онъ помчался впередъ. Не доскакавъ до рѣки Большого Зеленчука одной версты, на рѣчкѣ Харпачукѣ, около нынѣшней станицы Исправной, хоперцы неожиданно наскочили на сильную хищническую партію, въ числѣ болѣе 150-ти всадниковъ, выдвинувшуюся изъ-за близъ лежащихъ холмовъ. Отступать было поздно, а помощи ждать неоткуда! Бирюковъ мысленно сознавалъ, что всѣхъ ихъ ожидаетъ безусловная гибель въ кровавомъ бою!... Оставалось только упорно вести оборону, чтобы черкесамъ подороже досталось торжество надъ казаками. Въ первый же моментъ Бирюковъ отрядилъ донского урядника и казака Фенева, чтобы они скакали и дали знать въ ста-

ницу, а остальныхъ казаковъ моментально спѣшилъ и въ кругу сботованныхъ лошадей вступилъ въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ, стремительно атаковавшимъ горсть храбрецовъ.

Послѣ упорнаго и отчаяннаго сопротивленія, гдѣ были пущены въ дѣло кинжалы, шашки и приклады, Бирюковъ и его храбрые сподвижники легли на полѣ чести, дорого продавъ свою жизнь. Только одинъ казакъ, Сидоръ Мельниковъ, весь израненый, какимъ-то чудомъ вырвался изъ этого адскаго побоища и успѣлъ ускакать въ станицу, куда прибылъ около полуночи. Урядникъ и казакъ, посланные Бирюковымъ на кордонъ еще до начала боя, съ возвышенностей Зеленчука видѣли это страшное кровопролитіе и гибель товарищей и, скрѣпя сердце, поскакали оповѣстить линію.

Въ Баталпашинскѣ былъ немедленно собранъ отрядъ, который быстро тронулся къ мѣсту происшествія и по прибытіи туда нашли тѣла всѣхъ казаковъ съ хорунжимъ Бирюковымъ изрубленными и обобранными до нага; тамъ же лежали убитыми 19 лошадей. Каждый изъ павшихъ бойцовъ имѣлъ не менѣе четырехъ огнестрѣльныхъ и по нѣсколько шашечныхъ и кинжальныхъ ранъ; на тѣлѣ же Бирюкова найдено 8 пулевыхъ, 8 картечныхъ и 7 шашечныхъ ранъ. Раны эти свидѣтельствовали объ отчаянномъ сопротивленіи храброй дружины хорунжаго Бирюкова, которая только массою была задавлена и погибла. По первымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ мирныхъ закубанцевъ, горцы потеряли въ этомъ бою 6 убитыхъ и 7 раненыхъ; но вѣроятно потеря ихъ была несравненно больше.

Тѣла казаковъ были доставлены въ Баталпашинскую станицу, гдѣ только небольшая часть ихъ предана землѣ, а остальныя отвезены въ станицу Бѣломечетскую и тамъ похоронили въ братской могилѣ. Спасшійся Мельниковъ оказался раненымъ пулею навылетъ въ лѣвое плечо, шашкою въ затылокъ и локоть лѣвой руки. Хорунжій Бирюковъ честно исполнилъ долгъ службы и заплатилъ за это своею головою.

Такими отчаянными битвами не на животъ, а на смерть полны боевыя лѣтописи кавказскаго казачества! Долго пришлось бы перечислять всѣ тѣ подвиги хоперцевъ, въ которыхъ полное пренебреженіе опасности, твердость и мужество выказались въ полной своей силѣ. Черкесы хорошо знали эту духовную силу и крѣпость казаковъ и знали также какъ трудно сломить эту силу, а потому при враждебныхъ встрѣчахъ, даже въ превосходномъ числѣ, они не всегда рисковали сцѣпиться съ казаками въ рукопашную, а старались поражать ихъ издали ружейнымъ огнемъ. Кордонная служба на рубежѣ съ непокорными горскими племенами дала цѣлый рядъ кровавыхъ столкновеній казаковъ съ черкесами. Десятками, а иногда сотнями гибли храбрые казаки въ неравныхъ бояхъ и теперь только одинокіе кресты на братскихъ могилахъ указываютъ намъ мѣста, гдѣ земля приняла въ свои нѣдра доблестныхъ бойцовъ, честно сложившихъ свои головы на рубежахъ родного края!....

ГЛАВА VI.

Боевая дѣятельность Хоперскаго полка въ 1827—1831 гг. Назначеніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Турецкая война 1828—1829 гг. Походы Хоперскаго полка противъ горцевъ; покореніе Карачая; набѣги въ закубанскую сторону. Сборно-линейный казачій полкъ и его походы противъ непріятеля въ закавказскомъ краѣ. Пожалованіе полку знамени. Военныя дѣйствія противъ закубанскихъ горцевъ и тревоги на линіи. Хоперцы въ составѣ сборно-линейнаго полка на войнѣ противъ поляковъ въ 1831 году.

2-го октября 1827 года всѣ казачьи войска Имперіи были осчастливлены Монаршею милостію за свою трудовую жизнь. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ, нынѣ въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II, былъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ [302]).

Милость эта была принята казаками, какъ знакъ Царскаго вниманія и расположенія къ нимъ за долголѣтнюю и мужественную службу ихъ на южныхъ и юго-восточныхъ рубежахъ русскаго государства и въ особенности на Кавказѣ, гдѣ вмѣстѣ съ охраненіемъ границы, приходилось вести войну съ хищными горцами, чтобы дать возможность развиться мирной жизни въ богатомъ природою краѣ. Славные походы Ермолова, Вельяминова и Кацырева въ Кабарду и за Кубань заставили смириться кабардинцевъ и они, хотя наружно, но принесли покорность и русская власть среди нихъ была относительно упрочена; мятежныя же племена закубанскихъ черкесовъ, не смотря на губительныя вторженія нашихъ отрядовъ въ ихъ земли, по прежнему не признавали ни чьей власти и никому не подчинялись.

Передъ турецкою войною 1828—1829 гг. все горское населеніе западнаго Кавказа и Кабарды, волнуемое турецкими аген-

тами, муллами и разными фанатиками, держало себя по отношенію къ русскимъ очень дерзко и недружелюбно. Турки всѣми мѣрами старались поддерживать враждебныя дѣйствія горскихъ племенъ противъ кубанской линіи, для чего дарили черкесовъ подарками, снабжали оружіемъ и порохомъ; въ доставкѣ имъ боевыхъ припасовъ нерѣдко принимали участіе англичане, поляки и французы. Какъ только по горамъ пронесся военный кличъ абрековъ и хаджиретовъ, призывавшій къ оружію и брани, мелкія и крупныя партіи хищниковъ начали появляться на правомъ берегу Кубани. Пожары, убійства и разбои обозначали путь черкесовъ, а съ ними вмѣстѣ начались знакомыя казаку тревоги, безсонныя ночи и кровавыя схватки по Кубани. „Кубань!.... сколько на рубежѣ твоемъ проведено казаками безсонныхъ, связанныхъ съ опасностями ночей! сколько пролито казацкой крови на защиту родныхъ станицъ и твоихъ береговъ!....“ [303]).

Въ концѣ 1827 года натянутость нашихъ отношеній съ Турціею и волненія среди закубанцевъ прямо указывали на близкій разрывъ съ Портою и неизбѣжность войны. Между тѣмъ наша кубанская граница была далеко не устроена для обороны отъ непріятельскаго вторженія со стороны Закубанья и Анапы. Это чувствовалось всѣми и въ особенности озабочивало командующаго войсками на кавказской линіи, въ Черноморіи и Астрахани и начальника Кавказской области генералъ-лейтенанта Емануеля. Для обезпеченія линіи, а главнымъ образомъ Черноморіи и праваго фланга, генералъ Емануель распорядился исправить и привести въ оборонительное положеніе казачьи станицы и всѣ кордонные посты по кубанской границѣ [304]), а жителямъ за установленную плату отпущены изъ ставропольскаго артиллерійскаго склада порохъ и свинецъ. Въ то же время по его приказанію были сформированы восемь резервовъ: два въ Черноморіи и шесть на правомъ флангѣ линіи. Въ резервѣ № 4-мъ, между укрѣпленіями Баталпашинскимъ и Усть-Джегу-

тинскимъ, были назначены два полковыхъ орудія Хоперскаго полка. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ году кавказскіе казачьи линейные полки для лучшаго ими управленія были раздѣлены на 2 бригады; въ первую вошли Хоперскій, Волжскій, Кубанскій и Кавказскій полки, а во вторую—всѣ остальныя казачьи части лѣваго фланга линіи.

Въ описываемое время, хоперцы, по своемъ переселеніи на Кубань и Куму, пользовались данною имъ льготою и потому не вошли въ составъ сформированныхъ резервовъ; только 150 казаковъ съ тремя офицерами командированы на кордонные посты баталпашинскаго участка вмѣсто донскихъ казаковъ, которые были всѣ освобождены отъ кордонной службы и поступили на образованіе означенныхъ резервовъ. Впрочемъ, льгота хоперцевъ окончилась въ началѣ весны, послѣ чего Хоперскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ снова сталъ нести службу по указанію начальства.

Въ концѣ апрѣля 1828 года была объявлена война съ Турціею. Абадзехи и бѣглые кабардинцы, пользуясь появленіемъ подножнаго корма, первыми стали готовиться для набѣга въ наши предѣлы, для чего собирали значительныя скопища на р. Урупѣ, призывая къ себѣ горцевъ всѣхъ другихъ враждебныхъ намъ племенъ. Вскорѣ, однако, вѣсть объ этихъ сборищахъ достигла командующаго правымъ флангомъ кавказской линіи, генералъ-маіора Антропова, который тотчасъ же распорядился сформированіемъ двухъ подвижныхъ резервовъ изъ ближайшихъ частей пѣхоты и казаковъ [305]); одинъ, подъ начальствомъ подполковника Кирѣева, расположился у Невиннаго мыса, а другой подполковника Родіонова сталъ при Тахтамышевскомъ посту. Двѣ сотни Хоперскаго полка посотенно вошли въ составъ названныхъ двухъ отрядовъ. Задача этихъ подвижныхъ резервовъ состояла въ томъ, чтобы во всякое время и въ полной готовности переброситься за Кубань и своимъ появленіемъ сдерживать хищническія партіи отъ набѣговъ въ наши пре-

дѣлы на протяженіи всего верхне-кубанскаго кордона. Съ этою цѣлью отрядъ Кирѣева, въ ночь на 1-е мая, двинулся на р. Урупъ, вмѣстѣ съ прочноокопскимъ отрядомъ. Этимъ угрожающимъ движеніемъ войска наши заставили абадзеховъ разсѣяться, послѣ чего резервы на верхней Кубани снова заняли свои мѣста [306]).

Не прошло, однако, двухъ недѣль по возвращеніи этихъ хоперцевъ изъ похода, какъ вновь тревожныя вѣсти изъ-за Кубани всполошили линію. Оказалось, что на рр. Гупсѣ и Ходзѣ (притоки Лабы съ лѣвой стороны) отважный и хищный темиргоевскій князь Джембулатъ Айтековъ, извѣстный своими смѣлыми набѣгами въ наши предѣлы съ абадзехами и бѣглыми кабардинцами—собиралъ сильную партію мятежныхъ черкесовъ для вторженія въ нашу сторону. Получивъ такое извѣстіе, генералъ Антроповъ поспѣшно собралъ у Прочнаго Окопа довольно значительный отрядъ, въ составъ котораго вошли 2 сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 3-хъ офицеровъ и 235-ти казаковъ[307]) и въ ночь на 20-е мая двинулся за Кубань къ верховьямъ р. Лабы. 24-го числа отрядъ подошелъ къ горѣ Ахметъ, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля, а 26-го мая тронулся въ обратный путь; но тутъ, скрывавшіеся дотолѣ въ лѣсистыхъ и горныхъ трущобахъ, черкесы вдругъ высыпали со всѣхъ сторонъ и бросились на отрядъ. У насъ, однако, не дремали. Казаки первые вынеслись впередъ и дружнымъ натискомъ отбили горцевъ. Во время завязавшейся оживленной перестрѣлки, казаки повторили свой ударъ и черкесы были окончательно отброшены къ лѣсу, гдѣ поспѣшно скрылись. Потери наши были незначительны. Остальной путь отрядъ прошелъ спокойно и 29-го мая переправился на правый берегъ Кубани у Невиннаго мыса.

Едва войска успѣли разойтись по своимъ квартирамъ, какъ вновь получилось извѣстіе, что сборище горцевъ у верховьевъ Лабы достигло значительной цифры; тамъ собрались отборные

наѣздники изъ абадзеховъ, бесленеевцевъ, темиргоевцевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ, большею частью уздени, закованные въ панцыри. Носились слухи, что закубанцы намѣреваются напасть на мирныхъ ногайцевъ, жившихъ аулами на лѣвомъ берегу Кубани, а также на аулы Тахтамышевскій вблизи Баталпашинска и Лоовскій на Кумѣ, чтобы семейства ихъ переселить въ горы, способныхъ же носить оружіе увлечь съ собою въ Кабарду и поднять тамъ возстаніе противъ русскихъ. Вслѣдствіе этихъ извѣстій, командиру Хоперскаго полка маіору Канивальскому предписывалось собрать поспѣшно изъ станичныхъ резервовъ сколько возможно казаковъ и съ ними присоединиться къ отряду подполковника Родіонова, стоявшему у Усть-Тахтамышевскаго поста. 3-го іюня Канивальскій съ тремя сотнями хоперцевъ присоединился къ Родіонову, а на другой день генералъ Антроповъ съ войсками перешелъ Кубань и прикрылъ ногайскіе аулы, расположенные между рр. Б. и М. Зеленчуками и Урупомъ [308]).

Видя неудачу въ своемъ намѣреніи, горцы перешли къ верховьямъ Кубани и скрылись, а генералъ Антроповъ съ войсками возвратился обратно. О намѣреніяхъ горцевъ никто ничего не зналъ. Отрядъ Родіонова расположился на прежнемъ мѣстѣ у Усть-Тахтамышскаго поста, а Канивальскій съ четырьмя сотнями хоперцевъ передвинулся къ станицѣ Бекешевской, оставивъ у Родіонова только полусотню своихъ казаковъ. 6-го іюня съ разсвѣтомъ, совершенно неожиданно закубанцы явились на высотахъ лѣваго берега Кубани противъ Баталпашинска [309]), но, замѣтивъ отрядъ Родіонова возлѣ Усть-Тахтамышевскаго поста, потянулись горами вверхъ по Кубани. Родіоновъ въ свою очередь поднялъ отрядъ и двинулся параллельно движенія скопища правымъ кубанскимъ берегомъ. Достигнувъ Учкуль горы, онъ началъ переправляться съ пѣхотою и артиллеріею, а для наблюденія за непріятелемъ выслалъ впередъ есаула Попова съ сборною сотнею изъ хоперскихъ и донскихъ

казаковъ. Сотня быстро обогнула гору и столкнулась съ передовыми частями скопища, начавшаго переправу черезъ Кубань. Не долго думая и разсчитывая на близкую помощь, храбрый есаулъ Поповъ смѣло ударилъ на непріятеля и сцѣпился въ рукопашной схваткѣ. Но силы сторонъ были черезчуръ неравны; благодаря мелкому броду, позволявшему быструю переправу, передъ казаками сразу очутилось до 500 черкесовъ. Послѣ короткой схватки казаки были опрокинуты, но Поповъ еще разъ попытался броситься съ своими молодцами на непріятеля. Однако, превосходныя силы противника сломили эту горсть удальцовъ. Тяжело раненый въ голову и бокъ, потерявъ 27 человѣкъ убитыми и 5 ранеными, есаулъ Поповъ отступилъ къ отряду и тамъ палъ съ лошади мертвымъ.

Тѣмъ временемъ Родіоновъ продолжалъ взбираться съ отрядомъ на гору, но, узнавъ о переправѣ скопища болѣе 3000 человѣкъ, поспѣшно спустился внизъ и отступилъ къ Баталпашинску, для прикрытія мирныхъ ногайскихъ ауловъ и казачьихъ станицъ. Горцы же, оставивъ отрядъ Родіонова безъ вниманія, пошли къ верховьямъ рр. Джеганоса и Джегуты, затѣмъ перешли рр. Куму и Дарью (Айдара) и подступили къ станицѣ Боргустанской. Встрѣченные здѣсь орудійнымъ огнемъ, черкесы поворотили въ сторону и въ нѣсколькихъ верстахъ на горѣ остановились ночевать; тамъ же на другой день скопище имѣло дневку. Между тѣмъ тревога быстро распространилась по Кубани, и генералъ Антроповъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ къ Баталпашинску на помощь Родіонову. Маіоръ Канивальскій, не успѣвшій изъ станицы Бекешевской поспѣть на поддержку Родіонова, присоединился также къ Антропову съ четырьмя сотнями Хоперскаго полка и двумя полковыми орудіями. Получивъ подкрѣпленіе, генералъ Антроповъ тотчасъ же двинулся для преслѣдованія закубанцевъ, направивъ Родіонова къ укрѣпленію Боргустанскому, а Канивальскаго къ укрѣпленію Ахандуковскому въ верховьяхъ Кумы, приказавъ имъ по соединеніи не-

медленно атаковать горцевъ. Канивальскій съ хоперцами быстро двинулся впередъ, прошелъ южнѣе Боргустана и вечеромъ того же дня прибылъ къ Кисловодску, гдѣ сталъ бивакомъ; Родіоновъ же, слѣдуя на станицу Бекешевскую, успѣлъ къ ночи дойти до Кумы и расположился тамъ на ночлегъ, не предполагая близкаго присутствія непріятеля. Оба наши отряда, не получая ни откуда никакихъ тревожныхъ извѣстій, на другой день, 7-го числа, сдѣлали дневку на своихъ мѣстахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда генералъ Емануель лично прибылъ съ разсвѣтомъ 8-го іюля въ Баталпашинскъ. Недовольный медленными движеніями Родіонова и Канивальскаго, но найдя, впрочемъ, распоряженія генерала Антропова правильными, онъ первымъ двумъ послалъ приказаніе немедленно двинуться для быстраго преслѣдованія хищниковъ, стараясь направить ихъ на Кабарду, гдѣ, по соединеніи съ войсками подполковника Ушакова, атаковать ихъ и разбить. Планъ этотъ, однако, не удался. Вечеромъ того же числа Канивальскій донесъ, что непріятель принялъ направленіе къ Горячеводску, и онъ двинулся туда же съ казаками. Тогда генералъ Емануель послалъ приказаніе войска Донского подполковнику Грекову выступить изъ Константиногорска съ своими казаками, а Канивальскому и Родіонову слѣдовать форсированнымъ маршемъ въ догонку хищниковъ и не упускать ихъ изъ виду до самой Кабарды. Но эти приказанія уже не застали на мѣстахъ ни Родіонова, ни Канивальскаго. 8-го числа закубанцы взяли направленіе не къ Горячеводску, а къ Каменному мосту на р. Малкѣ. Съ Верхне-Джингальскаго поста Канивальскій замѣтилъ движеніе горцевъ, но по неизвѣстной причинѣ вмѣсто того, чтобы идти по слѣдамъ ихъ, выступилъ съ своимъ отрядомъ къ Горячимъ водамъ, оставивъ для наблюденія за непріятелемъ лишь небольшую партію казаковъ съ офицеромъ. Этимъ движеніемъ маіоръ Канивальскій потерялъ изъ виду горцевъ, которые, бросивъ первоначальное свое направленіе, пово-

ротили къ Етоцкому посту, пройдя который, они повернули на станицу Марьинскую.

Около 5-ти часовъ пополудни, узнавъ отъ разъѣздовъ объ истинномъ направленіи скопища, Канивальскій и Родіоновъ бросились за нимъ, присоединивъ къ себѣ изъ Горячихъ водъ еще 230 человѣкъ пѣхоты. Закубанцы же, хотя останавливались для отдыха вблизи поста Етоцкаго, въ 15-ти верстахъ отъ Горячихъ водъ, но наши отряды опоздали и уже не могли ихъ тамъ настигнуть; съ наступленіемъ ночи мы потеряли совсѣмъ слѣды непріятеля и принуждены были, отпустивъ обратно пѣхоту въ Константиногорскъ, пуститься отыскивать его, какъ говорится, наудалую. На разсвѣтѣ 9-го іюня, подходя къ станицѣ Марьинской и замѣтивъ вдали густой дымъ, Родіоновъ и Канивальскій пустились во всѣ повода къ мѣсту пожара. Горѣло селеніе Незлобное, которое горцы разграбили и зажгли, а жителей увлекли въ плѣнъ; Марьинская же станица была обойдена непріятелемъ, потому что жители засѣли за станичною оградою и ружейнымъ огнемъ не допустили къ себѣ горцевъ. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ, состоявшихъ изъ 1100 казаковъ и 5-ти конныхъ орудій *), хищники бросились отъ Незлобной къ горѣ, возвышавшейся за Марьинской. Тогда Родіоновъ, чувствуя свою ошибку, которая привела къ столь печальнымъ послѣдствіямъ, рѣшилъ атаковать непріятеля и отнять полонъ и добычу. Заскакавъ впередъ, онъ выстроилъ войска въ двѣ линіи и приготовился къ атакѣ. Но горцы предупредили его, и первые бросились въ значительныхъ силахъ на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ стоялъ слабый отрядъ маіора Казачковскаго изъ 200 казаковъ Волжскаго полка съ 2-мя орудіями. При первой же сшибкѣ, Казачковскій и войсковой старшина Страшновъ были убиты, казаки опрокинуты, и одно орудіе захвачено, при чемъ вся прислуга легла у своей пушки. Родіоновъ кинулся на помощь, что-

*) Считая въ этомъ числѣ резервъ изъ Кабарды, въ составѣ 200 казаковъ Волжскаго линейнаго полка съ 2-мя орудіями, подъ начальствомъ маіора Казачковскаго.

бы поддержать лѣвый флангъ, но былъ убитъ, а его донцы смѣшались.

Эти неудачи и потеря трехъ штабъ-офицеровъ едва не повлекли за собою нашего общаго пораженія. Минута была критическая! Но Канивальскій не потерялся [310]). Возстановивъ порядокъ, онъ, во главѣ своихъ удалыхъ четырехъ хоперскихъ сотень, смѣло и рѣшительно ударилъ на непріятеля. Храбрые хоперцы съ беззавѣтною отвагою прямо съ налета на шашкахъ врѣзались въ густыя толпы черкесовъ: послѣ недолгой, но кровопролитной схватки, они опрокинули все скопище съ значительными потерями и отбили назадъ захваченное горцами наше орудіе. Оправившіеся донцы и волжцы дружно помогли хоперскимъ сотнямъ. Непріятель, сбитый на всѣхъ пунктахъ, обратился въ поголовное бѣгство, оставивъ намъ весь рогатый скотъ. Казаки вырвали также изъ рукъ хищниковъ большую часть плѣнныхъ селенія Незлобнаго; другая же часть ихъ, находясь подъ прикрытіемъ сильной партіи, увлечена была впередъ. Канивальскій, принявшій начальство надъ всѣмъ отрядомъ, пустился горячо преслѣдовать горцевъ, которые на пути своемъ все жгли и истребляли, а для облегченія себя звѣрски убивали женщинъ и дѣтей, захваченныхъ въ плѣнъ. 25 верстъ казаки гнали хищниковъ и нанесли имъ значительный уронъ [311]). На другой день преслѣдованіе продолжалось. За р. Малкою Канивальскій соединился съ отрядомъ Ушакова и вмѣстѣ съ нимъ гналъ горцевъ, поражая ихъ при всякой возможности. На переправѣ черезъ р. Гунделенъ хищниковъ въ послѣдній разъ угостили картечью, и затѣмъ преслѣдованіе прекратилось, вслѣдствіе недоступной мѣстности *). Закубанцы произвели набѣгъ въ числѣ 3000 отборныхъ всадниковъ, закованныхъ въ кольчуги, подъ предводительствомъ турецкаго чиновника Магометъ-Али; имѣли одно большое и пять малыхъ знаменъ, первое—вѣроятно турец-

*) Хоперцы и теперь поютъ пѣсню про разгромъ селенія Незлобнаго. Приложеніе № 69. Г.

кое, а послѣднія—закубанскихъ народовъ. На мѣстахъ столкновенія съ нашими войсками, непріятель оставилъ до 150-ти тѣлъ, кромѣ увезенныхъ съ собою на лошадяхъ *).

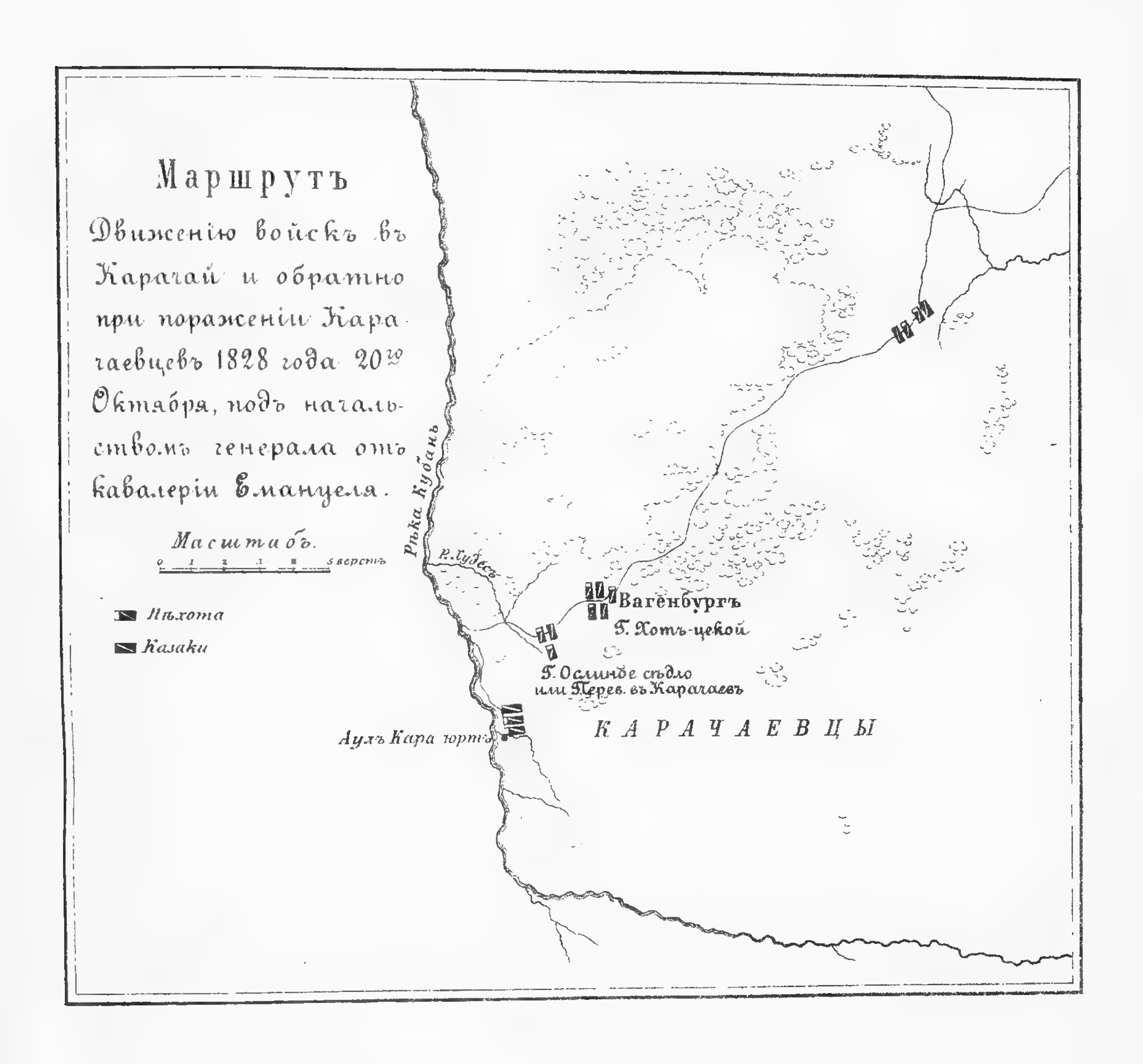
Не прошло и двухъ недѣль послѣ этого набѣга, какъ Канивальскій донесъ генералу Емануелю, что въ Карачаѣ собралась партія болѣе 1000 горцевъ, участвовавшихъ въ разгромѣ селенія Незлобнаго; что къ ней пристаетъ еще много народа изъ горской молодежи, и, по сборѣ, вся партія намѣревается сдѣлать набѣгъ на линію [312]). Вслѣдствіе этого донесенія, подполковнику Пирятинскому приказано было съ 150-ю казаками и коннымъ орудіемъ подкрѣпить Канивальскаго. Однако, весь іюль и августъ прошли спокойно. Въ сентябрѣ по распоряженію Емануеля за Кубань были предприняты двѣ экспедиціи: генералъ Антроповъ двинулся на Лабу противъ махошевцевъ, а четыре сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 6-ти офицеровъ и 385-ти казаковъ съ маіоромъ Канивальскимъ [313]), направились вверхъ по Кубани къ рѣкѣ Тебердѣ, чтобы помѣшать абазинцамъ, участвовавшимъ въ набѣгѣ на Незлобную, убирать просо. 9-го, 10-го и 11-го октября хоперцы разгромили нѣсколько ауловъ Ногая Лоова и Атажука Бибердова, при чемъ самъ Ногай и съ нимъ 20 горцевъ были убиты; на поляхъ захвачено въ плѣнъ 8 человѣкъ обоего пола и отбито 245 головъ рогатаго скота. Кромѣ того въ раззоренныхъ аулахъ мы освободили изъ плѣна нѣсколько солдатъ и казаковъ; между послѣдними находился казакъ станицы Карантинной Егоръ Булавиновъ, взятый еще 27-го іюля горцами въ плѣнъ [314]). Набѣгъ на селеніе Незлобное и послѣдовавшія событія привели генерала Емануеля къ убѣжденію въ необходимости покоренія карачаевцевъ, среди которыхъ постоянно находили себѣ пристанище горскія партіи, предпринимавшія набѣги на нашу сторону.

Въ верховьяхъ Кубани, почти у подножія Эльборуса, въ мѣстахъ малодоступныхъ, обиталъ храбрый и отважный народъ,

*) Награды. Приложеніе № 65.

который въ началѣ XIX столѣтія считался даже намъ подвластнымъ; съ теченіемъ времени вліяніе наше въ Карачаѣ ослабѣло, и зависимость горцевъ была забыта. Пользуясь неприступною мѣстностью своей родины, карачаевцы не только сами производили дерзкіе набѣги въ наши предѣлы, грабили и уводили въ плѣнъ жителей, но, въ іюнѣ 1828 года, они принимали участіе въ разгромѣ сел. Незлобнаго, а въ ихъ аулахъ долгое время имѣли пребываніе партіи абрековъ и прочихъ черкесовъ, враждебныхъ Россіи [315]). Кромѣ того, карачаевцы еще въ 1826 г., до прибытія Емануеля на Кавказъ, присягнули Турціи и дали туда аманатовъ въ противность мирному договору между Россіею и Портою. Этотъ народъ генералъ Емануель и рѣшилъ покорить силою оружія.

Прежде чѣмъ двинуться въ Ка́рачай, Емануель распорядился обезпечить резервами правый флангъ линіи отъ прорыва хищническихъ партій закубанцевъ. Всѣхъ резервовъ было выставлено семь, изъ которыхъ № 6, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты, 135-ти хоперскихъ и 140-ка донскихъ казаковъ съ 3-мя орудіями, подъ общимъ начальствомъ командира Хоперскаго полка маіора Канивальскаго, расположился около Баталпашинской станицы [316]). Для похода въ Карачай было составлено двѣ колонны [317]): первая, подъ начальствомъ полковника Луковкина, собранная у Боргустанской станицы, состояла изъ 250-ти казаковъ Хоперскаго полка, 120-ти донскихъ казаковъ, 433-хъ человѣкъ пѣхоты, 2-хъ батарейныхъ и 2-хъ конныхъ орудій. Вторая сосредоточилась у Каменнаго моста на р. Малкѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Турчанинова, въ составѣ 550-ти человѣкъ пѣхоты, 300 казаковъ линейныхъ и донскихъ разныхъ полковъ, 4-хъ орудій и 2-хъ ручныхъ мортирокъ. Самъ Емануель находился при первой колоннѣ. Кромѣ того, генералъ-маіору Антропову приказано было съ небольшимъ отрядомъ, выдѣленнымъ изъ при-кубанскихъ резервовъ, двинуться къ Каменному мосту на Кубани и прикрыть наши колонны; другому отряду изъ сотни хопер-

Маршрутъ
Движенію войскъ въ Карачай и обратно при пораженіи Карачаевцевъ 1828 года 20го Октября, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Емануеля.
Масштабъ.
0 1 2 3 4 5 верстъ
Пѣхота
Казаки
Рѣка Кубань
Р. Худесъ
Вагенбургъ
Г. Хотъ-цекой
Г. Ослинде сѣдло
или Перев. въ Карачаевъ
Аулъ Кара юртъ
КАРАЧАЕВЦЫ

цевъ, 2-хъ ротъ пѣхоты и 2-хъ орудій, находившемуся въ укр. Усть-Джегутинскомъ, подъ командою маіора Ромашева, предписывалось слѣдовать на соединеніе съ колонною Луковкина и принять участіе въ походѣ въ Карачай.

„Изъ сборныхъ мѣстъ, войскамъ—сказано въ диспозиціи— приказано было двигаться въ ночное время, какъ можно секретнѣе со всею воинскою осторожностью, выславъ авангарды и аріергарды и боковые патрули, сообразно обстоятельствъ и мѣстоположенія. По достиженіи карачаевскихъ жилищъ, каждая колонна занимаетъ своимъ резервомъ выгодную позицію, чтобы своевременно подкрѣпить атаку. По достиженіи Карачая, колоннамъ открыть между собою сообщеніе".

Вечеромъ 17-го октября колонна Луковкина выступила съ сборнаго пункта у станицы Боргустанской [318]) и направилась горною дорогою, между рр. Подкумкомъ и Эшкакономъ, имѣя въ авангардѣ двѣ сотни хоперцевъ, подъ командою маіора Верзилина. Въ этотъ день войска сдѣлали только 25 верстъ и затѣмъ остановились на отдыхъ. Рано утромъ 18-го числа отрядъ продолжалъ движеніе по чрезвычайно скалистой и крутой дорогѣ, вслѣдствіе чего орудія и обозы отстали, и войска разбились на три части. На слѣдующій день движеніе совершалось при тѣхъ же условіяхъ. По соединеніи съ г.-м. Турчаниновымъ, наши войска постепенно собрались вмѣстѣ и передъ вечеромъ обѣ колонны стали лагеремъ при уроч. Эль-Джунганъ-Сыртъ.

20-го октября въ 7 часовъ утра, отрядъ выступилъ въ походномъ порядкѣ по направленію къ перевалу въ Карачай, гдѣ въ глубокихъ ущельяхъ рр. Кубани и Худеса ютились вражескіе аулы. Въ авангардѣ, подъ командою маіора Верзилина, слѣдовала сотня хоперцевъ, 80 человѣкъ волжскихъ казаковъ, рота Навагинскаго и 100 стрѣлковъ Тенгинскаго пѣхотныхъ полковъ съ однимъ коннымъ орудіемъ и двумя кегорновыми мортирками; за нимъ двигалась остальная пѣхота, имѣя въ хвостѣ казаковъ; въ аріергардъ былъ назначенъ, ожидавшійся въ тотъ

день изъ Усть-Джегуты, отрядъ маіора Ромашева; но онъ не подоспѣлъ, почему въ аріергардѣ слѣдовало 30 пѣхотинцевъ и 30 казаковъ.

Непроходимыя мѣста, утесы, скалы и всѣ ужасы дикой горной природы въ связи съ жестокимъ огнемъ, засѣвшихъ по оврагамъ карачаевцевъ—встрѣтили движеніе нашего отряда, но не могли задержать его; хоперцы вмѣстѣ съ прочими войсками, шагъ за шагомъ, смѣло и рѣшительно углублялись въ дикія трущобы Карачая, выбивая отовсюду непріятеля и тѣсня его назадъ въ горы. При подъемѣ на гору Хотцекой, унизанной каменными завалами, карачаевцы сильнымъ огнемъ встрѣтили нашъ авангардъ, стараясь задержать его движеніе. Подкрѣпленные во-время, пѣшіе хоперскіе казаки съ пѣхотою отважно бросились въ шашки и штыки и послѣ полуторачасового боя выбили непріятеля и очистили гору. Въ полдень войска спустились къ р. Худесъ, перешли рѣчку, съ трудомъ установили одно орудіе и обѣ мортирки и огнемъ ихъ очистили впереди лежащій лѣсъ, откуда непріятель сильно безпокоилъ насъ. Теперь предстояло преодолѣть послѣднюю преграду—перевалъ въ Карачай или гору, подъ названіемъ „Ослиное сѣдло“. Укрывшись за сильнымъ каменнымъ заваломъ, преграждавшимъ путь на гору, 50 карачаевцевъ осыпали наступавшій авангардъ градомъ пуль, но удачнымъ выстрѣломъ изъ орудія поручика Грамотина непріятель былъ выбитъ и съ потерями покинулъ передовой завалъ.

Усиливъ авангардъ, при чемъ другая сотня пѣшихъ хоперцевъ съ остальными казаками подкрѣпила нашъ лѣвый флангъ, генералъ Емануель двинулъ всѣ войска на перевалъ; въ тылу шло 100 казаковъ-коноводовъ. Пользуясь выгодами своей неприступной позиціи, карачаевцы встрѣтили наши войска убійственнымъ огнемъ и массою камней, но никакія усилія не могли остановить русскихъ. 6 часовъ сряду продолжался этотъ упорный бой, въ продолженіи котораго приходилось на протяже-

нія 2-хъ—3-хъ верстъ преодолѣть семь горныхъ кряжей, чтобы овладѣть послѣднею высотою. Наконецъ карачаевцы, сбитые на всѣхъ пунктахъ, принуждены были съ большимъ урономъ оставить намъ послѣдній перевалъ и искать спасенія въ бѣгствѣ черезъ лѣса и скалы, на противоположную сторону ущелья къ Кубани. Наступленіе сумерекъ и усталость войскъ послѣ тяжелаго дня прекратили бой. Отрядъ остался ночевать на занятой позиціи. Въ 7 часовъ вечера барабанный бой и звуки трубъ возвѣстили карачаевцамъ, что твердыня ихъ оплота, горный перевалъ въ Карачай, взятъ и занятъ нашими храбрыми войсками.

21-го числа утромъ, отрядъ двинулся внизъ къ р. Кубани по очень крутому спуску. Достигнувъ подошвы, генералъ Емануель построилъ войска въ боевой порядокъ и направилъ ихъ къ главному карачаевскому аулу Картъ-Джюрту. Не доходя трехъ верстъ до аула, къ генералу Емануелю явился депутатъ и отъ имени всего карачаевскаго народа просилъ пощады и милосердія для своихъ соотечественниковъ. Емануель обѣщалъ имъ эту милость и затѣмъ, подойдя къ самому аулу, расположился лагеремъ, чтобы жители не опасались грабежа и раззоренія. 22-го числа весь народъ карачаевскій съ старшинами и правителемъ ихъ, Вали-Исламъ-Крымъ-Шамхаловымъ, явились къ генералу Емануелю и отъ лица всѣхъ владѣльцевъ и народа приняли присягу на вѣрноподданство Государю Императору.

24-го октября наши войска, покинувъ Карачай, возвратились къ своему вагенбургу на горѣ Хотцекой, остававшемуся подъ прикрытіемъ отряда маіора Ромашева, а на другой день колонны тронулись въ обратный путь. Самъ же Емануель, взявъ съ собою двѣ сотни хоперцевъ и двѣ роты Козловскаго пѣхотнаго полка, направился черезъ верховья рр. Подкумка, Кумы и Мары и ущельемъ Хумары на рекогносцировку Каменнаго моста на Кубани. Осмотрѣвъ мостъ и къ нему прилегающую мѣстность, генералъ Емануель, 29-го числа въ полдень, возвратился въ Баталпашинскъ.

Съ покореніемъ Карачая явилась возможность двинуть наши войска въ закубанскую сторону противъ бесленеевцевъ, баракаевцевъ, бѣглыхъ кабардинцевъ, абадзеховъ и другихъ, съ цѣлью наказанія ихъ за хищничества и набѣги на линію и покоренія ихъ подъ власть Россіи.

Для военныхъ дѣйствій за Кубанью генералъ Емануель назначилъ почти всѣ войска праваго фланга, распредѣливъ ихъ на четыре колонны. Въ составъ третьей колонны полковника Луковкина вошли три сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 7-ми офицеровъ и 362-хъ урядниковъ и казаковъ, подъ начальствомъ полкового командира маіора Канивальскаго [319]), одна рота Навагинскаго пѣхотнаго полка и одно конное орудіе. Этой колоннѣ, согласно диспозиціи, отданной 12-го ноября, приказано было въ одинъ переходъ, въ ночь на 13-е число, пройти до р. Б. Зеленчука (70 верстъ), гдѣ передневать въ скрытномъ мѣстѣ и съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня напасть на аулъ Кучукъ-Аджи-Гирея, расположенный въ 50-ти верстахъ въ верховьяхъ р. Куншъ, впадающей въ Лабу съ правой стороны; всѣ передвиженія дѣлать быстро и скрытно; при отрядѣ имѣть надежныхъ вожаковъ; людямъ взять съ собою 10-ти-дневный провіантъ. Если же не удастся захватить аулы, то преслѣдовать непріятеля въ горы; по окончаніи операціи, всѣмъ колоннамъ войти между собою въ связь, затѣмъ соединиться вмѣстѣ и продолжать движеніе черезъ Лабу къ р. Ходзъ.

Исполняя полученное приказаніе, колонна полковника Луковкина, поздно вечеромъ 12-го ноября, выступила изъ укр. Усть-Джегутинскаго и на другой день утромъ была уже на М. Зеленчукѣ. Передъ закатомъ солнца отрядъ снова выступилъ въ путь, шелъ всю ночь и на разсвѣтѣ 14-го числа на р. Куншъ неожиданно напалъ на 30 семействъ бѣглыхъ кабардинцевъ, перебиравшихся съ имуществомъ на другія мѣста. Полковникъ Луковкинъ тотчасъ приказалъ маіору Канивальскому съ ротою пѣхоты и ста казаками захватить этихъ переселенцевъ. Кани-

вальскій атаковалъ горцевъ и послѣ жаркой перестрѣлки, гдѣ непріятель потерялъ до 20-ти человѣкъ, хоперцы захватили 5 черкесовъ въ плѣнъ, а остальные успѣли скрыться въ лѣсахъ. Одновременно съ этимъ полковникъ Луковкинъ съ 250-ю хоперскими казаками бросился въ карьеръ къ аулу Кучукъ-Аджи-Гирея и быстро атаковалъ его. Застигнутые врасплохъ жители, занятые сборами для бѣгства въ горы, въ числѣ 125-ти душъ обоего пола, были захвачены казаками, а защищавшіеся пали съ оружіемъ въ рукахъ; при этомъ отбито до 800 штукъ рогатаго скота, аулъ преданъ пламени и разрушенъ до основанія. Покончивъ съ ауломъ, Луковкинъ соединился съ Канивальскимъ, и затѣмъ отрядъ пошелъ внизъ по р. Кунштъ къ Лабѣ.

Между тѣмъ непріятель, собравшись изъ окрестныхъ лѣсовъ и ауловъ въ довольно значительныхъ силахъ, атаковалъ нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Прикрывая плѣнныхъ и добычу, Луковкинъ искусно организовалъ подвижную оборону и, отстрѣливаясь, продолжалъ путь внизъ по Лабѣ для соединенія, согласно диспозиціи, съ колонною генералъ-маіора Антропова. Но въ назначенномъ мѣстѣ этой колонны не оказалось. Тогда Луковкинъ, тѣснимый сильнымъ непріятелемъ и опасаясь потерять полонъ, рѣшилъ отступить къ р. Кубани. Едва отрядъ двинулся, какъ горцы, получившіе въ это время изъ-за Лабы свѣжія подкрѣпленія, стремительно бросились въ шашки съ намѣреніемъ освободить своихъ плѣнныхъ; но всѣ усилія ихъ разбились о стойкость и мужество хоперцевъ и навагинцевъ, которые храбро отбивали всѣ натиски непріятеля. Весь этотъ день сотни хоперцевъ и другія войска выдерживали непрерывный рядъ отчаянныхъ непріятельскихъ атакъ; благодаря хладнокровію и распорядительности начальниковъ, казаки и пѣхотинцы принудили, въ концѣ концовъ, черкесовъ удалиться за Лабу безъ всякаго успѣха и съ значительною потерею. Передъ вечеромъ отрядъ Луковкина дошелъ до р. Чамлыка, гдѣ расположился лагеремъ. Хоперцы выпустили въ этотъ день 5413 патроновъ.

На другой день, 15-го ноября, колонна пришла въ укр. св. Георгія на р. Урупѣ, откуда всѣ плѣнные и добыча были отправлены на линію. Сдѣлавъ здѣсь дневку, отрядъ Луковкина, 17-го числа, согласно полученнаго приказанія, выступилъ на Лабу и въ тотъ же день прибылъ въ уроч. Каладжа, гдѣ соединился съ небольшимъ отрядомъ маіора Карчевскаго, высланнымъ для открытія сообщенія между колоннами. Здѣсь было получено распоряженіе, чтобы часть отряда полковника Луковкина направилась на Урупъ, къ укрѣпленію св. Георгія, для доставки на Лабу транспорта съ продовольственными запасами для войскъ всѣхъ четырехъ колоннъ. Полусотня хоперцевъ и рота пѣхоты составили прикрытіе транспорта, а остальныя три хоперскія сотни съ коннымъ орудіемъ вошли въ составъ отряда генералъ-маіора Антропова, назначеннаго для военныхъ дѣйствій противъ бесленеевцевъ, бѣглыхъ кабардинцевъ и другихъ закубанскихъ народовъ. Въ періодъ съ 22-го ноября и по 11-е декабря войска наши съ огнемъ и мечемъ прошли по залабинской сторонѣ, при чемъ на долю казаковъ выпалъ рядъ ожесточенныхъ схватокъ съ абадзехами и прочими непокорными черкесами. Большинство бесленеевскихъ ауловъ съ княземъ Айтекомъ Коноковымъ принесли полную покорность и выдали аманатовъ; тоже самое сдѣлали башильбаевцы и баракаевцы. Что же касается до закоснѣлыхъ во враждѣ къ намъ абадзеховъ и бѣглыхъ кабардинцевъ, упорно отвергавшихъ всякія мирныя наши предложенія, то аулы и хутора ихъ большею частью были преданы огню, а имущество разграблено. 13-го декабря хоперцы возвратились на Кубань.

Въ слѣдующемъ 1829 году двѣ сотни Хоперскаго полка, въ числѣ 3-хъ офицеровъ и 200 урядниковъ и казаковъ, находились въ составѣ отряда подполковника Иванова, командированнаго за Кубань, чтобы слѣдить за непокорными племенами горцевъ и препятствовать ихъ враждебнымъ замысламъ противъ насъ [320]). Съ 5-го апрѣля по 15-е ноября сильные казачьи

разъѣзды хоперцевъ безпрестанно ходили между Урупомъ и Лабою, наблюдали за окрестностями и тѣмъ предупреждали всякую попытку и намѣреніе горцевъ вторгнуться въ нашу сторону. Одновременно съ этимъ, для поддержки пограничныхъ постовъ, находились въ сборѣ еще двѣ сотни хоперцевъ, которыя стояли лагеремъ у Баталпашинска и могли быть двинуты въ любой пунктъ кордоннаго участка.

Кромѣ того, 50 хоперскихъ казаковъ съ однимъ офицеромъ состояли въ отрядѣ, прикрывавшимъ ученую экспедицію [321]), предпринятую членами Императорской академіи наукъ для изслѣдованія и изученія окрестностей горъ Эльборуса и Кинжала и окружающей ихъ страны. Выступивъ 26-го іюня изъ Горячеводска, экспедиція во главѣ съ генераломъ Емануелемъ, 8-го іюля, приблизилась къ подножію Эльборуса, откуда на слѣдующій день, нѣкоторые изъ ученыхъ изслѣдователей начали свое восхожденіе на снѣговой хребетъ; на вершину Эльборуса достигъ только одинъ кабардинецъ Киляръ, который водрузилъ тамъ бывшую съ нимъ палку и обложилъ ее каменьями; всѣ же прочіе участники восхожденія возвратились съ полугоры обратно внизъ. 21-го іюля экспедиція возвратилась въ Горячеводскъ, сдѣлавъ весьма обстоятельное описаніе окружающей природы, а также различныя инструментальныя наблюденія, измѣренія и геологическія изслѣдованія.

Почти всѣ чины полка въ теченіи лѣта и осени этого года безсмѣнно несли службу на кордонѣ, зорко наблюдая закубанскую сторону, такъ какъ озлобленные прошлогодними раззореніями, горцы вели себя крайне неспокойно, угрожая новыми вторженіями на линію. Но кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ случаевъ разбоя и грабежа, на линіи было спокойно. Командиръ полка имѣлъ даже возможность въ лѣтнее время производить періодическія смѣны казаковъ съ кордонной линіи домой для полевыхъ работъ. Такимъ образомъ, во время турецкой войны Хоперскій полкъ провелъ почти безпрерывно, то въ боевыхъ

дѣйствіяхъ противъ закубанскихъ горцевъ, то чутко охраняя границу и предупреждая непріятельскія вторженія въ нашу сторону. Только на долю одной сборной сотни хоперцевъ, изъ 3-хъ офицеровъ и 97-ми урядниковъ и казаковъ, досталось побывать въ Азіятской Турціи и принять участіе въ войнѣ съ турками, въ составѣ сборно-линейнаго казачьяго полка.

Полкъ этотъ состоялъ изъ 5-ти сотень и былъ сформированъ въ маѣ 1804 года по приказанію графа Гудовича изъ казаковъ, поселенныхъ на Кавказъ казачьихъ линейныхъ полковъ и постоянно находился въ Тифлисѣ въ распоряженіи командира отдѣльнаго кавказскаго (тогда грузинскаго) корпуса [321]). Въ этотъ полкъ командировались воинскіе чины по выбору, хорошо снаряженные и на лучшихъ лошадяхъ, въ числѣ 60-ти—65-ти урядниковъ и казаковъ, при одномъ офицерѣ отъ каждаго полка. Казаки смѣнялись по прослуженіи 3-хъ лѣтъ, или ранѣе этого срока въ случаѣ негодности къ службѣ лошадей. Въ составъ сборно-линейнаго полка за время 1804—1828 г.г. хоперцы участвовали, подъ начальствомъ князя Циціанова и графа Гудовича, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ персіянъ подъ стѣнами Эривани *), въ походахъ въ Карабахское ханство и къ персидской границѣ, а также противъ лезгинъ и осетинъ, нерѣдко тревожившихъ Грузію. Съ генераломъ маркизомъ Пауллучи хоперцы принимали участіе въ погромѣ соединенныхъ турецко-персидскихъ войскъ у кр. Ахалкалаки и ходили съ генераломъ Симоновичемъ громить мятежныхъ кахетинцевъ, хевсуровъ и кистиновъ, которыхъ волновалъ противъ насъ и своей родины [322]) бѣглый грузинскій царевичъ Александръ **).

Съ объявленіемъ войны съ Турціею, въ апрѣлѣ 1828 года, сборно-линейный полкъ былъ укомплектованъ до своего штатнаго состава; хоперцевъ въ немъ состояло: заурядъ хорунжій

---

*) У хоперцевъ сохранилась пѣсня про военныя дѣйствія подъ Эриванью. Приложеніе № 69 Л.

**) Награды. Приложеніе № 65.

Иванъ Фисенковъ, 3 урядника и 57 казаковъ [323]). Въ началѣ іюня полкъ, подъ командою маіора Верзилина, выступилъ изъ Тифлиса въ походъ къ крѣпости Гумры (Александрополь), откуда, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго графа Паскевича, нашъ дѣйствующій корпусъ перешелъ границу и двинулся въ Карсъ [324]), тѣсня передъ собою турецкія войска. 25-го іюня хоперцы сборно-линейнаго полка участвовали въ штурмѣ и взятіи крѣпости Карса *). Послѣ этого войска наши двинулись къ Ахалкалакамъ и Ахалцыху, всюду поражая турокъ. 9-го августа линейцы сборнаго полка въ сраженіи съ 30-титысячнымъ турецкимъ корпусомъ атаковали непріятельскую кавалерію, разбили ее, отняли одно орудіе и захватили въ плѣнъ 35 турокъ. 15-го и 16-го числа хоперцы участвовали въ кровопролитномъ бою при взятіи штурмомъ кр. Ахалцыха. Послѣ паденія крѣпости сборно-линейный полкъ ходилъ къ Ардагану, который тоже былъ взятъ съ боя **). Въ половинѣ сентября полкъ возвратился въ Тифлисъ черезъ хребетъ Улгаръ и расположился на зимовку. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ кавказской линіи изъ Хоперскаго полка прибыли въ Тифлисъ 30 казаковъ на смѣну такого же числа казаковъ, подлежавшихъ увольненію изъ сборнаго полка на льготу; домой они отправились, подъ командою сотника Фисенкова, вмѣсто котораго въ сборно-линейномъ полку съ хоперцами остался зауряд-хорунжій Перепеловскій.

Въ 1829 году военныя дѣйствія съ турками возобновились. 11-го іюня войска наши, перейдя Соганлугскій хребетъ, двинулись противъ сильнаго турецкаго корпуса Гахки-паши, стоявшаго въ укрѣпленномъ лагерѣ на урочищѣ Мелидюзѣ [325]). 19-го числа, у деревни Каинлы, наши войска одержали блистательную побѣду надъ корпусомъ Гахки-паши и нанесли туркамъ полное пораженіе. Въ этомъ дѣлѣ линейные казаки взяли въ плѣнъ 40 турокъ. На другой день, 28-го іюня, когда на-

*) Награды. Приложеніе № 65.

**) Тамъ же.

ши войска подвинулись къ турецкому лагерю у Мелидюза, графъ Паскевичъ приказалъ сборно-линейному полку атаковать лѣвый флангъ лагеря, гдѣ стояла непріятельская конница. Быстро выдвинувшись впередъ, линейцы стремительнымъ ударомъ сбили турецкую кавалерію, обошли непріятельскій правый флангъ и при общей атакѣ взяли съ боя три орудія, зарядный ящикъ, одно знамя и захватили въ плѣнъ 156 турокъ. Въ этомъ сраженіи казаки „поймали", какъ сказано было въ донесеніи, и самого турецкаго главнокомандующаго Гахки-пашу съ двадцатью офицерами и нижними чинами, бывшими съ нимъ. Весь непріятельскій лагерь достался побѣдителямъ, какъ военная добыча.

27-го іюня во время общаго наступленія нашихъ войскъ къ Эрзеруму и при взятіи этой крѣпости, когда сборно-линейный полкъ атаковалъ непріятельскую кавалерію, хоперцы съ Перепеловскимъ во главѣ отважно сцѣпились съ турками и отбили у нихъ съ боя одно орудіе. Въ среднихъ числахъ іюля сборный полкъ былъ направленъ на сел. Хартъ, Балахоръ и гор. Байбуртъ. При штурмѣ Байбурта и укрѣпленнаго лагеря хорунжіе Перепеловскій и Щекинъ, увлекая за собою казаковъ, первые ворвались въ непріятельскій лагерь и въ жестокой схваткѣ опрокинули непріятеля *). Въ октябрѣ сборно-линейный полкъ возвратился въ Тифлисъ.

Такимъ образомъ, хоперскіе казаки, участвуя одновременно въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами на линіи и съ турками въ Азіятской Турціи, всюду и вездѣ отличались мужествомъ, храбростью и съ честью поддержали славное имя полка. Въ награду доблестной и многотрудной службы, ознаменованной боевыми подвигами, Императоръ Николай I, при грамотѣ отъ 21-го сентября 1831 г., пожаловалъ Хоперскому полку простое голубое знамя съ надписью: *„За отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ"* **).

*) Награды. Приложеніе № 65.

**) Приложеніе № 52.

До назначенія генералъ-адъютанта графа Паскевича главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, главною цѣлью нашихъ дѣйствій за Кубанью было удержаніе горцевъ отъ нападеній на кубанскую линію и наказаніе ихъ за хищничество. Съ прибытіемъ же Паскевича на Кавказъ, война была перенесена въ глубь непріятельскихъ земель. Набѣги и временныя экспедиціи противъ горцевъ производились кордонными начальниками только тогда, когда враждебныя намъ племена составляли партіи для вторженія въ наши предѣлы, и когда завѣдомо было извѣстно, что хищники, пренебрегая миролюбивыми отношеніями къ намъ, упрямо стремились на линію для злодѣяній. Это была воля Государя Императора, чтобы зря не дѣлать набѣговъ на закубанцевъ [326]). Поэтому 1830 годъ на правомъ флангѣ начался походами за Кубань. Такъ, въ мартѣ мѣсяцѣ одна сотня Хоперскаго полка участвовала, въ составѣ отряда генерала Антропова, при движеніи его на Лабу [327]). 12-го числа на р. Сералѣ сильная непріятельская партія, собравшаяся для набѣга на линію, была разбита и разсѣяна нашими войсками; егерукаевцы же, давшіе пріютъ этому мятежному сборищу, поплатились разгромомъ своихъ ауловъ.

Осенью того же года, по распоряженію графа Паскевича, къ крѣпости Усть-Лабинской были направлены значительныя силы, для наказанія абадзеховъ и шапсуговъ за непріязненныя ихъ дѣйствія противъ насъ во время турецкой войны. Въ составъ этого отряда посланы также изъ своихъ станицъ двѣ сотни хоперцевъ съ командиромъ полка подполковникомъ Канивальскимъ, назначеннымъ командовать въ отрядѣ сборнымъ казачьимъ линейнымъ полкомъ [328]). Этою экспедиціею лично руководилъ графъ Паскевичъ. Въ первыхъ числахъ октября войска наши двинулись изъ урочища „Длинный лѣсъ“ на западъ къ укр. Ивано-Шебскому. Казаки все время находились въ авангардѣ. На пространствѣ между рр. Пшекобсомъ (Псекупсъ) и Абиномъ, въ шапсугскихъ владѣніяхъ, произошелъ рядъ кровавыхъ столкно-

веній казаковъ съ непріятелемъ, а весь походъ закончился полнымъ разгромомъ черкесскихъ ауловъ. Въ началѣ ноября войска возвратились на линію.

Все лѣто и осень этого года на кордонныхъ постахъ происходили постоянно мелкія схватки съ непріятелемъ, который не упускалъ ни одного случая, чтобы совершить разбой или грабежъ въ нашихъ предѣлахъ. Но происходили и болѣе серьезныя дѣла. Такъ, 15-го ноября [329]), въ 9 часовъ утра, прискакалъ съ кордона казакъ и далъ знать командиру сотни станицы Бѣломечетской есаулу Лучкину 1-му, что около 500 горцевъ, взявъ направленіе на станицу Бѣломечетскую, напали на укр. Ерсаконское, но были отбиты съ урономъ гарнизономъ его, состоявшимъ изъ роты пѣхоты и полусотни Хоперскаго полка. Партія отступила, но куда—неизвѣстно. Есаулъ Лучкинъ приказалъ уряднику Чернолихову съ командою изъ 15-ти казаковъ своей сотни присоединиться къ дистанціонному начальнику донского Скасырскаго полка сотнику Агѣеву и вмѣстѣ съ нимъ идти на поиски партіи. Одновременно съ этимъ были направлены за р. Кубань небольшія команды донскихъ казаковъ съ постовъ Осторожнаго и Бѣломечетскаго. Всѣ эти мелкія команды присоединились къ штабсъ-капитану князю Эдигею Мансурову, который, узнавъ о нападеніи на Ерсаконское укрѣпленіе, собралъ человѣкъ до 70-ти своихъ подвластныхъ и съ ними бросился по слѣдамъ горцевъ. Въ 60-ти верстахъ отъ укр. Ерсаконскаго, на р. Б. Тегень, они настигли горцевъ, спѣшились и, не смотря на неравенство въ силахъ *), вступили съ ними въ жаркій бой.

Тѣмъ временемъ скопище непріятеля увеличилось до 800 человѣкъ, которые употребляли всѣ усилія раздавить нашъ малочисленный отрядъ, но казаки и ногайцы стойко выдерживали всѣ атаки противника. Въ самый разгаръ боя послышалась сильная перестрѣлка въ тылу. То была небольшая команда казаковъ

---

*) Противъ скопища горцевъ дѣйствовали: 50 донцовъ—полковъ Скасырскаго и Грекова 6-го, 15 хоперцевъ и 70 ногайцевъ, всего 135 казаковъ и всадниковъ.

съ урядникомъ Хоперскаго полка Черноликовымъ, отставшая на усталыхъ лошадяхъ и окруженная въ $1^1/_2$ верстахъ отъ занятой нами позиціи толпами горцевъ. Сотникъ Агѣевъ съ частью казаковъ бросился къ нимъ на выручку, освободилъ и присоединился къ прочимъ съ потерею 4-хъ человѣкъ убитыми. Горцы въ началѣ крѣпко потѣснили нашъ отрядъ, но отважные казаки и ногайцы, поддерживая сильный ружейный огонь, не уступили имъ и въ свою очередь насѣли на черкесовъ. Предполагая, что они имѣютъ дѣло только съ авангардомъ и боясь быть отрѣзанными, горцы поспѣшно отступили, захвативъ съ собою нѣсколько убитыхъ и раненыхъ своихъ товарищей. Во время боя князь Эдигей Мансуровъ просилъ помощи у мирныхъ и подвластныхъ намъ кабардинцевъ и бесленеевцевъ вблизи лежавшихъ ауловъ, которые не только не оказали никакого содѣйствія, но даже принимали участіе въ этомъ дѣлѣ противъ насъ. Для наказанія послѣднихъ, генералъ Емануель приказалъ сформировать отрядъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, 400 казаковъ Хоперскаго и Кубанскаго полковъ и 2-хъ орудій, которому произвести нападеніе на аулы виновныхъ горцевъ и взять ихъ подъ караулъ. Но въ этомъ году, по случаю ненастнаго времени, походъ за Кубань не состоялся.

Начало 1831 года не обошлось безъ происшествій. Въ ночь съ 29-го на 30-е января казаки Хоперскаго полка Павелъ Фисенковъ и Григорій Щекинъ, на пути изъ города Ставрополя къ Кубани, прибыли на постъ Извѣщательный, перемѣнили лошадей и вмѣстѣ съ конвойнымъ донскимъ казакомъ Мелиховымъ поѣхали дальше по направленію на ст. Барсуковскую. Ночь была морозная и туманная. Наши путники по своей безпечности, а отчасти чтобы не терять связи, ѣхали всѣ вмѣстѣ и когда стали спускаться къ р. Барсукламъ, то неожиданно были атакованы партіею горцевъ, выскочившихъ изъ прилегавшей къ дорогѣ глубокой балки, заросшей бурьянами и камышомъ. Прямо съ налета горцы окружили казаковъ и схватили ихъ,

не давъ приготовиться даже къ оборонѣ [330]). На другой день постовыя команды, узнавъ объ исчезновеніи казаковъ, пустились на розыски, но ихъ не нашли. Позднею осенью этого же года Фисенкову удалось убѣжать изъ плѣна и благополучно достигнуть родной станицы, остальные казаки такъ и пропали. Слѣдуетъ замѣтить, что кавказское начальство отказывало въ денежной помощи на выкупъ плѣннаго, если было извѣстно, что попавшійся въ плѣнъ имѣлъ при себѣ полное вооруженіе. Въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ частной благотворительности [331]).

Между тѣмъ прошлогоднія хищничества горцевъ требовали достойнаго наказанія. Но какъ мы не хитрили, чтобы захватить хищниковъ врасплохъ, намъ это не удавалось, и два похода за Кубань, предпринятые съ этою цѣлью, не принесли никакой пользы; черкесы ушли въ горы, и только аулы ихъ были уничтожены. Весна и лѣто 1831 года прошли довольно спокойно. Наступившій августъ принесъ съ собою опять новыя тревоги. 8-го числа командующій баталпашинскимъ участкомъ кордонной линіи, донского войска подполковникъ Колпаковъ *), получилъ извѣстіе, что партія около 300 горцевъ скрывается на р. Урупѣ съ намѣреніемъ прорваться въ нашу сторону у Баталпашинска [332]). Съ нашей стороны были приняты мѣры осторожности и бдительности.

9-го августа казачьи разъѣзды утромъ и вечеромъ подходили къ Малому Зеленчуку, но ничего подозрительнаго не замѣчали. Въ ночь же на 10-е число, послѣ вечерней зари, ниже баталпашинскаго карантина, гдѣ нынѣ хуторъ генерала Кравцова, вдругъ раздались зловѣщіе выстрѣлы и затѣмъ сразу смолкли. Предполагая, что это переправляется непріятельская партія, Колпаковъ послалъ туда всѣхъ казаковъ и команду солдатъ изъ Баталпашинскаго редута. Вскорѣ однако дѣло разъяснилось; казаки, бывшіе въ секретѣ, сообщили, что ими отбито

---

*) Командиръ Хоперскаго полка подполковникъ Канивальскій въ это время производилъ какое-то слѣдствіе въ мирномъ ногайскомъ аулѣ.

5 лошадей у неизвѣстныхъ хищниковъ, намѣревавшихся переправиться за Кубань и скрывшихся въ кустахъ. Подполковникъ Колпаковъ приказалъ оцѣпить кусты, а съ наступленіемъ утра обшарить всю оцѣпленную мѣстность. Тѣмъ временемъ, партія горцевъ, примѣрно въ 350—400 всадниковъ, тихо, безъ шума переправилась черезъ Кубань, верстахъ въ двухъ выше станицы и спокойно расположилась въ растущемъ на берегу лѣсу.

Утромъ, когда станичныя ворота были отворены, скотъ и табунъ выгнаны за ограду въ поле, а всѣ свободные жители собирались ѣхать въ степь, команды же казаковъ и пѣхоты шарили по кустамъ—скрывавшаяся партія горцевъ, стремительно выскочивъ изъ лѣсу, бросилась отбивать скотъ и лошадей, а частью ворвалась въ станицу, со стороны джегутинскихъ воротъ. Черкесы тутъ же въ крайнихъ хатахъ захватили въ плѣнъ 35 душъ обоего пола, убили 4-хъ и ранили 2-хъ человѣкъ. Поднялась тревога. Со стороны карантина и редута спѣшили казаки и солдаты, подъ начальствомъ донского есаула Кульгачева, а въ станицѣ резервъ изъ 20-ти казаковъ со станичнымъ начальникомъ зауряд-хорунжимъ Жендубаевымъ также двинулся къ мѣсту происшествія. Между тѣмъ партія, захвативъ добычу, быстро отступила по направленію Усть-Тахтамышевскаго поста. Всѣ, кто могъ только достать коня, бросились въ погоню. На переправѣ черезъ Кубань у названнаго поста, хорунжій Тимофеевъ съ постовыми казаками ловко отстрѣливался отъ горцевъ, отбилъ весь рогатый скотъ и нанесъ нѣкоторый уронъ непріятелю; но партія, пользуясь своимъ превосходствомъ, успѣла перегнать казачій табунъ за Кубань и направилась въ горы.

Есаулъ Кульгачевъ не отставалъ, однако, отъ хищниковъ. Собравъ около себя казаковъ съ постовъ Баталпашинскаго, Усть-Тахтамышевскаго и Черноморскаго и резервъ изъ станицы Баталпашинской, всего около 100 человѣкъ, онъ перешелъ Кубань и кинулся по пятамъ за партіею. Слишкомъ большое неравенство въ силахъ сразу отняло у казаковъ всякую надежду

на успѣхъ. Горцы же, отдѣливъ небольшую часть въ прикрытіе отбитаго полона и табуна, остальною массою насѣли на преслѣдователей и стали грозить отрѣзать ихъ отъ станицы. Подоспѣвшія команды съ постовъ Нижне и Верхне-Абазинскихъ, Тамлыкскаго и отъ Учкуль горы, а также прискакавшіе на выстрѣлы ногайцы съ приставомъ Тахтамышевскаго аула, нѣсколько усилили команду Кульгачева, но все же она уступала числомъ скопищу горцевъ. Наступавшіе сумерки, усталость казачьихъ лошадей и безуспѣшность преслѣдованія, доведеннаго почти до Каменнаго моста на Зеленчукѣ—заставили Кульгачева возвратиться съ казаками на Кубань. Въ тотъ же день изъ Баталпашинска по тревогѣ былъ посланъ для преслѣдованія хищниковъ летучій отрядъ маіора Вьюгова, который, слѣдуя на Ерсаконское укрѣпленіе, пошелъ совсѣмъ не по той дорогѣ, по которой отступали горцы и потому вскорѣ вернулся назадъ. Успѣхъ предпріятія горцевъ можно приписать безпечности подполковника Колпакова и зауряд-хорунжаго Жендубаева, а также и тому, что въ станицѣ не осталось ни одной хорошей лошади и большая часть казаковъ были пѣшіе. Канивальскому былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ не находился въ станицѣ.

Эта удача еще болѣе поощрила горцевъ. Въ концѣ августа стало извѣстно, что скопище, около 2000 всадниковъ, собирается у верховьевъ Лабы, съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы. Съ цѣлью предупредить прорывъ, было составлено нѣсколько летучихъ отрядовъ. 276 хоперцевъ вмѣстѣ съ донцами и пѣхотою и 60-ю всадниками ногайской милиціи расположились тремя небольшими отрядами у Баталпашинска и вблизи постовъ Жмурина и Усть-Тахтамышевскаго [333]). Между тѣмъ, названная партія быстро двинулась впередъ и рано утромъ 1-го сентября горцы перешли Кубань между постами Черноморскимъ и Усть-Тахтамышевскимъ. Наши слабые отряды, одинъ войска донского подполковника Колпакова, а другой изъ двухъ

хоперскихъ сотень при одномъ полковомъ орудіи, подъ командою подполковника Канивальскаго, вступили съ горцами въ дѣло. Послѣ упорнаго боя отряды наши должны были уступить превосходству непріятеля. Черкесы двинулись дальше мимо поста Соленоозерскаго, который они предали огню, такъ какъ постовые казаки, замѣтивъ массы непріятеля, оставили его и присоединились къ отряду. При движеніи своемъ по дорогѣ къ этому посту, горцы сожгли много сѣна и хлѣба, принадлежавшихъ жителямъ станицы Баталпашинской.

У поста Соленоозерскаго горцы неожиданно бросились на отряды подполковниковъ Колпакова и Канивальскаго, но встрѣченные картечью и сильнымъ ружейнымъ огнемъ спѣшенныхъ казаковъ, отхлынули назадъ и продолжали свой путь; бывшіе же въ отрядѣ ногайцы бѣжали. Въ это время къ нашимъ войскамъ прибылъ командующій центромъ кавказской линіи, подполковникъ Скосырскій, съ двумя сотнями хоперцевъ и донцовъ при одномъ полковомъ орудіи Хоперскаго полка. Принявъ общее командованіе надъ соединенными отрядами, Скосырскій неотступно преслѣдовалъ партію, дѣлалъ безпрерывныя атаки и наносилъ горцамъ потери за потерями. Настойчивое наше преслѣдованіе вынудило хищниковъ повернуть вправо отъ Соленоозерскаго поста; передъ вечеромъ они перешли р. Куму между станицами Бекешевскою и Карантинною и скрылись за возвышенностями рѣки Дарьи. Измученный и усталый отрядъ нашъ прекратилъ преслѣдованіе и остановился на отдыхъ. Рано утромъ на слѣдующій день, пока казаки подымались съ ночлега, та же партія напала на станицу Ессентукскую, разгромила ее и отогнала много казачьяго скота.

Нашъ отрядъ не поспѣлъ во время къ мѣсту тревоги, а когда прискакалъ, то горцевъ, какъ говорится, слѣдъ простылъ. Тогда Скосырскій поручилъ свой отрядъ подполковнику Янову, съ приказаніемъ настигнуть партію и разбить ее. Но Яновъ по непонятной причинѣ не выполнилъ возложенной на него задачи.

Только 7-го сентября казаки догнали черкесовъ на переправѣ черезъ Кубань выше Каменнаго моста и завязали съ ними перестрѣлку, но въ виду своей малочисленности, отошли назадъ безъ всякаго успѣха, потерявъ одного офицера и 4-хъ казаковъ ранеными.

Во время этого набѣга [334]) имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. 1-го сентября казакъ Хоперскаго полка Осипъ Перваковъ былъ посланъ проводить роту Крымскаго пѣхотнаго полка отъ станицы Бекешевской до Баталпашинской. Подойдя къ Соленымъ озерамъ съ южной стороны, онъ указалъ крымцамъ дорогу, а самъ вернулся назадъ по прямому пути и здѣсь неожиданно для себя наѣхалъ на передовыя части указанной выше черкесской партіи. Замѣтивъ казака, нѣсколько горцевъ кинулось на него, но бравый хоперецъ не потерялся. Бросивъ лошадь, онъ выбралъ удобное мѣсто на курганѣ и встрѣтилъ хищниковъ огнемъ изъ своей винтовки. Первакову удалось убить одного хищника и одну лошадь, при чемъ самъ онъ получилъ четыре раны. Боясь задержаться этою перестрѣлкою и понапрасну рисковать своими головами, горцы быстро отступили и присоединились къ главной толпѣ. Перваковъ же, перевязавъ свои раны, благополучно добрался до станицы пѣшкомъ, такъ какъ горцы захватили его лошадь.

Осень на кордонныхъ постахъ прошла въ обычныхъ тревогахъ [335]). 1-го ноября, поздно вечеромъ, партія хищниковъ произвела нападеніе на двухъ хоперскихъ казаковъ, бывшихъ въ разъѣздѣ между станицами Бекешевскою и Карантинною. Въ густой темнотѣ, услышавъ неясный топотъ лошадей и нѣсколько непонятныхъ словъ, казаки мигомъ схватились за оружіе и, не ожидая нападенія, смѣло кинулись на черкесовъ. Произошла короткая рукопашная схватка, въ которой одинъ изъ казаковъ былъ изрубленъ на мѣстѣ, а другой раненый успѣлъ какъ то вырваться и ускакать, убивъ наповалъ изъ пистолета подскочившаго къ нему горца [336]). Съ 20-го по 23-е

ноября 2 сотни хоперцевъ, въ составѣ отряда г.-м. Фролова, двинулись къ М. Зеленчуку противъ абазинскихъ князей Кучука и Асланъ-Гирея Кечевыхъ и кабардинскаго князя Джембулата Хаджи-Хамурзина, постоянно руководившихъ хищническими партіями при набѣгахъ на нашу линію [337]). Спѣшенные казаки первые атаковали вражескіе аулы и при содѣйствіи 4-хъ конныхъ орудій разгромили ихъ окончательно; 360 человѣкъ плѣнныхъ и до 1000 головъ скота достались казакамъ въ добычу.

Въ томъ же году полусотня хоперцевъ изъ 2-хъ офицеровъ и 60-ти казаковъ въ составѣ сборно-линейнаго полка, подъ командою полковника Верзилина, участвовали въ польской войнѣ въ предѣлахъ Литвы и Царства Польскаго [338]). Этотъ казачій полкъ образованъ по мысли фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго при его назначеніи въ 1831 году главнокомандующимъ въ Польшу. Бывшій же сборно-линейный полкъ въ Грузіи былъ расформированъ и въ Тифлисѣ постоянно находилась одна только сборная сотня отъ всѣхъ казачьихъ линейныхъ полковъ, составлявшая личный конвой главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. Такой порядокъ ведется до нашихъ дней и въ настоящее время въ распоряженіи командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа состоитъ конвойная сотня изъ казаковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, численностью равная строевой сотнѣ съ тремя офицерами.

Въ составѣ сборно-линейнаго полка въ 1831 году хоперскіе казаки принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, сначала въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи, а затѣмъ, по присоединеніи полка къ главнымъ силамъ дѣйствующей арміи, они участвовали при штурмѣ и взятіи города Варшавы *). По окончаніи военныхъ дѣйствій, сборно-линейный полкъ возвратился въ Варшаву на зимнія квартиры и до 1845 года состоялъ въ Западной арміи. Затѣмъ онъ былъ переформированъ въ сборный дивизіонъ, пополнявшійся воинскими чинами

*) Награды. Приложеніе № 65.

Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Съ 1860 года дивизіонъ сталъ исключительно комплектоваться казаками равномѣрно отъ всѣхъ полковъ Кубанскаго казачьяго войска. Этотъ дивизіонъ до настоящаго времени находится въ Варшавѣ, въ распоряженіи командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа.

Весна и лѣто слѣдующаго 1832 года на кубанской кордонной линіи прошли довольно спокойно. Съ наступленіемъ же осени тревоги возобновились, и хищные горцы съ свойственною имъ дерзостью стали по одиночкѣ и мелкими партіями прорываться на линію для грабежа и разбоя. Первыя тревожныя вѣсти о прорывахъ хищниковъ привезъ разъѣздъ съ поста Жмурина [339]). 3-го августа разъѣздные казаки, слѣдуя къ посту Яманъ-Джелгинскому, наткнулись въ балкѣ на повозку, запряженную лошадью и стоявшую одиноко посреди дороги. Хоперцы подъѣхали къ повозкѣ и тамъ увидѣли изрубленное тѣло казака станицы Бѣломечетской, который служилъ работникомъ у полкового маркитанта и ѣхалъ въ станицу Баталпашинскую. Погоревали станичники, злобно посмотрѣли на закубанскую сторону и понесли скорбную вѣсть по кордону.

Этотъ случай послужилъ началомъ цѣлаго ряда ему подобныхъ происшествій. Такъ, 1-го сентября партія изъ восьми горцевъ, скрываясь въ лѣсистыхъ и заросшихъ бурьянами балкахъ около большой дороги въ Ставрополь, напала на сотника Раздольскаго, который ѣхалъ съ однимъ казакомъ на пароконной повозкѣ въ сел. Московское и дорогою, у сел. Татарскаго, остановился кормить лошадей [340]). Бывалые уже въ подобныхъ обстоятельствахъ хоперцы не смутились и при первомъ появленіи хищниковъ мигомъ взялись за винтовки и пистолеты, залегли на курганѣ и встрѣтили черкесовъ пулями. Горцы отскочили и видя, что имъ дорого могутъ стоить двѣ казацкихъ головы, захватили лошадей и скрылись за холмами.

Въ ночь на 24-е сентября, довольно значительная партія

горцевъ, перейдя Кубань, между постами Усть-Невинскимъ и Осторожнымъ, наткнулась на пѣхотный секретъ, который встрѣтилъ ихъ выстрѣлами. По тревогѣ бѣломечетскій станичный резервъ мигомъ сѣлъ на лошадей и смѣло кинулся преслѣдовать хищниковъ. На другой день утромъ казаки настигли партію за Урупомъ и вблизи Тегеней и вступили съ нею въ бой. Тѣсня хищниковъ на каждомъ шагу, хоперцы убили у нихъ одного наѣздника вмѣстѣ съ лошадью, но затѣмъ преслѣдованіе прекратилось, такъ какъ черкесы скрылись въ лѣсистомъ ущельи [341]).

Черезъ день случилось новое происшествіе. 26-го сентября хищническая партія изъ 50-ти всадниковъ, переправившись черезъ Кубань недалеко отъ станицы Барсуковской, быстро двинулась къ сторонѣ крѣпости Темнолѣсской [342]). По тревогѣ резервная команда, подъ начальствомъ хорунжаго Лисицына, выскочила изъ станицы и бросилась по слѣдамъ партіи. Въ балкѣ на р. Среднихъ Барсуклахъ хоперцы настигли хищниковъ и прямо съ полнаго хода ударили на черкесовъ, такъ рѣшительно и удачно, что сразу отбросили ихъ въ сторону и обратили въ бѣгство. Наступившая темнота остановила преслѣдованіе; горцы скрылись, оставивъ въ рукахъ казаковъ 3-хъ лошадей, но успѣли подхватить и увезти нѣсколько своихъ убитыхъ и раненыхъ наѣздниковъ.

Наконецъ 11-го октября, около полуночи, вблизи поста Барсуковскаго (бывшій Преградный постъ) непріятельская партія около 40-ка человѣкъ возвращалась съ нашей стороны съ полономъ изъ 5-ти женщинъ и 8-ми дѣтей, захваченныхъ ими въ селеніи Орѣховскомъ и въ ногайскомъ аулѣ. На переправѣ черезъ Кубань хищники неожиданно для себя нарѣзались на сильный казачій секретъ, заложенный у переѣзда черезъ рѣку. Дружный залпъ въ тиши ночной ошеломилъ горцевъ, и они стремглавъ бросились въ Кубань, не разбирая брода. Въ тотъ же моментъ раздался второй залпъ съ лѣваго берега рѣки со стороны секрета, заложеннаго отъ мирныхъ ногайцевъ. Это

окончательно смутило черкесовъ и они пустились вплавь внизъ по Кубани. Кое-какъ партія прибилась къ крутому берегу и тамъ, бросивъ шесть лошадей, одну русскую женщину съ малолѣткомъ и калмыченка, поспѣшно выбралась на возвышенность и успѣла скрыться въ ночной темнотѣ [343]). Вообще жизнь казака на постахъ кордонной линіи проходила въ постоянной готовности къ бою съ хищными черкесами, которые только изрѣдка оставляли линію въ покоѣ.

ГЛАВА VII.

На линіи въ 1832—1839 гг. Образованіе Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и усиленіе его крестьянами казенныхъ селеній Ставропольской губерніи. Причисленіе къ Хоперскому полку 8-ми селеній со всѣмъ народонаселеніемъ, землями и лѣсами. Зачисленіе на службу новыхъ казаковъ. Назначеніе полковника барона Засса начальникомъ баталпашинскаго участка кордонной линіи и его распоряженія по охранѣ границы. Походы Засса противъ горцевъ.

Кавказскіе казачьи полки, кромѣ Черноморскаго войска, жили совершенно самостоятельною жизнью, управлялись каждый самъ по себѣ, имѣли свой земельный надѣлъ и выставляли каждый свою часть, подчиняясь въ военномъ отношеніи начальнику кавказской линіи, а въ гражданскомъ—областному правленію Ставропольской губерніи. Мысль о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ казачьихъ полковъ и войскъ на Кавказѣ возникла давно въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, какъ это видно изъ предписанія военнаго министра графа Аракчеева въ 1809 году на имя главнокомандующаго въ Грузіи генералъ-отъ-кавалеріи Тормасова, въ которомъ было сказано [344]):

„....Вмѣстѣ съ симъ убѣждаюсь я обратить вниманіе ваше и вообще на поселенные по линіи кавказскія иррегулярныя войска, которыя доселѣ не имѣютъ порядочнаго образованія, получаютъ неодинаковое содержаніе и, не имѣя войскового правительства, подобно донскому войску и прочая, сносятъ разныя притѣсненія и недостатки. Мнѣ случалось разспрашивать пріѣзжающихъ сюда съ линіи чиновниковъ иррегулярныхъ войскъ, и они охотно желаютъ имѣть одного атамана и одно правительство, которое бы пеклось о нихъ и защищало, ибо каждый родъ войска имѣетъ свое неудовольствіе: у однихъ отняты земли, у другихъ рыбныя ловли и т. п.“ Поэтому графъ Аракчеевъ при-

казалъ доставить мнѣніе: „....1) О приведеніи въ извѣстность числа иррегулярныхъ войскъ, на линіи поселенныхъ. 2) Сколько изъ нихъ можетъ быть составлено полковъ, и гдѣ содержать цѣпь кордонную. 3) Какое и какому войску производить содержаніе... 4) Чтобы каждое войско или полкъ знали въ чемъ состоятъ ихъ привиллегіи, сколько у нихъ земли и прочая..." Вся эта переписка, однако, не имѣла никакого результата.

Въ 1824 году генералъ Ермоловъ снова поднялъ этотъ вопросъ и даже представилъ подробный докладъ о соединеніи кавказскихъ казачьихъ полковъ въ одно войско, но изъ этого опять ничего не вышло. Только въ 1832 году всѣ отдѣльныя кавказскія казачьи войска и полки, кромѣ Черноморскаго, были соединены въ одно цѣлое войско подъ названіемъ — *Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.* Преобразованіе это не имѣло, собственно говоря, никакого вліянія на самоуправленіе линейныхъ казаковъ. Ихъ полковыя и станичныя правленія остались тѣми же, какъ и прежде, за то въ высшемъ казачьемъ управленіи произошла значительная перемѣна. Разъединенные до этого и не имѣвшіе связи, казачьи полки были объединены подъ властью одного общаго начальника—*войскового наказнаго атамана,* которымъ тогда же былъ назначенъ генералъ-маіоръ Верзилинъ. Наказный атаманъ являлся полнымъ инспекторомъ войска и ему принадлежало право вводить необходимые новые порядки и поддерживать старые, смотря по важности и поучительности ихъ. 2-го декабря того же года послѣдовалъ знаменательный для Кавказскаго линейнаго казачьяго войска указъ Правительствующему Сенату Императора Николая I слѣдующаго содержанія [345]):

„Признавъ нужнымъ усилить охрану кавказской линіи посредствомъ обращенія въ сословіе линейныхъ казаковъ жителей ближайшихъ казенныхъ селеній, *повелѣваемъ:* селенія Кавказской области: Новодонецкое, Новомалороссійское, Архангельское, Ильинское, Дмитріевское, Разшеватское, Успенское, Ново-Александровское, Ново-

Троицкое, Сергѣевку, Калиновку, Сѣверное, Круглолѣсское, Саблю, Верхне-Подгорное, Нижне-Подгорное, Незлобное, Александрію, Парубочево, Шелкозаводское, Дербентское, Кармалинское, Малохалинское, Сенгилѣево или Богоявленское, Каменнобродское, Ново-Марьевку, Рождественское, Михайловку, Надежду, Старо-Марьевку и Бешпагиръ —передать со всѣми числящимися въ оныхъ жителями и находящимися въ законномъ владѣніи ихъ землями и угодьями въ военное вѣдомство и поступить имъ въ вѣдѣніе начальства войскъ кавказской линіи съ 1-го января 1833 года".

На основаніи этого указа, съ 1-го января 1833 года къ Хоперскому полку причислены селенія [346]):

Сергѣевское	съ населеніемъ	мужского	пола	323	человѣка
Круглолѣсское	„	„	„	923	„
Калиновское	„	„	„	1188	„
Сѣверное	„	„	„	311	„
Саблинское (Сабля)	„	„	„	113	„
			Итого	2858	человѣкъ.

Кромѣ названныхъ селеній, согласно Высочайшаго указа Правительствующему Сенату 7-го ноября того же года, къ Хоперскому полку еще были причислены въ 1836 году селеніе Грушовское и въ 1837 году упраздненный городъ Александровъ съ слободою Александровскою. Населенію, причисленныхъ къ казачеству станицъ, были представлены земельныя и лѣсныя угодья на общемъ для казаковъ основаніи, т. е. земли по 30-ти дес. на душу мужского пола, а лѣсовъ отмежевано:

При	станицѣ	Круголѣсской	1079	десятинъ	577	саж.
„	„	Калиновской	160	„	1500	„
„	„	Грушовской	90	„	—	„
„	„	Сѣверной	430	„	689	„
„	„	Александровской	597	„	1883	„

Одновременно съ этимъ Хоперскій полкъ долженъ былъ уступить вновь сформированному Ставропольскому полку свою

станицу Барсуковскую, которая передана въ маѣ 1833 года [348]). Впослѣдствіи, въ 1845 году, отъ Хоперскаго полка отошла еще станица Саблинская, переданная Волжскому полку [349]).

Такимъ образомъ, боевая сила Хоперскаго полка, столь необходимая ему для борьбы съ горцами, значительно увеличилась. Всѣ причисленныя къ полку селенія, съ первыхъ же дней ихъ поступленія въ составъ казачества, стали называться станицами, а жители ихъ казаками. Всѣмъ обращеннымъ въ казачье сословіе жителямъ мужского пола, способнымъ къ военной службѣ, выдали вполнѣ годные ружейные стволы, замки и шашечные клинки, съ обязательствомъ самимъ обдѣлать ихъ для употребленія на службу. Эти новые казаки должны были составить вторую боевую линію и служить для своего полка резервомъ, такъ какъ предполагалось обратить казачьи полки въ 12-ти-сотенные. Въ виду увеличившагося въ полку служилаго состава, приказано было, по числу служащихъ казаковъ, обязанныхъ поступить на службу въ 1833 и 1834 гг., добавить въ полки на каждую сотню по одному есаулу, сотнику и хорунжему и по четыре урядника [350]).

Изъ вновь причисленныхъ къ Хоперскому полку селеній, 340 новыхъ казаковъ уже 15-го мая 1833 года [351]) заняли посты на почтовомъ трактѣ изъ Россіи въ Грузію. Въ концѣ этого года въ полку считалось на дѣйствительной службѣ: изъ старыхъ станицъ 744 и изъ новыхъ—366, всего 1110 казаковъ [352]). Кромѣ того въ новыхъ станицахъ числилось на учетѣ въ возрастѣ отъ 20-ти до 45-ти лѣтъ—1412 человѣкъ, изъ которыхъ въ 1835 году зачислено на дѣйствительную службу 533 казака.

Новыя станицы Хоперскаго полка отдѣлялись отъ старыхъ землями, принадлежавшими калауско-саблинскимъ ногайцамъ. Это представляло очень большое неудобство въ видахъ охраненія порядка и общественной безопасности; ногайцы, хотя считались мирными, но болѣе всего способствовали укрытію хищническихъ партій, пробиравшихся на нашу сторону. Убѣдившись

въ своемъ служиломъ составѣ, полкъ занялъ въ районѣ баталпашинскаго участка кордонной линіи всѣ пограничные и внутренніе посты и вмѣстѣ съ тѣмъ по прежнему охранялъ почтовую дорогу.

Въ 1833 году начальникомъ баталпашинскаго участка былъ назначенъ полковникъ баронъ Григорій Христофоровичъ Зассъ [353]). По вступленіи въ свою должность, онъ первымъ долгомъ обратилъ вниманіе на систему отправленія казаками кордонной службы и способы охраненія станицъ. Съ этою цѣлью, онъ строго подтвердилъ всѣмъ для обязательнаго исполненія весьма интересный приказъ генералъ-лейтенанта Вельяминова [354])—о порядкѣ отправленія кордонной службы, въ которомъ были преподаны слѣдующія указанія:

1) На постахъ имѣть опредѣленное число казаковъ.

2) Отъ постовъ выставлять не только на ночь, но и днемъ секреты, гдѣ мѣстоположеніе позволяетъ. Мѣсто секретовъ измѣнять почаще; на ночь выставлять ихъ тогда, когда уже смеркнется; а на день—передъ свѣтомъ, чтобы непріятель не могъ видѣть, гдѣ оные разставляются. По возможности закладывать секреты даже за Кубанью.

3) Во время дня имѣть отъ каждаго поста часовыхъ на возвышенномъ мѣстѣ.

4) На ночь постъ можетъ иногда совсѣмъ расходиться по секретамъ; но это дѣлать не часто и такъ, чтобы непріятель не могъ этого замѣтить. Къ утру же, по крайней мѣрѣ, часть казаковъ должна возвратиться на постъ.

5) Кордоннымъ начальникамъ осматривать посты, сколь возможно чаще и строго взыскивать съ постовыхъ начальниковъ за неисправность.

6) Каждый постовой начальникъ обязанъ всякое утро объѣзжать охраняемыя постомъ его мѣста, и если найдетъ малѣйшую причину подозрѣвать гдѣ-нибудь проѣздъ хищниковъ, то немедленно по слѣдамъ дѣлать поискъ.

7) Если во время дня, или ночи, замѣчена будетъ хищническая партія, то немедленно давать знать сосѣдственнымъ постамъ и резервамъ. Преслѣдуя хищниковъ, употреблять всевозможное стараніе къ истребленію оныхъ. Хищники, послѣ сдѣланнаго ими грабежа, нерѣдко скрываются въ степяхъ и выжидаютъ, чтобы, происшедшая отъ хищничествъ, тревога окончилась и

посланныя команды возвратились въ свои мѣста. Для сего нужно, чтобы, въ случаѣ хищничества, поиски продолжались нѣсколько дней сряду по всѣмъ направленіямъ, ибо хищники, какъ извѣстно, почти никогда не возвращаются тѣми мѣстами, коими пріѣхали, но бросаются въ какую-нибудь другую сторону.

8) Отъ резервовъ, находящихся въ станицахъ, посылать разъѣзды по различнымъ направленіямъ и въ разное время дня и ночи.

9) Хищники, встрѣчаясь съ разъѣздомъ, который сильнѣе ихъ партіи, нерѣдко сказываются мирными. Въ такихъ случаяхъ начальники разъѣздовъ обязаны подробно разспрашивать—кто они такіе, откуда, и зачѣмъ ѣдутъ. При малѣйшемъ сомнѣніи въ отвѣтахъ, брать ихъ и представлять къ начальству. Если же станутъ сему сопротивляться, то дѣйствовать оружіемъ, какъ противъ непріятелей.

10) Въ казачьихъ полкахъ станичные начальники обязаны наблюдать, чтобы на ночь, ни овцы, ни рогатый скотъ, ни лошади не оставались въ полѣ, но чтобы всѣ загонялись въ станицу засвѣтло. Еще болѣе наблюдать должно, чтобы люди, особливо женщины и дѣти, были въ означенное время въ домахъ своихъ. По утрамъ, овецъ, рогатый скотъ и лошадей выпускать изъ станицъ тогда, какъ совершенно обвиднѣетъ. Особенно нужно наблюдать сію предосторожность въ случаѣ тумана и тогда, прежде выгона изъ станицы табуновъ и стадъ, непремѣнно объѣхать окрестныя мѣста и хорошенько осмотрѣть ихъ.

11) Въ каждой станицѣ имѣть на ночь караулъ, отъ коего ставить часовыхъ на углахъ станичной ограды. На выѣздахъ имѣть не менѣе какъ по десяти человѣкъ караула. Въѣзды должны быть заперты отъ вечерней до утренней зари. Караулы должны содержать отставные казаки, не старѣе шестидесяти лѣтъ и малолѣтки не моложе шестнадцати лѣтъ.

12) Около станицъ дѣлать объѣзды два или три раза въ продолженіи ночи.

13) Если случится похищеніе лошадей или скота въ станицѣ, или вблизи оной, безъ насилія со стороны хищниковъ, то въ семъ случаѣ, явно свидѣтельствующемъ объ оплошности казаковъ, за все украденное будетъ взыскиваться съ имѣнія станичнаго атамана; полковой командиръ и кордонный начальникъ подвергаются подобному взысканію, если похищеніе случится въ той станицѣ, гдѣ тотъ и другой лично въ то время находился.

14) Во время полевыхъ работъ, если мѣсто пашни и сѣнокоса случится слишкомъ далеко отъ станицы, такъ что проѣздъ взадъ и впередъ по-

требуетъ много времени, то въ такихъ случаяхъ дозволять казакамъ оставаться на мѣстахъ пашни или сѣнокоса. Въ подобныхъ обстоятельствахъ требовать, чтобы казаки выходили на работу непремѣнно вооруженные и чтобы ихъ было вмѣстѣ не менѣе пятидесяти человѣкъ, кои днемъ во время работы и могутъ раздѣляться по своимъ участкамъ; для отдыха же и на ночь должны сходиться всѣ въ одно мѣсто, сгонять туда же рабочій скотъ и лошадей и во всю ночь имѣть отъ себя бдительныхъ часовыхъ. Одинъ изъ казаковъ каждой партіи долженъ быть начальникомъ. Въ сію временную должность назначать расторопнѣйшаго и храбрѣйшаго. Тогда хищники не осмѣлятся напасть на подобную партію; или въ случаѣ нападенія встрѣтятъ столь сильный отпоръ, что не покусятся въ другой разъ на подобное предпріятіе.

15) Въ случаѣ значительнаго скопища непріятелей, которое могло бы напасть на какую нибудь станицу или селеніе, начальникъ того участка кавказской линіи долженъ снять всѣ мелкіе посты, соединить казаковъ значительными массами и дѣйствовать по обстоятельствамъ.

16) Если значительное непріятельское скопище войдетъ въ границы наши, то первая казачья партія или постъ, который замѣтитъ его, долженъ немедленно идти издали по слѣдамъ его, не спуская съ глазъ; дать знать ближайшимъ во всѣ стороны войскамъ, въ ближайшія станицы и селенія о направленіи, по коему идетъ непріятель, извѣщать отъ времени до времени всѣхъ ближайшихъ начальниковъ войскъ и всѣ мѣста, кои будутъ угрожаемы опасностью.

17) Строго воспретить казакамъ, какъ служащимъ и неслужащимъ, такъ и малолѣткамъ, могущимъ носить оружіе—выходить и выѣзжать изъ станицъ безъ огнестрѣльнаго оружія.

Такимъ образомъ этотъ приказъ точно опредѣлялъ порядокъ кордонной службы. Полковникъ Зассъ добавилъ къ нему только нѣкоторыя указанія по распредѣленію ночныхъ секретовъ на бродахъ и переправахъ. Затѣмъ онъ передвинулъ нѣкоторые посты на другія мѣста; приказалъ перекопать лишнія дороги, ведущія къ переправамъ и очистить заросшія пространства вблизи станичной ограды. Этимъ онъ уменьшилъ расходъ людей по охраненію окрестностей станицъ и усилилъ станичные резервы и постовыя команды на важныхъ постахъ. Штабъ-квартира Засса находилась въ станицѣ Невинномысской, гдѣ расположенъ былъ также штабъ Хоперскаго полка [355]). Кромѣ хо-

перцевъ въ баталпашинскомъ участкѣ квартировалъ по станицамъ еще одинъ донской полкъ съ штабъ-квартирою въ станицѣ Баталпашинской. Оба полка со своими полковыми орудіями состояли въ распоряженіи Засса, вмѣстѣ съ двумя баталіонами Навагинскаго пѣхотнаго полка.

Прежде всего Зассъ призналъ необходимымъ основательно познакомиться посредствомъ личнаго осмотра съ мѣстностью своего кордоннаго участка и ближайшимъ райономъ къ сторонѣ противника, откуда горцы часто производили внезапныя нападенія на линію. Съ этою цѣлью онъ собралъ отрядъ изъ хоперскихъ и донскихъ казаковъ, двухъ ротъ пѣхоты съ двумя конными орудіями, переправился съ нимъ за Кубань и двинулся къ р. Б. Зеленчуку. Выслѣдивъ движеніе Засса, черкесы собрали большую партію съ намѣреніемъ отрѣзать путь отступленія нашему отряду—излюбленная манера горцевъ при вторженіи нашихъ отрядовъ въ ихъ земли. Но Зассъ угадалъ маневръ непріятеля и распорядился оставить въ засадѣ, въ лѣсистой балкѣ на Зеленчукѣ, всю пѣхоту, а самъ съ казаками и конными орудіями продолжалъ наступленіе. Между тѣмъ горцы, маневрируя вдали, вдругъ всею массою ринулись на казаковъ. Остановившись, Зассъ развернулъ боевой порядокъ и послѣ двухъ орудійныхъ выстрѣловъ приказалъ атаковать непріятеля въ шашки. Воодушевленные присутствіемъ храбраго начальника, хоперцы смѣло врѣзались въ толпы горцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ ожесточенной схватки непріятель не выдержалъ нашего удара и бросился къ Зеленчуку, но тутъ наткнулся на нашу засаду, которая приняла его дружнымъ залпомъ. Партія смѣшалась и, преслѣдуемая по пятамъ казаками, разсыпалась по лѣсистымъ и крутымъ балкамъ, ища спасенія въ бѣгствѣ, по одиночкѣ. Результаты боя были блестящіе: горцы поняли, что при Зассѣ имъ не оставятъ безнаказанно ни одного хищничества или вторженія на линію, а казаки убѣдились, что съ такимъ начальникомъ имъ не страшенъ никакой врагъ.

Съ августа и до конца года, полковникъ Зассъ произвелъ цѣлый рядъ смѣлыхъ набѣговъ въ закубанскую сторону, съ цѣлью удержать горцевъ отъ нападенія на нашу линію. Сотни Хоперскаго полка, чередуясь между собою, участвовали во всѣхъ походахъ Засса за Кубань [356]). Такъ, въ началѣ сентября 1833 года, 2 сотни хоперцевъ съ полковымъ командиромъ подполковникомъ Канивальскимъ вошли въ составъ экспедиціоннаго отряда, съ которымъ Зассъ предпринялъ движеніе противъ закубанцевъ, собравшихся по Лабѣ съ цѣлью набѣга въ наши предѣлы [357]).

Перейдя Кубань у станицы Бѣломечетской, отрядъ нашъ на разсвѣтѣ 3-го сентября достигъ Урупа, при впаденіи въ него р. М. Тегень и тамъ остановился. Сильные казачьи разъѣзды, посланные на развѣдку окрестностей и непріятеля, въ этотъ день ничего не открыли. 4-го числа съ пикета, выставленнаго на одной изъ возвышенностей, дали знать о появленіи партіи въ 25—30 человѣкъ. По распоряженію Засса, Канивальскій съ хоперцами поскакалъ къ указанному пункту, а самъ Зассъ, предполагая возможность засады, тронулся вслѣдъ за ними. Хоперцы настигли партію на Тегеняхъ и разгромили ее въ конецъ; при этомъ непріятель потерялъ 9 человѣкъ убитыми и двухъ взятыми въ плѣнъ; затѣмъ, увязавшись за уходившими хищниками, казаки отбили еще большую отару овецъ, которую взяли вмѣстѣ съ тремя пастухами. На другой день отрядъ благополучно возвратился въ Невинномысскую.

По приказанію высшаго начальства, обыкновенно вся отбитая у горцевъ баранта поступала въ распоряженіе особой коммисіи [358]). Баранту продавали, а деньги выдавали казакамъ и ихъ семействамъ, которые потерпѣли отъ набѣговъ горцевъ или убиты въ экспедиціяхъ и дѣлахъ противъ закубанцевъ. Павшія въ бояхъ казачьи лошади немедленно замѣнялись другими, здоровыми и годными, изъ числа отбитыхъ у горцевъ, или же казаки получали за своихъ лошадей деньги 21 руб. 45 к. сереб. за каждаго убитаго коня. Отбитое и захваченное въ аулахъ

имущество считалось военною добычею и дѣлилось поровну между всѣми участниками боя и на убитыхъ. Впослѣдствіи, въ 1858 году [359]), приказано было всю добычу, которая пріобрѣталась въ бою—дѣлить поровну между частями войскъ, участвовавшимъ въ сраженіяхъ или походахъ, во время которыхъ эта добыча взята цѣликомъ.

Если своими безпрерывными походами за Кубань полковникъ Зассъ не давалъ покоя ни себѣ, ни подвѣдомственнымъ ему войскамъ, зато въ результатѣ получалось полное спокойствіе на линіи, и населеніе станицъ отдыхало отъ тревогъ. Наступилъ ноябрь—время, когда въ аулахъ горцевъ всѣ приспособлялись на зимовку и жители и стада. Зассу не сидѣлось; онъ давно уже собирался наказать бесленеевскаго князя Айтека Конокова за его вѣроломство и хищничество. Теперь наступило время дѣйствовать противъ измѣнника.

Не ослабляя кордонной стражи, Зассъ сосредоточилъ всѣ свободныя войска—800 человѣкъ Навагинскаго полка и 600 казаковъ съ 6-ю орудіями въ укрѣпленіи св. Георгія на р. Урупѣ; въ составъ этого отряда поступили также двѣ сотни хоперцевъ съ подполковникомъ Канивальскимъ [360]). 5-го ноября 1833 года Зассъ двинулся къ р. Чамлыку, а оттуда пошелъ за Лабу. На разсвѣтѣ 7-го числа, приказавъ пѣхотѣ съ орудіями спѣшить за собою, самъ Зассъ съ казаками стремительнымъ налетомъ атаковалъ непріязненный намъ аулъ. Казаки захватили въ плѣнъ 68 душъ обоего пола, но большая часть женщинъ и дѣтей успѣли спастись въ ближайшій лѣсъ. Остальные же горцы засѣли въ сакляхъ и готовились упорно защищать свои жилища. Дождавшись пѣхоты, Зассъ приказалъ орудіямъ открыть огонь по аулу, а 2-мъ ротамъ съ сотнею спѣшенныхъ казаковъ атаковать непріятеля. Послѣ непродолжительной канонады и ожесточенной схватки съ горцами аулъ былъ занятъ, разграбленъ и преданъ огню, а защитники почти всѣ пали подъ ударами штыковъ и шашекъ.

Разгромивъ аулъ, отрядъ началъ отступать, при чемъ войска огнемъ стрѣлковой цѣпи и картечью должны были удерживать настойчивое и ожесточенное преслѣдованіе болѣе чѣмъ тысячной партіи горцевъ, успѣвшихъ собраться съ окрестностей. Видя, что всѣ ихъ бѣшеныя атаки безуспѣшны и приносятъ однѣ только потери, горцы задумали огнемъ истребить наши войска. Для этого, заскакавъ стороною далеко впередъ, они подожгли сухую траву и камыши, чтобы подъ прикрытіемъ дыма атаковать отрядъ. Но Зассъ угадалъ ихъ намѣреніе, приказалъ войскамъ сомкнуться въ густую колонну, зажечь позади себя сухой бурьянъ и траву, чтобы отступить на чистое мѣсто и встрѣтить тамъ горцевъ картечью и свинцомъ. Такъ оно и случилось. Отступивъ на обгорѣвшее мѣсто и видя, что массы непріятеля уже сближаются за густою стѣною дыма и пламени, Зассъ, сквозь эту клубящуюся дымную пелену, приказалъ открыть орудійный огонь, а затѣмъ пустилъ всѣхъ казаковъ въ атаку. Темная масса дыма окутала хоперцевъ и ставропольцевъ, но они быстро пронеслись черезъ горѣвшую траву и бурьяны и безъ выстрѣла кинулись въ шашки на ошеломленныхъ горцевъ. Въ одно мгновеніе непріятель былъ смятъ; казаки изрубили на мѣстѣ до 30-ти человѣкъ, а остальныхъ преслѣдовали около 2-хъ верстъ. Въ то же время другая часть партіи, сдѣлавъ нападеніе на тылъ отряда, очутилась неожиданно на чистомъ мѣстѣ и, будучи встрѣчена картечью и батальнымъ огнемъ пѣхоты, съ большимъ урономъ отражена и разсѣяна.

Неудачи горцевъ только больше ожесточили ихъ. Главная толпа черкесовъ бросилась впередъ къ переправѣ, чтобы ружейнымъ огнемъ остановить наше движеніе. Но маневръ этотъ также не удался. 2 роты и 2 орудія живо очистили прилегавшій къ переправѣ лѣсъ, и войска безпрепятственно остановились на отдыхъ. Въ продолженіи этого дня подъ казаками убито 27 лошадей, которыя тутъ же были замѣнены отбитыми у непріятеля. Въ полночь Зассъ приказалъ отряду разложить большіе

костры и начать переправляться въ полной тишинѣ. Съ разсвѣтомъ войска заняли высоты праваго берега Лабы, гдѣ расположились бивакомъ. Сборище горцевъ, какъ показали лазутчики, состояло изъ абадзеховъ, бесленеевцевъ, бѣглыхъ кабардинцевъ и разныхъ абрековъ, подъ предводительствомъ Айтека Конокова и султана Кази-Гирея (послѣдній тяжело раненъ). Въ тотъ же день отъ горцевъ явились къ Зассу депутаты и униженно просили его принять отъ нихъ присягу на вѣрность Россіи, но въ этомъ имъ было отказано наотрѣзъ. 10-го ноября вечеромъ отрядъ прибылъ въ Невинномысскую и былъ распущенъ по домамъ. Въ рапортѣ на имя г.-л. Вельяминова, Зассъ свидѣтельствовалъ объ особенной распорядительности и усердіи подполковника Канивальскаго и объ отличной храбрости всѣхъ вообще офицеровъ и казаковъ *). Въ декабрѣ того же года сотня хоперцевъ снова участвовала съ полковникомъ Зассомъ въ походѣ за Кубань и въ погромѣ непріятельскихъ ауловъ.

Частыя покушенія и прорывы мелкихъ хищническихъ партій въ наши предѣлы, въ особенности между Каменнымъ мостомъ на Кубани и станицею Бѣломечетскою, заставили Засса сдѣлать нѣкоторыя распоряженія для предупрежденія этого зла. Такъ, онъ приказалъ высылать къ рр. Урупу и обоимъ Зеленчукамъ разновременно и по разнымъ направленіямъ сильныя заставы изъ казаковъ, которымъ располагаться въ скрытныхъ мѣстахъ, выставляя отъ себя денные пикеты и ночные секреты. Одна такая застава изъ хоперскихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Канивальскаго, была выставлена на М. Зеленчукѣ, вблизи Эльбургана [361]). 24-го декабря 1833 года получилось извѣстіе, что непріятельская партія, около 20-ти всадниковъ, задумала пробраться къ нашей границѣ, но вслѣдствіе выпавшаго снѣга, который могъ открыть ея слѣды, возвратилась назадъ и скрылась на баранъ-кошахъ Батырь-Гирея и Докшука Карамурзиныхъ, чтобы тамъ выждать удобное время

*) Награды. Приложеніе № 65.

и затѣмъ снова пуститься на разбой. Это извѣстіе Зассъ съ курьеромъ переслалъ Канивальскому съ приказаніемъ захватить хищниковъ въ плѣнъ. Въ ночь на 27-е декабря хоперцы подошли къ кошамъ, быстро окружили ихъ и предложили горцамъ сдаться, но они отвѣтили выстрѣлами. Завязалась перестрѣлка. Канивальскій ускорилъ, однако, развязку и съ 40-ка спѣшенными казаками бросился на хищниковъ, въ жаркой рукопашной схваткѣ казаки уложили на мѣстѣ 15 человѣкъ, а остальные пятеро успѣли въ темнотѣ спастись бѣгствомъ. Захвативъ 1000 штукъ баранты, хоперцы возвратились на Кубань, такъ какъ застава имѣла только временное назначеніе [362]).

Что касается мелкихъ партій горцевъ, то съ февраля мѣсяца этого года и весь слѣдующій 1834 годъ, они безпрестанно тревожили пограничную линію. Жизнь казачьяго населенія прикубанскихъ станицъ проходила въ постоянномъ страхѣ, тревожимая извѣстіями о кровавыхъ и несчастныхъ происшествіяхъ. То горцы изрубили или поранили казаковъ, бывшихъ на полевыхъ работахъ, кордонныхъ постахъ, въ разъѣздахъ или въ поѣздкахъ по собственнымъ дѣламъ и по службѣ; то захватили въ плѣнъ жителей, женщинъ или дѣтей вмѣстѣ съ лошадьми или быками; то угнали скотъ, подожгли хуторъ, постовое помѣщеніе, скирды сѣна; то сдѣлали засаду или подкрались къ мельницѣ на Кубани и, сдѣлавъ залпъ черезъ стѣну, побили бывшихъ тамъ людей и прочая.

Про постовыя же казачьи команды и говорить нечего; казаки жили тамъ въ постоянной тревогѣ и готовности летѣть, сломя голову, по первому выстрѣлу къ неблагополучному пункту на границѣ, или прямо съ мѣста броситься въ схватку съ черкесами. Такъ, 24-го марта 1833 года, около полудня, въ бугунтинскихъ балкахъ на верхне-кумской дистанціи, вблизи поста Махукова, вдругъ загремѣли выстрѣлы, распространяя тревогу по кордонной линіи [363]). Старшій на пикетѣ этого поста казакъ Ѳеодоръ Поправкинъ быстро схватилъ четырехъ своихъ товари-

щей и съ ними бросился на выстрѣлы. По дорогѣ хоперцы соединились съ командою изъ 30-ти волжскихъ и донскихъ казаковъ, которые тоже скакали къ верховьямъ р. Бугунты; вскорѣ казаки открыли хищническую партію, скрывшуюся было въ лѣсахъ и погнали ее къ р. Подкумку. Въ этой погонѣ команда Поправкина какъ-то отдѣлилась отъ остальныхъ и прямо съ налета смѣло ударила на черкесовъ въ шашки. Эта отвага, однако, дорого обошлась хоперцамъ, которые съ беззавѣтнымъ мужествомъ сцѣпились съ хищниками на смертный бой. Въ рукопашной схваткѣ Поправкинъ былъ раненъ вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, а два другихъ казака убиты. Горцы въ свою очередь, потерявъ 2-хъ человѣкъ убитыми, поспѣшно скрылись въ лѣсу *).

Другой случай произошелъ 22-го августа 1834 года [364]). На разсвѣтѣ съ поста Усть-Тахтамышевскаго выѣхалъ разъѣздъ изъ 3-хъ казаковъ и 3-хъ мирныхъ ногайцевъ и двинулся вверхъ по Кубани для осмотра закрытыхъ густыми зарослями прибрежныхъ мѣстъ, частенько служившихъ убѣжищемъ хищническимъ партіямъ. На одномъ изъ многочисленныхъ острововъ р. Кубани, въ сплошныхъ заросляхъ изъ камыша и кустарника, казаки высмотрѣли трехъ конныхъ горцевъ, которые пробирались на нашу сторону. Разсыпавшись цѣпью и прикрываясь лѣсомъ, нашъ разъѣздъ смѣло загородилъ дорогу хищникамъ и сталъ наступать, чтобы ихъ захватить. Но черкесы замѣтили казаковъ и быстро спрятались въ камышахъ; тамъ они спѣшились и залегли съ винтовками въ рукахъ за большою водоплавною колодою и встрѣтили разъѣздъ выстрѣлами черезъ ружье. Завязалась съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка; у насъ уже былъ убитъ одинъ ногаецъ и раненъ казакъ; черкесы же оказались неуязвимы за своимъ заваломъ и только лошадей ихъ всѣхъ перебили. Тогда казаки и ногайцы рѣшились покончить съ хищниками однимъ ударомъ. Бросивъ безполезную перестрѣлку, они

*) Награды. Приложеніе № 65.

выхватили шашки и рѣшительно кинулись на горцевъ. Три торопливыхъ шальныхъ пули просвистѣли въ воздухѣ, не задѣвъ никого, и въ тотъ же моментъ враги сцѣпились въ рукопашномъ бою!... Черезъ нѣсколько секундъ 2 горца лежали за колодою мертвые, а третій, весь израненый, былъ взятъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны въ этой схваткѣ ранены оба ногайца и казакъ.

Насколько прикубанскія береговыя заросли изъ камыша, густыхъ бурьяновъ и кустарниковъ служили для горцевъ мѣстомъ безопаснаго отдыха и выжиданія, настолько же эти заросли бывали и пагубны для нихъ. Въ такихъ мѣстахъ, вблизи бродовъ черезъ Кубань, казаки обыкновенно закладывали свои секреты, которые часто заставляли хищниковъ возвращаться назадъ безъ всякаго успѣха, да вдобавокъ еще съ потерями. Такъ, 11-го октября 1834 г. [365]), поздно вечеромъ семеро конныхъ горцевъ, переправляясь черезъ Кубань на нашу сторону, наткнулись на казачій секретъ, который залегъ въ густыхъ камышахъ вблизи поста Усть-Невинскаго. Казаки ловко выслѣдили переправу, и какъ только черкесы въѣхали въ рѣку, дружный залпъ сразу осадилъ ихъ назадъ и они, поворотивъ коней, пустились обратно. По выстрѣламъ постовая команда мигомъ собралась и, узнавъ въ чемъ дѣло, бросилась на переправу, откуда на всѣхъ поводахъ понеслась въ погоню за хищниками. Наконецъ, передъ спускомъ къ Б. Зеленчуку хоперцы настигли черкесовъ и прямо съ полнаго хода кинулись на нихъ въ шашки. Захваченные смѣлымъ и рѣшительнымъ нападеніемъ, горцы защищались слабо; черезъ нѣсколько минутъ пятеро изъ нихъ были изрублены, а двое успѣли скрыться въ лѣсу съ чувствительными царапинами отъ казацкихъ шашекъ. Казаки же отдѣлались легкими ранами.

Вся дѣятельность полковника Засса, въ бытность его начальникомъ баталпашинскаго участка въ 1833—1835 гг., была цѣлымъ рядомъ дѣльныхъ административныхъ распоряженій и ча-

стыхъ набѣговъ, какъ сказано, въ закубанскую сторону для наказанія хищныхъ сосѣдей. Изъ этихъ походовъ останавливаетъ на себѣ вниманіе набѣгъ на Тамовскій аулъ [366]).

Въ тѣ времена за Кубанью среди непокорныхъ ауловъ—богатый и многолюдный аулъ Тамовскій, по своему мѣстоположенію на неприступныхъ скалахъ горы Ахметъ, считался горцами однимъ изъ крѣпкихъ мѣстъ и служилъ имъ для сборищъ разныхъ хищническихъ партій, безнаказанно производившихъ грабежи на нашихъ границахъ. Зассъ рѣшилъ разгромить аулъ. Сотня хоперцевъ, съ командиромъ полка подполковникомъ Канивальскимъ въ составѣ значительнаго отряда, 30-го октября 1834 года, быстро двинулась за Кубань. На разсвѣтѣ 4-го ноября войска наши построились для нападенія на аулъ тремя колоннами, изъ которыхъ центральная, подъ начальствомъ Канивальскаго, должна была ворваться и взять его приступомъ. При общемъ наступленіи нашихъ войскъ, хоперцы, съ командиромъ полка во главѣ, храбро ударили на обреченный гибели аулъ и вскорѣ эта неприступная твердыня горцевъ была взята и разрушена до основанія. Въ пламени пожара, охватившаго аулъ, погибло все, что не успѣло спастись въ лѣсахъ и дебряхъ; 24 души обоего пола взяты въ плѣнъ, старшина аула Заурумовъ съ двумя братьями убиты и захвачено нѣсколько головъ скота. Благодаря ночному маршу, внезапности и стремительности нападенія, а также ненастной погодѣ, наши потери были ничтожны. Ошеломленные взятіемъ такого неприступнаго аула, тамовцы поспѣшили выдать аманатовъ въ знакъ своей покорности. 9-го ноября отрядъ возвратился на линію.

Подобную систему набѣговъ полковникъ Зассъ находилъ болѣе полезною, чѣмъ временныя экспедиціи [367]); первые дѣлались внезапно и безъ большихъ потерь; опустошая край, они наводили панику на непріятеля, которому всего болѣе были чувствительны плѣнъ семейства и потеря имущества. Свои походы Зассъ подготовлялъ въ большомъ секретѣ и какъ снѣгъ

на голову являлся тамъ, гдѣ его не ожидали. Горцы не знали откуда, когда и на какой пунктъ будетъ нападеніе, что заставляло ихъ быть болѣе осторожными, постоянно находиться въ томительномъ ожиданіи и заботиться объ охранѣ своихъ ауловъ, отчего, понятно, становились рѣже и самые хищническіе прорывы значительныхъ непріятельскихъ партій. Это послужило главною причиною переселенія нѣкоторыхъ племенъ съ горъ на плоскость и подчиненія ихъ всѣмъ требованіямъ нашихъ властей.

При временныхъ же экспедиціяхъ открытою силою весьма трудно было сохранить все предпріятіе въ тайнѣ; непріятель всегда успѣвалъ заблаговременно угонять свои стада и скрывать свои семейства въ недоступныхъ ущельяхъ горъ, послѣ чего горцы собирались въ большихъ массахъ, сами уничтожали свои жилища и, занимая выгодныя позиціи, наносили намъ болѣе или менѣе значительный вредъ. Большею частью изъ экспедиціи наши отряды возвращались съ убитыми и ранеными, а иногда даже съ аманатами, которыхъ вѣроломный народъ давалъ въ залогъ своей покорности. Но боевой опытъ показалъ, что горцы весьма часто нарушали данную ими клятву и не считали это даже преступленіемъ. Какъ не старался Зассъ заставить черкесовъ жить въ постоянной тревогѣ и ожиданіяхъ его посѣщеній за Кубань—горцы никакъ не могли спокойно усидѣть дома. Едва наши отряды возвращались изъ похода и располагались на отдыхъ, мелкія и крупныя иногда партіи почти слѣдомъ пускались къ нашей границѣ на разбой и грабежъ. Впрочемъ, благодаря системѣ Засса, набѣги закубанцевъ значительно сократились противъ прежнихъ годовъ.

Въ 1835 году полковникъ Зассъ былъ назначенъ начальникомъ прочно-окопскаго участка кордонной линіи. Имѣя въ своемъ распоряженіи два баталіона пѣхоты, двѣ батареи, Хоперскій, Кубанскій, Ставропольскій и донской казачьи полки, Зассъ дѣлалъ отчаянно смѣлые набѣги во внутрь непріятельскихъ земель; имя его сдѣлалось грозою для горцевъ и увлекало

казаковъ на самые отважные и неустрашимые подвиги въ борьбѣ съ закубанцами. Не смотря, однако, на успѣхи нашихъ походовъ за Кубань, набѣги мелкихъ партій горцевъ не прекращались, хотя лѣто этого года прошло довольно спокойно на линіи.

9-го октября партія въ 300—400 горцевъ напала на станицу Бургустанскую, которую порядкомъ разгромила, уведя въ плѣнъ 16 человѣкъ и угнавъ до 60-ти штукъ скота. На обратномъ пути къ верховьямъ Кубани, черкесы были атакованы въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшими командами казаковъ съ ближайшихъ постовъ и, между прочимъ, хоперцами съ поста Кладбищенскаго. Задержать хищниковъ намъ не удалось, и они ушли за Кубань почти, можно сказать, безнаказанно, съ потерею неболѣе 20-ти человѣкъ убитыми и ранеными, но зато сохранили весь полонъ и добычу [368]).

Для противодѣйствія прорывамъ были выставлены подвижные резервы въ разныхъ мѣстахъ верхне-кубанскаго участка. Такъ, одна сотня хоперцевъ съ 10-ти-дневнымъ провіантомъ расположилась лагеремъ вблизи станицы Бекешевской для наблюденія за долиною р. Кумы и къ сторонѣ кумскаго ущелья [369]). Дерзкій прорывъ черкесовъ 9-го октября вызвалъ два похода за Кубань отрядовъ, подъ начальствомъ Засса, при чемъ непріятель понесъ жестокое пораженіе. Въ началѣ 1836 года подполковникъ Канивальскій сдалъ Хоперскій полкъ маіору князю Джамбакуріанъ-Орбеліани и получилъ другое служебное назначеніе.

Михаилъ Дмитріевичъ Канивальскій происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи и первоначально служилъ въ Александрійскомъ гусарскомъ полку. Девятилѣтнее командованіе хоперцами Михаила Дмитріевича составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ боевой исторіи полка. Личная его храбрость и военная дѣятельность по охранѣ своего кордоннаго участка и во время походовъ противъ горцевъ, доставили Хоперскому полку знамя, а М. Д. Канивальскому золотую шашку съ над-

писью „за храбрость“ и чинъ подполковника. Въ то же время Михаилъ Дмитріевичъ является весьма талантливымъ администраторомъ и распорядительнымъ хозяиномъ, умная и заботливая дѣятельность котораго была направлена для блага хоперцевъ. Такъ, между прочимъ, по его указанію рѣчка Тахтамышъ, впадавшая въ Кубань съ правой стороны въ 5-ти верстахъ выше станицы Баталпашинской, была отведена отъ своего русла и проведена по новому направленію параллельно Кубани, по восточной окраинѣ названной станицы. Это дало возможность жителямъ развести по берегамъ новой рѣчки, названной Абазинкою, сады и огороды вблизи самой станицы, такъ какъ устройство ихъ внизу по правому кубанскому берегу всегда представляло опасность со стороны горцевъ. Проведеніе воды по восточной окраинѣ Баталпашинска позволило также развести большой лѣсъ для защиты станицы отъ восточныхъ вѣтровъ, преобладающихъ въ той мѣстности. Этотъ лѣсъ, какъ живой памятникъ полезной дѣятельности подполковника М. Д. Канивальскаго, существуетъ до сихъ поръ, задерживая и умѣряя бурные и яростные порывы восточныхъ вѣтровъ. . . .

Зима 1835—1836 года прошла спокойно на линіи, но весна ознаменовалась кровавымъ происшествіемъ. 27-го марта партія около 70-ти горцевъ, перейдя черезъ Кубань на нашу сторону, недалеко отъ поста Ямановскаго, атаковала разъѣздъ хоперскихъ казаковъ изъ 9-ти человѣкъ [370]). Въ отчаянной и кровавой схваткѣ пять казаковъ легли съ оружіемъ въ рукахъ подъ ударами непріятеля, а остальные, израненые, взяты въ плѣнъ. Горцы также потеряли нѣсколько человѣкъ ранеными, и кромѣ того убитъ извѣстный абрекъ узденъ Куденетовъ. Послѣ того до самой осени линія пользовалась относительнымъ спокойствіемъ. Въ сентябрѣ 1836 года начали получаться изъ-за Кубани весьма тревожныя извѣстія о сосредоточеніи скопища, въ числѣ около 1000 горцевъ, въ верховьяхъ р. Бѣлой, съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы. Вслѣдъ затѣмъ узнали, что

эта многочисленная партія перешла Лабу и остановилась на Урупѣ противъ баталпашинскаго участка. На Кубани поднялась тревога. Командиръ Хоперскаго полка, маіоръ князь Джамбакуріанъ-Орбеліани, разослалъ повсюду гонцовъ, чтобы на кордонныхъ постахъ держали ухо востро [371]). Начальникъ кордонной линіи генералъ-маіоръ Зассъ, находившійся въ то время съ дѣйствующимъ отрядомъ за Кубанью, узнавъ о приготовленіяхъ хищниковъ, остановилъ войска на р. Марѣ, и самъ поскакалъ на линію.

22-го сентября онъ собралъ при Вознесенскомъ укрѣпленіи на рѣкѣ Ямансу (Чамлыкъ) отрядъ изъ 700 казаковъ, 200 ногайцевъ и 200 человѣкъ пѣхоты съ 6-ю конными орудіями, съ которымъ двинулся къ горѣ Ахметъ, въ верховьяхъ Лабы, мѣсту первоначальнаго сборища хищниковъ. Здѣсь онъ не засталъ черкесовъ, которые въ ночь на 22-е сентября выступили къ Зеленчукамъ. Генералъ Зассъ быстро поспѣшилъ въ погоню за хищниками до самаго Баталпашинска, куда прибылъ въ полночь на 24-е число, сдѣлавъ въ полтора сутокъ около 150-ти верстъ по горамъ и лѣснымъ трущобамъ. Между тѣмъ, эта партія горцевъ, маневрируя на Зеленчукахъ, двинулась совершенно неожиданно для нашихъ кордоновъ къ р. Джегутѣ. Слѣдившій здѣсь за горцами отрядъ изъ резервныхъ казаковъ Хоперскаго полка съ частью пѣхоты, подъ начальствомъ командующаго кисловодскою линіею подполковника Гана, двинулся на встрѣчу партіи, но горцы быстрымъ движеніемъ перемѣнили направленіе.

Перейдя Кубань у Баталпашинска вечеромъ 23-го числа, до прихода еще Засса, они пошли на Соленыя озера. Тогда Ганъ съ хоперцами и пѣхотою ночью выступилъ къ станицѣ Бекешевской, предполагая намѣреніе непріятеля напасть на эту станицу. Но черкесы, встрѣченные у Бекешевской рѣшительнымъ отпоромъ хоперскихъ резервовъ, прошли мимо и стремительно бросились по направленію къ кисловодской линіи. Почти у самой станицы Кисловодской горцы наткнулись на каза-

чьи постовыя команды, которыя, завязавъ перестрѣлку, нанесли имъ нѣкоторый уронъ и задержали всю партію на продолжительное время; черкесы, однако, сожгли кордонный постъ, разгромили одинъ домъ и захватили 5 человѣкъ въ плѣнъ. Затѣмъ вся партія хищниковъ, опасаясь наткнуться на какой-либо изъ нашихъ отрядовъ, бросилась къ горѣ Бермамыту, а оттуда на Кубань.

Между тѣмъ генералъ Зассъ, по прибытіи къ Баталпашинску, узнавъ что впереди дѣйствуетъ отрядъ Гана и получивъ извѣстіе о нападеніи непріятеля на кисловодскую линію, рѣшилъ перехватить партію на переправѣ черезъ Кубань. Оставивъ часть отряда у Баталпашинска, самъ съ остальными войсками, въ числѣ которыхъ находилась сотня хоперцевъ съ однимъ коннымъ полковымъ орудіемъ, подъ общею командою полкового командира князя Орбеліани, быстро двинулся къ Каменному мосту на Кубани [372]). Но горцы, узнавъ о движеніи грознаго для нихъ Засса, поднялись еще выше въ горы и по трудно доступнымъ ущельямъ перебрались черезъ Кубань. Зассъ, въ свою очередь, пустился на перерѣзъ партіи и на разсвѣтѣ 26-го сентября обогналъ непріятеля у снѣговыхъ горъ въ Хасаутскомъ ущельи, гдѣ расположилъ свой отрядъ въ засадѣ, а затѣмъ быстро и неожиданно атаковалъ съ казаками появившихся хищниковъ.

Пользуясь значительнымъ превосходствомъ въ силахъ и крайне пересѣченною мѣстностью, горцы до прибытія пѣхоты и орудія держались весьма стойко и въ теченіи двухъ часовъ вели упорный и ожесточенный бой. Съ появленіемъ же на мѣстѣ боя пѣхоты и конной пушки, горцы, поражаемые сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, укрылись за каменьями и открыли жестокую перестрѣлку, а затѣмъ, выскочивъ изъ заваловъ, бросились въ шашки на казаковъ. Хоперцы, кубанцы и донцы, одушевляемые своими храбрыми начальниками, стойко выдержали атаку и, въ свою очередь, стремительнымъ натискомъ смяли не-

пріятеля, и, загнавъ въ ущелье, нанесли ему жестокое пораженіе. Спасаясь по одиночкѣ, горцы по скаламъ и трущобамъ искали спасенія въ бѣгствѣ, при чемъ бросили часть полона и оставили на мѣстѣ боя 41-го убитаго, кромѣ увезенныхъ на лошадяхъ. Разгромъ партіи былъ блистательный. Въ самомъ началѣ этого боя былъ раненъ князь Орбеліани и начальство надъ хоперцами принялъ ротмистръ Баранчіевъ, который управлялъ казаками храбро и толково до самаго конца дѣла, бросался съ ними въ самыя опасныя мѣста во время атаки черкесовъ, когда хоперцы столкнулись съ ними грудь съ грудью на холодномъ оружіи *).

Наступившій 1837 годъ принесъ съ собою сравнительную тишину баталпашинскому участку. Хоперцы нѣсколько отдохнули, хотя на кордонныхъ постахъ тревоги не прекращались. Резервы полка до самой осени никуда не ходили въ походы, а только поддерживали и усиливали свои кордонные посты. Но въ первыхъ числахъ октября за Кубанью стало неспокойно. Сотня хоперцевъ, въ составѣ отряда подполковника Епифанова, выступила въ походъ къ Лабѣ, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о сборищѣ сильной партіи горцевъ на р. Ямансу, подъ предводительствомъ Асланъ-Гирея [373]).

21-го числа это сборище, около 1000 всадниковъ, заняло берега р. Ходзъ, въ 10-ти верстахъ выше устья Лабы. Генералъ Зассъ, взявъ съ линіи 500 кубанскихъ казаковъ, 24-го октября, соединился съ Епифановымъ и, послѣ небольшого отдыха, двинулся къ переправѣ черезъ Лабу съ цѣлью атаковать хищниковъ. Но горцы своевременно провѣдали о приближеніи русскихъ, бросили своихъ худоконныхъ товарищей и, составивъ партію до 400 всадниковъ на добрыхъ коняхъ, пустились къ нашимъ границамъ. Зассъ тотчасъ далъ знать на кубанскую и кисловодскую линіи о принятіи мѣръ осторожности, а самъ съ казаками и конными орудіями кинулся по слѣдамъ партіи, ко-

*) Награды. Приложеніе № 65.

торая повернула къ верховьямъ р. Ходза. Въ 9 часовъ утра 26-го октября, отрядъ Засса настигъ горцевъ вблизи баговскихъ ауловъ, гдѣ часть партіи бросилась въ горы, а другая стѣснилась у входа въ ущелье и приготовилась къ оборонѣ. Послѣ довольно жаркой перестрѣлки, во время которой хоперцы выпустили 693 патрона, горцы были окончательно разсѣяны, оставивъ въ нашихъ рукахъ 11 тѣлъ и 6 убитыхъ лошадей.

Въ этомъ году кавказскую линію посѣтилъ Государь Императоръ Николай I. 18-го октября, 12 оберъ-офицеровъ, 12 урядниковъ и 330 казаковъ Хоперскаго полка съ маіоромъ княземъ Джамбакуріанъ-Орбеліани имѣли счастье присутствовать при встрѣчѣ Высокаго Гостя и конвоировать Его Величество отъ станицы Саблинской, черезъ Александровскую, до станицы Сергіевской. Командиръ полка и офицеры получили Высочайшія благоволенія, а нижнимъ чинамъ Государь пожаловалъ по 2 руб. 50 коп. ассигнаціями и по чаркѣ водки [374]).

Проѣзжая по линіи, занятой Кавказскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ, Государь нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, всѣмъ изволилъ остаться доволенъ, но замѣтилъ казачьимъ офицерамъ, что „бороды къ эполетамъ, а эполеты къ бородамъ не идутъ“. Это замѣчаніе начальство приняло во вниманіе и въ слѣдующемъ 1838 году казачьимъ офицерамъ и казакамъ приказано брить бороды и носить короткіе волосы на головѣ [375]).

Строго слѣдуя намѣченной программѣ военныхъ дѣйствій, въ 1838 и 1839 годахъ, генералъ Зассъ разновременно и неожиданно для непріятеля произвелъ нѣсколько набѣговъ противъ закубанскихъ горцевъ въ верховья Лабы, на рр. Урупъ и Бѣлую, чтобы принудить ихъ оставаться дома, и не рыскать на поискахъ добычи. Хоперскіе казаки посотенно и по полусотенно принимали участіе въ этихъ годахъ почти во всѣхъ походахъ Засса за Кубань [376]). Одновременно съ этимъ они зорко охраняли кубанскую границу, потому что хищные черкесы какъ-

то успѣвали и отбиваться отъ нападеній на ихъ аулы нашихъ войскъ, и посѣщать наши предѣлы для разбоя и грабежа.

Набѣги горцевъ производились мелкими и крупными партіями. Такъ, въ началѣ сентября 1839 года, лазутчики дали знать Зассу, что партія въ 400 всадниковъ собралась у верховьевъ рѣки Лабы [377]), съ намѣреніемъ сдѣлать набѣгъ. Генералъ Зассъ, находившійся въ то время съ отрядомъ за Кубанью, оповѣстилъ по кордону о принятіи строгихъ мѣръ бдительности, а резервамъ быть наготовѣ; слѣдуетъ замѣтить, что одна сотня Хоперскаго полка изъ 3-хъ урядниковъ и 150-ти казаковъ, подъ командою сотника Щекина, всю весну и лѣто находилась за Кубанью въ отрядѣ Засса. 9-го сентября, поздно ночью, было получено извѣстіе, что горцы, усилившись, перешли Лабу у Тамовскаго аула и двинулись къ Баталпашинску. Генералъ Зассъ немедленно далъ знать объ этомъ черезъ нарочнаго командиру Хоперскаго полка маіору Игельстрому, а самъ съ казаками, ротою пѣхоты и коннымъ орудіемъ поспѣшно занялъ позицію въ верховьяхъ Лабы на вѣроятномъ пути отступленія горцевъ.

Тѣмъ временемъ маіоръ Игельстромъ, предупрежденный на разсвѣтѣ 11-го числа княземъ Касбулатомъ Дударуковымъ о движеніи около 200 хищниковъ къ Кубани со стороны Зеленчуковъ, быстро собралъ изъ Баталпашинскаго редута и учебной команды 66 своихъ казаковъ, чтобы съ ними двинуться къ Кубани, какъ получилось новое извѣстіе о нападеніи партіи на Усть-Тахтамышевскій постъ. Тогда Игельстромъ присоединилъ къ себѣ еще 40 егерей Кабардинскаго полка, случайно бывшихъ въ Баталпашинскѣ и, посадивъ ихъ на конныя подводы, поскакалъ съ этимъ маленькимъ отрядомъ на выручку поста. Стремительнымъ налетомъ Игельстромъ смялъ горцевъ, которые поспѣшно отступили за Кубань; а затѣмъ онъ, присоединивъ къ своему отряду еще 10 человѣкъ ногайцевъ штабсъ-капитана Туганова, бросился вслѣдъ за хищниками. Но какъ не гнали казаки своихъ коней, они не могли настигнуть хищниковъ,

которые шли полнымъ карьеромъ, опередивъ хоперцевъ всего на 200 саж. Эта гонка продолжалась до р. Б. Зеленчука, гдѣ, наконецъ, горцы, пользуясь пересѣченною и лѣсистою мѣстностью, спѣшились и заняли выгодную позицію. Неравенство въ силахъ, а главное наступившая ночь были причиною, что Игельстромъ, оставивъ для наблюденія за партіею нѣсколько человѣкъ преданныхъ намъ абазинцевъ, самъ съ утомленными казаками вернулся въ Баталпашинскъ; въ этотъ день горцы потеряли одного убитаго и двухъ раненыхъ своихъ товарищей [378]).

Ночью партія эта успѣла собраться и направилась во свояси къ Лабѣ и передъ вечеромъ на другой день, какъ разъ наткнулась на отрядъ Засса. Залпъ изъ ружей и картечь встрѣтили, безпечно ѣхавшихъ хищниковъ. Въ то же время самъ Зассъ, съ шашкою наголо, во главѣ казаковъ вихремъ налетѣлъ на непріятельскую толпу. Не выдержавъ удара, горцы бросились къ ближайшему лѣсу, но казаки скоро настигли ихъ, и здѣсь завязался ожесточенный лѣсной бой; подоспѣвшая рота довершила пораженіе. Окончательно сбитые, черкесы бѣжали и бросились съ обрыва прямо въ рѣку Лабу, унося убитыхъ и раненыхъ. Наступившая ночь прекратила бой. Въ нашихъ рукахъ осталось 65 тѣлъ и 73 лошади съ сѣдлами и много оружія.

ГЛАВА VIII.

Тревоги и пограничныя происшествія въ районѣ Хоперскаго полковаго округа за періодъ 1838—1859 гг. Абреки—князья Бейерслановъ и Мансуровъ. Одиночные подвиги хоперскихъ казаковъ. Сотникъ Атарщиковъ; его побѣгъ за Кубань. Тревожная жизнь казаковъ на кордонахъ и борьба ихъ съ хищниками; нападеніе горцевъ на селенія, хутора и посты; угонъ скота; захватъ плѣнныхъ.

Походы генерала Засса за Кубань противъ черкесовъ въ тридцатыхъ годахъ, сопровождавшіеся болѣе или менѣе значительными погромами непріятельскихъ жилищъ, только отчасти достигли своей цѣли. Бесленеевцы и нѣкоторыя мелкія племена закубанцевъ, правда, нѣсколько присмирѣли и сократили свои набѣги въ наши предѣлы; но зато абадзехи и бѣглые кабардинцы, не смотря на полученные ими тяжелые и кровавые уроки, по прежнему мстительно и злобно вели на нашу линію партіи за партіями хищниковъ для грабежа и разбоя. Ихъ набѣги болѣе всего обращены были противъ верхне-кубанскаго участка границы, всегда доступнаго для вторженія.

Служба на пограничныхъ постахъ сдѣлалась безъ преувеличенія невыносимою. Жутко въ тѣ времена жилось на правомъ флангѣ. Никакое описаніе не въ состояніи передать тѣхъ ужасовъ, которые, какъ удары неотразимаго рока, тяготѣли надъ злополучнымъ пограничнымъ казачьимъ населеніемъ. Никто въ станицѣ не могъ быть увѣреннымъ, что день свой закончитъ благополучно или безъ какихъ-либо тревожныхъ происшествій. Дома, въ степи на работахъ или на службѣ—жизнь порубежнаго казака подвергалась опасности, а имущество его —расхищенію, потому что партіи черкесовъ шныряли по всей

ЛИТ. К. МЕСХІЕВА ВЪ ТИФЛИСѢ.

ОБЕРЪ-ОФИЦЕРЪ и УРЯДНИКЪ

Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1845-1856 г.г.

пограничной полосѣ на поискахъ добычи. Казачьимъ постовымъ командамъ, при сторожевыхъ разъѣздахъ по берегамъ Кубани или по степнымъ балкамъ, нерѣдко приходилось наталкиваться, то на примятую траву со множествомъ лошадиныхъ слѣдовъ и лужами запекшейся крови—нѣмыми свидѣтелями отчаянной схватки и чьей то гибели; то на брошенное въ бурьянахъ человѣческое тѣло, изрубленное шашками или прострѣлянное пулями; то на одиноко стоящую среди дороги повозку безъ хозяина и быковъ съ слѣдами кровавой борьбы и съ трупомъ станичника-казака, только утромъ выѣхавшаго въ поле.... Поднимутъ казаки тревогу, пустятся на розыски по пустому слѣду и воротятся ни съ чѣмъ.... Очень рѣдко такіе поиски были успѣшны. Чтобы дать хотя бы слабое представленіе о тяжелой и многотрудной жизни и службѣ хоперцевъ, здѣсь приводятся наиболѣе выдающіяся и крупныя тревоги на пограничныхъ постахъ Хоперскаго полка въ районѣ верхне-кубанскаго участка кордонной линіи въ періодъ 1838—1859 годовъ.

13-го іюля 1838 года, на разсвѣтѣ, 15 черкесовъ, подъ предводительствомъ абрековъ князей Арсланъ-Гирея Бейерсланова и Алибея Мансурова, гдѣ-то далеко въ степи за станицей Воровсколѣсской, захватили у казаковъ Хоперскаго полка нѣсколько лошадей и 7 душъ обоего пола, а одного казака убили [379]). По тревогѣ изъ Баталпашинска погнались въ погоню за хищниками 80 казаковъ съ полковникомъ Рихтеромъ, къ которымъ присоединился на М. Зеленчукѣ еще приставъ закубанскихъ народовъ маіоръ Венеровскій. Дойдя до Урупа, изъ команды осталось на добрыхъ коняхъ только 35 человѣкъ, у остальныхъ же лошади стали.

Тогда команда раздѣлилась: Рихтеръ съ 20-ю хоперцами пошелъ вверхъ по Урупу, а Венеровскій съ остальными пустился по слѣдамъ партіи и вскорѣ нагналъ горцевъ, пробиравшихся къ лѣсу. Въ этотъ моментъ съ Венеровскимъ осталось только 6 казаковъ, съ которыми онъ, не смотря на неравенство

въ силахъ, смѣло бросился на хищниковъ. Черкесы встрѣтили нашу горсть храбрецовъ выстрѣлами, при чемъ убили одного казака, а маіора Венеровскаго и еще одного казака ранили. Эта первая неудача, однако, не смутила хоперцевъ; они быстро спѣшились и, окруживъ своего храбраго начальника, открыли по черкесамъ огонь, посылая въ ряды хищниковъ мѣткую пулю за пулей. Рѣшимость казаковъ бороться до послѣдняго и боязнь горцевъ подвергнуться нападенію команды полковника Рихтера, заставили ихъ прекратить бой. Черкесы поспѣшно удалились въ лѣсъ, а казаки съ Венеровскимъ возвратились на Кубань.

2-го августа ночью та же партія [380]), какъ передавали лазутчики, пробралась къ урочищу Воровсколѣсскому и на кочевкѣ захватила въ плѣнъ четырехъ человѣкъ; на другой день поздно вечеромъ у поста Березоваго черкесы отбили пять казачьихъ лошадей, ранили одного казака и затѣмъ скрылись. По тревогѣ постовая команда бросилась на поиски, но благодаря темнотѣ и пересѣченной мѣстности безъ всякаго успѣха вернулась назадъ.

Нѣсколько дней все было спокойно, но въ ночь на 24-е августа тѣ же абреки [381]), князья Бейерслановъ и Мансуровъ, съ партіею около 200 всадниковъ, переправясь черезъ Кубань между постами Преграднымъ и Донскимъ, скрылись въ лѣсистыхъ балкахъ. Въ полдень же 24-го числа, выскочивъ изъ балокъ абреки бросились на работавшихъ въ полѣ жителей станицы Барсуковской, убили 9 и ранили 2-хъ человѣкъ, а 24 души обоего пола захватили въ плѣнъ. По тревогѣ выскочили казаки съ постовъ Преграднаго и Донского и резервъ станицы Барсуковской съ урядникомъ Дубковымъ, которые прискакали къ Кубани уже во время обратной переправы хищниковъ. Здѣсь казаки отбили 2-хъ женщинъ, убили 2-хъ горцевъ и 6 лошадей. Когда же партія переправилась за Кубань, они послѣдовали за нею и на р. Казмѣ снова вступили съ черкесами въ перестрѣлку, во время которой былъ убитъ у хоперцевъ одинъ казакъ и

двѣ лошади; горцы потеряли нѣсколькихъ раненыхъ. Эти команды и подоспѣвшій резервъ станицы Невинномысской, подъ начальствомъ сотника Бирюкова, гнались за хищниками до Урупа и еще версты три далѣе, но вслѣдствіе наступившей темноты и сильнаго дождя не могли настигнуть горцевъ, которые успѣли съ полономъ скрыться въ лѣсистыхъ трущобахъ рѣчекъ Тегеней. При нападеніи горцевъ на барсуковскихъ жителей, часть партіи отдѣлилась и бросилась на подполковника Шапошникова, проѣзжавшаго по близости изъ станицы Барсуковской въ станицу Невинномысскую съ конвоемъ изъ 8-ми хоперскихъ казаковъ [382]). Завидѣвъ хищниковъ, хоперцы спѣшились и приготовились къ отчаянной оборонѣ. Съ налета горцы осыпали ихъ градомъ пуль, ранили одного казака и одну лошадь, но, въ свою очередь, встрѣченные мѣткимъ огнемъ, они поспѣшно отошли назадъ и примкнули къ главной партіи, уже атакованной нашими отрядами.

Въ томъ же году 25-го сентября, 12 человѣкъ горцевъ, въ сумеркахъ, возвращаясь съ набѣга на кисловодскую линію, встрѣтили недалеко отъ балки Курсавки, въ сторонѣ Воровсколѣсскаго поста, Хоперскаго полка урядника Павла Соловьянова и казака Семена Мищенкова съ ногайцемъ Муртузаліевымъ, ѣхавшихъ степью съ поста Джуртуцкаго [383]). Увидѣвъ казаковъ, хищники гикнули и понеслись на нихъ. Хоперцы глазомъ не моргнули подъ грознымъ вражескимъ налетомъ, мгновенно спѣшились и, отдавъ лошадей ногайцу, встрѣтили нападеніе выстрѣлами. Горцы осадили назадъ. Въ это время ногаецъ съ лошадьми бросился уходить, но не прошло и минуты, какъ онъ былъ пойманъ черкесами, лошади отняты, а самого его пустили на всѣ стороны. Между тѣмъ перестрѣлка продолжалась, при чемъ Соловьянову удалось убить лошадь и сильно ранить одного изъ наѣздниковъ Послѣдняя потеря почему-то сильно смутила горцевъ и они быстро удалились, вырѣзавъ предварительно тавро убитой лошади. Тогда Соловьяновъ и Мищенковъ на-

правились къ Воровсколѣсскому посту, куда добрались уже благополучно *).

Зимою того же года произошелъ такой случай. 16-го декабря передъ вечеромъ, казаки станицы Баталпашинской Димитрій Крикуновъ и Архипъ Черновъ, выѣзжая изъ лѣсу ниже Усть-Тахтамышевскаго поста и переѣхавъ р. Абазинку, были встрѣчены партіею изъ пяти горцевъ [384]). Ѣхавшій впереди возовъ, Крикуновъ, окликнувъ приближавшихся всадниковъ, былъ моментально обезоруженъ, связанъ треногомъ и увезенъ къ Кубани. Поручивъ его надзору одного черкеса, остальные четверо напали на Чернова. Однако Черновъ не потерялся и встрѣтилъ хищниковъ по своему: выхвативъ шашку, онъ сталъ отбиваться отъ горцевъ и, не смотря на полученныя имъ три раны, успѣлъ убить изъ пистолета лошадь и ранить одного черкеса шашкою. Тогда горцы оставили его, кинулись внизъ и, схвативъ Крикунова, быстро направились къ переправѣ; здѣсь они неожиданно подвернулись подъ выстрѣлы нашего секрета. Опасаясь быть отрѣзанными отъ Кубани, горцы бросили Крикунова и нанесли ему предварительно три раны шашкою. Команда казаковъ съ Усть-Тахтамышевскаго поста и резервъ изъ станицы Баталпашинской, подъ командою заурядъ-хорунжаго Жендубаева, по первымъ же выстрѣламъ переправились черезъ Кубань и пустились по слѣдамъ горцевъ. Дойдя до Б. Зеленчука, преслѣдованіе было прекращено, такъ какъ сакма (слѣдъ по травѣ) исчезла, за множествомъ слѣдовъ и тропинокъ изъ ближайшихъ кошей.

Въ 1839 году можно отмѣтить два слѣдующія происшествія. 21-го августа передъ заходомъ солнца, восемь хищниковъ напали на казаковъ станицы Сѣверной: Богацкаго, Герасимова и Фиронова, работавшихъ въ полѣ съ своими семействами [385]). Въ первый моментъ нападенія Фироновъ палъ изрубленный шашками, а дѣти Богацкаго—два мальчика и дѣ-

*) Награды. Приложеніе № 65.

вочка, и 6 лошадей были взяты горцами, которые затѣмъ направились въ сторону Березоваго поста. Казаки же Богацкій и Герасимовъ успѣли скрыться въ бурьянахъ близлежащей балки, а когда опасность миновала, они поспѣшили на постъ и тамъ разсказали о происшествіи. Утромъ на другой день эта тревожная вѣсть быстро облетѣла кордонную, линію, а въ полдень командиръ Хоперскаго полка маіоръ Игельстромъ, съ командою изъ 22-хъ казаковъ, уже скакалъ къ Березовому посту. Узнавъ, что хищники скрылись въ воровсколѣсскихъ буеракахъ, называемыхъ „Широкою балкою", Игельстромъ бросился туда и, спѣшивъ 11 казаковъ, смѣло пустился на поиски. Въ то же время постовымъ казакамъ было приказано оцѣпить лѣсъ и стать на выходахъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ.

Вскорѣ хищники были открыты и казаки завязали съ ними перестрѣлку, но, пользуясь наступившими сумерками, черкесы незамѣтно скрылись, а казаки бросились преслѣдовать ихъ. Между тѣмъ горцы, углубившись въ лѣсъ и пробираясь къ выходу изъ него, какъ разъ наткнулись на казачью засаду, которая встрѣтила ихъ выстрѣлами съ близкаго разстоянія и ранила одного абрека. Въ партіи произошелъ переполохъ въ виду опасности очутиться между двухъ огней. Тогда бросивъ одного мальчика и всѣхъ лошадей, черкесы съ остальными дѣтьми кинулись въ лѣсную чащу, гдѣ успѣли скрыться, благодаря наступившей ночи и густому туману. Долго еще казаки шарили по лѣсу, но всѣ поиски ихъ были напрасны. Дѣти Богацкаго пропали навсегда.

4-го ноября того же года, передъ заходомъ солнца, въ туманный день казаки Хоперскаго полка Шамардинъ, Толстяковъ, Тебякинъ и Гавриловъ ѣхали на двухъ пароконныхъ подводахъ отъ поста Верхне-Барсуковскаго къ посту Березовскому, по дорогѣ къ Суворовской станицѣ [386]). На половинѣ пути ихъ неожиданно окружила партія хищниковъ, изъ 15-ти хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Сдѣлавъ залпъ по казакамъ, кото-

рымъ Тебякинъ былъ раненъ въ ногу выше колѣна, горцы кинулись къ повозкамъ; хоперцы, въ свою очередь, отвѣтили выстрѣлами и ранили двухъ горцевъ. Среди наступавшихъ сумерекъ и густого тумана завязалась оживленная перестрѣлка. Не прошло и полчаса, какъ остальные казаки также получили болѣе или менѣе тяжелыя раны и были убиты двѣ лошади.

Видя безвыходность своего положенія, хоперцы бросили свои повозки и, держась кучкою, стали медленно отступать къ Березовому посту, отстрѣливаясь на ходу противъ насѣдавшихъ хищниковъ. Пройдя небольшое разстояніе, Гавриловъ и Толстяковъ, державшіеся нѣсколько позади, получили такія тяжкія раны пулями, что дальше не могли двинуться и оба упали на землю. Отчаянный крикъ о помощи пронесся въ воздухѣ и замеръ въ темнотѣ, а наскочившіе черкесы, бросившись на несчастныхъ казаковъ, изрубили ихъ шашками. Тебякинъ и Шамардинъ слышали призывъ о помощи, но, не имѣя возможности спасти ихъ, продолжали медленно отходить, поддерживая съ рѣдкимъ мужествомъ перестрѣлку. Когда же Шамардинъ получилъ вторую рану, положеніе казаковъ сдѣлалось совсѣмъ безвыходнымъ. Не теряя духа и предпочитая смерть неволѣ, едва передвигая ногами, оба молодца продолжали держать черкесовъ на почтительномъ разстояніи, угрожая смертью каждому, кто черезчуръ высунется впередъ. Такимъ образомъ, они прошли еще версты полторы, а затѣмъ незамѣтно скрылись въ густыхъ бурьянахъ, гдѣ за темнотою ночи не были найдены горцами, искавшими ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Рано утромъ отважные хоперцы съ трудомъ дотащились до Верхне-Барсуковскаго поста и тамъ повѣдали свою печальную повѣсть. Постовая команда бросилась на поиски, но привезла съ собою только тѣла убитыхъ казаковъ; горцы же еще ночью скрылись и увели двухъ отбитыхъ лошадей.

Въ 1840 году партіи хищниковъ не оставляли кубанскую кордонную линію въ покоѣ. Такъ, въ ночь на 15-е апрѣля,

небольшая партія горцевъ тихо подкралась къ посту Верхне-Барсуковскому и стала прорѣзать плетневую ограду съ цѣлью, вѣроятно, выкрасть лошадей [387]). Стоявшій на часахъ, казакъ станицы Круглолѣсской Семенъ Харинъ, услышавъ шорохъ около ограды и замѣтивъ мелькавшія тѣни, громко опросилъ: „кто тамъ?“ Но въ ту же минуту получилъ въ отвѣтъ пистолетную пулю въ правый бокъ. Не смотря на острую боль, Харинъ смѣло бросился впередъ, сцѣпился съ однимъ изъ хищниковъ, первымъ подвернувшимся ему подъ руку, и повалилъ его на землю. Въ рукахъ горца блеснулъ кинжалъ и храбрый казакъ мгновенно былъ раненъ въ лѣвую руку и въ грудь. Эти раны не только не смутили Харина, но напротивъ усилили его энергію и онъ что было силы схватилъ руки черкеса и навалился на него всѣмъ тѣломъ.

Между тѣмъ выстрѣлъ и шумъ борьбы подняли на ноги всю постовую команду. Первымъ изъ поста выбѣжалъ казакъ Алексѣй Лобановъ, за нимъ слѣдомъ еще нѣсколько хоперцевъ, торопясь на ходу выхватить винтовки изъ чехловъ. Какъ только казаки выскочили за постъ, Харинъ прежде всего закричалъ Лобанову, чтобы онъ посмотрѣлъ—цѣлы ли лошади, а остальнымъ посовѣтовалъ обшарить ближайшія окрестности поста—нѣтъ ли тамъ горцевъ. Когда Лобановъ вторично прибѣжалъ къ Харину, который все еще продолжалъ держать подъ собою горца и увидѣлъ въ чемъ дѣло, то, не долго думая, выстрѣломъ изъ ружья убилъ наповалъ черкеса. Произведенные казаками поиски были безуспѣшны, такъ какъ горцы, пользуясь суматохою и темнотою успѣли уйти. На другой день тѣло убитаго черкеса было доставлено въ Баталпашинскъ. Харинъ вылѣчился и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена за свое мужество.

3-го ноября утромъ, партія болѣе 100 закубанцевъ перешла на нашу сторону между Хумарою и Усть-Джегутою, захватила восемь ногайскихъ табунщиковъ съ лошадьми и переправи-

лась обратно за Кубань [388]). Въ полдень горцы, возвратившись снова на правый берегъ, подступили было къ Хумаринскому укрѣпленію и даже атаковали его, но встрѣченные сильнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ пѣхоты и хоперцевъ, бывшихъ на службѣ въ Хумарѣ, потеряли убитыми 4-хъ человѣкъ и одну лошадь, и поспѣшно отступили вверхъ по Кубани. По выстрѣламъ, раздавшимся изъ укрѣпленія, тревога быстро распространилась по кордонной линіи и постовыя команды чутко насторожились. Прежде всѣхъ къ Джегутѣ пошли на рысяхъ 35 хоперскихъ казаковъ съ двумя конными орудіями изъ баталпашинскаго станичнаго резерва и ближайшихъ постовъ съ маіоромъ Игельстромомъ во главѣ. Переправившись за Кубань, хоперцы направились къ Урупу наперерѣзъ партіи, но на пути получили извѣстіе, что черкесы перешли Кубань выше Каменнаго моста. Тогда Игельстромъ поворотилъ коней и по М. Зеленчуку понесся полнымъ ходомъ къ верховьямъ Кубани, гдѣ въ это время происходило уже кровавое побоище не на жизнь, а на смерть!...

По первому извѣстію о нападеніи на Хумару, начальникъ Ямановскаго поста урядникъ Колесниковъ съ 15-ю своими казаками и бывшимъ на посту ногайскимъ княземъ Саралыпомъ Лоовымъ, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ бросился на лѣвый берегъ, чтобы отрѣзать хищниковъ отъ горъ и отбить баранту и полонъ. Но силы были слишкомъ неравны. Послѣ самаго упорнаго кроваваго боя, въ которомъ каждый изъ хоперцевъ бился съ отчаянною рѣшимостью дорого продать свою жизнь, всѣ они пали жертвою честно исполненнаго долга службы, на защитѣ родной стороны!... Тѣла павшихъ героевъ были найдены Игельстромомъ, каждое прострѣленнымъ не менѣе шестью пулями. Изъ всѣхъ храбрецовъ только двое спаслись, да и то тяжело ранеными. Сотня донскихъ казаковъ съ офицеромъ, находившаяся недалеко, была очевидцемъ гибели горсти храбрыхъ хоперцевъ и не тронулась съ мѣста, чтобы помочь

отважнымъ казакамъ отбиться отъ горцевъ, которые успѣли скрыться до прибытія, скакавшей во всѣ повода подмоги.

Почти весь 1841 годъ на кордонной линіи прошелъ спокойно, но въ концѣ лѣта мелкія партіи горцевъ стали появляться на нашей сторонѣ. Такъ, 18-го августа передъ вечеромъ, непріятельская партія, около 30-ти всадниковъ, вблизи поста Воровсколѣсскаго на р. Сурукли, напала на небольшой разъѣздъ изъ шести хоперскихъ казаковъ, подъ командою хорунжаго Кочубѣева [389]). Въ перестрѣлкѣ съ хищниками Кочубѣевъ былъ тяжело раненъ въ правую руку и взятъ въ плѣнъ, а его команда, лишившись своего начальника и имѣя уже на рукахъ трехъ раненыхъ товарищей, отступила къ посту. Горцы даже не стали преслѣдовать казаковъ, а поспѣшно бросились уходить по направленію къ Кубани, пользуясь наступившею темнотою. Поднялась безполезная тревога, но хищниковъ и слѣдъ простылъ. Хорунжій Кочубѣевъ не долго томился въ плѣну. Какъ только поджила его раненая рука, онъ умудрился ловко ускользнуть отъ горцевъ и 20-го октября весь оборванный, босой и страшно изнуренный, счастливо добрался до своей родной станицы. По Высочайшему повелѣнію два мѣсяца плѣна были зачтены въ срокъ службы храбраго офицера.

Въ томъ же году, 8-го сентября вечеромъ, три горца подкрались къ хутору у поста Жмурина и, сдѣлавъ изъ засады залпъ, ранили мальчика Половика и казачку Сѣрякову, а затѣмъ скрылись въ темнотѣ ночи [390]). Подобныя происшествія происходили постоянно въ станицахъ и на кордонныхъ постахъ; особаго значенія имъ не придавали и только пріучили станичнаго жителя и постового казака хладнокровно смотрѣть въ глаза опасности.

Между тѣмъ нападенія горцевъ продолжались до конца года, хотя безуспѣшно. Этими нападеніями мы нерѣдко были обязаны нашимъ дезертирамъ, которые, пользуясь знаніемъ силъ и расположенія кордонныхъ постовъ, часто руководили набѣгами

небольшихъ партій. Что именно побуждало этихъ заблудшихъ дѣтей нашей родины измѣнять своему отечеству—ни одно дознаніе не обнаружило и не разъяснило какъ слѣдуетъ.

Такъ, 17-го октября 1841 года, командующій баталпашинскимъ участкомъ, командиръ Хоперскаго полка маіоръ Игельстромъ, доносилъ Зассу, что того же числа бѣжалъ къ горцамъ сотникъ Лабинскаго полка Атарщиковъ 1-й съ узденями Шереметомъ Лоовымъ и Лафишевымъ, который сманилъ также съ собою на побѣгъ за Кубань князя абазинскаго Сералипа Лоова и двухъ служащихъ казаковъ Хоперскаго полка Василія Фенева и Ефима Петренко [392]). Спустя нѣсколько дней, Атарщиковъ далъ о себѣ знать ужаснѣйшимъ злодѣяніемъ, въ которомъ ярко обрисовалось жестокая мстительность, совершенно не свойственная христіанину. 27-го октября онъ съ партіею изъ сорока горцевъ пробрался на кисловодскую линію и около поста Открытаго напалъ на двухъ казаковъ, изъ которыхъ одного горцы захватили въ плѣнъ, а другого убили. Затѣмъ партія поспѣшила обратно къ Кубани; но при этомъ она подверглась настойчивому преслѣдованію казаковъ, подъ командою сотника Краснова, который во время погони успѣлъ нанести горцамъ довольно значительный вредъ. Во время быстрой скачки плѣнникъ-казакъ, конечно, стѣснялъ черкесовъ и они ударомъ кинжала покончили съ нимъ. Атарщиковъ ни словомъ, ни дѣломъ не заступился за своего соотечественника и тотъ погибъ мученическою смертью. За Кубанью партія раздѣлилась на небольшія группы и благополучно проскользнула къ верховьямъ Урупа.

Черезъ два дня послѣ набѣга Атарщикова на кубанской линіи получилось извѣстіе, что другіе наши бѣглецы—урядникъ Брагуновъ и сынъ сотника Крамарова, находясь въ шайкѣ подъ предводительствомъ бѣглаго казака Кавказскаго казачьяго полка Сабельникова, были убиты казаками во время какого-то разбоя. Между тѣмъ Атарщиковъ съ казаками Феневымъ и Петренко скрылись въ аулъ князя Айтека Конокова, откуда Пет-

ренко, устыдившись своего поступка, 19-го ноября того же года вернулся назадъ. Атарщиковъ же, погулявъ на свободѣ еще мѣсяца два, тоже покинулъ Закубанье и вмѣстѣ съ Феневымъ явился на линію, гдѣ добровольно отдался въ руки властей. Обоихъ бѣглецовъ Высочайше повелѣно было отправить на службу въ Финляндію съ прикомандированіемъ къ находившемуся тамъ Донскому № 51 полку; имъ выдали прогоны и оставили на свободѣ, для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ. 18-го сентября Атарщиковъ вторично бѣжалъ за Кубань къ горцамъ и увлекъ съ собой опять Фенева; но послѣдній вскорѣ оставилъ его и вернулся въ укрѣпленіе Зассовское, не согласившись скитаться на чужбинѣ. Очутившись снова за Кубанью, Атарщиковъ принялъ магометанство и женился на дочери ногайскаго узденя Мисоста Энарукова, съ которою, въ апрѣлѣ 1844 года, поселился въ собственной саклѣ въ аулѣ на р. Курджипсѣ. Здѣсь у своего тестя онъ купилъ бѣглаго казака Хоперскаго полка Ѳому Головкина, находившагося въ неволѣ, которому хотя не вполнѣ довѣрялъ, но держалъ при себѣ въ качествѣ драбанта. Съ Курджипса Атарщиковъ частенько производилъ набѣги на линію.

Въ августѣ 1845 года Атарщиковъ вмѣстѣ съ Головкинымъ отправился на разбой къ Ставрополю, въ полной увѣренности въ счастливомъ исходѣ этого набѣга и не подозрѣвая своего близкаго конца. 11-го числа, не доѣзжая 10-ти верстъ до Прочнаго Окопа, путники остановились въ лѣсу на Урупѣ, чтобы отдохнуть и дождаться ночи. Когда Атарщиковъ прилегъ на бурку и задремалъ, Головкинъ выстрѣломъ изъ ружья смертельно ранилъ своего господина въ спину, а затѣмъ явился въ укрѣпленіе Ново-Георгіевское къ маіору Тимофѣеву и повѣдалъ ему о случившемся. Команда, посланная для отысканія Атарщикова, нашла его еще живымъ. Полулежа на лѣвомъ боку, онъ въ безсильной злобѣ взвелъ зубами курокъ пистолета и приготовился къ оборонѣ, но казаки закричали ему бросить оружіе, угрожая

въ противномъ случаѣ пристрѣлить его, какъ звѣря. Атарщиковъ опустилъ руки, его взяли и принесли въ укрѣпленіе. Головкинъ былъ прощенъ за дезертирство и возвращенъ на родину; Атарщиковъ же въ тотъ день умеръ, не выдержавъ перевозки на подводѣ въ Прочный Окопъ.

Между тѣмъ тревоги на кубанской линіи шли своимъ чередомъ. Съ наступленіемъ ночи хищники переправлялись черезъ Кубань и проникали далеко въ глубь нашихъ предѣловъ; тамъ они неожиданно нападали на селенія и хутора, грабили оплошавшихъ жителей или отгоняли скотъ, захватывали плѣнныхъ и къ утру исчезали въ свою сторону. Часто погоня отбивала добычу, но еще чаще не настигала хищниковъ, или вслѣдствіе утомленія лошадей, такъ какъ приходилось безполезно рыскать по разнымъ направленіямъ, пока не находили слѣдовъ партій, или по случаю ночной темноты, тумана и лѣсистой мѣстности.

Такъ, рано утромъ 9-го октября 1842 года, партія около 70-ти всадниковъ, переправившись черезъ Кубань въ двухъ верстахъ ниже станицы Барсуковской, быстро двинулась во внутрь кордона, по направленію къ крѣпости Темнолѣсской [393]). Барсуковскій станичный резервъ, въ числѣ около 70-ти казаковъ, подъ начальствомъ хорунжаго Пучкова, оповѣстилъ кордонъ о прорывѣ горцевъ и погнался за партіей. Догнавъ ее въ балкахъ, восточнѣе Бабскаго поста, онъ вступилъ съ нею въ перестрѣлку и отбросилъ къ Темному лѣсу, гдѣ вскорѣ показались 15 казаковъ Темнолѣсской станицы съ урядникомъ Мальчевскимъ. Соединенныя казачьи команды и подоспѣвшая рота пѣхоты изъ крѣпости Темнолѣсской прижали партію къ лѣсу. Въ это время изъ Невинномысской прискакалъ маіоръ Ритцъ и урядникъ Поляковъ съ 30-ю казаками той же станицы, которые, обскакавъ партію, захватили поляну у „Холоднаго родника", по дорогѣ на Ставрополь. Горцы бросились также на поляну, чтобы открыть себѣ единственный путь отступленія, но дружный залпъ спѣшенныхъ хоперцевъ, подъ начальствомъ урядника Яготинцева

и приказнаго Грибова, осадилъ ихъ, при чемъ у горцевъ было убито 2 человѣка и 2 лошади. Столкнувшись съ черкесами, казаки открыли частый огонь, а съ другой стороны солдаты бросились въ штыки на хвостъ партіи. Завязался ожесточенный лѣсной бой!...

Горцы, однако, хорошо знали мѣстность и едва не ускользнули, бросившись по направленію къ Бабскому посту, но, благодаря командѣ урядника Мальчевскаго, снова были остановлены и отброшены въ глубокую балку. Оцѣпивъ мѣстность, казаки и пѣхота снова устремились въ балку, но наступившіе сумерки и спустившійся густой туманъ заставили насъ пріостановиться; команды же Полякова и Мальчевскаго до самой темноты вели перестрѣлку. Въ это время прибыли еще подкрѣпленія: урядникъ Поповъ съ 50-ю хоперцами и зауряд-хорунжій Арканниковъ съ 30-ю казаками Ставропольскаго полка. Эти команды, будучи на свѣжихъ лошадяхъ, вскорѣ открыли слѣды партіи и бросились въ погоню, но все тотъ же густой туманъ лишалъ возможности узнать истинное направленіе, взятое горцами и потому, промучившись всю ночь, Арканниковъ съ разсвѣтомъ принужденъ былъ возвратиться. Горцы же, потерявъ 6 человѣкъ убитыми, 15 человѣкъ и 16 лошадей ранеными, быстро отступили за Кубань, не соблазнившись даже легкою добычею въ пучковой мельницѣ, гдѣ были люди и около которой они переправились черезъ рѣку.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 10-го ноября того же года, партія болѣе 1500 горцевъ, съ восходомъ солнца, произвела набѣгъ на темнолѣсскіе хутора со стороны станицы Барсуковской [394]). Захвативъ тамъ плѣнныхъ и скотъ, горцы пошли назадъ, преслѣдуемые командами казаковъ съ окрестныхъ постовъ. Тревога быстро распространилась по всей линіи. Резервъ станицы Невинномысской изъ сорока человѣкъ мигомъ собрался, выскочилъ за станицу и понесся къ Темнолѣсской, окутанной густымъ туманомъ. Проскакавъ въ совершенномъ невѣдѣніи къ р. Бар-

сукламъ 8—9 верстъ, казаки неожиданно наскочили на непріятельское скопище, направлявшееся къ Кубани. Въ одно мгновеніе, прямо съ налета, враги сцѣпились другъ съ другомъ...

Въ кровавой рукопашной схваткѣ 18 хоперцевъ были мгновенно изрублены на мѣстѣ, а остальные, поворотивъ коней, едва успѣли спастись, благодаря туману и нашимъ подоспѣвшимъ войскамъ. Партія переправилась въ 4-хъ верстахъ ниже Невинномысской и, не смотря на преслѣдованіе и значительную потерю, успѣла уйти съ плѣнными, но бросила захваченный скотъ. Павшіе въ схваткѣ хоперцы похоронены въ одной братской могилѣ около станицы Невинномысской. И теперь еще на могильномъ холмѣ стоитъ одинокій крестъ—памятникъ ихъ мужественнаго подвига во имя долга службы!

Послѣ набѣга на темнолѣсскіе хутора, въ станицѣ Бѣломечетской былъ собранъ летучій отрядъ изъ пѣхоты и 250 казаковъ Хоперскаго полка съ 2-мя орудіями [395]). Отрядъ этотъ всю зиму оставался въ сборѣ, наблюдая за кордонною линіею. Только въ январѣ 1843 года казаковъ распустили по своимъ домамъ, вслѣдствіе истощенія запасовъ сѣна, и только резервы въ станицахъ Невинномысской, Бѣломечетской и Баталпашинской, каждый изъ 80-ти казаковъ, и постовые разъѣзды въ ночное время безпрестанно осматривали мѣста на бродахъ и переправахъ. Такъ изо дня въ день, въ вѣчной тревогѣ, проходила жизнь хоперцевъ на правомъ флангѣ. Кордоны были безсильны предохранить край отъ угнетавшихъ его бѣдствій, хотя бы они отличались идеальною исполнительностью. Бывало казаки настигали хищниковъ, захватившихъ скотъ или плѣнныхъ, но горцы нерѣдко укрывались въ аулахъ, такъ называемыхъ „мирныхъ горцевъ“. Эти послѣдніе были самыми вредными и злѣйшими нашими врагами. Подъ личиною мирнаго жителя, они способствовали укрытію хищниковъ, и довольно часто сами принимали участіе въ набѣгахъ на станицы и хутора.

Такъ, 18-го іюля 1847 года, передъ заходомъ солнца, изъ

укрѣпленія Усть-Джегутинскаго ѣхалъ казакъ 2-го Хоперскаго полка Константинъ Помазановъ въ Баталпашинскъ [396]). Только что онъ проѣхалъ ногайскій аулъ Бейерслана Туганова, какъ изъ-подъ кручи праваго берега Кубани выскочили четыре горца и бросились на него съ пальбою. Первая же пуля ранила Помазанова въ грудь, но, не потерявъ присутствіе духа и не смотря на сильную боль, онъ съ рѣдкою отвагою сталъ защищаться отъ хищниковъ и успѣлъ ранить одного изъ нихъ выстрѣломъ изъ ружья, а другого шашкою. По первымъ выстрѣламъ на мѣсто кровавой схватки прискакали казаки съ постовъ и, узнавъ о случившемся, бросились на поиски; горца, тяжело раненаго Помазановымъ, они нашли брошеннымъ своими товарищами; другого же раненаго тѣ увезли съ собою. Помазановъ недолго прожилъ и въ ту же ночь умеръ отъ полученной раны.

Въ ночь на 17-е ноября 1849 года, партія, въ числѣ 50-ти черкесовъ, переправилась черезъ Кубань противъ заставы между постами Преграднымъ и Донскимъ [397]), оттѣснила загородившихъ ей дорогу казаковъ и напала на грековъ, гнавшихъ скотъ. Однако казаки, не смотря на неравенство силъ, смѣло вступили съ горцами въ перестрѣлку, угрожая ихъ тылу; потерявъ одного казака Ставропольскаго полка убитымъ, наша застава отступила и подняла тревогу, не покидая изъ виду партіи. При первомъ же нападеніи на грековъ, горцы убили 2-хъ и ранили 3-хъ человѣкъ, а 2-хъ грековъ и весь скотъ захватили съ собою и погнали къ переправѣ черезъ Кубань, нѣсколько ниже Невинномысска. По тревогѣ съ поста Донского поскакала за хищниками команда съ хорунжимъ Кулешевымъ, и почти одновременно съ нею появился резервъ станицы Невинномысской, подъ командою хорунжаго Яготинцева. Хоперцы и ставропольцы дружно повели преслѣдованіе и настигли партію на р. Казмѣ, гдѣ съ налета вступили съ горцами въ перестрѣлку и успѣли отбить весь скотъ, а непріятеля заставили спасаться бѣгствомъ. Продолжая дальнѣйшее преслѣдованіе, казаки проскакали до

Урупа, но здѣсь горцы разсѣялись, пользуясь пересѣченною мѣстностью и темнотою ночи. Казаки прекратили дальнѣйшее преслѣдованіе, такъ какъ казачьи лошади, сдѣлавъ на рыси и карьерѣ болѣе 50-ти верстъ, буквально падали отъ усталости.

Тревоги на баталпашинскомъ участкѣ кордонной линіи не прекращались и въ послѣдующіе годы. Изъ происшествій 1851 года можно отмѣтить слѣдующія. Въ полночь на 3-е сентября [398]), ниже поста Редутнаго, съ нашей стороны за Кубань переправились четыре конныхъ черкеса, которые, не смотря на выстрѣлы казачьяго секрета, благополучно достигли лѣваго берега и скрылись въ темнотѣ. Выстрѣлы подняли тревогу. Въ первую же минуту маіоръ Матусъ и сотникъ Хоперскаго полка Дугинъ съ нѣсколькими резервными казаками баталпашинской сотни, въ 2 часа по полуночи, бросились за Кубань по слѣдамъ горцевъ и на разсвѣтѣ догнали ихъ на р. Б. Зеленчукѣ. На предложеніе остановиться и сложить оружіе, горцы наскаку отвѣтили по передовымъ казакамъ выстрѣлами и кинулись вверхъ по Зеленчуку къ лѣснымъ буеракамъ. Но сотникъ Дугинъ съ урядникомъ Елисѣемъ Смирновымъ, приказнымъ Павломъ Ларіоновымъ и тремя казаками въ карьеръ вынеслись наперерѣзъ хищникамъ и съ налета кинулись на нихъ въ шашки. Въ одну минуту два горца были изрублены, а подъ другими двумя убиты лошади. Пѣшіе хищники, видя, что спасенія нѣтъ, бросились въ какую-то заросшую кустами яму, выставили ружья и приготовились къ защитѣ. Одновременно съ горцами спѣшились Смирновъ и Ларіоновъ и, выхвативъ винтовки, кинулись къ ближайшему бугру, откуда двумя мѣткими пулями уложили обоихъ хищниковъ на мѣстѣ; съ нашей стороны во время перестрѣлки убито 4 казачьихъ лошади.

31-го октября на разсвѣтѣ, изъ укрѣпленія Хумаринскаго выѣхалъ казачій разъѣздъ 2-го Хоперскаго полка изъ 10-ти казаковъ и направился къ посту „Подъ Камнемъ“ [399]). Не доѣзжая этого поста, на „Волчьей тропѣ“, въ самомъ предательскомъ и

разбойничьемъ мѣстѣ, нашъ разъѣздъ былъ встрѣченъ дружными выстрѣлами 15-ти горцевъ, засѣвшихъ за камнями. Сдѣлавъ залпъ, горцы бросились было на казаковъ, но ошеломленные неожиданностью въ первый моментъ, хоперцы уже спѣшились, залегли за каменными глыбами и, въ свою очередь, открыли огонь по непріятелю. По первымъ же выстрѣламъ на подмогу казакамъ бросились нѣсколько человѣкъ пѣхотинцевъ и казачьи постовыя команды съ сотникомъ Дубининымъ. Дружнымъ натискомъ казаки выбили горцевъ, которые, потерявъ одного убитымъ и нѣсколько человѣкъ ранеными, быстро кинулись подъ кручу, перебрались за Кубань и скрылись въ лѣсистыхъ трущобахъ.

Между тѣмъ тревоги на кордонной линіи продолжались безпрерывно; то хищники угонятъ скотъ, то кого-либо уведутъ въ плѣнъ, или просто появятся передъ постами съ намѣреніемъ перебраться къ намъ на разбой. 11-го апрѣля 1852 года казаки станицы Бѣломечетской Иванъ Маркинъ и Иванъ Басакъ отправились къ верховьямъ р. Калауса на розыски пропавшей лошади [400]). Въ тотъ же день передъ вечеромъ они доѣхали до Брыковой горы и, находясь вблизи озера Безстума, нечаянно наскочили въ балкѣ на партію хищниковъ, подъ предводительствомъ знаменитаго разбойника офицера Капланъ-Гирея Девлетъ-Гиреева, ѣхавшаго съ тремя плѣнными калаусскими жителями. Неожиданность встрѣчи не застала врасплохъ хоперцевъ, но силы были черезчуръ неравны и бѣдные казаки пали на мѣстѣ убитые наповалъ изъ ружей.

Названный Капланъ-Гирей служилъ прежде въ русской службѣ и былъ офицеромъ. За убійство какого-то казака его предали суду; боясь тяжелаго наказанія, онъ ушелъ къ немирнымъ горцамъ и затѣмъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ и дерзкихъ абрековъ. Капланъ-Гирей постоянно ходилъ въ набѣги съ хищническими партіями и прославился страшными злодѣяніями и разбоемъ. Только въ шестидесятыхъ

годахъ онъ гдѣ-то наскочилъ на сильную казачью команду и былъ убитъ [401]).

9-го мая, командиръ Хоперскаго полка подполковникъ Королевъ получилъ извѣстіе, что какіе-то абреки скрываются въ Эльбурганскихъ лѣсахъ, чтобы выждать время, а затѣмъ пуститься на грабежъ [402]). Съ цѣлью захватить или истребить всю партію, Королевъ послалъ команду казаковъ съ сотниками Дугинымъ и Фисенковымъ и хорунжими Шершневымъ и Фисенковымъ, приказавъ имъ раздѣлиться на три или четыре группы, окружить Эльбурганскій лѣсъ и одновременно произвести наступленіе. Не смотря на принятыя предосторожности, горцы своевременно замѣтили приближеніе казаковъ и стали отходить на югъ къ густымъ зарослямъ въ глубокихъ балкахъ. Казаки также не зѣвали; три команды съ своими офицерами во главѣ почти одновременно ворвались въ лѣсъ съ разныхъ сторонъ, и встрѣтивъ трехъ горцевъ, бросившихся было на казаковъ съ кинжалами, уложили ихъ пулями изъ пистолетовъ. Но одинъ изъ абрековъ, пользуясь туманомъ, успѣлъ всетаки скрыться и только передъ вечеромъ былъ настигнутъ и схваченъ казаками живымъ на переправѣ черезъ Малый Зеленчукъ. Тамъ же въ лѣсу казаки захватили пять лошадей съ сѣдлами и вьюки съ товаромъ. По показанію пойманнаго абрека князя Зурумова, вся партія состояла изъ шести человѣкъ, изъ которыхъ два, братья князья Сидовы, успѣли бѣжать вверхъ по Кубани. Убитые горцы оказались: башильбаевскій старшина Хобахъ Дебебовъ, абадзехъ Хаджи Беденоковъ и какой-то махошевецъ; всѣ четверо пріѣзжавшіе съ Лабы на разбой въ нашу сторону.

13-го августа утромъ, около поста Усть-Тахтамышевскаго постовой разъѣздъ замѣтилъ свѣжіе слѣды на переправѣ черезъ Кубань [403]). Казаки подняли тревогу и дали знать въ Баталпашинскъ, а сами переправились за рѣку и кинулись по открытымъ слѣдамъ, которые шли къ Зеленчуку. Дорогою казаки нашли двѣ брошенныя приставшія лошади съ сѣдлами, по-

видимому крестьянскія, а затѣмъ, слѣдуя дальше, они наткнулись около дороги еще на одну лошадь, изрубленную шашками. Всѣ эти примѣты ясно указывали, что хищники торопились уйти и потому убивали изморенныхъ коней. Между тѣмъ изъ станицы Баталпашинской уже скакалъ казачій резервъ, подъ командою хорунжаго Фисенкова. Соединенныя команды направились по слѣдамъ и на пути присоединились къ приставу закубанскихъ народовъ полковнику Алкину, тоже выѣхавшему съ нѣсколькими милиціонерами изъ туземцевъ на поиски черкесской партіи.

Слѣды привели всѣхъ ихъ на р. Малый Зеленчукъ къ лѣсистой балкѣ „Псесокъ", вблизи ногайскаго аула Абатова. Не теряя времени, хоперцы съ урядникомъ Захаромъ Салжаникинымъ первые спѣшились и бросились въ балку, справедливо подозрѣвая присутствіе въ ней хищниковъ. Дѣйствительно, едва Салжаникинъ съ казаками и милиціонерами сталъ спускаться къ лѣсу, какъ были встрѣчены выстрѣлами, которыми съ перваго же шага были ранены дударуковскій князь Касбулатъ Дударуковъ и одинъ узденъ. Тогда казаки и ногайцы охватили лѣсъ съ двухъ сторонъ и повели наступленіе такъ настойчиво, что горцы поспѣшно начали уходить въ лѣсную чащу, бросивъ своихъ одиннадцать осѣдланныхъ лошадей, которыхъ Салжаникинъ тутъ же открылъ въ густыхъ заросляхъ. Горцы начали отступать, тѣснимые казаками, но въ это время хлынулъ такой проливной дождь съ градомъ, что казаки поспѣшили схватить своихъ собственныхъ и отбитыхъ лошадей и съ ними укрыться подъ деревьями, а тутъ еще стало темнѣть, почему, волею неволею, наступленіе противъ ускользнувшихъ хищниковъ было пріостановлено *). Балку стерегли до самаго разсвѣта, но за ночь черкесы успѣли далеко уйти вверхъ по Зеленчуку и скрылись въ горахъ **). Розыски казачьей команды продолжались также

*) Награды. Приложеніе № 65.

**) По разслѣдованію этого происшествія оказалось, что наканунѣ, 12-го числа, не-

на другой день, но не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ этомъ дѣлѣ тогда подозрѣвали мирныхъ ногайцевъ и особенно князя Эдиге Аблаева, который даже былъ арестованъ, но изъ этого ничего не вышло.

Цѣлый рядъ хищничествъ сопровождалъ также 1853 годъ. Въ ночь на 10-е октября [404]) хищническая партія въ неизвѣстномъ числѣ, подъѣхавъ съ нашей стороны къ скалистымъ выступамъ яманъ-джалгинской горы, около поста того же имени, какъ разъ нарѣзалась на наши два секрета. Казаки во время замѣтили хищниковъ, и залпъ десяти винтовокъ встрѣтилъ черкесовъ почти на самой переправѣ черезъ Кубань. Горцы кинулись назадъ и, пользуясь темнотою, объѣхали стороною наши секреты, спустились къ Кубани и въ нѣсколькихъ мѣстахъ быстро переправились на лѣвый берегъ, а затѣмъ пустились къ Зеленчукамъ. По тревогѣ, ближайшія команды постовъ Яманъ-Джалгинскаго и Жмурина бросились преслѣдовать хищниковъ, но по случаю бывшей сухой погоды, казаки никакъ не могли отыскать слѣдовъ ушедшей партіи, такъ какъ дорогъ, по которымъ можно уйти въ горы, было много. Поэтому казаки поскакали напрямикъ къ Урупу, но не открыли нигдѣ ни слѣдовъ, ни присутствія непріятеля и вернулись назадъ. По произведенному разслѣдованію, оказалось, что партія эта уже два дня разбойничала и скрывалась на нашей сторонѣ и надѣлала намъ много бѣдъ. Такъ, горцы вблизи села Высоцкаго убили трехъ мужчинъ, а на р. Калаусѣ и около станицы Сергіевской побили въ степи пятерыхъ казаковъ и одну женщину, ограбили тамъ же двухъ ногайцевъ и взяли въ плѣнъ двухъ женщинъ и двухъ мальчиковъ.

На обратномъ пути къ Кубани горцы, пользуясь темнотою, благополучно перешли на лѣвую сторону. На р. М. Зеленчукѣ

извѣстная партія хищниковъ въ степи, вблизи села Высоцкаго, убила одну женщину, а двухъ захватила въ плѣнъ и пустилась уходить къ Кубани. Изъ этихъ плѣнницъ горцы почему-то бросили дорогою дѣвушку 18-ти лѣтъ, а съ другою, лѣтъ 13-ти—14-ти, ушли на Зеленчуки и далѣе въ горы.

въ заросшихъ островкахъ, они по непонятной причинѣ остановились на отдыхъ, не выставивъ даже часовыхъ, вслѣдствіе чего лишились почти всей своей добычи. Сильное утомленіе, свалило горцевъ, и они всѣ поголовно заснули. Пользуясь этимъ, обѣ женщины и одинъ мальчикъ успѣли какъ-то уйти и добраться до лѣваго берега Кубани, противъ поста Редутнаго. Тамъ казаки замѣтили ихъ, перевезли на свою сторону и по ихъ указанію бросились къ Зеленчуку, но горцевъ и слѣдъ простылъ.

Весна и лѣто 1854 года прошли относительно спокойно на линіи. Съ наступленіемъ же осени, когда на Кубани открылись броды, грабежи и хищничества горцевъ особенно участились. Такъ, вечеромъ 18-го сентября, на постъ около станицы Сергіевской, уряднику Кислову дали знать, что партія горцевъ въ неизвѣстномъ числѣ замѣчена около села Высоцкаго [405]). Схвативъ съ собою резервъ изъ 45-ти хоперцевъ, Кисловъ раздѣлилъ его на три части и пустился къ с. Высоцкому тремя разными дорогами, чтобы навѣрняка найти хищниковъ. Въ 4-хъ—5-ти верстахъ отъ Сергіевской, хоперцы открыли партію всадниковъ, которыхъ тотчасъ же окликнули, но въ отвѣтъ получили залпъ изъ 10-ти—15-ти ружей. Казаки, поддержанные небольшою постовою командою, въ свою очередь, бросились на этихъ горцевъ. Сообразивъ опасность, хищники быстро отступили за рѣку Чечеру къ хутору, хоперцы не отставали отъ нихъ и заставили хищниковъ бросить захваченный ими полонъ изъ 13-ти мужчинъ, женщинъ и дѣтей, жителей просянскихъ хуторовъ и нѣсколько своихъ осѣдланныхъ и похищенныхъ лошадей; горцы полнымъ ходомъ ускакали къ сторонѣ Темнаго лѣса. Во время перестрѣлки и сшибки съ горцами у нихъ было 4 лошади убиты и одна ранена, которыя съ сѣдлами и разнымъ имуществомъ остались на мѣстѣ. По слѣдамъ крови и той суматохѣ, которыя замѣчалась между хищниками, можно было предполагать, что въ партіи находились убитые и раненые. Меж-

ду тѣмъ казаки продолжали преслѣдованіе и гнались за черкесами 15 верстъ, но хищники успѣли скрыться, благодаря пересѣченной мѣстности и наступившей темнотѣ. Поиски на другой день въ районѣ ставропольской бригады остались безъ успѣха.

8-го октября 1855 года передъ разсвѣтомъ, начальнику станицы Невинномысской есаулу Лучкину дали знать, что хищническая партія, пробираясь съ нашей стороны ниже станицы Невинномысской, сбила нашъ секретъ и переправилась за Кубань [406]). Схватить станичный резервъ и переброситься за Кубань было дѣломъ получаса. Слѣды вели къ Урупу, почему есаулъ Лучкинъ пустился съ казаками вверхъ по рѣкѣ и на разсвѣтѣ, на правомъ берегу недалеко отъ впаденія въ Урупъ р. Б. Тегеня, настигъ 5 конныхъ горцевъ, гнавшихъ съ нашей стороны пять быковъ. Замѣтивъ погоню, черкесы бросили быковъ и стремительно понеслись вверхъ по долинѣ Урупа, но казаки настигли злодѣевъ; двухъ изъ нихъ первыми же выстрѣлами уложили на мѣстѣ, а остальные успѣли переправиться за Урупъ и скрылись въ лѣсистомъ ущельи Большихъ Тегеней. Не теряя времени, Лучкинъ переправился на лѣвый берегъ и погнался за уходившими горцами, которые бросились въ лѣсъ, откуда встрѣтили казаковъ выстрѣлами. Тогда есаулъ Лучкинъ спѣшилъ 6 казаковъ и съ ними ударилъ на хищниковъ въ шашки. Залпъ изъ трехъ винтовокъ встрѣтилъ отважнаго офицера и его казаковъ, но не остановилъ ихъ, и черезъ минуту горцы были изрублены шашками. Въ этой рукопашной схваткѣ съ нашей стороны два казака были оцарапаны кинжалами. Впослѣдствіи лазутчики донесли, что погибшіе абреки принадлежали къ довольно большой партіи черкесовъ, которая на лѣвомъ берегу Кубани раздѣлилась на нѣсколько мелкихъ группъ и по одиночкѣ разными дорогами, уходила къ верхней Лабѣ *).

Затѣмъ 18-го октября около полуночи, партія, въ числѣ 34-хъ всадниковъ, подъ предводительствомъ Каплана Эсизова

---

*) Награды. Приложеніе № 65.

УРЯДНИКЪ и КАЗАКЪ

Хоперскаго полка въ парадной формѣ 1845-1855 гг.

Литогр. и фотот. К. Пехачева, Тифлисъ.

и Девлетъ-Гирея Куденетова переправилась въ наши предѣлы у поста Преграднаго, вблизи станицы Барсуковской и, сбивъ наши секреты, прошла къ Темному лѣсу [407]). По линіи поднялась тревога. Постовыя команды стали на ноги; всѣ казаки приняли мѣры охраны и наблюденія, чтобы не пропустить обратно хищниковъ, и вдоль Кубани засновали наши разъѣзды. Между тѣмъ партія, пробравшись за Ставрополь, имѣла тамъ въ скрытныхъ мѣстахъ нѣсколько дневокъ, а 23-го числа, улучивъ благопріятную минуту, напала на жителей сел. Константиновскаго и Кугульты; многихъ горцы перебили, а другихъ, преимущественно дѣвочекъ и мальчиковъ, забрали въ плѣнъ и затѣмъ пустились полнымъ ходомъ къ Кубани, съ намѣреніемъ переправиться ниже станицы Невинномысской. Какъ не скрытно шли черкесы, но все же казаки съ поста Бабскаго замѣтили партію и около полуночи на 24-е число оповѣстили ближайшіе посты и резервы.

По тревогѣ изъ станицы Невинномысской выступили двѣ наши команды: одна, подъ начальствомъ есаула 2-го Хоперскаго полка Яготинцева съ станичнымъ резервомъ и сотнею Донского № 6-го полка; другая есаула Андреева съ сотнею донцовъ того же полка. Едва команды тронулись изъ станицы, какъ получилось экстренное донесеніе съ Усть-Невинскаго поста, что какая-то партія хищниковъ переправилась у того же поста за Кубань и пустилась на рысяхъ къ Урупу. Въ виду этого Яготинцевъ направилъ есаула Андреева съ сотнею донцовъ за Кубань отъ поста Усть-Невинскаго, а самъ съ хоперцами и другою донскою сотнею переправился у станицы Невинномысской и бросился въ погоню за партіею.

Одновременно съ этимъ изъ станицъ Бѣломечетской и Баталпашинской быстро направились за Кубань резервы съ есаулами Фисенковымъ и Лучкинымъ. Команды Яготинцева, Фисенкова и Лучкина быстро дошли къ устью Малыхъ Тегеней, но ни въ балкахъ, ни въ лѣсу никого и ничего не открыли;

усталость лошадей и позднее время заставили ихъ возвратиться обратно на Кубань. Команда же есаула Андреева настигла какую то партію изъ 20-ти хищниковъ безъ всякой добычи, расположившуюся на Урупѣ ниже Большихъ Тегеней. Наскочивъ на горцевъ, донцы завязали съ ними перестрѣлку и такъ настойчиво повели наступленіе, что черкесы, потерявъ 8 человѣкъ убитыхъ, изъ которыхъ трехъ оставили въ нашихъ рукахъ, съ восемью осѣдланными лошадьми, бросились поспѣшно уходить и скрылись въ лѣсистыхъ балкахъ; у донцовъ было ранено два казака и убита одна лошадь. Впослѣдствіи оказалось, что черкесы съ константиновскимъ полономъ переправились черезъ Урупъ далеко выше устья Тегеней и затѣмъ повернули прямо на Лабу.

24-го ноября передъ вечеромъ, командиръ бѣломечетской сотни есаулъ Лучкинъ получилъ отъ лазутчиковъ извѣстіе, что партія изъ 50-ти закубанцевъ намѣревается сдѣлать набѣгъ въ наши предѣлы [408]). Лазутчикамъ не всегда вѣрили, но на всякій случай Лучкинъ приказалъ усилить секреты и принять всѣ мѣры осторожности, чтобы не пропустить хищниковъ черезъ Кубань; на бѣломечетскіе и невинномысскіе хутора посланы особыя команды для ихъ охраненія. Въ полночь на 25-е число, дѣйствительно, какая-то партія черкесовъ, пробираясь осторожно лѣвымъ берегомъ, нарѣзалась на наши секреты, заложенные внизу, въ кустахъ около невинномысскихъ хуторовъ. Казаки не прозѣвали горцевъ и подняли энергичную перестрѣлку съ партіею, которая, однако, переправилась на правый берегъ Кубани и быстро свернула въ сторону отъ секретовъ. Въ темнотѣ ночи нельзя было разобрать, куда направились горцы. Вспыхнули сигнальные маяки, передавая тревогу вдоль кордонной линіи; секреты насторожились, а вверхъ и внизъ по Кубани поскакали разъѣзды.

Между тѣмъ горцы отъ названныхъ хуторовъ бросились по балкамъ въ сторону Яманъ-Джалгинскаго поста, около котораго,

вслѣдствіе непроглядной тьмы, наскочили на нашъ разъѣздъ, ѣхавшій въ полной готовности къ враждебной встрѣчѣ. Казаки по звуку конскихъ копытъ узнали, что ѣдутъ горцы и съ пальбою кинулись на нихъ. Неожиданность нападенія и неизвѣстность о числѣ казаковъ заставили черкесовъ поворотить коней и со всѣхъ ногъ броситься въ сторону Кубани. Темная ночь скрыла и разъединила враговъ. Прискакавъ къ крутымъ берегамъ Кубани, горцы прямо нарвались на секретъ изъ трехъ казаковъ: Корніенкова, Рябоконова и Макѣева, которые встрѣтили хищниковъ дружнымъ залпомъ. Въ партіи поднялась суматоха. Сознаніе опасности, угрожавшей горцамъ со всѣхъ сторонъ, заставило ихъ рѣшиться на крайнюю мѣру: бросить лошадей на берегу и спасаться по одиночкѣ. Такъ они и сдѣлали. Окутанные непроглядною темнотою, казаки, однако, хорошо слышали ясный шорохъ спускавшихся подъ кручу черкесовъ и посылали имъ въ догонку пулю за пулею, чѣмъ еще болѣе увеличивали среди нихъ смятѣніе. Пока дали знать въ резервы и на посты, хищники, пользуясь густымъ туманомъ и темнотою, успѣли переправиться за Кубань и, какъ тогда предполагали, скрылись въ аулахъ мирныхъ горцевъ.

По тревогѣ наши казачьи команды быстро переправились за Кубань и до разсвѣта обшарили берега и знакомыя имъ скрытныя мѣста, но ничего не открыли. Все прямо указывало, что мирные горцы дали пріютъ и убѣжище хищникамъ. Утромъ 20 казаковъ по какимъ-то коннымъ слѣдамъ поскакали къ Урупу, но, конечно, понапрасну. Впрочемъ, на обратномъ пути эти казаки замѣтили около Большого Зеленчука черкеса, ѣхавшаго верхомъ съ заводною лошадью, бросились къ нему, но тотъ ускользнулъ въ лѣсистую балку, оставивъ казакамъ въ добычу обоихъ своихъ коней; восемь осѣдланныхъ лошадей, оставленныя горцами ночью на правомъ берегу Кубани, достались также казакамъ.

Начало новаго 1856 года ознаменовалось довольно крупнымъ происшествіемъ на кордонной линіи Хоперскаго полка. 6-го

января, хорунжіе Есауловъ и Борисенковъ, встрѣтившись и проведя день на посту Ямановскомъ, рѣшили передъ вечеромъ ѣхать на постъ Николаевскій и тамъ заночевать [409]). По непонятной причинѣ они взяли съ собой въ конвой только одного урядника и казака, хотя мѣстность, по которой предстоялъ переѣздъ, всегда была у казаковъ на дурномъ счету. Офицеры знали это и, по выѣздѣ съ поста, приняли нѣкоторыя мѣры осторожности: впереди шагахъ въ 30-ти—40-ка ѣхалъ урядникъ, а позади—казакъ; Есауловъ и Борисенковъ держались рядомъ; всѣ ѣхали шагомъ и время отъ времени перебрасывались короткими фразами. Не доѣзжая трехъ верстъ до поста Николаевскаго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога спускается къ самой Кубани, около источника минеральной воды, вдругъ изъ-за придорожныхъ громадныхъ камней на нихъ неожиданно бросились съ ружейною пальбою и дикими криками около десяти горцевъ. Въ первый же моментъ обѣ офицерскія лошади грохнулись на землю, тяжело раненыя, а вмѣстѣ съ ними хорунжій Есауловъ получилъ двѣ раны пулями въ грудь и въ ногу. Сдѣлавъ залпъ, горцы кинулись на офицеровъ, но тѣ быстро покинули своихъ раненыхъ лошадей, засѣли за двумя большими камнями и съ винтовками въ рукахъ приготовились къ рѣшительной оборонѣ.

Не смотря на тяжелыя раны, хорунжіе Есауловъ и Борисенковъ не дались въ руки врагамъ и вмѣстѣ мужественно отбивались отъ хищниковъ въ теченіи получаса. Нѣсколько разъ черкесы бросались на храбрыхъ офицеровъ съ тыла, не желая подвергать себя опасности, но всякій разъ встрѣчали ружейное или пистолетное дуло съ готовою пулею. Очевидно черкесы хотѣли взять ихъ живыми, чтобы получить впослѣдствіи хорошій выкупъ; поэтому дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно не входило въ разсчеты хищниковъ, иначе они давно бы покончили съ ними. Эта нерѣшительность и была причиною полной неудачи горцевъ. Когда они сдѣлали нападеніе на офицеровъ, лошадь подъ казакомъ испугалась чего-то и вмѣстѣ со всадникомъ упа-

ла на камень, при чемъ казакъ получилъ такой сильный ушибъ головы, что не приходилъ въ себя въ теченіи сутокъ. Урядникъ же, ѣхавшій впереди, при первыхъ выстрѣлахъ помчался полнымъ карьеромъ къ Николаевскому посту. Не прошло и получаса, какъ въ дали показалась постовая команда, летѣвшая во всѣ повода на выручку своихъ офицеровъ. Опасность, грозившая хищникамъ, заставила ихъ бросить офицеровъ и бѣжать за Кубань, при чемъ они захватили оружіе безъ памяти лежавшаго казака и его лошадь. Наступившая темнота и малолюдство постовой команды не позволили хоперцамъ пуститься за горцами, а на другой день всѣ розыски въ закубанскихъ мѣстахъ были уже безуспѣшны.

Осень 1856 года была также обильна своими происшествіями на линіи. Въ ночь на 20-е августа, между станицами Баталпашинскою и Бекешевскою, вблизи Калмычковъ, трое абрековъ убили вмѣстѣ съ лошадью казака 2-го Хоперскаго полка Степана Рябченко; затѣмъ они напали тамъ же на ѣхавшаго въ повозкѣ подпоручика Кубанскаго пѣхотнаго полка Жаворонка и взяли его въ плѣнъ вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ денщикомъ и подводчикомъ казакомъ Вихлянцевымъ [410]). Въ это время пѣшіе казаки Кучеровъ и Лучкинъ, шедшіе въ Баталпашинскъ, услыхали подозрительный шумъ и, не теряя времени, они тотчасъ же возвратились въ станицу Бекешевскую и около полуночи дали знать о случившемся. Казачьи резервы поскакали къ мѣсту происшествія и далѣе на Кубань, оповѣщая попутные посты глядѣть въ оба. Между тѣмъ хищники, слѣдуя съ полономъ къ Кубани, наткнулись недалеко отъ поста Абазинскаго на двухъ казаковъ Линникова и Шамайскаго, которые везли летучую почту по постамъ. На окликъ: „кто идетъ?“—горцы бросились въ сторону и скрылись въ темнотѣ, но казаки все же пустили имъ въ догонку пару пуль. Однако, по сильному топоту Линниковъ и Шамайскій поняли, что непріятельская партія имъ не по силамъ и поспѣшили дать знать на постъ. Ка-

зачьи выстрѣлы всетаки не пропали даромъ, такъ какъ горцы бросили Вихлянцева, сидѣвшаго на упряжной лошади, а съ остальными поспѣшили къ сторонѣ Кубани.

Рано утромъ 20-го числа, наши двѣ резервныя команды произвели по Урупу и Зеленчукамъ рядъ поисковъ, но безъ успѣха. Только есаулу Фисенкову съ третьею командою изъ 50-ти доброконныхъ казаковъ, утромъ 21-го числа на Ахчохракѣ, вблизи Урупа удалось напасть на ясный слѣдъ какихъ-то всадниковъ. Отдѣливъ отъ себя 30 казаковъ на усталыхъ лошадяхъ, и рискуя нарваться на превосходнаго противника, есаулъ Фисенковъ направился по сакмѣ, идущей къ Урупу по широкой балкѣ. На самой горкѣ передъ спускомъ къ рѣкѣ, всѣ казаки сразу увидѣли внизу, далеко впереди себя, безпечно ѣхавшихъ трехъ горцевъ съ плѣнникомъ, сидѣвшимъ на заводной лошади. Хоперцы свели своихъ коней къ Урупу по глубокой и крутой лощинкѣ и тамъ совершенно неожиданно нашли брошеннаго денщика подпоручика Жаворонка. Онъ разсказалъ имъ, что горцы оставили его, не разсчитывая вѣроятно на выкупъ, а больше потому, что онъ задерживалъ ихъ движеніе, такъ какъ лошадь подъ нимъ издохла еще на Большомъ Зеленчукѣ.

Хотя казачьи лошади буквально падали отъ усталости, тѣмъ не менѣе есаулъ Фисенковъ, въ виду общаго желанія добраться до злодѣевъ и отнять плѣннаго офицера, приказалъ скрытно поспѣшить наперерѣзъ хищникамъ. Выскочивъ на ровное мѣсто, казаки гикнули и пустили лошадей полнымъ ходомъ; на 500 шаговъ впереди всѣхъ, на лихомъ конѣ несся урядникъ Ларіоновъ. Горцы, распѣвая пѣсни, подъ шумъ Урупа не слыхали погони, увѣренные въ полной своей безопасности. Вдругъ сзади послышался гикъ, и въ тотъ же моментъ урядникъ Ларіоновъ, наскочивъ на абрека, который велъ въ поводу лошадь съ подпоручикомъ Жаворонкомъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но промахнулся и только легко ранилъ его коня. Бросивъ офицера, абреки быстро шмыгнули въ ближайшій лѣсъ, провожае-

мые издали казацкими выстрѣлами. Только сильная усталость людей и лошадей спасла горцевъ отъ гибели *).

Не смотря на свои неудачи, мелкія партіи горцевъ не оставляли линію въ покоѣ. Такъ, поздно вечеромъ 8-го сентября, два черкеса, подъ видомъ мирныхъ, ѣхали по дорогѣ изъ станицы Суворовской въ Баталпашинскъ [411]). На пути ихъ обогналъ казакъ Петръ Ткачевъ, который, поровнявшись съ ними, окликнулъ:—„Кто ѣдетъ"?—На это черкесы по русски отвѣтили: „Мы, братъ, мирные!", но затѣмъ вдругъ бросились на Ткачева; одинъ схватилъ его лошадь за уздечку, а другой съ пистолетомъ подскочилъ къ казаку, чтобы убить его. Но Ткачевъ успѣлъ спрыгнуть на землю, и пуля просвистала мимо. Горцы схватили его коня и пустились въ карьеръ по направленію къ джеганасскимъ балкамъ. На посту Соленоозерскомъ услыхали выстрѣлъ, и человѣкъ десять казаковъ бросились въ ту сторону. Тогда горцы бросили въ степи коня Ткачева, а вмѣсто него на р. Горькой, около станицы Суворовской, взяли въ плѣнъ 11-ти-лѣтнюю дѣвочку Казанову, ѣхавшую съ отцомъ и матерью и поскакали къ Кубани. Пока по тревогѣ казачьи команды прибѣжали на р. Горькую, хищники, благодаря наступившей темнотѣ, успѣли уйти въ горы.

Другой разъ, 16-го сентября, изъ Петровскаго волостного правленія дали знать, что партія хищниковъ, въ числѣ 40-ка человѣкъ, подъ предводительствомъ бѣглаго князя Каплана, ворвалась въ наши предѣлы неизвѣстно гдѣ и разгромила хутора около села Петровскаго на рѣчкѣ Камбулатѣ. При этомъ горцы захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ, а затѣмъ ушли въ степь [412]). По тревогѣ постовыя и резервныя команды сновали вверхъ и внизъ по Кубани, также по степи въ предѣлахъ полкового округа. Наконецъ, 19-го числа передъ вечеромъ, командующій 1-мъ Хоперскимъ полкомъ войсковой старшина Абозинъ съ небольшою командою казаковъ станицы Сергіевской от-

*) Тамъ же.

крылъ партію на р. Чахракѣ, откуда горцы взяли направленіе къ „Красной балкѣ“, гдѣ и скрылись, пользуясь пересѣченною мѣстностью.

Но прежде чѣмъ они ушли, соединенныя команды изъ 16-ти хоперцевъ и ставропольцевъ вступили съ ними въ перестрѣлку, отбили весь полонъ, убили одного черкеса и 6 лошадей и ранили самого Каплана. Съ нашей же стороны былъ убитъ казакъ Хоперскаго полка Арефій Акуловъ. Сильная усталость казацкихъ лошадей и страшная темнота дали возможность горцамъ скрыться. Однако, окруженные со всѣхъ сторонъ казачьими командами, черкесы вынуждены были раздѣлиться; по одиночкѣ и разными дорогами они вернулись за Кубань безъ всякой добычи. Самъ Капланъ, раненый и сконфуженный, съ однимъ только горцемъ возвратился на Лабу и долгое время, какъ передавали лазутчики, стыдился вспоминать о своемъ неудачномъ набѣгѣ, который онъ такъ долго подготовлялъ и въ успѣхѣ котораго не сомнѣвался.

Изъ происшествій на линіи въ 1857 году слѣдуетъ указать на слѣдующій случай, жертвою котораго сталъ одинъ изъ храбрѣйшихъ урядниковъ Хоперскаго полка. Передъ зарею 26-го сентября 1857 года, партія горцевъ, въ числѣ 15-ти всадниковъ, безъ всякой добычи переправилась съ нашей стороны за Кубань выше укрѣпленія Хумаринскаго [413]). Секреты замѣтили черкесовъ и подняли тревогу. Начальникъ Николаевскаго поста урядникъ Лоскутовъ первый пустился въ преслѣдованіе, оповѣстивъ сосѣдніе посты. Усилившись на пути милиціонерами, подъ начальствомъ поручика князя Карамурзина и юнкера Магомета Лоова, Лоскутовъ настигъ хищниковъ въ горной трущобѣ между рр. Тебердою и Аксаутомъ.

Настойчивое преслѣдованіе казаковъ заставило горцевъ бросить лошадей и спасаться пѣшими. На ближайшихъ скалистыхъ выступахъ черкесы заняли крѣпкую позицію и встрѣтили преслѣдующихъ выстрѣлами. Тогда храбрый Лоскутовъ, въ свою

очередь, спѣшилъ своихъ казаковъ и смѣло повелъ ихъ противъ хищниковъ. Завязалась ожесточенная перестрѣлка!... Къ сожалѣнію, первою жертвою съ нашей стороны палъ храбрый урядникъ Лоскутовъ, убитый пулею наповалъ. Однако, горцы не долго торжествовали удачу, такъ какъ имѣли въ своихъ рядахъ двухъ раненыхъ. Видя приближеніе постовыхъ командъ, они бросились въ дремучія тѣснины Аксаута и скрылись, оставивъ своихъ лошадей въ добычу казакамъ.

Въ дошедшихъ до насъ оффиціальныхъ донесеніяхъ о военныхъ пограничныхъ происшествіяхъ ярко бросается въ глаза постоянная тревога и напряженная борьба, среди которыхъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, жило порубежное казачье населеніе. Глубокая балка, заросшая бурьяномъ, камыши, глубокія ямы, лѣса—все это были предметы, доставлявшіе горцамъ надежныя мѣста для укрывательства. Постовыя команды, резервы, секреты выбивались изъ силъ, охраняя линію, но ничто не могло отвратить отъ казацкаго пограничнаго населенія роковыхъ ударовъ черкесскихъ набѣговъ!... Постовые казаки могли только гоняться за хищниками, мучить себя и несчастныхъ лошадей, не досыпать и не доѣдать и всетаки большею частью понапрасну. Многіе пункты на кубанской границѣ были на столько опасны, что постовымъ казакамъ приходилось держать себя въ полной готовности во всякое время дня и ночи для отраженія непріятеля и его преслѣдованія.

Трущобы баталпашинскаго кордона—это былъ рай для хищниковъ и адъ для казачьихъ постовъ. Неудачи въ преслѣдованіи горцевъ на кордонной линіи въ 1857 году были слѣдствіемъ также чрезмѣрнаго изнуренія казачьихъ лошадей непосильными трудами и плохимъ кормомъ. Сухой и зерновой фуражъ отпускался только на шесть зимнихъ мѣсяцевъ, а остальное время лошади довольствовались подножнымъ кормомъ или однимъ сѣномъ, заготовленнымъ зимою. Въ виду этого въ томъ же году начальство праваго фланга распорядилось, чтобы во всѣхъ

бригадахъ были учреждены пластунскія команды изъ казаковъ прикубанскихъ станицъ.

Въ Хоперской бригадѣ сформировали команду изъ 40-ка казаковъ, которые постоянно шныряли по самымъ глухимъ трущобамъ кордонной линіи, устраивали засады, перебрасывались далеко за Кубань, завлекали хищниковъ въ мѣста, занятыя сильными казачьими командами. Вообще наши линейные пластуны съ первыхъ же дней своего существованія причиняли горцамъ немало хлопотъ. Благодаря ихъ дѣятельности, уменьшилось число кровавыхъ происшествій на кордонѣ. Когда въ 1858 году началось заселеніе урупской линіи, хищническія партіи горцевъ далеко рѣже стали появляться на правомъ берегу Кубани въ предѣлахъ хоперскаго полкового округа; этимъ мы тоже отчасти были обязаны нашимъ пластунскимъ командамъ.

Изъ пограничныхъ тревогъ этого года слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее происшествіе. Въ ночь на 25-е апрѣля, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о предполагаемомъ вторженіи въ наши предѣлы хищнической партіи, полковникъ Султанъ-Кази-Гирей приказалъ прикомандированному къ 2-му Хоперскому полку маіору князю Мамедъ-Гирею Лоову изслѣдовать всѣ скрытныя мѣста въ верховьяхъ джегутинскихъ овраговъ. Князь Лоовъ съ командою хоперскихъ казаковъ и хорунжимъ Фисенковымъ пустился на рекогносцировку къ джегутинскимъ возвышенностямъ, гдѣ на разсвѣтѣ 26-го числа напали на слѣды нѣсколькихъ лошадей, спускавшихся въ глубокую лѣсистую балку [414]). Примѣты эти показались подозрительными, почему князь Лоовъ приказалъ хорунжему Фисенкову и корнету Кучуку Ліеву съ казаками и милиціонерами окружить и осмотрѣть балку. Оба офицера съ своими командами быстро обскакали балку спѣшили казаковъ и милиціонеровъ и всѣ вмѣстѣ спустились туда цѣпью, направляясь къ густымъ зарослямъ, покрывавшимъ каменистые берега и дно балки. Казакъ Денисъ Нежигальцевъ, шедшій впереди, первый открылъ въ лѣсной чащи двухъ абрековъ. Загремѣли съ

обѣихъ сторонъ выстрѣлы, при чемъ первыми же пулями былъ убитъ одинъ изъ хищниковъ, какъ оказалось впослѣдствіи, знаменитый абрекъ Магометъ Ажиковъ. Между тѣмъ Нежигальцевъ, сдѣлалъ выстрѣлъ по второму абреку, и въ отвѣтъ получилъ пистолетную пулю, которая перебила стволъ ружья и контузила его въ правое плечо. Бравый казакъ не потерялся, а съ кинжаломъ въ рукѣ бросился на горца. Все это произошло такъ быстро, что товарищи не успѣли даже опомниться, какъ Нежигальцевъ сцѣпился уже съ черкесомъ въ рукопашной схваткѣ и черезъ минуту ловкимъ ударомъ поразилъ его на смерть. Обшаривъ балку и не найдя въ ней никого, наши команды возвратились въ станицу Баталпашинскую, куда привезли также тѣла убитыхъ абрековъ *).

Въ послѣдніе годы Кавказской войны, горцевъ вообще стали преслѣдовать неудачи. На всемъ протяженіи кордона баталпашинскаго участка наши секреты весьма часто открывали переправу мелкихъ хищническихъ партій, пробиравшихся съ нашей стороны за Кубань безъ всякой добычи. Изъ трехъ-четырехъ партій, прорывавшихся одновременно въ наши предѣлы, развѣ только одна возвращалась домой не съ пустыми руками, а прочія всѣ уходили въ горы налегкахъ безъ добычи. Станицы Урупской бригады, хотя прикрыли Хоперскій полкъ отъ горскаго населенія, но черкесы все же показывались на Кубани для хищничества.

Въ 1859 году, вечеромъ 13-го апрѣля, девять конныхъ горцевъ въ глубокихъ балкахъ р. Дарьи (Айдара) напали на карачаевскіе коши, отхватили 15 лошадей и пустились съ ними къ Кубани [415]). Пастухи подняли тревогу. Въ первый моментъ изъ кумско-лоовскаго аула выскочилъ прапорщикъ Лафишевъ съ десяткомъ милиціонеровъ, который, узнавъ о набѣгѣ хищниковъ, послалъ одного всадника увѣдомить кубанскій кордонъ, а съ остальными кинулся преслѣдовать. Рано утромъ 14-го числа,

*) Тамъ же.

къ Лафишеву присоединилась команда хоперскихъ казаковъ съ ближайшихъ постовъ, подъ командою поручика князя Клычева, а вслѣдъ затѣмъ были открыты ниже Усть-Тахтамышевскаго поста слѣды переправы черезъ Кубань всей партіи горцевъ съ лошадьми. Тогда казаки и милиціонеры наддали ходу и на Большомъ Зеленчукѣ настигли хищниковъ. Не давая имъ опомниться, казаки атаковали горцевъ и отбили всѣхъ выкраденныхъ лошадей, а потомъ принялись за самихъ хищниковъ. Хоперцы и милиціонеры настойчивымъ и энергичнымъ преслѣдованіемъ загнали черкесовъ къ уроч. „Бѣлая круча“ на Большомъ Зеленчукѣ вблизи станицы Исправной. Здѣсь хищники были окружены и послѣ упорнаго сопротивленія и сильной перестрѣлки всѣ были перебиты *).

Въ полдень, 26-го октября того же года, казакъ Иванъ Бутенко былъ посланъ съ нѣкоторыми служебными бумагами съ Редутнаго поста на Соленоозерскій. Въ сумеркахъ, когда казаки поджидали его обратно, на постъ прибѣжала лошадь Бутенко безъ сѣдока [116]). Предчувствуя недоброе, постовой начальникъ мигомъ снарядилъ сильный разъѣздъ, съ которымъ бросился на поиски къ Солянымъ озерамъ. Проскакавъ 10 верстъ, казаки нашли на берегу р. Овечки трупъ Бутенко, убитаго двумя пулями. Поднялась тревога. Постовой разъѣздъ поскакалъ къ балкамъ въ сторону станицы Воровсколѣсской, гдѣ къ нему присоединились еще постовыя команды, съ которыми онъ пустился на поиски. Отъѣхавъ верстъ пять отъ Сычевой горы, казаки неожиданно наткнулись въ балкѣ на раненаго казака Урупской бригады Пимена Безбородова, который тутъ же заявилъ, что партія около 20-ти конныхъ горцевъ напала на нихъ съ братомъ въ этой балкѣ; хищники бросились на него и изранили шашками, а брата взяли въ плѣнъ, послѣ того черкесы взяли направленіе къ тамлыкскимъ лѣсистымъ балкамъ.

Одновременно съ этимъ получилось извѣстіе съ кисловод-

---

*) Тамъ же.

ской линіи, о появленіи неизвѣстной партіи хищниковъ того же числа утромъ вблизи колоніи Каррасъ, гдѣ она изрубила одного солдата и захватила съ собою одну женщину и двухъ лошадей. На кордонѣ засновали казачьи разъѣзды вверхъ и внизъ по Кубани, поддерживая бдительность постовъ и секретовъ, а со стороны тамлыцкихъ и джеганасскихъ балокъ учредили особое наблюденіе. Однако всѣ принятыя мѣры оказались безполезными; хищники позднимъ вечеромъ пробрались въ тамлыкскія балки и мимоходомъ напали на двухъ казаковъ Урупской бригады, рубившихъ лѣсъ, которыхъ изрубили шашками, а затѣмъ скрылись. Наши поиски продолжались на другой и третій день, но, благодаря засухѣ, препятствовавшей находить слѣды, не привели ни къ какимъ результатамъ.

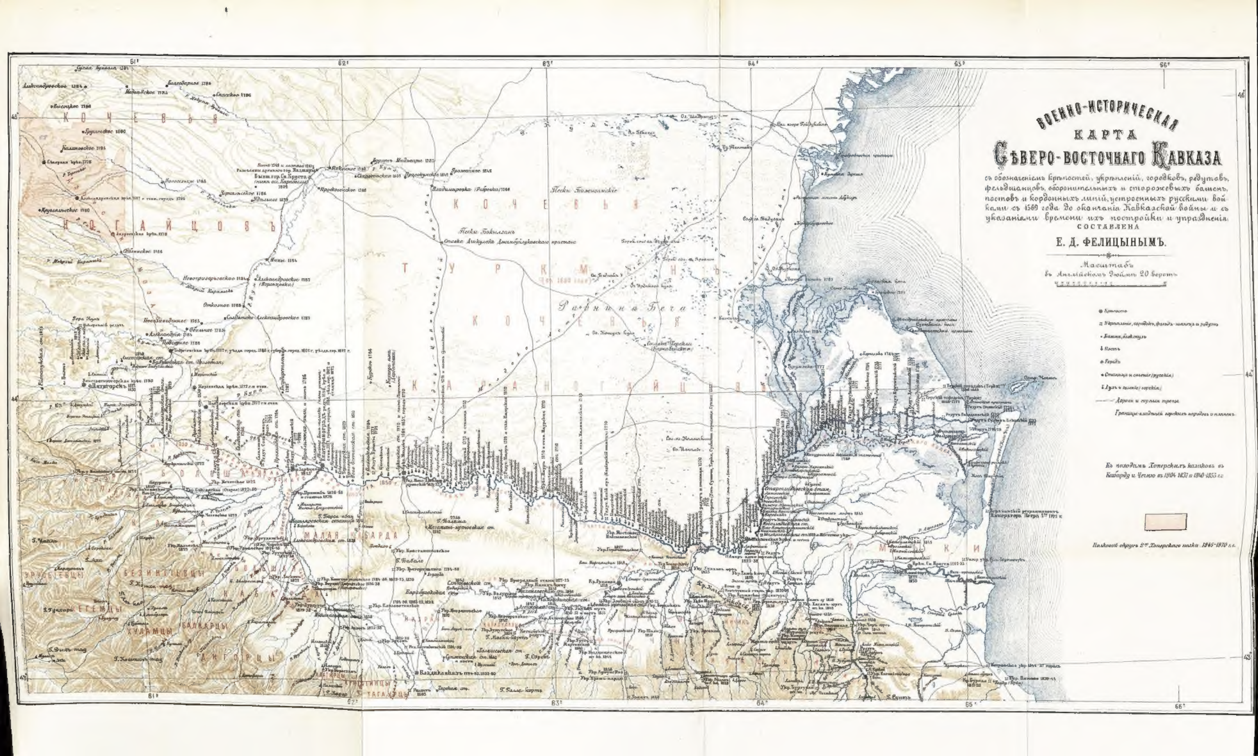
Приведенный перечень составляетъ только сотую часть пограничныхъ происшествій въ районѣ хоперскаго полкового округа, въ періодъ 1838—1859 гг. Для хоперцевъ это была непрерывная цѣпь тревогъ, безсонныхъ ночей, постояннаго ожиданія опасности и кровавыхъ схватокъ на рубежахъ родной земли! Изъ этого можно заключить, подъ какимъ тяжелымъ гнетомъ роковой судьбы жило пограничное казацкое населеніе; сколько нужно было имѣть казаку нравственной силы, чтобы не пасть духомъ и не ослабѣть физически въ постоянной, напряженной бдительности передъ лицомъ отважнаго врага.

И закалялась желѣзная казацкая натура въ жестокой борьбѣ съ хищнымъ черкесомъ, такъ что даже отважные закубанскіе и кабардинскіе наѣздники и абреки приносили свою дань удивленія и уваженія непоколебимой стойкости и мужеству хоперскаго казака-богатыря!...

ОПЕЧАТКИ.

стр.	*строки* *сверху*	*строки* *снизу*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
8	—	1	Приложеніе № 17.	Приложеніе № 23.
15	—	1	Приложеніе 59. А.	Приложеніе № 69. А.
25	—	1	Приложеніе № 10.	Приложеніе № 20.
46	7	—	Шпанисъ	Гипанисъ
142	—	8	отбитъ скотъ	отбить скотъ
169	18	—	на кордону	на кордонѣ
191	—	13	во время походахъ	во время походовъ
214	9	—	На Кавказъ	на Кавказѣ
232	—	1	Убѣдившись	Увеличившись
282	8	—	бвлизи Урупа	вблизи Урупа

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
КАРТА
СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА
съ обозначеніемъ крѣпостей, укрѣпленій, городковъ, редутовъ, фельдшанцовъ, оборонительныхъ и сторожевыхъ башенъ, постовъ и кордонныхъ линій, устроенныхъ русскими войсками съ 1569 года до окончанія Кавказской войны и съ указаніями времени ихъ постройки и упраздненія
СОСТАВЛЕНА
Е. Д. ФЕЛИЦЫНЫМЪ.
Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 20 верстъ
Крѣпости
Укрѣпленія, городки, фельдъ-шанцы и редуты
Башни, блокгаузы
Постъ
Городъ
Станицы и селенія (русскія)
Аулы и селенія (горскія)
Дороги и горныя тропы
Границы владѣній горскихъ народовъ и племенъ
Въ походахъ Хоперскихъ казаковъ въ Кабарду и Чечню въ 1804 1837 и 1840-1855 г.г.
Полковой округъ 2-го Хоперскаго полка 1845-1870 г.г.
КОЧЕВЬЯ
НОГАЙЦОВЪ
КОЧЕВЬЯ
ТУРКМЕНЪ
Равнина Бега
КОЧЕВЬЯ
КАРАНОГАЙЦЕВЪ
Пески Бажиганскіе
Пятигорскъ
МАЛАЯ КАБАРДА
БОЛЬШАЯ КАБАРДА
БЕЗИНГІЕВЦЫ
УРУБІЕВЦЫ
ЧЕГЕМЦЫ
ХУЛАМЦЫ
БАЛКАРЦЫ
ДИГОРЦЫ
КУРТАТИНЦЫ
ТАГАУРЦЫ
Владикавказъ
51°
62°
63°
64°
65°
66°
45°
44°
43°

